Казахстан в огне гражданской войны

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ
ЦК КП КАЗАХСТАНА

ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

КАЗАХСТАН в огне гражданской войны

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАЗАХСТАНЕ

Под редакцией
С. Бейсембаева, П. Пахмурного

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА
1960

СОСТАВИТЕЛИ:

А. С. Елагин, П. М. Пахмурный, И. В. Русаков,
Х. Г. Сейтказиева, Ш. Я. Шафиро

ПОМОЩНИКИ СОСТАВИТЕЛЕЙ:

С. Б. Кульбаев, ***О. Н. Липкина, Р. Н. Меликова.***

В. И. ЛЕНИН
Май 1920 года

Посвящается
40-летию Казахской
Советской Социалис-
тической республики

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В октябре 1960 года исполняется 40 лет со дня образования Казахской Советской Социалистической Республики. Трудящиеся Казахстана готовятся встретить эту знаменательную дату новыми победами в борьбе за выполнение семилетнего плана, за претворение в жизнь великих предначертаний XXI съезда КПСС. И в этой титанической борьбе вдохновляющим примером служит подвиг народов нашей Родины, совершенный ими уже в первые годы Советской власти — в период Великого Октября и гражданской войны.

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Казахстан в огне гражданской войны» содержит воспоминания активных участников борьбы за победу Советской власти в Казахстане. Он является продолжением книги «В огне революции», изданной Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана в 1957 году в связи с сорокалетием Великого Октября.

Первая книга посвящена, главным образом, периоду установления и упрочения Советской власти, а вторая — последующему периоду, борьбе трудящихся Казахстана против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, а также становлению казахской советской государственности.

Воспоминания в настоящем сборнике сгруппированы в шести разделах. В первых четырех разделах помещены материалы, показывающие, как развертывалась борьба за победу Советской власти против иностранных интервентов, белогвардейцев и алаш-ордынцев на фронтах гражданской войны и в колчаковском тылу. Воспоминания активных участников гражданской войны — русских, казахов, украинцев, уйгуров, дунган, узбеков, татар, немцев, чехов, словаков и др.— отражают интернациональный характер борьбы трудящихся за победу революции. Вместе с тем эти воспоминания еще раз подтверждают, насколько беспочвенны и несостоятельны утверждения зарубежных реакционных историков о том, что казахские трудящиеся будто бы не участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции, что Советская власть якобы была извне привнесена в Казахстан.

Всем своим содержанием книга свидетельствует, что казахские народные массы с первых же дней Октября считали Советскую власть своей родной властью и жертвовали всем для ее защиты как на фронтах внутри Казахстана, так и вне его пределов.

Помещенные в первых разделах воспоминания позволяют глубже осознать сущность важнейших событий истории гражданской войны в Казахстане, освободительную миссию Красной Армии, все значение братской помощи русского и других народов нашей Родины для победоносного исхода борьбы казахских трудящихся за Советскую власть. В них находят отражение роль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы революции, деятельность местных партийных организаций по мобилизации трудящихся на защиту социалистической отчизны.

При ознакомлении с разделом «В тылу Колчака» следует иметь в виду, что такие крупные народные выступления, как Мариновское восстание и др. получили освещение в первой книге — «В огне революции». Отсутствие воспоминаний в обоих сборниках о героическом партизанском движении на Кустанайщине объясняется не «забывчивостью» составителей, а тем, что в мемуарной литературе о гражданской войне в Казахстане большая часть опубликованных материалов относится именно к кустанайскому очагу антиколчаковской борьбы. Читателю эти воспоминания доступны. Поэтому представлялось более целесообразным ограниченные возможности книги «Казахстан в огне гражданской войны» использовать для освещения слабоизученных моментов в истории партизанского движения в крае.

В книге специальный раздел отведен социалистическому строительству в Казахстане, начавшемуся уже в те боевые годы. Правда, материалы этого раздела не дают полной картины той поистине огромной творческой работы, которую трудящиеся проводили в сложной обстановке гражданской войны. Все же читатель найдет здесь интересные факты, сообщения о том, как советские люди в условиях крайней экономической и культурной отсталости национальной окраины мобилизовали все свои силы для помощи фронту, создавали первые крестьянские Советы в аулах, как в трудных условиях военного времени загоралась заря культурной революции в Казахстане.

Читатель заметит, что и в воспоминаниях, посвященных социалистическому строительству, немало места уделено вооруженной борьбе с врагами Советской власти. Но было бы неверно думать, что такой раздел сборника излишен, составлен не «на тему». Воспоминания лишь фиксируют суровую повзду тех дней. Советские люди сражаясь — строили и творя — сражались. Ярко эта примета того времени выражена в образе одного из зачинателей казахской советской поэзии, большевика Баймухамбета Этулина, героически погибшего в борьбе с врагами народа. Он сочетал лиру с винтовкой.

Последний раздел книги рассказывает об участии женщин в Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и социалистическом строительстве. Раздел далеко не полностью освещает тему. Но в нашей исторической литературе тема эта крайне слабо разработана. Историки в большом долгу перед женщиной казашкой — участницей Октября и социалистического строительства. Впервые публикуемые воспоминания об Алме Уразбаевой, воспоминания Есовой, Дубыниной и других должны послужить началом больших исследований.

Сборник не претендует на полное и систематическое изложение истории гражданской войны в крае.

В отдельных воспоминаниях, помещенных в сборнике, могут встретиться неточности в освещении тех или иных событий, а также их субъективная оценка. Особенно это относится к событиям, не нашедшим достаточного отражения в документах и исторической литературе.

В тех случаях, когда составителям удавалось обнаружить неточности, они с согласия авторов вносили исправления в воспоминания или же сопровождали соответствующие места текста необходимыми примечаниями.

При размещении воспоминаний внутри разделов составители руководствовались значением исторических событий, о которых рассказывается, и их хронологической последовательностью.

Большинство воспоминаний публикуется впервые. Ссылки к ним в книге не даются, так как подлинники этих воспоминаний хранятся в фонде № 811 партийного архива Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Некоторые воспоминания взяты из газет, из сборников и печатаются с указанием источника. Отрывки из автобиографий печатаются с соблюдением установленных правил публикации документальных материалов.

Ряд воспоминаний помещается с сокращениями. Редакторы и составители стремились по возможности сохранить стиль авторов воспоминаний. Заголовки воспоминаний даны составителями. Примечания составителей даются без оговорок. Примечания же, принадлежащие перу автора или самого источника, оговариваются.

В воспроизводимых в сборнике автобиографиях и других документах, написанных до 1925 года, сохраняется термин «киргизы», которым неправильно называли казахов. Исторически правильное название казахов восстановил V съезд Советов Казахстана, состоявшийся в апреле 1925 года.

Сборник иллюстрирован фотографиями руководителей партийных организаций, Советов, частей Красной Армии, авторов воспоминаний, фоторепродукциями и т. д. Фотографии взяты из архива Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, из республиканского и областных музеев Казахстана.

Приложенный к настоящему сборнику географический указатель относится также и к книге «В огне революции». Ссылки на страницы в указателе даются раздельно по обоим сборникам.

В сборе воспоминаний и фотографий активное участие приняли заведующие облпартархивами Т. П. Свиридова (Алма-Ата), А. И Молоткова (Петропавловск), С. А. Шкрыль (Кокчетав), Е. А. Шорохова (Кустанай).

Составители признательны старшим научным сотрудникам Института истории партии при ЦК КП Казахстана М. Козыбаеву, А. Мухтарову, инструктору партархива А. Мымриной и заведующему лекторской группой Кзыл-Ординского обкома КП Казахстана Б. Усербаеву за помощь в подготовке к печати отдельных воспоминаний.

Институт истории партии при ЦК Коммунистической партии Казахстана редакторы и составители сборника выражают свою сердечную благодарность Институту истории КПЧ при Центральном Комитете Коммунистической партии Чехословакии, Институту марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Социалистической Единой партии Германии и его сотрудникам Роберту

Бюхнеру и Гейнцу Вофке, оказавшим большую помощь в сборе воспоминаний немецких товарищей, активно участвовавших в борьбе за власть Советов в Казахстане и Средней Азии.

Институт истории партии при ЦК КП Казахстана и составители выражают свою искреннюю благодарность всем приславшим свои замечания по первой книге воспоминаний («В огне революции») и просят высылать все замечания по данному сборнику в адрес Института: Алма-Ата, Комсомольская, 103.

В УРАЛЬСКИХ *степях*

В. В. Куйбышев

ГЕРОИЗМ ШТУРМА И ГЕРОИЗМ ОСАДЫ[1]

Почти одновременно получены известия о взятии красными войсками Екатеринбурга и об освобождении от осады Уральского гарнизона.

Необыкновенно быстрым, почти волшебным натиском взят ключ к колчаковскому царству — красная жемчужина Урала — Екатеринбург. С занятием его широко распахнулись так долго закрытые ворота, о которые в отчаянии билась и через которые рвалась к своей сестре окровавленная, измученная сибирская революция. Открылись ворота, и на горизонте показалось навстречу идущее зарево рабоче-крестьянских сибирских восстаний.

Давно ли взята Пермь? Так недавно возникло сомнение: сможет ли уставшая в боях Красная Армия, сбившая поддержанного всем черным миром Колчака, добить его и пойти дальше достигнутых рубежей?

В освободительном порыве, с энтузиазмом великой револю-

[1] Статья В. В. Куйбышева, посвященная героической обороне Уральска и освобождению Екатеринбурга (ныне Свердловск), была опубликована в газете «Красный воин» — органе Астраханского губкома РКП(б), № 158, 17 июля 1919 года.

ции Красная Армия, пренебрегая усталостью, схватила звезду рабочего Урала, украденную насильниками и палачами народа.

На севере Восточного фронта рабоче-крестьянской армией совершено чудо, проявлен героизм штурма, героизм натиска, героизм бурного стремления революции вперед.

Два с половиной месяца тому назад Н-ская [1] дивизия оказалась окруженной казаками в Уральске. Первым порывом осажденных было прорваться сквозь сплошное кольцо казачьих банд, обложивших город. Но в интересах общей борьбы необходимо было сохранить Уральск в руках революции. Гарнизону по радио было приказано остаться в осажденном городе. Проходили неделя за неделей тяжелой, мучительной осады. Кругом — ожесточенные враги в непосредственной близости от города. Почти ежедневно снаряды и пули противника рвались и свистали по рядам героев, стоявших на страже вверенного им города. Страшнее снарядов и пуль были начавшиеся лишения. Нет мыла, не стало белья, у многих на голом теле зимние полушубки. Нет мяса, нет рыбы, не стало табаку, сахару и чаю. Враг наседает чем дальше, тем ожесточеннее, приходится принимать бои и тратить последние остатки снарядов и патронов. А помощи, выручки все нет и нет.

Вот радио принесло радостную весть о начавшемся наступлении со стороны Бузулука.

Взыграло сердце гарнизона, радуются, улыбаются лица героев. Но вот неприятелем разбрасываются по окопам и по городу листки, торжествующие победу: отряд, шедший на выручку, разбит казаками. И снова дико хохочут, свищут снаряды над городом, издеваются над героями-безумцами, решившими защищать островок от натиска черных волн бушующего кругом враждебного моря. Пал дух отдельных лиц, заработали провокаторы и шпионы, шушукаясь и соблазняя слабых и колеблющихся.

Победил инстинкт рабочего и крестьянина, твердыми к соблазнам врага остались красные бойцы. Снова недели осады. Снова надежда и снова разочарование. А враг издевается, лживыми воззваниями засыпает город, лживыми речами провокаторов старается внести разлад, шельмует недосягаемую социалистическую Россию, бессилием, нежеланием прийти на помощь называет сосредоточение всех сил Восточного фронта в другом направлении, против главных сил, осаждающих красную Россию,— против Колчака. Но вот, расправившись с некоронованным монархом, красные войска ринулись на освобождение осажденных братьев. Гарнизон Уральска произвел встречную вы-

[1] 22-я стрелковая дивизия.

В. В. КУЙБЫШЕВ И М. В. ФРУНЗЕ.

лазку и с ликованием и восторгом слился с красной волной-освободительницей.

Уральск ни минуты не был в руках врага. Уральск неоруганным сохранен революционерами для революции. Уральск стал символом другого вида героизма — героизма стойкости, героизма мужества.

Кто герой? Иванов, Петров? Нет! Каждый в отдельности мог колебаться, в отдельные минуты впадать в отчаяние. Герой — народ. Коллективная воля к победе спасла Уральск. Вооруженный народ, рабочие и крестьяне совершили подвиг, совершили чудо.

Героическим натиском взят Екатеринбург, с героическим мужеством удержан Уральск. Чей подвиг больше? Кто расценит, кто взвесит? Сердце и разум говорят одно: Красная Армия, способная на эти подвиги, победит темные силы...

И. Кутяков

ЧАПАЕВСКАЯ ДИВИЗИЯ В КАЗАХСТАНЕ[1]

ПЕРВЫЙ ПОХОД ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛЬСКА

29 марта[2] 1918 года в Уральске эсерами и офицерами был разогнан Совет рабочих, солдатских и казахских депутатов.

Контрреволюционная сущность политического переворота была совершенно ясна. Саратовский Совет вынужден был послать ультиматум вновь образованному «войсковому правительству» со следующими требованиями:

1. Уральское войсковое правительство должно в письменной форме подтвердить, что оно признает власть Советов Народных Комиссаров верховной властью Российской Федеративной Социалистической Республики.

---

[1] Воспоминания И. Кутякова впервые были напечатаны в «Казахстанской правде» за 18 октября («Чапаевская дивизия в Казахстане») и 24 октября 1935 года («Как помогала Чапаеву казахская беднота»). В настоящем издании эти воспоминания публикуются с сохранением примечаний авторов и редакции «Казахстанской правды».

[2] Уральский областной Совет был разогнан 28 марта. См. ЦГАОР СССР. ф. 130, оп. 2, д. 620, лл. 3—6.

2. Немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный Уральский Совет.

3. Изгнать пришлый элемент из Уральской области, как-то: контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков.

Контрреволюционное уральское «правительство» офицеров, помещиков и кулаков этот ультиматум отвергло.

КУТЯКОВ ИВАН СЕМЕНОВИЧ (1897—1942 гг), член партии с 1917 г., сподвижник В. И. Чапаева.

После гражданской войны окончил Академию Генерального штаба, командовал войсками Ферганской области. В последующие годы занимал высшие командные посты в Красной Армии.

Саратовский Совет приказывает прекратить всякое железнодорожное и телеграфное сообщение с Уральской областью и для действий против белого уральского казачества назначает командующим Особой армией тов. Загуменного.

С этого момента то есть с середины апреля 1918 года, начинаются бои красногвардейских отрядов с офицерскими дружинами уральского белого «правительства».

Пугачевский отряд Чапаева в количестве 700 бойцов при четырех орудиях и 20 пулеметах первым вступил в бой с белоказаками у хутора Бенардак, где одержал блестящую победу. Противник в панике отступил с территории Николаевского (позднее переименованного в Пугачевский) уезда. А 250 батраков имения Бенардак пошли добровольно в отряд Василия Ивановича.

К концу апреля 1918 года вся Саратовская Особая армия в количестве четырех тысяч бойцов при 18 орудиях, 110 пулеметах сосредоточилась на станции Озинки.

Уральское белое «правительство» к этому времени подтянуло свои офицерские части к пограничной станции Семиглавый Мар.

Красногвардейские отряды Особой армии 1 мая 1918 года перешли в наступление. Отряд Чапаева шел в авангарде этой армии, совершая блестящий маневр. Противник отступил. Наши занимают станцию Семиглавый Мар; 3 мая Чапаев занимает станцию Шипово, а 4 мая — станцию Деркул. Это значит, что Чапаев находился от Уральска в 70 километрах.

5 мая белоказаки производят налет на тыл Особой Саратовской армии и захватывают станцию Семиглавый Мар, в результате чего вся армия красногвардейцев оказалась отрезанной от Саратова, оставшись без боеприпасов и пищи.

Командующий Загуменный отдал приказ всем красногвардейским отрядам отойти на станцию Алтата (Дергачи). Если при наступлении на Уральск Чапаев со своим отрядом всегда находился в авангарде, то при отступлении он был в арьергарде и прикрывал отход всей армии. Василий Иванович и эту роль блестяще выполнил.

Со своим небольшим отрядом Чапаев успешно отражал атаки во много раз превосходящего по силе врага, и Саратовская Особая армия благополучно отошла на линию Алгай — Новоузенск — Алтата — Семеновка — Вязовка — Любицкое.

ВТОРОЙ ПОХОД ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛЬСКА

Неудачи первого похода на Уральск, как на центр восставшего белоказачества, властно заставили всех командиров волостных и сельских красногвардейских отрядов выступить на помощь отряду Чапаева для борьбы с контрреволюцией.

25 мая 1918 года в селе Любицком Василий Иванович проводит совещание всех командиров красногвардейских отрядов, на котором делает доклад о причинах поражения Красной гвардии в первом походе на Уральск. Чапаев убедил присутствующих командиров в том, что мелкие отряды Красной гвардии не сумеют дать победы Советской власти. Он предлагает слить все мелкие отряды в батальоны, полки и бригады.

Предложение Чапаева было единогласно принято, и красногвардейские отряды Кутякова, Бубенца, Степанова, Чуркина, Киндюхина влились в отряд Чапаева. Из всех этих отрядов создали три батальона, пешую и конную разведку, составив в целом 2-й полк имени Степана Разина.

Отряды же Плясункова, Рязанцева, Потапова, Баулина влились в отряд Топоркова и образовали 1-й полк имени Пугачева, который также был разбит на три батальона. Командиром этого полка стал Топорков.

Эти два полка были сведены в Пугачевскую бригаду, командиром которой всем начсоставом был избран Василий Иванович Чапаев.

Мы не будем описывать всю сложность оперативной обстановки второго похода на Уральск, а также героизм, упорство и находчивость, проявленные в этих боях бригадой и лично Василием Ивановичем Чапаевым. Но считаем нужным отметить, что второй поход на Уральск интересен тем, что 4-й Красной армии

удалось вплотную подойти к Уральску и в течение трех суток обстреливать противника артиллерией. Этот факт имел громадное значение, внеся растерянность и панику в среду буржуазии.

При движении 4-й Красной армии к Уральску бригада Чапаева выполняла ударные задачи, идя все время в авангарде армии.

Полки 4-й армии могли бы взять Уральск. Этого не произошло потому, что командарм 4, беспомощный, выживший из ума старик, бывший полковник генштаба Ржевский, так разработал операцию, что части армии, подошедшие к Уральску, оказались без патронов, снарядов и пищи.

Тыл же армии был настолько слабо прикрыт, что полковнику Мартынову с шестью сотнями белоказаков без особых трудов удалось выйти в тыл армии и захватить станции Деркул и Семиглавый Мар. Это лишило части 4-й Красной армии возможности привоза как огнеприпасов, так и продовольствия.

В этот критический для всей армии момент Ржевский, симулируя болезнь, лег в походный лазарет.

Командиры всех частей собрались на совещание в полевом штабе армии, и В. И. Чапаев внес предложение об отходе всех частей армии на исходные позиции. Все командиры согласились.

10 июля 1918 года Чапаев дает приказ об отходе всей 4-й армии из-под Уральска. Отход производился в неимоверно трудных условиях. Белоказаки окружили кольцом всю 4-ю армию, атакуя ее по нескольку раз в сутки.

Чапаев появлялся в самых опасных местах боя на своем любимом рыже-золотистом коне, и красные части победоносно отбивали атаки врага. Бригаду свою он оставлял для прикрытия отхода всей армии.

На протяжении двух суток части 4-й Красной армии под руководством Чапаева без сна и пищи отражали атакующие лавы противника. Благодаря энергии и вере в свои силы Василию Ивановичу удалось не только вывести 12 июля 1918 года войска из окружения, но и нанести серьезные удары противнику (взорвать бронепоезд и захватить бронемашину).

В заключение нужно сказать, что заслуга спасения 4-й армии от уничтожения принадлежит исключительно большому военному таланту Чапаева.

РАЗГРОМ АРМИИ САМАРСКОЙ «УЧРЕДИЛКИ»

Общая обстановка на фронте 4-й Красной армии перед этим решительным сражением была весьма сложной и запутанной. Уральская белоказачья армия своими неуловимыми конными отрядами появлялась всюду в тылу красных, там, где их не ожи-

дали. Но самое главное — основная масса белоказачьей уральской армии по всему фронту перешла в решительное наступление. Через Алгай на Новоузенск, вдоль железной дороги на Саратов они ведут решительные атаки на станцию Алтата, а также из района Семенихи на станцию Рукополь с целью занять Николаевск (ныне Пугачевск) с тыла.

С большим трудом Новоузенская дивизия и саратовский балашовский, пензенский полки сдерживают напор казачьей уральской армии, не дают ей возможности подойти к Волге, вплотную к Саратову. Армия самарской «учредилки», которая к этому времени окрепла и была достаточно боеспособна, проявила огромную активность. В частности правобережная группа войск самарской «учредилки» в количестве до четырех тысяч человек весьма успешно продвигалась из района Хвалынска в направлении на Вольск.

Левобережная группа войск «учредилки» в количестве шести тысяч человек при 33 орудиях 7 сентября расположилась в селах Левинка и Орловка. Задачей этих войск было занять г. Балаков и нанести удар по тылам 4-й Красной армии.

Не выиграй Чапаев сражения под Орловкой, этот концентрированный удар белых — с востока уральской казачьей армией и с юга армией самарской «учредилки» — грозил бы уничтожением всей 4-й Красной армии на левом берегу Волги.

Полки первой Самарской дивизии[1] к этому времени были штабом дивизии разбросаны на стокилометровом фронте. Чапаев, временно вступивший в командование дивизией, сразу же оценил пагубность такой разбросанности сил дивизии.

7 сентября 1918 года Василий Иванович дает приказ, в котором говорит, чтобы к шести часам 8 сентября 1-й Пугачевский, 2-й Степана Разина и 3-й Николаевский полки сосредоточились в селе Подшибаловка, а кавполк Сурова — в селе Раевка и 4-й Николаевский полк оставался на месте в селе Озинки.

Анализируя группировку войск Чапаева, мы должны признать ее образцовой по замыслу и по смелости. В самом деле, Василий Иванович оставляет одну пятую сил, то есть 4-й пехотный полк, для демонстрации атаки с фронта против военных сил самарской «учредилки». Четыре же пятых сил сосредоточивает на левом фланге армии противника с целью ударить с фланга в тыл врага.

---

[1] Имеются в виду полки Николаевской дивизии. Самарская дивизия, впоследствии получившая № 25, была создана на базе Первой бригады Николаевской дивизии приказом командующего Восточным фронтом 25 сентября 1918 года. На базе Второй бригады Николаевской дивизии была создана 2-я дивизия Николаевских полков. См. ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 1117, лл. 10—47 и об.

Чапаев сам лично руководил войсками на поле боя. В ходе многообразного развития его Чапаев давал соответствующие дополнительные указания войскам.

С прибытием частей в село Подшибаловку Чапаев созывает всех командиров на совещание, на котором излагает план атаки армии самарской «учредилки».

...Темная сентябрьская ночь. Резкий пронзительный восточный ветер. Главные силы Чапаева заняли исходное положение для атаки врага к северу и востоку в 5 километрах от села Орловки. Чапаевские бойцы не курили, приказания и команда отдавались шепотом, и только предрассветное пение орловских петухов изредка нарушало мертвую тишину. Легкий морозец пробегал по коже. Так всегда бывает перед боем, даже и в самый солнечный день.

Начало светать. Где-то вдалеке раздался артиллерийский залп. Это 4-й пехотный полк открыл огонь по селу Левинка, в котором расположилось до трех тысяч солдат армии самарской «учредилки». Этот залп был сигналом главным силам Чапаева начинать наступление на село Орловку.

Командиры полков и батальонов поскакали верхом по своим цепям. Послышались тихие, но властные команды ротных командиров: «Встать! Вперед! Равняйся по передним! Направление движения — на огни села Орловки!»

Прошло еще томительных полчаса. Двенадцать орудий Чапаева дали артиллерийский залп по Орловке. Через пару минут пролетели через головы чапаевских цепей ответные снаряды, разорвавшиеся где-то в районе наших артиллерийских позиций.

Чапаевские цепи бодро, с перебежками двигались вперед.

В этом бою Василий Иванович в самые критические минуты не раз сам лично водил то пехоту, то конницу в атаку. Под ним был убит его верховой конь. Белогвардейцы в панике начали отходить на Левинку, но от Чапаева трудно было уйти. Он, наученный своим горьким опытом борьбы с уральским казачеством, знал, как преследовать.

Чапаев на плечах бегущих налетом захватил Левинку. Таким образом он вышел всеми своими силами в тыл левинской группы противника, которая, узнав о разгроме своего орловского отряда, начала в панике бежать, отходить на Липовку, временами пробивая штыком себе дорогу.

Василий Иванович, невзирая на усталость своих бойцов, подбадривая их личным примером и ласковыми словами, двинул все четыре полка на село Липовку, в котором белогвардейцы начали было приводить свои части в порядок, заняв для обороны южную окраину села.

Чапаевцы, окрыленные успехом, несмотря на огонь врага, захватили штыковой атакой Липовку. В третий раз на протяжении суток 9 сентября белогвардейцы были обращены в бегство в направлении села Брыковка.

9 сентября 1918 года в 20 часов 30 минут Василий Иванович доносил с поля боя командарму 4 об этом сражении:

«Доношу, что бой под Орловкой и Левинкой закончился полным разгромом врага. Участвовало четыре стрелковых полка и 1 кавполк Сурова. Противник потерял убитыми до тысячи человек, 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок. В этом бою смертельно ранен вновь назначенный командиром 2-го полка Курсаков. Убит помощник командира 3-го полка Чуркин[1] и командир батальона этого же полка.

После боя под Орловкой и Левинкой противник занял Липовку, откуда был выбит и бежал в село Брыковку. **Чапаев».**

После разгрома белых под Орловкой обстановка фронта резко изменилась в нашу пользу не только на левом, но и на правом берегу Волги.

Армия самарской «учредилки», действующая на саратовском направлении, с поражением своих соседей на левом берегу Волги в районе Левинки прекратила наступление. Теперь в ее действиях заметна была вялость и неуверенность. Нам даже удалось выбить белых из района Воскресенки.

Уральская белоказачья армия, узнав о поражении своих союзников под Орловкой и Левинкой, прекратила настойчивые атаки на Новоузенск и станцию Алтата, отойдя из района станции Рукополь в район Жестянки.

В общем, бой под Орловкой вырвал инициативу из рук армии самарской «учредилки». Белочехи и «народники» понесли огромные потери. Это дало возможность в дальнейшем частям 4-й Красной армии успешно провести операцию по занятию Самары, политического центра «учредилки».

А самое главное — с этого момента крестьяне, мобилизованные в белую армию самарской «учредилки», потеряли веру в силу и мощь руководителей «народной» белой армии. Эти крестьяне бросали оружие, а то и с оружием уходили в леса. Многие переходили на сторону Красной Армии.

В этом, собственно, состоит основной результат Орловского сражения. Армия белых начала разлагаться, части 4-й Красной армии, наоборот, получили еще большую уверенность в своей силе.

---

[1] Автором допущена ошибка. Был убит товарищ Спицын. См. Красный архив, № 6, 1939, стр. 152.

БОИ В РАЙОНЕ ТАЛОВОЙ

Главные силы 4-й армии 25 сентября 1918 года начали наступление на Самару. Осью движения была большая дорога, идущая из Пугачевска на Самару.

В этой операции на Чапаева и его бригаду[1] возлагалась весьма ответственная задача — прикрытие тыла и левого фланга всей 4-й армии. Чапаеву было приказано со своими двумя полками не просто обороняться, а наступать на Уральск. Это, безусловно, являлось непосильной задачей для слабенькой бригады Чапаева, но Василий Иванович, беспрекословно выполняя приказы штаба армии, двигался решительно на восток через селения Вязовка, Карловка, Солянка, Таловая на Уральск.

Его энергичные действия вынуждают уральское белоказачье командование бросить на бригаду Чапаева едва ли не всю армию.

Начались кровопролитные затяжные бои. Бригада Чапаева все время находится в окружении огромных конных масс белоказаков. И несмотря на это, Чапаев все время двигался вперед, к г. Уральску.

Бригада Василия Ивановича заняла Таловую, не дойдя двух переходов до Уральска.

Уральское белоказачье командование, видя уже непосредственную угрозу Уральску, решает окружить и уничтожить бригаду Чапаева, тем самым оставляя в абсолютном покое главные силы 4-й армии, движущиеся на Самару.

На протяжении всей этой операции казаки ни разу не атаковали не только фланга, но и тыла 4-й армии, что дало возможность бригаде Кутякова рано утром 7 октября занять Самару.

В этих боях армия самарской «учредилки» окончательно была уничтожена, а часть ее сил, побросав оружие, разбежалась по домам. Этим самым она раз и навсегда прекратила свое существование.

Легионы белочехословаков отступили к Уфе, заняв фронт по р. Белой.

За это бригаде Чапаева пришлось многим поплатиться. Главные силы уральской казачьей армии под командованием ге-

---

[1] Автором допущена ошибка. В. И. Чапаев с 22 сентября вступил в командование 2-й дивизией Николаевских полков в составе Пензенского и Балашовского стрелковых полков и кавдивизиона имени Гарибальди. Этой дивизией он командовал до отъезда в Академию Генерального штаба, то есть до 13 ноября 1918 года. См. ЦГАСА, ф. 1299, оп. 2, д. 6, л. 186.

нерала Мартынова[1] окружили бригаду Василия Ивановича в районе Таловой и держали ее в полном окружении до 20 октября 1918 года.

Бригада Чапаева понесла громадные потери. Без патронов и снарядов Чапаев решает 17 октября прорваться из казачьего кольца. На совещании командиров на вопрос Бубенца: «А если не прорвемся, Василий Иванович, что тогда будем делать?» Чапаев резко ответил: «Должны все погибнуть, но во что бы то ни стало прорвать фронт казаков».

Благодаря талантливому руководству боем и личной храбрости Чапаева бригаде, хотя и с большими потерями, удалось прорваться к Пугачевску.

ЧАПАЕВ В УРАЛЬСКЕ

В середине февраля 1919 года Чапаев прибывает в Самару в штаб 4-й армии[2].

М. В. Фрунзе только что вернулся с Уральского фронта. О подвигах Чапаева, его решительности и геройстве Михаил Васильевич за это время много слышал от бойцов чапаевских полков, которые только что взяли г. Уральск — политический центр белого казачества — и вели в это время кровопролитные бои за обладание г. Лбищенском.

М. В. Фрунзе назначает Чапаева командиром Александрово-Гайской (Алгайской) бригады[3], а комиссаром к нему — Д. А. Фурманова.

Михаил Васильевич ставит Чапаеву задачу — овладеть районом станицы Сломихинской, после чего продолжать наступление в направлении на г. Лбищенск для угрозы с тыла главным силам противника при атаке их уральской группой с севера.

Чапаев, получив это задание, решает по пути в Алгайскую бригаду заехать в г. Уральск с целью повидать своих старых друзей и соратников и договориться относительно проведения Лбищенской зимней операции.

Приезд Василия Ивановича в г. Уральск был для начальства 1-й бригады 25-й дивизии неожиданным. Он без предупреждения явился на квартиру комбрига Кутякова. Все были удивле-

---

[1] Командующим Шиповским белоказачьим фронтом в это время был полковник Н. Бородин, сменивший раненого под Чалыклой генерал-майора Мартынова. См. ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 1, лл. 43—59.

[2] В. Чапаев с ноября 1918 года учился в Академии Генерального штаба **(примечание редакции «Казахстанской правды»).**

[3] 26 февраля 1919 года приказом № 314 В. И. Чапаев был назначен начальником Александрово-Гайской группы войск Красной Армии. Командиром бригады был назначен Потапов.

ны, каким образом Чапаев из Москвы, из Академии Генштаба, явился на фронт. Через несколько часов все его соратники были собраны. Некоторые прибыли прямо с поля боя, чтобы повидать своего любимого Чапаева.

Василий Иванович много рассказывал о том, как он видел на митинге Ленина. В юмористической форме он рассказал, чему учили его в Академии Генштаба и как его экзаменовали по военной географии. Профессор — генерал, важный, в старом генеральском мундире без погон и крестов, но со следами от них — задал Чапаеву вопрос: «Скажите, слушатель, какое стратегическое значение имеет река Неман?»

Чапаев ему в ответ: «А вы, почтеннейший профессор, ответьте мне, какое оперативное значение имеет река Солянка?» Профессор говорит Чапаеву: «Вы шутите, такой реки на стратегической карте нет. Я еще до мировой войны преподавал географию в старой николаевской академии генштаба и такой реки не знал и не встречал в природе».

В заключение профессор все же потребовал от Чапаева ответить на заданный вопрос. Василий Иванович ответил, что реку Неман он знает, так как на ней был ранен и несколько раз контужен в мировую войну, а на реке Солянке, которая протекает на границе земли Уральского казачьего войска, он весь 1918 год вел бои с казаками, и она имеет громадное оперативное значение в борьбе с уральским белоказачеством.

27 февраля Чапаев из Уральска выехал в Александров-Гай через Новоузенск.

10 марта[1] 1919 года Василий Иванович принял Алгайскую бригаду, которая с осени 1918 года до принятия Чапаевым этой бригады была весьма пассивна и инертна в боях с уральским казачеством. Она не имела с казаками ни одного успешного боя. Казачий полковник Бородин, командующий Новоузенским фронтом, налетами и рейдами чижинских белоказаков вырвал у Алгайской бригады инициативу и наносил ей поражения.

Василий Иванович, как только принял бригаду, немедленно поехал на фронт, побывал во всех полках и батальонах. Провел митинги. Внушил бойцам уверенность в победе.

15 марта[2] 1919 года он перешел всеми силами в наступление и одним ударом занял 16 марта[3] станицу Сломихинскую, где

---

[1] Дата указана ошибочно. В действительности это было 3 марта 1919 года.

[2] Операция по овладению станицей Сломихинской началась 8 марта и закончилась 10 марта 1919 года. См. «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны», сб. документов. Воениздат, М., 1941, стр. 66—67.

[3] Станица Сломихинская была занята 10 марта в 13 часов. См. ЦГАСА, ф. 184. оп. 3, д. 213, л. 79.

был расположен штаб полковника Бородина, отбросив его части за Чижинские озера.

Началась весенняя распутица. 1-я бригада Кутякова заняла Лбищенск [1], поэтому Чапаеву не пришлось до конца выполнить приказ Фрунзе. Бригада Чапаева уперлась в непроходимые Чижинские разливы.

Взятие Чапаевым станицы Сломихинской вызвало среди бойцов Алгайской бригады бурю боевого энтузиазма. Они уверовали в свою силу и в своего командира.

Уральская белоказачья армия, потерпевшая поражения под Уральском, Лбищенском, Сломихинской, начала разлагаться, сдаваться целыми полками в плен и переходить на сторону Красной Армии.

КАК ПОМОГАЛА ЧАПАЕВУ КАЗАХСКАЯ БЕДНОТА

М. В. Фрунзе, назначенный командующим Туркестанским фронтом, получил задание разгромить оренбургскую и уральскую белоказачьи армии и соединиться с Советским Туркестаном.

Положение в осаждаемом белоказаками Уральске было очень тяжелым. В. И. Ленин послал 16 июня 1919 года следующую телеграмму:

«Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет, героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом».

М. В. Фрунзе решил снять 25-ю Чапаевскую дивизию с Восточного фронта и направить ее по железной дороге из района Уфы в район Бузулука с целью освобождения осажденного Уральска.

25 июня Чапаев приказал начать погрузку в эшелон.

30 июня части 73-й бригады прибыли в район Бузулука. В тот же день М. В. Фрунзе вызвал в Самару Чапаева и Фурманова.

Во временное командование дивизией вступает комбриг 73 Кутяков, от которого в разговоре по прямому проводу М. В. Фрунзе категорически потребовал не позже 12 июля осво-

[1] Лбищенск был занят частями 1-й бригады 22-й стрелковой дивизии при содействии 1-й бригады 25-й стрелковой дивизии, которая после боев под форпостом Кожехаровским, понеся большие потери, до взятия Лбищенска была отведена в тыл на отдых (в г. Уральск), а затем переброшена на Колчаковский фронт в район станции Богатое. См. приказ войскам Южной группы Восточного фронта № 015 от 19 марта 1919 года. ЦГАСА, ф. 106, д. 1026, лл. 17—21.

бодить Уральск. Для выполнения операции он дополнил его части Особой коммунистической бригадой Плясункова.

2 июля 1919 года части 73-й бригады были выдвинуты на юг, на линию селений Умет-Каральцкий — Покровка — Андреевка.

В результате боя 73-й бригады со 2-м казачьим корпусом эти пункты 5 июля были заняты.

Кутяков отдал приказ, чтобы к 8 июля бригада Плясункова вышла в район села Игумнова, 73-я бригада — в район Зайкин — Умет-Грязный, 74-й бригаде на подводах сосредоточиться в районе Соболева, а 75-й бригаде после высадки следовать по маршрутам 74-й бригады.

Перед участком 25-й Чапаевской дивизии находился 2-й Уральский конный корпус генерала Савельева.

Продолжая свое движение, бригады заняли 8 июля Игумнов, Зайкин, Умет-Грязный, а 74-я бригада заняла ст. Соболево, и 2-й уральский конный корпус генерала Савельева, проиграв бой у Б. Черниговки, начал спешно отходить на юг. Чтобы замедлить продвижение Чапаевской дивизии, он поджег ковыльные степи на площади 150 километров. Пожар необъятной степи представляет, как и лесной пожар, жуткую картину. Чапаевские части двигались вслед за пожаром по голой степи среди дыма и гари, охвативших хутора и станицы.

Наконец, 11 июля в 7 часов утра части Чапаевской дивизии соединились в хуторе Новеньком с первым батальоном 194-го полка осажденного гарнизона Уральска.

Василий Иванович Чапаев с Фурмановым прибыли в Уральск.

Встреча Чапаева была потрясающей. Все улицы были украшены красными полотнищами, на которых красовалось имя Чапаева. Отовсюду герою Чапаеву кричали «ура!». Освобожденный от осады Уральск ликовал победу.

* * *

В первых походах на Уральск частей 4-й армии (апрель—июнь 1918 года) батраки и бедняки казахских аулов всячески нам помогали и сообщали очень ценные сведения о силах противника и куда он отступал. Бывали случаи, что они ночью прибегали к Чапаеву и будили наши спящие части за несколько минут до налета белых казаков.

Когда нами был занят Уральск (24 января) и Лбищенск (в марте 1919 года), казахское население радостно встречало части 25-й Чапаевской дивизии. Ближайшие к реке Уралу районы, включительно до Джамбейтинской ставки, установили у себя Советскую власть. Многие аулы выставляли свою молодежь в Чапаевскую дивизию.

Весной 1919 года, когда полчища Колчака двинулись к берегам Волги, 25-я Чапаевская дивизия была М. В. Фрунзе переброшена с Уральского фронта на колчаковский. Почти разбитое оренбургское и уральское казачество оживилось: казачья монархическая контрреволюция повсеместно подняла восстание.

Казахская беднота и батрачество стояли за Советскую власть. Революционно настроенная молодежь бралась за оружие: создавались красные партизанские, как тогда мы называли, киргизские части.

Замыслам белых казачьих генералов во многом мешали партизанские мелкие конные части казахов. Они истребляли отдельные белоказачьи разъезды, нападали на их обозы, мешали правильной работе белого тыла. В этот момент сколачивалась казахская кавалерийская бригада.

Когда 25-я Чапаевская дивизия освободила осажденный Уральск, к этому времени была закончена организация казахской кавалерийской бригады. Казахские трудящиеся сами где-то, вероятно, в боях с уральскими и оренбургскими белоказаками разыскали для нее оружие и патроны.

После гибели В. И. Чапаева (5 сентября 1919 года) части Чапаевской дивизии отходили от Калмыкова на Уральск без патронов и снарядов. Уральск с Бухарской стороны[1] не был прикрыт красными частями. Мне, как преемнику Чапаева, пришлось бросить на фронт казахскую кавалерийскую бригаду на участки Барбастау и Рубежный.

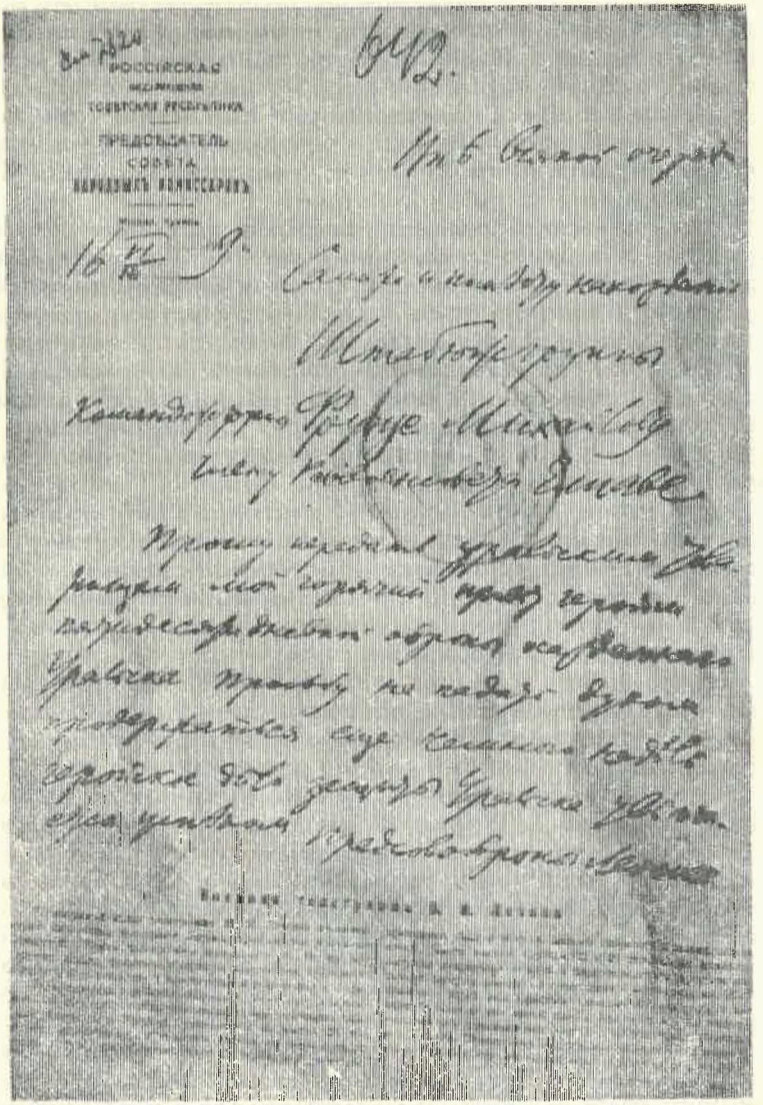
На протяжении сентября и октября 1919 года эта бригада несла громадные потери. Но, несмотря на это, красная кавалерийская бригада до конца выполнила задачу: она не дала возможности белому казачеству взять Уральск с юго-востока.

Наступил холодный ноябрь 1919 года. Части 25-й дивизии набрались сил. Под Уральском наступило затишье. Генерал Толстов начал развивать активные действия в направлении Новоузенска и Алтата. Мне пришлось всю конницу 25-й Чапаевской дивизии, в том числе и казахскую кавалерийскую бригаду, из-под Уральска перебросить на Новоузенский участок, чтобы парализовать удар генерала Толстова. У нас набралось шесть кавполков. Командиром этой красной интернациональной конницы был назначен Бубенец.

В средине ноября 25-я Чапаевская дивизия, в том числе и конная группа Бубенца, переходит в решительное наступление. Весь декабрь 1919 года казахская кавбригада и бригада Бубенца преследуют белых казаков до Гурьева, до Эмбы, разбивают организованные части генерала Толстова.

---

[1] Имеется в виду Зауральная часть Западно-Казахстанской области.



Телеграмма В. И. Ленина командующему Южной группой войск Восточного фронта М. В. Фрунзе

В уничтожении белых банд нам очень помогло казахское население. От Джамбейтинской ставки в направлении на Уильское укрепление и далее по берегам Каспия включительно до форта Александровского при нашем преследовании армии генерала Толстова казахское население охотно поило и кормило все части 25-й Чапаевской дивизии.

Если бы в этот момент казахское население не было на стороне Советской власти, мне бы пришлось большим поплатиться при нашем движении на Гурьев, чем Чапаеву — при движении на Калмыково. Я не боялся, что части умрут с голоду, знал, что казахские трудящиеся накормят, напоят, покажут дорогу, а где чапаевцам не под силу, там казахское население еще чище расправится с белой бандой.

А. Айтиев

СУРОВЫЕ ДНИ БОРЬБЫ [1]

НА СОЕДИНЕНИЕ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Красная Армия вела победоносное наступление на Уральск со стороны Саратова и Самары, вытесняя белоказаков из сел и деревень, где раньше господствовал казачий режим. По проселочным дорогам массами шли беженцы, а за ними белоказачьи части, отступавшие вместе с «нашими» контрреволюционерами — алаш-ордынцами.

Необходимость соединения с Красной Армией росла с каждым часом. Богдановский комитет [2] посылает в одном направлении меня, в другом — Балюка, Давыденко и Дрея, чтобы связаться с Красной Армией.

---

[1] Продолжение воспоминаний, опубликованных в сборнике «В огне революции» (Алма-Ата, Казгосиздат, 1957, стр. 116—122) под названием «Несмотря на жестокие репрессии...»

[2] Здесь автор имеет в виду Зауральный подпольный райком РКП(б), который был образован на районной конференции коммунистических ячеек, состоявшейся в августе 1918 года в поселке Богдановке.

В двадцатых числах декабря 1918 года по степи, без дороги я пробирался в Уральск. У Дарьинского поселка перешел фронт и связался с 224-м Краснокутским полком 25-й дивизии. Балюк, Давыденко и Дрей пробрались через фронт в Январцевском поселке. Наша дружина влилась в Домашинский полк, с которым пошла в наступление. Белоказаки оказали отчаянное сопротивление. На их стороне было явное техническое преимущество — усовершенствованные окопы, проволочные заграждения, но Красная Армия, поддерживаемая артиллерией, решительно двинулась вперед, тесня белоказаков к Уральску... 24 января 1919 года в 4 часа Уральск был освобожден.

...Образовался губернский Революционный комитет под председательством Ермощенко. В Ревком вошли Петровский, Ружейников, Каратаев, Васильев, Хаустов, Счетчиков и Кулаков.

Была создана национальная коллегия, членами которой были Каратаев, Арганчеев и я. Необходимость такой коллегии диктовалась создавшейся обстановкой. Красной Армии предстояло двигаться казахской степью, а потому нужно было включить в каждую часть местных работников казахов, а также формировать национальные части.

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Были созданы военно-политические курсы, курсы инструкторов-агитаторов-организаторов; одновременно начали организовывать Советы.

Обязанности распределялись так: Каратаев осуществлял общее руководство и участвовал в заседаниях Ревкома и других учреждений, я занимался организацией Советов на местах, формированием казахских воинских частей, руководил курсами, распределял работников, Арганчеев ведал культурно-просветительной частью.

Я сформировал и в полной боевой готовности (лошади, оружие и снаряжение были отняты у белоказаков) доставил в Уральск два обученных казахских эскадрона.

...Газеты сообщали о наступлении Колчака. Доблестная дивизия Чапаева, не раз показавшая свою храбрость, была переброшена на борьбу против Колчака; на фронте остались молодые и слабые полки. И это сказалось в первых же боях. Белоказаки в начале апреля напали на Лбищенск и наголову разбили наши главные силы. Погибло много красноармейцев, командиров и политработников, в том числе и Яковлев — председатель Ревкома. Разбитые части 22-й стрелковой дивизии в беспорядке отсту-

пили к Уральску, где в то время не было достаточного резерва. Создалась паника.

В это же время восстало все казачество, сложившее раньше оружие. Выехавший во главе сотни красноармейцев на подавление мятежа губвоенком Будин был убит в Рубеженской станице.

В Уральске, с одной стороны, шла лихорадочная эвакуация, а с другой,— мобилизация и военное обучение коммунаров и рабочих. С молниеносной быстротой была организована областная дружина коммунаров, усиленная затем коммунистическими отрядами. Ей суждено было вынести на своих плечах тяжесть двухмесячной осады города и своей неравной борьбой с бесчисленной, озверевшей массой уральского белоказачьего войска вписать одну из славных страниц в историю борьбы за Советскую власть.

С Лбищенского фронта прибыло только 700—800 человек без оружия и обмундирования. Из них, из частей гарнизона, а также из областной дружины были сформированы три полка — Малоузенский, Новоузенский и Нижнеуральский, насчитывавшие 2800 штыков.

Не успели их как следует сформировать и обучить, как белоказачья армия окружила Уральск, обстреливая его беспрерывно со всех сторон. Таким образом, Уральский гарнизон попал в железное кольцо. Белоказаков под ружьем было тогда по одной версии 11, по другой — 16 тысяч. Ряды белоказаков все увеличивались за счет мятежников. Маленький гарнизон Красной Армии должен был проявить всю свою энергию и силу, чтобы продержаться до прибытия подкрепления.

Вдобавок к этому выяснилась полная ненадежность командования.

Начальником 22-й дивизии был штабс-капитан царской армии Сапожков[1], а начальником штаба — местный купеческий сын Гагаев. С первого же дня осады они колебались и только благодаря зоркому контролю и решительным действиям политработников областной дружины коммунаров принимали те или иные оборонительные меры.

8 мая 1919 года был издан приказ за № 11, подписанный Сапожковым, о сдаче Уральска и отступлении к Бузулуку.

Вот некоторые пункты этого приказа, представляющего собой исторический документ:

---

[1] Сапожков, изменив воинскому долгу, осенью 1920 года организовал кулацко-эсеровский мятеж против Советской власти.

§ 1

На фронте Уральской группы вверенной мне дивизии противник держится пассивно, но партизанские отряды его, проникнув в глубокий тыл, подняли восстание и соединились с кулацкими элементами казачества, заняли станицу Соболевскую и, кроме того, образовали фронт на р. Рубежка. Перерезав нашу коммуникационную линию, противник угрожает полным охватом.

§ 2

Ввиду вышеизложенного частям Уральской группы оставить г. Уральск и отойти к станице Соболевской, во. исполнение чего п р и к а з ы в а ю:

§ 3

Коменданту т. Будыкину в 4 ч. 09 мин. по выходе частей из города уничтожить все паровозы, вагоны, жел-дорожный мост, все имущество и т. п., после чего присоединиться к моему отряду.

Приказ этот, вызвавший полупаническое начало отступления, своевременно был изменен. Коммунисты решили не отступать, а защищаться до конца. Распоряжение не сдавать Уральск тогда же по радио сделал и командарм 4 Фрунзе и Совет рабоче-крестьянской обороны. Это было очень разумно, так как казачья кавалерия в два счета изрубила бы нас и угрожала бы Чапаеву с тыла.

С этого момента инициатива переходит к коммунистам.

...Решено было разорвать кольцо осады. С этой целью выступила областная дружина коммунаров. Необходимо было занять хотя бы несколько хуторов для пополнения запасов продовольствия, фуража и топлива, при этом буквально каждый метр земли отвоевывался у врага в жестокой борьбе: на каждого коммунара приходилось по 10—20 и больше белых из зверской гурьевской дружины, которой раньше командовал сам Толстов.

Командир нашего эскадрона Шевцов, посылая нас в разведку, говорил: «Товарищи, сделайте все возможное, а невозможное не делайте». Это означало — делайте дело, но берегите себя. В этом была и любовь и доверие к товарищам.

Первая перестрелка с врагом произошла на хуторе Макарове; нас было только 15, а у неприятеля — 40 кавалеристов, занимавших выгодные позиции.

Мы незаметно зашли за хуторскую постройку, оттуда ползком — по флангу противника и внезапно открыли огонь по

врагу, после чего неприятель отступил. Еще несколько таких смелых набегов и перестрелок показали, что неприятеля можно отбросить. Мы с боем заняли хутора Усова и Курноскина, расположенные в 45 километрах к северу от Уральска.

Около 4 часов дня (числа не помню) белоказаки начали наступление на хутор Курноскина. Силы их втрое превосходили наши. Отряд под командой Фролова стремительным ружейным обстрелом отбросил белоказаков. В этом бою были израсходованы почти все патроны. Мне и 25 бойцам предложили поехать к Экземплярскому за патронами. Экземплярский в это время вел бой с белыми. Патроны у него были на исходе; он посоветовал соединиться двум отрядам на хуторе Савичева. Надо было сообщить об этом своему отряду; так как лошади моих товарищей устали, я должен был ехать один. Экземплярский дал мне в качестве проводника Шевочкина. На обратном пути у хутора Курноскина мы наткнулись на засаду белых из 12 человек во главе с офицером; в результате перестрелки было убито 9 белых, в том числе и офицер. Погиб и мой товарищ Шевочкин.

Вскоре отряд Экземплярского перешел на хутор Озерное и здесь был разбит. Отступили до Новенького, где мы должны были удержаться.

По агентурным данным, неприятель готовился дать большое сражение. О предстоящем нападении мы узнали от пойманных нами шпионов. Командир дружины Лазич, инженер-сапер Юсупов занялись укреплением окопов. И вот через 4 дня, ночью, противник, имея более 2000 сабель, множество пулеметов и 4 орудия, выступил против нашей дружины из 450 человек. Наша дружина так сильно громила белых, что под утро они отступили, оставив на поле сражения одних только убитых свыше 500 человек, а мы потеряли только 45 раненых и убитых. Такая стойкость могла быть проявлена только коммунистами. Ни страха, ни растерянности — одна цель победить врага руководила коммунарами, и это решило исход боя.

14 мая неприятель предпринял генеральное наступление. Бой начался в 12 часов ночи. Он шел всю ночь. Наш маленький гарнизон противопоставил врагу свою стойкость, артиллерия била метко и сокрушительно, бойцы в окопах геройски защищались. Утром враг стал отступать, оставив за рекой Чаган множество убитых, раненых и военные трофеи; незначительная часть белых, переплывшая Чаган, была взята в плен.

Убедившись, что большевиков взять в открытом бою нельзя, белое командование решило взорвать гарнизон изнутри. Для этой цели оно перебросило в Уральск группу белоказачьих офицеров — организаторов мятежей. К ним примкнули местные кадеты и меньшевики.

Меня и других товарищей, знакомых с городом, перевели в ЧК, и я был назначен заведующим сектором оперативного отдела и начальником ОСО 22-й дивизии.

Вскоре нам удалось напасть на след контрреволюционной организации. Бывший гимназист Гусман Омаров, служивший в нашей дружине, заболел. Заболела и моя жена, служившая в санотряде этой дружины. Их направили на лечение в город, где они встретили какого-то человека, который заявил, что большевики скоро будут уничтожены и ему, Омарову, с товарищами нужно перейти к ним, и только тогда они будут спасены. Я узнал об этом разговоре от Омарова, выяснил, что этот человек — учитель гимназии Разумов.

Оказалось, что Разумов, Любарский и другие члены контрреволюционной организации имеют конспиративную квартиру на Большой Михайловской улице, дом № 43, а сами служат в Облпродкоме. Снабженческая деятельность Разумова сводилась к тому, что он прятал бо́льшую часть продуктов и через свою агентуру вел спекуляцию с целью обострить положение в осажденном городе. Эта организация, состоявшая из кадетов и эсеров, меньшевиков и попов, была ликвидирована. Но положение не улучшилось, так как главная организация представляла собой большую угрозу и осталась нераскрытой, не было даже никаких следов, по которым можно было бы добраться до ее центра...

Спустя недели две обратило на себя внимание подозрительное оживление днем и ночью в Митрасовской пожарной команде. Нам удалось выяснить, как городская контрреволюционная организация связывается с командованием белых. Однажды утром пять пожарников на подводах с косами, граблями и вилами выехали, взяв у коменданта пропуск, за город на сенокос. Из них четверо остались косить траву, а пятый поехал дальше — на берег Урала, где он пробыл некоторое время и затем вернулся обратно. Из его телеги что-то перекладывали на другую. На том месте, куда ездил пятый пожарник, был обнаружен сверток бумаг, среди которых находился план расположения наших войск, штабов и учреждений, список домашних и служебных адресов руководителей и другая информация, где точно отражалось все, что происходило накануне в городе.

В ответной посылке были прокламации весом в пуд, 2 пулемета, 15 бомб, 12 револьверов и несколько ящиков патронов. В небрежно заклеенном конверте лежал план действий со всеми подробностями. Из этого документа стало ясно, что запрашивались точные сведения — сколько людей и каких именно (по родам оружия) наберется у подпольной контрреволюционной организации ко дню наступления белоказаков на Уральск.

Ответы на эти вопросы были крайне важны, и мы с председателем ГубЧК Штыбой ждали их с нетерпением. Ответ был подробный и потрясающий. В нем указывалось количество собирающихся поднять мятеж — около 800 человек, практические меры перехода на сторону белых отдельных войсковых подразделений.

Белогвардейские выступления были пресечены, но опасность все же была велика, так как гарнизон был окружен со всех сторон, а положение в городе ухудшалось все больше и больше. Белогвардейцы и алаш-ордынцы свирепствовали, терроризируя трудовое население. Симпатии трудящихся были на нашей стороне. Они заботливо принимали, кормили и провожали наших разведчиков. Но больше они ничем не могли нам помочь. В степи шли аресты, расстрелы, взимались контрибуции и прочее — творился произвол. Чтобы избавиться от всего этого, нужна была большая сила извне. Этой силой и явилась Чапаевская дивизия, которая вскоре освободила город Уральск от многодневной осады.

Дивизия пробыла в освобожденном городе несколько дней, а затем выступила на Гурьев. Белоказаки с помощью трех бронеавтомобилей оказали отчаянное сопротивление. Но полки имени Степана Разина, Пугачевский, Домашинский один за другим брали казачьи укрепленные пункты. Мы освободили Кожехар, Бударин и, наконец, Лбищенск.

На части, освобожденной от белоказаков, территории был создан Ревком под моим председательством. На первом его заседании наметили план деятельности. Необходимо было прежде всего усилить работу транспорта, наладить бесперебойное снабжение дивизии и вместе с тем принять меры к тому, чтобы не пропустить в сторону белых хлеб, фураж и скот. Последнее, по мысли Чапаева, должно было сразу же ухудшить продовольственное положение неприятеля, поскольку он под натиском красных частей уходил все дальше от скотоводческих и земледельческих районов Уральской области — к Гурьеву, в район пустыни.

Действительно, эта блокада оказала свое воздействие, и атаман Толстов был вынужден при Западном отделении Алаш-Орды организовать так называемое генерал-губернаторство с чисто снабженческой функцией. Вот его приказ, относящийся к тому времени, когда вопрос снабжения стал для белогвардейцев вопросом жизни или смерти:

«Председателю Военного отдела Алаш-Орды полковнику Ериклинцеву, подполковнику Раруцкому.

Для приведения в порядок Зауральной стороны, в

особенности в целях упорядочения транспорта, поставки хлеба, сена и скота, недопущения вывоза припасов скота и лошадей в сторону красных, назначаю вас начальником военно-административного управления Зауральной части Уральской области, за исключением Гурьевского уезда, с правом генерал-губернатора в местностях, объявленных на военном положении. Штаты и инструкции будут высланы дополнительно. Предписываю Вам не стесняться никаких мер, до расстрела виновных включительно, для достижения указанных выше целей».

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ В. И. ЧАПАЕВА

...Чапаев гнал противника до Сахарного, расположенного в 370 километрах от Уральска. Отдаленность от центра снабжения стала сказываться.

Мне, как предревкома, пришлось заботиться об усилении работы транспорта, о продовольствии и других неотложных нуждах, сообщать о затруднениях Военному Совету Уральского укрепленного района.

Накануне гибели Чапаева приезжали члены Военсовета Струппе и Козлов, которые отметили тяжелое состояние транспорта и обещали оказать помощь. Вечером того же дня, когда они уехали, выяснилось, что вблизи находятся разъезды белых, которые захватили часть обозников, ехавших за сеном. О создавшемся положении было доложено В. И. Чапаеву...

В этот день охрана была слабая: караульную службу несли курсанты, так как регулярные части были направлены на фронт. Подкрепление, которое шло из Уральска, ночевало в Кожехаровском поселке. Воспользовавшись этим, один из отрядов белых под командой Бородина, сделав глубокий обход, ночью подкрался к нашим частям, снял все сторожевые посты и расставил свои пулеметы. В 11 часов ночи белые открыли ураганный огонь.

Все были захвачены врасплох. Кое-где шел беспорядочный уличный бой, но вскоре выяснилось, что мы окружены двойной цепью и спасение невозможно. Оставалось собрать плохо вооруженных и необученных обозников и повести их в бой. Но и эти люди находились в разных местах города, и В. И. Чапаев ценой нечеловеческих усилий налаживал боевой строй против врага. Это было верхом храбрости, так как технический и численный перевес был на стороне врага, который удачно использовал это.

Нельзя было выйти на улицу. Погибли комиссар штаба Крайнюков, командир 225-го полка и многие другие, которые пытались собрать людей в одном месте.

В последний раз В. И. Чапаев забежал к нам около 2 часов дня, когда неприятельская кавалерия готовилась к атаке. Он собрал всех вооруженных — около 100 человек — и расставил их поперек улицы. Но неприятель открыл ураганный пулеметный огонь. Часть бойцов была перебита, другие перебежали обратно, во двор моей квартиры. Затем Чапаев исчез, надо полагать, побежал к другой группе обороняющихся.

Двор при моей квартире, с каменными заборами, представлял собой удобное укрытие. Он, служивший нам последним опорным пунктом, находился почти на краю города. Сюда стали стекаться бежавшие из центра красноармейцы и обозники. Они собрали винтовки и патроны убитых, но вскоре винтовки накалились от беспрерывной стрельбы и стал ощущаться недостаток патронов.

Начальник политотдела Суворов приволок отбитый у белых пулемет с лентами. Тут же мы наладили его и расставили людей. Конница неприятеля бросилась на нас и, когда лавина вражеских кавалеристов с шумом и криком стала приближаться, мы открыли огонь. Неприятель отступил, оставив на улице массу убитых и раненых.

На некоторое время наступила зловещая тишина. Но вдруг мы услышали шум мотора и обрадовались: над городом появился наш аэроплан. Но он сел на аэродром, занятый неприятелем, и, надо полагать, летчик был убит, так как аэроплан больше не поднялся.

Через час раздался орудийный выстрел, и снаряд упал ближе к неприятелю — опять радость. Мы предполагали, что к нам подоспела помощь, но напрасно: второй снаряд попал за р. Урал, а третий — прямо в нас. Неприятель из двух орудий стал стрелять по нас шрапнелью. Перебежали в яму на краю города, в которой делали кирпич, но враг перенес огонь туда, и пришлось ее оставить. Всего здесь было только человек 15—20, среди них я узнал Никитина (секретаря ревкома), Антонова (заведующего крестьянской секцией) и еще двух, кажется, это были Козлов и Васильев. Все ушли в сторону Урала...

П. Петровский

ТРЕХМЕСЯЧНАЯ ОСАДА УРАЛЬСКА

Наиболее ярким эпизодом в борьбе с уральским белым казачеством можно считать оборону от белогвардейских банд города Уральска. Уральск был занят Красной Армией 24 января 1919 года. После долгого и жестокого боя под Уральском и в самом городе части 25-й и 30-й дивизий овладели им, и белоказаки были выбиты из областного центра.

К этому времени во главе Уральской области стояло полуменьшевистско-полуэсеровское Войсковое «правительство» под председательством меньшевика Фомичева.

Казачий генералитет, настроенный монархически, мало считался с волей Войскового «правительства», и вскоре гурьевский казачий генерал Толстов низложил «правительство» Фомичева, а себя провозгласил Уральским Войсковым казачьим атаманом. Между прочим, Войсковое «правительство» чрезвычайно хладнокровно приняло эту операцию, а Фомичев стал в казачьей армии Толстова главным фуражиром.

В это время наши силы на Уральском участке фронта были значительно ослаблены. Только что была произведена большая переброска войск на северные участки Восточного фронта вследствие нависшей над Самарой угрозы со стороны колчаковских полчищ. Этим воспользовался Толстов. Он поднял гурьевских низовых казаков, не участвовавших в гражданской войне, и нанес нам под Лбищенском сильное поражение. Наши части под напором превосходящих сил противника не смогли задержаться на протяжении 150 верст и отступили вплоть до Уральска.

ПЕТРОВСКИЙ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ (1899—1942 гг), член партии с 1915 г. В 1918 г.— секретарь Военно-революционного Совета 4-й армии, затем комиссар полка им. Гарибальди. В 1919—1920 гг.— председатель Уральского губревкома, в 1920—1921 гг — секретарь Уральского губкома РКП(б) и редактор газеты «Яицкая правда». В последующие годы — на партийной, военной и журналистской работе.

Мы держались в Уральске около десяти дней в непосредственной близости от противника.

Кавалерия противника зашла в тыл нашим частям... 9 мая 1919 года были отданы все распоряжения об отступлении, и к 18 часам город должен был быть оставлен нами. Однако в 16 часов из штаба Туркфронта пришел по радио приказ оставаться в городе и защищать его до последней капли крови. С этого момента и начинается период осады Уральска, окончившейся только 11 июля 1919 года.

В нашем тылу начались казачьи восстания, и скоро нерегулярные казачьи войска соединились с армией Толстова. Противник взял Уральск в железное кольцо, которое до самого конца осады простиралось на север на 120 верст, а на запад, в Саратовском направлении,— на 80—100 верст. На юг и восток вся территория до пределов колчаковского государства и Каспийского моря находилась в руках неприятеля.

За все время осады у нас было два средства связи с внешним советским миром — радио и аэропланы[1]. Казачья артилле-

[1] За поддержание постоянной связи между защитниками осажденного Уральска и войсками Восточного фронта командир 26 авиационного отряда А. М. Лебренц и летчик А. М. Степанов были награждены орденами Красного Знамени.

рия стремилась нащупать нашу радиостанцию и, когда ей казалось, что она это сделала, открывала бешеную шрапнельную стрельбу. Однако неприятелю не удалось нанести повреждений радиостанции, а отсутствие у белых зенитных орудий обеспечивало безопасность нашей авиации.

Гражданская власть в городе принадлежала Уральскому губревкому, но территория, на которую распространялась эта власть, была чрезвычайно ограниченна. В наших руках оставался Уральск и находившийся в семи верстах от него хутор Новенький. Эта территория представляла собой вооруженный лагерь, изрезанный линией проволочных заграждений и окопов.

Вся административно-военная власть была сосредоточена в руках военного командования, а губревком руководил хозяйственной жизнью города — деятельностью фабрично-заводских предприятий, снабжением населения и войск, финансами и торговлей, к которой приходилось прибегать для пополнения наших финансовых ресурсов. Благодаря принятым мерам ни одно предприятие за время осады не было остановлено, население снабжалось без перебоев. Внутренняя жизнь в крепости носила чрезвычайно организованный характер.

Коммунисты города с самого начала осады встали под ружье и вместе с несколькими сотнями добровольцев — рабочих и крестьян — составили Уральскую боевую дружину, наводившую ужас на казачьи части.

Оборона города была поставлена, правда, весьма примитивно, но в то же время довольно удачно. С трех сторон Уральск был огражден от неприятеля слиянием рек Чагана и Урала, а с севера мы устроили сильно укрепленную линию окопных и проволочных заграждений. Кроме того, по северной окраине, как наиболее угрожаемой, мы поставили свой бронеотряд. Бронепоезд, который ходил на расстоянии 17 верст, значительно помогал нам отражать неприятельские атаки.

К середине осады при помощи некоторых оказавшихся в рядах осажденных войск матросов была сооружена бронированная подводная лодка, которую неприятельский огонь взять не мог. Она наводила панику на казачьи окопы по ту сторону Урала.

Казачье командование медлило по каким-то причинам с решительным нападением на Уральск. Но вот почувствовалось приближение решающего момента. На поселок Новенький началось наступление, и после тринадцатичасового боя нам удалось стбить его благодаря исключительной напряженности артиллерийского огня. Ряд других атак показывал, что казаки начинают нервничать. А 25 мая они подготовили наиболее крупное наступление, чуть было не кончившееся гибелью красного Уральска.

Рано утром 25 мая, в 3—4 часа, неприятель был обнаружен в южной части города. Через реку Чаган в ночь с 24 на 25 мая казаки переправили около двух полков. Это были части, сформированные из уроженцев города Уральска, что позволяло казачьему командованию рассчитывать на наибольшую стремительность наступления.

За ночь белоказаки успели окопаться на нашем берегу Чагана и к утру перешли в наступление. Мы начали артиллерийский обстрел противника. Наши силы были стянуты на этот участок и расположены по линии городского берега. Артиллерийский обстрел заставил казаков прекратить переправу на наш берег. Они понесли большой урон. Но вот артиллерия начала донимать и сидевших в окопах казаков. Между тем, по какому-то счастливому стечению обстоятельств, артиллерия противника прекратила ответную стрельбу.

Около 12 часов дня белоказаки вышли из окопов и пошли под нашим пулеметным и артиллерийским огнем в атаку. Два-три мгновения — и наши части сошлись с врагом в рукопашной схватке. Каждый из нас знал, что малейший промах в этом бою ведет к полной гибели всего Уральского гарнизона. Отступать некуда. Кругом неприятель лишь ждет момента расправы с защитниками города. Это сознание придавало нам особенную силу.

Прошло около часа. Белые дрогнули и вдруг по всему фронту кинулись в панике бежать. Со всего разбега они бросались в Урал, пытаясь спастись на той стороне, а наша артиллерия продолжала их бить. Неприятель потерпел огромный материальный и моральный ущерб.

Мы продолжали держаться. Помощи нам ни со стороны Саратова, ни со стороны Самары не было. Наступил июль. Запасы снарядов и патронов таяли. Нужно было их экономить, и мы уже прекратили ответную стрельбу по казачьим окопам, пуская артиллерию в ход лишь при наступлении противника.

Казаки убедились в невозможности взять кучку красных бойцов Уральска путем вооруженного нападения. Решено было, очевидно, взять осажденный город измором.

Белые повели энергичную работу, направленную на разложение красноармейских частей. В городе распространялись контрреволюционные воззвания, готовились покушения на видных партийных и советских работников, с той стороны реки казаки подбивали наших красноармейцев выдать комиссаров и коммунистов, в самом городе был организован заговор, в котором участвовало до 150 человек (из городской буржуазии и чиновничества).

Была сделана попытка подкупить команду броневика, чтобы увести его от нас. Мне рассказывали, что белоказаки в назначенный день даже вышли с хлебом-солью встречать наш броневик. Все эти попытки взорвать город-крепость изнутри не удались.

Из документов, которые были обнаружены у заговорщиков, мы установили, что казаки в начале июля готовились к активным действиям. Но к этому времени на колчаковском фронте наступил перелом в нашу пользу, и на Уральский участок была переброшена 25-я дивизия.

С этого момента наши дела пошли лучше, а 11 июля утром в хутор Новенький пришла разведка 25-й дивизии. Почти трехмесячная осада кончилась. Уже к вечеру противник был отброшен на 12 верст к югу от Уральска, и опять началось преследование его по уральским степям.

К январю—февралю 1920 года Уральский фронт был ликвидирован.

ИМЛ при ЦК КПСС ЦПА, ф. 70. оп. 3, ед. хр. 75 1, лл. I—II

А. Самсонов[1]

НА ПРИЕМЕ У В. И. ЛЕНИНА

О славных делах 22-й стрелковой дивизии знал и ими близко интересовался рабочий коллектив Путиловского завода в Петрограде. По поручению Владимира Ильича Ленина в конце октября 1918 года в нашу дивизию прибыла специальная делегация от рабочих Путиловского завода с подарками для бойцов, командиров и политработников.

С ответным визитом от дивизии были посланы в Петроград три товарища, в том числе и я.

Мы побывали на Путиловском заводе, рассказали рабочим о своих боевых делах, об успехах в борьбе с белочехословаками и белоказаками.

[1] Самсонов Александр Иванович (1885—1957), член КПСС с 1917 г. В годы гражданской войны — военком частей и соединений Красной Армии, член Уральского Облревкома, один из активных организаторов обороны Уральска. В последующие годы—на советской работе в Казахстане и РСФСР. С 1922 по 1926 г.— член КазЦИКа, с 1931 по 1935 г.— член ВЦИКа. Участник Великой Отечественной войны.

Были мы и в Москве, в Кремле, на приеме у Ленина. При помощи Бонч-Бруевича, управляющего делами Совнаркома, нас принял в своем кабинете Владимир Ильич.

Мы долго раздумывали о том, как представиться Ленину и с чего начать с ним разговор. Наконец, решили по-военному отрапортовать коротким приветствием от бойцов, командиров и политработников 22-й стрелковой дивизии.

Видно было, что Ленину понравилась наша военная выправка: он, улыбаясь, назвал нас молодцами и сказал: «Ну, присаживайтесь, дорогие товарищи, я вас с удовольствием слушаю».

Мы коротко рассказали Ленину — кто как мог — о разгроме белочехословаков под Николаевском, о наших успехах в борьбе с белоказаками.

Ленин интересовался, как мы обращаемся с пленными, и советовал не применять к ним огульно репрессивных мер, а наоборот, стремиться убедить их в том, что они заблуждаются, добиваться через пленных перехода на сторону Красной Армии солдат вражеского лагеря.

Мы выполнили эти указания Владимира Ильича: мы добились через пленных, отпущенных после проведения с ними разъяснительной политико-воспитательной работы, добровольного перехода на нашу сторону значительных групп белоказаков, в том числе «бородачей».

Немалую пользу также приносила связь с пастухами: через них мы распространяли написанные от руки обращения к казачеству с призывом не верить лживой пропаганде белогвардейцев и выделять своих представителей для переговоров с командованием Красной Армии. Такие представительные встречи проходили втайне от белоказачьего офицерства и носили дружеский характер.

Ленин говорил с нами о политико-воспитательной работе в красноармейских частях и о вовлечении передовых бойцов в ряды партии. Владимир Ильич предостерегал нас от того, чтобы не подменять Советы, не допускать самочинных действий, затрагивающих интересы трудящихся крестьян, укреплять союз с середняком.

Владимир Ильич интересовался тем, как мы заботимся о людях, пострадавших от контрреволюционного террора, как осуществляем связь с семьями бойцов и особенно отличившихся воинов. Ильич спрашивал нас о воинской дисциплине, о том, какую получаем литературу, какие газеты и сколько.

Прощаясь с нами, Ленин как-то особенно, по-родному пожал нам руки, пожелал дальнейших успехов, передал привет бойцам, командирам и политработникам дивизий.

Мы ответили:

— Обещаем Вам, товарищ Ленин, быть до конца верными сынами нашей Родины!

От всего сердца пожелали мы нашему родному Ильичу доброго здоровья...

25 апреля 1919 года Уральск и часть полков 22-й дивизии оказались окруженными со всех сторон белоказаками.

Из состава Уральского областного революционного комитета в осаде остались трое, в том числе и я.

В первые же дни осады мы обратились к рабочим с призывом добровольно вступить в дружину для защиты города. Командиром дружины был назначен Лазич, бывший офицер, участник первой мировой войны, а комиссаром — я.

Дружина занимала очень опасный, не имевший естественной преграды участок — поселок Новенький. Несмотря на неоднократные атаки белоказаков, дружинники сумели удержать свои позиции. Были моменты, когда в отражении атак белоказаков принимали участие все партийные работники, не исключая и секретаря обкома РКП(б).

В дни обороны славно сражалась с белоказаками добровольческая конная казахская бригада.

Сама обстановка в осажденном городе спаяла участников обороны, и лишь начдив Сапожков держался как-то обособленно, замкнуто от партийцев. Это вызывало у нас подозрения, и мы старались возможно ближе быть к политработникам дивизии — военкому Андрееву и другим, с тем чтобы всегда быть в курсе оперативных решений дивизии.

Было бы неразумно думать, что классовый враг при паническом бегстве из города не оставил здесь своих верных людей. Много замаскированных предателей и шпионов было разоблачено органами ЧК, которой руководил сравнительно молодой коммунист и преданный чекист, прекрасный товарищ Штыба, погибший впоследствии в борьбе с контрреволюцией не то на Дону, не то на Кубани. Были вскрыты факты прямого вредительства в мельничном хозяйстве, выявлены случаи, когда значительные излишки хлеба и других продовольственных продуктов скрывались и даже уничтожались, чтобы создать трудности с питанием в воинских частях.

Больше того, удалось раскрыть подпольную контрреволюционную организацию, объединявшую довольно значительную, хорошо вооруженную группу кулаков и подкулачников.

В этой борьбе мы опирались на все усиливающуюся бдительность масс.

Несмотря на осаду, в городе работали обком и облревком. И не раз, когда мы собирались для обсуждения тех или иных во-

В. И. ЛЕНИН и М. И. КАЛИНИН среди группы делегатов первого Всероссийского съезда трудового казачества. Среди делегатов два представителя уральских казаков.

просов, здание, где шло заседание, подвергалось артиллерийскому обстрелу. Один раз снаряд разорвался рядом с комнатой, где мы совещались.

Организация обороны требовала больших средств. В связи с этим на имущих граждан мы наложили контрибуцию, при взимании которой пришлось преодолеть сильное сопротивление местных богатеев.

Очень серьезным было положение с продовольствием. Вначале мы реквизировали скот у тех, кто имел по несколько голов. Но дело дошло до того, что у всех осталось лишь по одной корове, тогда мы стали брать коров у наиболее зажиточных. У рабочих, вступивших в Красную Армию и дружину, корову не брали, однако многие отдавали их добровольно. Всем семьям, у которых бралась последняя корова, выдавалась гарантийная справка о том, что при освобождении города она им будет возвращена. Это и было выполнено при помощи В. И. Чапаева, который раздал коров, имевшихся в распоряжении 25-й дивизии.

Очень тяжело и мучительно переживали защитники Уральска нехватку табака. Какой был восторг, когда у одного крупного торговца нашли больше пуда нюхательного табаку в пачках! Табак заквасили в бочке, просушили и смешали с листьями акации. Получилось неплохо — закурили и запели песни, даже похвастались этой удачей в «перекличке» с белоказаками из окопов по реке Чаган.

Перекличка порой носила язвительный характер: белоказаки нам угрожали: «Не сдадитесь — с голоду подохнете, а когда возьмем город, тех, кто еще не подох, будем вешать, как собак!» А наши отвечали: «Посмотрим! Сдаваться никто из нас не думает, а вам надо серьезно подумать — кто кому должен сдаться!» Наши бойцы призывали белоказаков переходить на сторону красных и кончать войну, обещая не только не вешать их, но и не чинить препятствий для устройства мирной, трудовой жизни.

Несмотря на все тяготы и лишения, защитники Уральска выстояли и не отдали город врагу.

И. Белан

ЗАУРАЛЬНЫЙ ПОДПОЛЬНЫЙ РАЙКОМ

Родина моя — Украина, а точнее — село Казанковато бывшей Таврической губернии. Тяжело жилось на родной земле. Да и земли было мало. В 1911 году наша семья вместе с сотнями других семей бедняков переселилась в Уральскую область. Здесь на землях Зауральной, или, как тогда говорили, Бухарской стороны, переселенцы образовали поселок Богдановку. В эти же годы появились на Зауральной стороне и другие переселенческие села: Ново-Павловка, Покатиловка, Федоровка, Долинный, Александровка...

В марте 1918 года, демобилизовавшись из армии, вернулся я в родную Богдановку. Здесь уже было немало моих сверстников-фронтовиков. При их активном участии в селе была установлена Советская власть. Но как раз в это время уральское Войсковое «правительство», опираясь на белоказачье офицерство, разогнало областной Совет. Многие его активные члены были повешены, расстреляны или посажены в тюрьму. Некоторым

удалось уйти от преследований белогвардейцев. Среди спасшихся был рабочий-большевик Петр Петрович Парамонов, который скрылся на Зауральной стороне. По его инициативе в нашем селе Богдановке была создана большевистская ячейка. В нее вошли фронтовики, а также крестьяне, не служившие в армии. Некоторые из них, живя еще в центральных районах европейской части России, на Украине, участвовали в крестьянских выступлениях 1905—1907 годов. Вступил в большевистскую ячейку и я. В наших рядах были и такие товарищи, как Иван Климович Кобец и Григорий Эссен, в свое время сосланные царским правительством за участие в революционном движении.

БЕЛАН ИВАН ЛАЗАРЕВИЧ (р. 1895 г.) член КПСС с 1918 г. В годы гражданской войны — участник большевистского подполья и партизанского движения в белогвардейском тылу; в дни обороны Уральска — командир коммунистической роты. Ныне — пенсионер.

По инициативе П. П. Парамонова, с помощью фронтовиков и делегатов областного съезда большевистские ячейки были созданы также в Долинном, Федоровке, Покатиловке, Алексеевке, Придорожном, Приречном.

Партийные ячейки вели агитационную работу среди трудового крестьянства, организовывали срыв различных мероприятий, проводимых уральским Войсковым «правительством». Значительно активизировалась деятельность подпольных ячеек после того, как белоказачество повело против Советской власти открытую вооруженную борьбу. Крестьяне по совету членов подпольных ячеек уклонялись от мобилизации в ряды белой армии, срывали устанавливаемые повинности, не давали врагу лошадей, хлеба и других продуктов.

Все чаще и чаще в наши степи стали наведываться карательные отряды белоказаков и алаш-ордынцев, которые чинили зверства и насилия над трудовым населением. В апреле 1918 года каратели живым зарыли в землю крестьянина села Федоровки С. Козловского за то, что он скрывал в своем доме члена областного Совета А. Айтиева[1].

---

[1] См. воспоминания А. Айтиева, опубликованные в сборнике «В огне революции», стр. 117.

В обстановке усиливающегося белоказачьего террора во второй половине августа близ Богдановки, в Глубокой Балке, состоялся первый подпольный съезд коммунистических ячеек Покатиловской, Федоровской и Александровской волостей, на котором присутствовало около 20 делегатов. Из Богдановской группы в съезде участвовали П. П. Парамонов, С. В. Давиденко, М. М. Довженко. Мне было поручено встречать делегатов, направлять их на место сбора, охранять их.

После обсуждения обстановки, сложившейся в области и Зауральной стороне, съезд принял решение: неустанно вести среди крестьян агитацию против оказания помощи казачьему Войсковому «правительству», всеми средствами тормозить переброску грузов и частей белоказачьего войска, вовлекать в ряды коммунистов революционно настроенных крестьян, создать при каждой подпольной ячейке боевую дружину для разоружения мелких белогвардейских отрядов.

Для руководства работой подпольных большевистских ячеек был избран подпольный районный комитет партии, в который вошли П. П. Парамонов (председатель), А. Айтиев, С. Давиденко, М. Довженко, Г. Эссен, Балюк.

Членам райкома было поручено объехать села и аулы Зауральной части и развернуть на местах политическую работу, помочь создать подпольные большевистские ячейки.

Вскоре во всех селах были организованы крепкие подпольные ячейки и при них боевые дружины. В состав дружин в первую очередь вошли сами члены подпольных ячеек. В Богдановке командование дружиной было поручено мне. Прежде всего, пришлось подумать об оружии. Начинали мы свои боевые действия, вооруженные несколькими винтовками, привезенными солдатами с фронта. Так же обстояло дело и в других дружинах.

Вооружались мы в основном за счет казачьих и алаш-ордынских отрядов. Помню, в селе Придорожном появился небольшой белогвардейский отряд, который сопровождал шедший в Уральск обоз с хлебом. По сведениям, собранным нами, отряд состоял из казаков, недовольных тем, что их мобилизовали. Мы решили этим воспользоваться. Угостили казаков самогонкой, а затем начали вести, что называется, разговор по душам.

— За что и против кого воюете, казаки? Кому служите?

Привели несколько примеров, как некоторые казачьи полки отказались воевать против Советской власти и разошлись по домам.

Казаки заявили, что они взялись за оружие не по своей воле и готовы хоть сейчас разойтись по своим станицам и хуторам. В конце концов, так оно и получилось. Мы проводили казаков до

села Долинного, ближе к Уралу, где расположены были их родные места. От них же мы получили оружие.

В отдельных случаях, когда небольшие вражеские отряды отказывались сдаваться, мы применяли оружие. Так понемногу добывалось дружинами вооружение для борьбы за Советскую власть.

По мере роста дружин учащались стычки с отрядами белоказаков и алаш-ордынцев.

В конце 1918 года белоказачье Войсковое «правительство», чтобы пополнить свои потрепанные части, объявило мобилизацию переселенческого крестьянства трех возрастов. Зная, что наши крестьяне добровольно в белую армию не пойдут, оно послало в села Зауральной части отряд белоказаков.

Прибыв в Богдановку, белоказаки согнали крестьян на сходку, и командир отряда зачитал приказ о мобилизации. На сходке выступили члены нашей подпольной ячейки — Довженко и Эссен, призывая крестьян воспротивиться мобилизации.

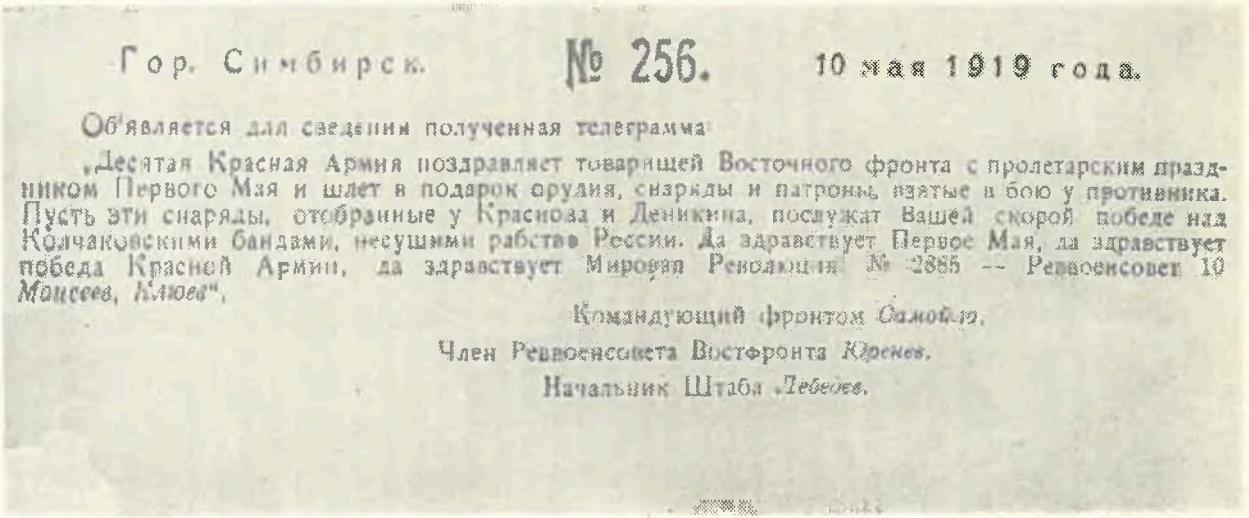
По приказу белоказачьего офицера нас арестовали и увезли в Покатиловку, где сдали старшине. Старшина, не желая, видимо, обострять отношений с крестьянством, через три дня нас отпустил, взяв подписку о том, что мы впредь не будем заниматься агитацией.

А приказ о мобилизации так и остался невыполненным. Чтобы добиться проведения мобилизации, белоказачье командование прислало к нам новый отряд карателей. Но нас своевременно предупредили об этом. Когда отряд остановился в Покатиловке, мы организовали ночью вооруженный налет на белоказаков, которые в панике бежали в сторону Уральска. Больше они нас не тревожили.

К концу 1918 года отряды красных партизан появились и в других местах. Глубокой осенью, кажется, в ноябре к нам прибыл представитель кустанайских партизан — матрос Белоусов. Для установления связи с командованием Оренбургского фронта подпольный райком партии направил Парамонова и Эссена. Им поручалось также установить связь с действующими в тылу врага отрядами красных партизан.

В начале января 1919 года на Уральском фронте усиливаются боевые действия частей Красной Армии против белоказаков. Войска 4-й армии с боями шли на Уральск. Наши боевые дружины, превратившиеся в партизанские отряды, старались оказать посильную помощь Красной Армии. Накануне освобождения Уральска нам удалось разбить значительный отряд белых в Чулак-Анкате, где мы захватили много оружия.

После освобождения города подпольный райком партии



Гор. Симбирск. № 256. 10 мая 1919 года.

Об'является для сведения полученная телеграмма:

„Десятая Красная Армия поздравляет товарищей Восточного фронта с пролетарским праздником Первого Мая и шлет в подарок орудия, снаряды и патроны, взятые в бою у противника. Пусть эти снаряды, отобранные у Краснова и Деникина, послужат Вашей скорой победе над Колчаковскими бандами, несущими рабство России. Да здравствует Первое Мая, да здравствует победа Красной Армии, да здравствует Мировая Революция. № 2885 — Реввоенсовет 10 *Мацеев, Клюев*".

Командующий фронтом *Самойло*.

Член Реввоенсовета Востфронта *Юренев*.

Начальник Штаба *Лебедев*.

Телеграмма Реввоенсовета 10-й армии войскам Восточного фронта.

установил связь с командованием частей Красной Армии и областным комитетом партии.

Озлобленные поражениями, белоказаки и алаш-ордынцы усилили свои бандитские налеты на населенные пункты и расправу над мирным населением. 12 февраля 1919 года они совершили бандитский налет на село Александровку и захватили врасплох местных дружинников. 22 человека были зверски расстреляны и порублены шашками. Лишь немногим удалось спастись. Среди спасшихся был командир дружины Мисюра. Позднее, в конце апреля, он все же был схвачен белоказаками, увезен в Бударино и там расстрелян. Узнав о налете на Александровку, подпольный райком партии направил туда под моим командованием сводный отряд дружинников. Когда наш отряд прибыл в село, бандиты бежали.

В апреле, в связи с наступлением Колчака, с Уральского фронта были отозваны некоторые части Красной Армии. Воспользовавшись этим, белоказаки начали наступление на Уральск. Город оказался в осаде. По распоряжению Уральского ревкома все партизанские отряды Зауральной стороны были направлены на защиту Уральска. Из коммунистов-дружинников Зауральной стороны создали коммунистическую роту.

Вначале рота занимала оборону в районе мельницы Макарова (ныне кожевенный завод), затем была переведена в район поселка Новенькое и вошла в дружину, которой командовал Георгий Лазич. Это был самый трудный участок фронта, так как Новенькое являлось ключом обороны города. Противник не раз направлял свои основные атаки на этот участок. Бойцы дружины стойко выдержали неоднократные атаки превосходящих сил противника. Особенно сильные бои были 13, 17 и 24 мая. В эти дни атаки следовали одна за другой. Часто доходило до рукопашных схваток, в которых бойцы нашей роты проявляли героизм и отвагу. Житель Покатиловки Калистрат Горячев в одном из таких рукопашных боев захватил вражеский пулемет и сразу же повернул его против белых. Мой земляк Терентий Сорока, командир батареи трехдюймовых пушек, 25 мая (в день крупного наступления белоказаков с запада), умело направляя огонь батареи, полностью уничтожил переправившиеся через реку Чаган значительные силы белоказаков. Наступление противника было сорвано.

Враг действовал и внутри города. Оставленные в Уральске лазутчики стремились внести дезорганизацию в ряды защитников города, сеяли панику, срывали снабжение, распространяли всевозможные слухи. Опорой командования в борьбе с паникерами, шпионами и диверсантами были коммунисты.

Чтобы усилить партийное влияние в рядах защитников го-

рода, нашу коммунистическую роту в начале июня расформировали и послали нас бойцами в части 22-й стрелковой дивизии, оборонявшей Уральск. До конца осады я пробыл в рядах Малоузенского полка, занимавшего оборону в районе железнодорожного моста через Чаган. Партизаны Зауральной стороны оказывали большую помощь 22-й дивизии в героической обороне Уральска.

Озлобленный своими неудачами на Уральском фронте, враг устраивал зверские расправы над мирным населением захваченной им территории. Особенно издевался он над советскими активистами и семьями партизан. Каратели не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

Но ни зверства, ни репрессии карателей не могли сломить воли трудового крестьянства. Все новые и новые массы русского и казахского крестьянства становились на путь борьбы за Советскую власть. Несмотря на то, что много коммунистов из сел Зауральной части ушло на оборону города, борьба не прекращалась, место ушедших занимали новые товарищи. В поселках был создан новый партизанский отряд, которым руководил коммунист А. И. Казаченко. Среди казахского населения большую работу по мобилизации масс на борьбу с врагом вели коммунисты А. Айтиев, Алибеков, А. Джумабеков, А. Ажибаев и другие. К концу 1919 года дружины самообороны во главе с коммунистом А. Джумабековым напали на штаб Илецкого белоказачьего корпуса, стоявшего в Кзыл-Куге, обезоружили охрану и захватили в плен много белогвардейских офицеров, в том числе и командира корпуса генерала Акутина [1].

Партизаны Зауралья под руководством райкома партии помогли регулярным частям Красной Армии в разгроме белоказачьей армии генерала Толстова и в очищении территории области от врага.

[1] См. воспоминания У. Абирова, опубликованные в сборнике «В огне революции», стр. 130—131.

И. Бикбаев

О КАЗАХСКОЙ КАВБРИГАДЕ[1]

В августе 1919 года вышел приказ Чапаева: всех владеющих казахским языком как из старшего, так и из младшего комсостава откомандировать в созданную добровольческую казахскую (киргизскую) бригаду, входившую в состав 25-й дивизии. Я попал в эту бригаду и был назначен командиром эскадрона.

Наступили горячие дни. Ежедневно прибывали добровольцы казахи. Шло обучение, проводились строевые и тактические занятия.

20 августа 1919 года кавдивизион казахской кавбригады под командой М. Захарова, выгрузившись на станции Ершов, перешел в наступление на занятые войсками генерала Толстова поселки Милорадовку, Семеновку, Жестянку, Вязовку и др. (поселки эти входили в Николаевский уезд).

В первый же день наступления на Милорадовку и Семеновку казахские джигиты показали себя храбрыми воинами, настоящими рубаками. Геройски вели себя в бою Кылей Нургалиев, Губайдулла Сулейменов, Мурзагали Карачаев и другие.

[1] Настоящее воспоминание представляет собой сокращенную протокольную запись выступления И. Бикбаева на совещании участников гражданской войны в Западном Казахстане. Совещание состоялось 13 и 16 августа 1951 года при Уральском горкоме партии.

Я получил приказ командира дивизиона Захарова зайти со своим эскадроном в тыл противника, который занимал поселок Жестянку. Воспользовавшись темнотой и дождливой погодой, эскадрон благополучно вышел в тыл врага и замаскировался недалеко от поселка в камышах. Ждали рассвета, так как с рассветом Захаров с двумя эскадронами должен был начать наступление на поселок и отвлечь на себя внимание белых.

БИКБАЕВ ИСКАК МУЖИБОВИЧ (р. 1898 г.). В годы гражданской войны — чапаевец, командир эскадрона Отдельной казахской кавалерийской бригады. В последующие годы был на советской и хозяйственной работе. Ныне — персональный пенсионер.

С рассветом началось наступление на поселок. Но получилась совсем не такая картина, как мы ожидали: белоказаки держались крепко, не отступали, наоборот, заставили дивизион Захарова отходить. Тогда я принял решение начать атаку с тыла. Бесшумно сели мы на коней, я объяснил бойцам задачу. Эскадрон ринулся в атаку. Первым делом была перебита артиллерийская и пулеметная прислуга. Белоказаки обратились в бегство. В этом бою джигиты показали большую отвагу и храбрость, забрали трофеи и пленных.

Второй бой с участием нашего эскадрона произошел в середине сентября 1919 года. Два казахских кавалерийских полка попали в окружение в поселке Чувашинском (ныне Приурального района).

Белогвардейский генерал Мартынов предпринимал неоднократные атаки, но не имел успеха, так как добровольцы казахи и остальные красноармейцы держались стойко, дрались самоотверженно. Бой продолжался около десяти часов, но ни один красноармеец не отступил ни на шаг.

После продолжительного боя стали иссякать запасы патронов. Командование решило отходить без паники, в порядке. При отступлении полки неоднократно отбивали яростные атаки беляков. В этих боях геройски погиб комиссар полка Шамсутдинов.

Вскоре начал появляться комсостав из казахов.

С. Кузинин

БОЕВЫЕ БУДНИ ВТОРОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА ОТДЕЛЬНОЙ КАЗАХСКОЙ БРИГАДЫ

Службу свою в Красной Армии я начал в дивизии Чапаева, где командовал эскадроном и участвовал в боях против армии Колчака. После взятия Уфы я был назначен командиром 2-го полка Отдельной казахской конной бригады. Бригада формировалась в Аткарске.

Реввоенсовет Восточного фронта принимал срочные меры для усиления наших войск конницей. Одной из таких мер и было формирование национальных казахских кавалерийских частей.

Большую роль в организации казахской конной бригады играл политотдел, среди работников которого были казахи.

Из Аткарска наша бригада была переброшена в Александров-Гай, а затем в Уральск.

Как известно, Уральск больше двух месяцев был в осаде и даже после освобождения его Чапаевской дивизией в городе

продолжалось осадное положение. После 22 часов жизнь в городе замирала, запрещено было появляться на улицах, красноармейцы несли патрульную службу. Мне вспоминается один случай, который очень убедительно показывает, с какой бдительностью относились к патрулированию бойцы казахской бригады.

Однажды вечером я вышел из дома, чтобы проводить через улицу хозяйкину соседку. Переходя улицу, я услышал окрик: «Стой, кто идет?» Это был патруль из трех красноармейцев казахов. Как потом я узнал, это были красноармейцы 1-го полка нашей бригады. Подойдя к нам, старший патрульный спросил меня: «Пропуск?» Я ответил: «Курок».

Красноармеец, откозыряв, отошел в сторону.

Но спустя 1—2 минуты они снова окликнули меня. Мы остановились. «Хотя мы и знаем, что вы командир 1-го полка нашей бригады и пропуск вы сказали нам верно, но мы должны доставить вас к коменданту, так как пропуск слышала женщина»,— сказал старший патрульный.

Как ни уговаривал я бойцов, они были неумолимы. Пришлось подчиниться, и мы последовали под конвоем в комендатуру.

КУЗИНИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ (р. 1898 г.), член КПСС с 1949 г. Активный участник гражданской войны и формирования национальных частей Красной Армии в Казахстане. В последующие годы находился на командных постах в Советской Армии. Награжден тремя орденами СССР. Ныне — полковник в отставке.

Конвоировали нас бойцы по всем правилам караульной службы, держа винтовки наизготовку.

На второй день командир 1-го полка Пальгов по моей просьбе объявил в приказе этим бойцам благодарность за бдительность при несении караульной службы.

Население казахских аулов на Бухарской стороне, узнав, что я являюсь командиром казахского полка, встречало меня очень гостеприимно.

...На главной улице Уральска казахская бригада была построена в пешем строю для смотра.

Бойцам были перед этим выданы шпоры, а командный состав получил башлыки и черкески. Полкам бригады были торжественно вручены знамена.

Вскоре мой полк был выдвинут на Бухарскую сторону за поселок Меновое и аулы Караобинской волости. Полк занимал линию обороны, имея задачу не дать передовым конным частям белой армии генерала Акутина прорваться к Уральску.

Впервые моим бойцам пришлось испытать окопную жизнь. Коноводы с лошадьми всего полка оставались в поселке Меновом.

Каждую ночь до рассвета ожидали мы налета белоказаков. Каждую ночь наша связь со штабом бригады прерывалась, а утром, при проверке связи, недоставало нескольких километров провода.

Ко мне обратились два красноармейца казаха. Они вызвались поймать похитителей нашего провода. Я сначала недоверчиво отнесся к их предложению, так как многие бойцы, которым надоело сидеть в окопах, просились у меня под разными предлогами в город. Но старый казах убедил меня...

И в эту ночь связь со штабом снова оборвалась. А на утро посланные в засаду казахи явились с двумя пойманными гимназистами и с катушками смотанного провода...

* * *

Погрузившись в Уральске в вагоны, наш полк проследовал по железной дороге до станции Озинки и здесь поступил в распоряжение Особой группы войск, которой командовал Сокол. Перед нами стояла задача — ликвидировать остатки белого казачества в уральских степях; задача эта успешно осуществлялась, но в каких тяжелых условиях,— об этом можно судить из следующего эпизода.

Хотя наш полк и назывался конным, только половина его, то есть два эскадрона, состояла из кавалеристов. Пулеметы перевозили на тяжелых и неудобных двуколках, оставшихся еще от старой армии.

От командующего Особой войсковой группой Сокола я получил приказ срочно, не позднее чем через два часа, выступить из Озинок и, двигаясь западнее хутора Чижи, выбить белоказаков из поселка Шильная Балка. Ввиду наступивших заморозков отдел снабжения выдал полку валенки и полушубки.

Мы выступили в поход. Погода была отвратительной: повалил крупный сырой снег, и не прошло и получаса, как земля превратилась в густую, темнобурую грязь. С каждым шагом продвигаться вперед становилось все труднее: быки останавливались, а верблюды ложились в грязь; полушубки и валенки намокли, не давая уже тепла, затрудняли каждое движение...

Люди двигались молча, не слышно было обычных шуток и разговоров. Кони месили глубокую вязкую грязь, с трудом вытаскивая ноги; грязь большими пластами налипала на колеса подвод и двуколок; от раскисших скользких полушубков поднимался пар...

Наступила ночь. Темнота была настолько непроницаемой, что, сидя на лошади темной масти, я не видел ее головы.

В этот раз, как уже не однажды, я снова убедился в исключительно ценных качествах наших бойцов, способных преодолевать любые препятствия и не теряющих бодрости духа в тяжелой обстановке. Прошло несколько времени, и то тут, то там стали раздаваться в колонне шутки и прибаутки; люди посмеивались над собственными невзгодами. Немолодой уже начальник связи полка весельчак Родичев напевал что-то своим тенорком. А известный в полку «гадальщик» Сулимбаев предсказывал, что все будет хорошо и завтра степь осветит солнышко.

Непрестанно падавший крупными хлопьями снег сменился ливнем. Темнота продолжала оставаться все такой же густой и непроницаемой.

Совершенно внезапно мы въехали в какой-то поселок. Он оказался хутором Евлашкиным. Ночь мы бодрствовали, хотя всех отчаянно клонило ко сну. Все сушились и приводили себя в порядок.

Неприглядный вид имел наш полк, когда мы построились на улице хутора: утомленные лица бойцов и командиров, измятые полусырые шинели, порванные сапоги, извлеченные из обозных ящиков, грязное снаряжение, дрожащие, со взъерошенной шерстью лошади...

Итак, мы снова в походе. Лужи покрылись за ночь льдом; грязь смерзлась и стала бугристой. Словно пеленой, степь окуталась туманом, который делался все более плотным, лишая нас всякой видимости. Двигаться было невыносимо трудно, но мы неуклонно продолжали идти вперед, используя в качестве проводников взятых в плен казаков.

Так прошло около трех часов. Вдруг невдалеке от нас прогремело несколько ружейных выстрелов. Сквозь туман я разглядел неясные очертания группы конных белоказаков, скакавших от одного омета к другому.

Я развернул полк таким образом, что на флангах оказались конные эскадроны Мишакина и Ложкина, а в центре — пешие красноармейцы; по слегка припорошенной снегом земле мы цепями пошли в наступление.

Лишь немногим из белоказаков удалось уйти тогда из Шильной Балки: в короткой, но жестокой схватке большая часть их была порублена, а остальные скрылись в камышах; наши конники долго преследовали их.

Так добивала казахская конная бригада в составе 4-й армии Туркестанского фронта остатки белоказачьей армии генерала Толстова.

Б. Альджанов

БОРЬБА ЗА АУЛЬНЫЙ СОВЕТ[1]

ОСЕНЬ 1917 ГОДА

Есть приказ Джанша-хана[2] о сборе с каждой кибитки (домохозяина) по 100 рублей и о выделении каждым аулом по одному джигиту. В целях срочного исполнения этого приказа представители аулов, волостей и уездных земских управ бешено скачут по степи.

Стон и вопль в ауле:

— Как же быть? Неужели продать последнюю клячу? Ведь непосильная же тяжесть эти 100 рублей!

...Тем временем наступил ноябрь, и узун-кулак донес, что Временное правительство пало, что образовалось новое, Советское правительство во главе с большевиками, что большевики защищают батраков и бедняков.

[1] Воспоминания Б. Альджанова «Что осталось в памяти» написаны им в начале 30-х годов. В настоящем сборнике публикуются отрывки из этих воспоминаний.

[2] Имеется в виду Джанша Досмухамедов, один из главарей «правительства» Западного отделения Алаш-Орды.

Появилось выражение радости в глазах у бедноты, испытавшей на своей спине удары палки алаш-ордынского земства за неуплату сторублевого побора со двора. Развязались языки:

— Идут большевики, если они не защитят, то баи загонят в могилу.

С каждым днем углублялась пропасть между деятелями алаш-ордынской земской управы и беднотой. Волна народного возмущения превращалась в бурю.

АЛЬДЖАНОВ БАТЫРБЕК ХАЙРУЛИЕВИЧ (1895—1942 гг.), член партии с 1919 г. Активный участник борьбы за победу Советской власти в Западном Казахстане.

СЪЕЗД СОВЕТОВ

Было начало марта 1918 года. Участились поездки в город из ближайших аулов затем, чтобы разузнать о происходящих там событиях.

И мы в числе четырех-пяти джигитов нашего аула поехали в Уральск разведать о происходящем.

Заехав на квартиру в городе, за чаем расспрашивали о новостях, о том, кто такие большевики и что происходит. Нам разъясняет квартирохозяин татарин:

— Да, о большевиках много разговоров, весь город говорит о них. Будут выбирать Советы, созывают депутатов.

На следующий день мы пошли туда, где собирается народ (съезд происходил в театре). Полно народу, все говорят, что съезд будет состоять только из бедноты. Оглядываю собравшихся, вижу множество казахов. В числе их представители не только из близлежащей к городу I Караобинской волости, но и из других волостей. Помнится, что я заметил из III Караобинской волости Калия Джанатаева, вернувшегося из окопов Джумагалия Казиева, трех-четырех человек из Бурлинской волости, из Чингирлауской волости, из нашей Караобинской волости Абдрахмана Айтиева, Мендыгирея Ипмагамбетова, за каждым из них группа в 40—50 человек.

Большинство собравшихся казахов состоит из бедняков, среди которых видны такие же, как я, мугалимы, а также учащиеся... Однако кое-где мелькают и толстосумы...

Собрание открылось, президиум избран, выступают ораторы. Все говорят на русском языке; хотя мы не понимаем, но сидим и слушаем. Говорят возбужденно и пылко.

Был избран областной Совет во главе с председателем Колостовым. Из казахов избрали Абдрахмана Айтиева и Сакыпгирея Арганчеева и еще нескольких человек.

На следующий день после выборов областного Совета я узнал от А. Айтиева, что меня назначили инструктором облисполкома и что надо вернуться в волость для организации выборов Советов...

По прибытии в аул я тут же ночью собрал много народу для разъяснения положения вещей. Извещение было, чтобы собрались исключительно батраки и бедняки. Хотя наш аул состоял не более чем из 30—35 дворов, все же собралось около 50 человек. Я открыл собрание и рассказал об итогах областного съезда Советов. После этого приступили к выборам местного Совета. Председателем Совета был избран бедняк Сагнали Бекмагамбетов [1].

Для продолжения работы по организации Советов я выехал в соседние поселки и аулы.

В тот момент, когда закончились выборы в пяти-шести аулах, и я собрался ехать дальше, прискакал гонец и сообщил, что в Уральске много руководителей областного Совета арестованы, что Арганчеев, Айтиев, Ипмагамбетов и председатель облсовета Колостов скрылись из города, что алаш-ордынцы поддерживают эти действия белоказаков.

На состоявшемся совещании членов уездной земской управы Алаш-Орды было решено уничтожить всех казахов, установивших Советы в Уральском уезде. Для этого уездная земская управа командировала некоего Ашмухамедова, дав ему в помощь 12 карателей.

С получением этого извещения пришлось приостановить всю работу и скрыться.

Аналогичные события происходили во всех волостях Уральского уезда.

Оказалось, что депутаты областного съезда Джанатаев и Джумагали Казиев успели произвести выборы Советов в трех-четырех аулах II Караобинской волости, в Бурлинской волости, в двух аулах Карагашской волости. Но руководители алаш-ордынцев в волостях принимали все меры к ликвидации Советов.

Однако зверства алаш-ордынцев не только не сломили воли трудового народа, а наоборот, еще больше усилили его ненависть к поработителям.

[1] О С. Бекмагамбетове см. сборник «В огне революции»; стр. 133

...Через несколько дней я связался с С. Бекмагамбетовым, скрывавшимся вблизи от меня, и мы начали собираться по ночам вместе с другими товарищами. Повели агитацию среди населения, разъясняя, что большевики победят и восстановят Советы.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АУЛЬНЫХ СОВЕТОВ[1]

...В тот же вечер мы собрались, восстановили избранный в марте 1918 года Совет и снова утвердили председателем Сагнали Бекмагамбетова. Одновременно с этим было решено организовать отряды. На следующий день приступили к вербовке добровольцев и создали отряд из 10 человек.

Производили обыски в тех байских аулах и домах, которые подозревались в укрывательстве оставленного бежавшими белоказаками имущества. Таким образом мы нашли девять сундуков с вещами, восемь лошадей, 11 винтовок, 300 патронов.

На следующий день повезли обнаруженное во время обыска в Уральск, который еще за пять-шесть дней до этого был освобожден Красной Армией. Одновременно в Уральске собрались советские активисты из Уйрюткульской, Джуванышской, Нижне-Караобинской волостей — около 30—40 человек. Мы устроили совещание.

Прибывшие со мною люди вместе с другими джигитами (около 20 человек) связались с Айтиевым с тем, чтобы договориться о создании объединенного отряда. Меня назначили инструктором ревкома. При ревкоме был учрежден казахский отдел, членами его коллегии были Айтиев, Арганчеев и другие.

Таким образом, с февраля 1919 года начали вновь создаваться Советы в аулах, селах и уездах — по всей Уральской области...

В ОСАЖДЕННОМ УРАЛЬСКЕ

...Мы взяли пропуска, поднялись на верхний этаж. Там все знакомые: русские и казахи. Окружили меня и спрашивают о том, что творится в степи. Я информировал, и они в свою очередь осведомили меня о своем положении:

— Мы вот здесь сидим шестой день. Собрали нас, коммунистов, и организовали боевую дружину, всего нас 400 человек.

Среди этих коммунистов находились Джандалин, Джетмеков, Джайгазин, Сакыпгирей Арганчеев, Абдрахман Айтиев,

---

[1] Опущен отрывок, в котором автор рассказывает, как он скрывался от алаш-ордынцев и как в один из январских дней 1919 года красноармейский отряд освободил его родной аул.

Абдулла Омаров, Нияз Омаров и другие — в общем, около 15 казахов; было здесь больше 10 татар — Гариф Тухватуллин, Хамид Тухватуллин и другие.

Кроме того, сюда были влиты мелкие отряды, организованные в волостях,— отряды Экземплярского, Довженко, Почиталина, Арганчеева, Айтиева и джигиты нашего аула.

Решили создать казахский отряд, в который вошло 200 джигитов. Готовились к выступлению против белоказаков, оперирующих вдоль рек Урала и Чагана.

Настроение у всех было бодрое. Я тоже вошел в состав боевой дружины.

В конце апреля 1919 года отряд вступил в борьбу с белоказаками...

СНОВА В АУЛЕ

...Больше месяца город Уральск осажден. С тех пор произошло два боя с белоказаками. И оба раза белоказаки были биты. Наступило некоторое затишье.

Казахские и татарские коммунисты получили различные поручения. Айтиева назначили начальником особого отдела. Создали информационное бюро, в него вошли я и еще несколько товарищей. Мы написали и распространили среди казахов воззвание на казахском языке. Затем выявили возможность выступления казахского населения и разведали силу и источники вооружения белоказаков станицы Трекина, находящейся на Бухарской стороне реки Урала, которые восстали против Советской власти. С этой целью я с одним русским товарищем съездил в аул, и мы добыли довольно много сведений.

Еще раз вызвали меня и сказали, что вновь хотят с товарищем послать в аулы с поручением: собрать скрывающихся джигитов, которые участвовали в организации Советов и создать из них отряды, чтобы переправить в осажденный Уральск.

Получив такое задание, мы, переодевшись в плохую одежду, вооружившись браунингами и бомбами, выехали из Уральска...

В ауле нашли сына председателя аулсовета Бекмагамбетова, мальчика 14 лет. Джиангер — живой, развитый, он знает, что происходит по всей волости. Алаш-ордынцы его несколько раз избивали, даже угрожали расстрелять, но он продолжал свое...

Мы послали этого мальчика к Мендыгирею Ипмагамбетову, который скрывался вблизи своего аула. Узнав о нашем приходе, Ипмагамбетов известил об этом скрывающихся джигитов трех Караобинских волостей, пригласив их встретиться со мной; одновременно он послал за мной Ахмедгирея Бекмагамбетова.

Во время встречи со мной Ахмедгирей не выдержал и со слезами на глазах рассказал, что алаш-ордынский карательный

отряд «Акжуз» во главе с Каржаубаевым выезжал в I Караобинскую волость и натворил там много бедствий.

Мы ему рассказали о цели нашего приезда, сказали о необходимости собраться на совещание. К рассвету он уехал, обещав известить нас о времени и месте совещания, а мы скрылись в лесу.

День прошел, наступил следующий вечер. Приехал джигит от Мендыгирея Ипмагамбетова и сообщил нам, что в ауле собрались 15—16 человек. Условились устроить совещание на опушке леса.

Местность мне была знакома вплоть до мельчайших подробностей, и мы ночью прибыли на указанную опушку. Там люди уже собрались.

Мы информировали их о положении дел, о силе большевиков, о том, что большевики скоро придут, и в заключение сообщили о цели нашего приезда...

Говорили горячо. Очень ясно выразил мнение бедноты джигит Губай Садымбаев: «Мы организуем отряды, пойдем в Уральск. Лучше умереть в бою, защищая интересы бедняков, чем сидеть сложа руки. С прошлого года мы бездействуем лишь потому, что некому было организовать нас и руководить нами. Все равно здесь погибаем зря. Дайте нам два-три дня сроку, чтобы обзавестись лошадьми и одеждой и вообще подготовиться». Многие поддержали его и решили организованно ехать в Уральск...

Г Салимов

БОЕВОЙ ПУТЬ ТАЛОВСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

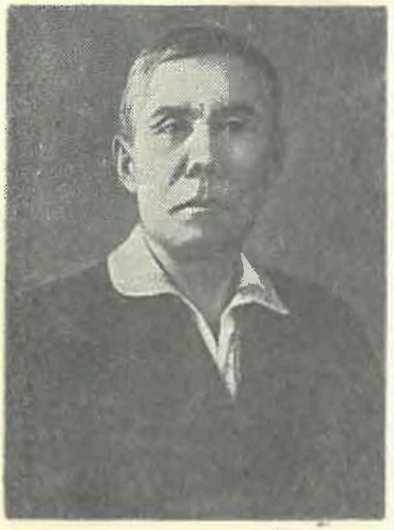
Февральская революция застала меня, как и сотни других моих соотечественников казахов, на тыловых работах в Эстонии.

2 марта 1917 года нам объявили о свержении царя. Мы решили отметить это радостное событие и не вышли на работу. А затем вновь потянулись серые, безрадостные, полные невзгод дни. Ничего не изменилось в жизни рабочих. По-прежнему нам платили гроши. По-прежнему мы голодали. По-прежнему издевались над нами десятники и прочее начальство, которое стремилось оградить нас от связи с внешним миром.

Но теперь это было не так-то легко сделать. Мы всеми путями стремились узнать о том, что происходит в стране, а особенно в Петрограде, обсуждали вопрос о прекращении работ и возвращении на родину. Усилились одиночные и групповые побеги. К июню 1917 года в партии из 500 рабочих осталось всего лишь 100. Вместе с четырьмя товарищами ушел с тыловых работ и я. После долгих мытарств мы добрались до родной Таловки

(ныне — село Казталовка Западно-Казахстанской области). Здесь власть была в руках участкового комитета — органа Временного правительства.

Среди населения царило оживление, шли разговоры о свободе, но не все могли нам правильно объяснить ее смысл. Да и трудно было понять нам, казахам, такую свободу, когда правили те же люди, что и во времена царя. Так, председателем участкового комитета был крупный феодал Байтурганов, имевший тысячи голов скота. Его помощниками являлись бывший помощник уездного правителя Н. Кенжин, купец И. Устимов и им подобные.



САЛИМОВ ГАЛИМ (р. 1897 г.), член КПСС с 1942 г. Активный участник гражданской войны в Западном Казахстане. В последующие годы был на хозяйственной и кооперативной работе.

В конце семнадцатого года долетела до нас весть о том, что власть в стране перешла в руки Советов, во главе которых стоял В. И. Ленин. Вскоре в аулах и селах стало известно, что в Таловку приехал большевик Панасюк. Рассказывали, что его в наши степи прислал Ленин для мобилизации бедноты на борьбу за Советскую власть.

Вокруг П. Г. Панасюка, присланного астраханской партийной организацией, образовалась активная группа, состоявшая из большевистски настроенных бывших солдат-фронтовиков и крестьян Таловки, соседних сел и аулов. В нее, в частности, входили И. Я. Панченко, П. Лежников, В. Касимов.

Члены контрреволюционного участкового комитета каким-то образом узнали о существовании этой группы. Они зверски убили коммуниста Панасюка, арестовали Избасара Камалова, Бахандая Мифтахутдинова и многих других; некоторым членам группы удалось скрыться. И. Я. Панченко с тремя товарищами тайно выехали в Новоузенск за оружием и помощью.

В первых числах апреля эти товарищи с отрядом в 40 человек, с небольшим запасом оружия и боеприпасов прибыли в Таловку. Временный участковый комитет был разогнан, а арестованные товарищи освобождены. В селе была установлена Советская власть. Через несколько дней Советы восторжествовали во всех

населенных пунктах бывшей Таловской части Букеевской Орды.

В середине апреля 1918 года здесь был избран участковый Совет (на правах уездного) во главе с большевиком Иваном Яковлевичем Панченко. В состав Совета вошли избранники трудового народа — И. Камалов, Д. Избасаров, Б. Мифтахутдинов, Жакупов, З. Старостин, М. Ердешев, А. Утельгенов, В. Киселев и другие.

Местная контрреволюция в лице казахских феодально-байских элементов и русских кулаков всеми силами боролась против укрепления Советской власти. Таловский Совет, чтобы защитить власть трудящихся, организовал добровольческий отряд из местных жителей. Организатором и душой его был бывший батрак, участник первой мировой войны Иван Яковлевич Панченко. Ядро отряда состояло из казахской и русской бедноты. Среди 37 бойцов его первоначального состава было 19 казахов. На всех винтовок не хватало. Мне и моему товарищу Алагузу Даулетову дали одну винтовку, но это нас не смущало. Мы чувствовали себя солдатами революции и надеялись, что скоро у каждого из нас будет личная винтовка.

Совет наложил контрибуцию на кулаков, баев и торговцев. Все собранное по контрибуции шло по указанию Совета на помощь бедноте, на содержание отряда и советских учреждений.

Красногвардейцы осуществляли охрану советских порядков от происков контрреволюционных сил.

Уральское белоказачье Войсковое «правительство», объявив войну Советам, создало при помощи иностранных империалистов значительные воинские силы и бросило их против тогда еще малочисленных отрядов Красной гвардии. Одна из этих белогвардейских банд, действовавшая под станицей Сломихинской (ныне Фурманово), в начале мая 1918 года внезапным налетом заняла Таловку. Белоказаки и алаш-ордынцы захватили 40 бойцов отряда и всех членов участкового Совета — всего свыше 70 человек. Бандиты учинили жестокую расправу над членами Совета и красногвардейцами. 40 человек было расстреляно, изрублено шашками, засечено до смерти плетьми и шомполами. Так погибли И. Я. Панченко, В. Касимов, З. С. Старостин, М. Шауменов, И. Е. Новиков, С. А. Новиков, Ш. Жумагазиев, П. Лежников, А. Нургалиев, А. Даулетов, Е. Е. Ильминский, Ф. Балабонов, И. Сопельников, Е. Рысин, А. Коробов.

Оставшиеся в живых активисты, в том числе и я, скрывались в соседних селах и аулах.

За несколько дней до нападения белоказаков на Таловку по решению Совета в Астрахань с группой товарищей выехал брат председателя уездного Совета И. Я. Панченко — Ефим

Яковлевич Панченко. Ему было поручено добиться в Астрахани оружия и боеприпасов для формирования большого отряда Красной гвардии.

Астраханские организации отпустили около 500 винтовок и 10 тысяч патронов, которые были доставлены в село Савинку Здесь был сформирован партизанский отряд, в который вступили также товарищи, спасшиеся от террора белогвардейцев и алаш-ордынцев в Таловке.

В состав отряда входило вначале два эскадрона кавалерии, отряд пехоты (позже на его базе был создан 1-й Савинский полк) и батарея из двух трехдюймовых орудий.

5 сентября 1918 года кавалерийская группа под командованием Е. Я. Панченко, совершив стодвадцатикилометровый марш, освободила Таловку.

Однако, спустя некоторое время, под нажимом сломихинской группы войск противника мы вынуждены были отойти на Александров-Гай, где соединились с крупным интернациональным кавалерийским отрядом, состоявшим в основном из бывших военнопленных венгров, под командованием Виннермана.

В начале октября 1918 года командованием 4-й армии частям, стоящим в Александров-Гае, был дан приказ о наступлении на Уральск.

14 октября наш конно-разведывательный отряд выступил из Александров-Гая и к вечеру вновь занял Таловку.

Белое командование решило уничтожить наш отряд. Подтянув значительные силы кавалерии, противник ворвался в село.

Учитывая сложность обстановки, Виннерман, который командовал отрядом, двинул против наступавших белоказаков пехоту, а сам с тремя эскадронами кавалерии бросился в контратаку. Ворвавшиеся в село белогвардейцы в жаркой сече были полностью уничтожены. Но на окраине Таловки кавалеристов Виннермана встретил сомкнутый, ощетинившийся пиками строй белоказаков. В этот критический момент командир отряда, выхватив маузер, стал в упор стрелять в сомкнутый строй противника. Его примеру последовали остальные бойцы (почти все венгры были вооружены револьверами). Строй белоказаков нарушился, и это позволило венграм пустить в ход шашки. Противник не выдержал бешеного напора красных бойцов и отступил. В одной из схваток в этот день геройски погиб Виннерман, а Е. Я. Панченко был тяжело ранен. Из-за отсутствия боеприпасов и численного превосходства белых мы оставили село.

До марта 1919 года наш отряд совершал глубокую разведку на территории, занятой противником, доставлял штабу армии сведения о состоянии сломихинской группы войск Уральской белоказачьей армии.

Тем временем отряд Виннермана был реорганизован в отдельную Александрово-Гайскую бригаду. В ее состав первоначально входили Савинский и Интернациональный пехотные стрелковые полки. Наш конный партизанский отряд во главе с Е. Я. Панченко также был подчинен командованию бригады.

В марте 1919 года командование Александрово-Гайской группой войск принял В. И. Чапаев. К этому времени бригада пополнилась Балаковским стрелковым полком. Для нас наступили горячие дни. В середине марта части Александрово-Гайской группы начали наступление на Сломихинскую. В первый же день наступления наш отряд вместе с Савинским полком овладел селом Таловка.

На другой день полки вели бой за Сломихинскую. В цепях наступающих находился Чапаев. После жаркого боя к вечеру станица была взята.

Переход Колчака в наступление сказался и на нашем участке фронта. Из состава Александрово-Гайской группы войск в районе Сломихинский остался Савинский полк. Перед этим полком и нашим отрядом была поставлена задача прикрывать от белоказаков Новоузенск и Александров-Гай. Но командованию Уральской белоказачьей армии удалось привести в порядок свои войска и перейти в наступление. Наш отряд и Савинский полк не смогли сдержать белоказаков, и мы вынуждены были оставить Сломихинскую, Таловку, Александров-Гай и отойти к Новоузенску.

Во время отступления наш отряд был окружен белоказаками. После упорного боя мы прорвали окружение и отступили на Новоузенск. В бою погибло немало славных товарищей. Под натиском белых пришлось оставить и Новоузенск и отойти на Малоузенск. Здесь мы соединились с Орлово-Куриловским и Коммунистическим стрелковыми пехотными полками.

В июне 1919 года части, стоявшие в Малоузенске, в том числе и наш отряд, перешли в наступление на Новоузенск, а затем на Александров-Гай, Таловку. Под Александров-Гаем белые оказали упорное сопротивление. Разгорелся ожесточенный бой, длившийся более суток. В этом сражении командир нашего отряда Е. Я. Панченко поручил мне с четырьмя товарищами обеспечить доставку боеприпасов. Десятки раз под ураганным огнем противника мы подвозили и подтаскивали патроны. Недостатка в боеприпасах бойцы не ощущали. Все попытки белых остановить нас не удались, мы их заставили покинуть Александров-Гай.

Мы продолжали наступление, освободив Таловку, а затем и Сломихинскую...

После разгрома Уральской белоказачьей армии я и мои друзья по отряду сражались на других фронтах.

Г. Сарбаев

ДЖИГИТЫ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ОТЧИЗНУ

Летом 1919 года в Урду приехал член Военно-революционного совета южной группы войск Восточного фронта В. В. Куйбышев.[2] Было принято решение о переброске 1-го Образцового казахского советского кавалерийского полка на Уральский участок фронта.

...Конец июля. Стояли знойные дни. Мы находились в селе Савинке. Там же стоял Савинский полк и дивизион конных красных партизан. Командовал полком Лисонов, а дивизионом — Ефим Панченко.

Третий эскадрон казахского полка присоединился к кавалерийскому дивизиону. Командиром эскадрона был Сеит Тнимов. Партийная организация направила меня сюда политкомиссаром.

---

[1] Перевод с казахского.

[2] См. воспоминания Ж. Сарсекова в сборнике «В огне революции», стр. 105.

Мы получили приказ очистить Таловку и Сломихинскую от белогвардейских банд. Дивизион конных красногвардейцев и казахский эскадрон были в головном дозоре. С криками «ура!» напали мы на бандитов Толстова, застав их врасплох. Нашей задачей было вести бой до подхода главных сил Савинского полка. В течение трех-четырех часов продолжался кровавый бой. Около сотни бандитов было уничтожено, около 50 — взято в плен. Остальные убежали. В этой схватке Сеит Тнимов, Тасбулат Бекбулатов, Кенжегарин и другие проявили исключительную храбрость.

САРБАЕВ ГАБИТ (р. 1893 г.), член КПСС с 1919 г. В 1918 г.— член Астраханского губернского Совета, организатор крестьянских Советов и комитетов бедноты, командир красногвардейского отряда в Астрахани. В 1919 г.— военком полка Красной Армии, в 1920 г.— начальник отряда ЧОН. Ныне — учитель.

Таловка осталась в наших руках. После этого мы направились на Сломихинскую. Была уже ночь. На полпути в Хасан-Худыхе остановились на ночлег. Все бойцы спали. Вдруг на нас напали белоказаки. Опять пришлось сражаться. Мы быстро собрали свои силы и вступили в бой. Враг отошел, оставив на поле боя около двухсот убитых.

Наш командир Лисонов отдал приказ выступить ночью, чтобы к утру освободить Сломихинскую. И снова в головном дозоре были казахский эскадрон и конный дивизион.

...До Сломихинской осталось всего 4—5 километров. Наткнулись на разведку врага. Завязалась схватка. Тут подоспел Савинский полк. Схватка превратилась в кровавый бой. Гремели пулеметы, визжали пули, то зарываясь в песок, то ударяясь о камни, дрожала земля. Прошло три-четыре часа с начала боя. Командир полка Лисонов и командир эскадрона Сеит Тнимов подали команду: «Вперед!» Воины вскочили на коней и с криком «ура!» ринулись на врага. Сабли красноармейцев засверкали над головами бандитов. Белогвардейцы в беспорядке отступили. Сломихинская была освобождена.

Бойцы расположились отдыхать. Но Сеит Тнимов и другие командиры предложили завершить разгром врага. Мы снова выступили и встретили белых в 18 километрах от Сломихинской. Около 400 белогвардейцев сопровождали 180 повозок, запряжен-

ных быками. Опять завязался бой. Мы разбили врага, захватили боеприпасы, 180 арб и полсотни белогвардейцев взяли в плен. С победой возвратились мы в Сломихинскую. Навстречу нам шел Савинский полк. Встретили нас с радостью, Лисонов торжественно произнес:

— Молодцы, джигиты! Теперь я убедился, что казахские джигиты — храбрые и преданные родине бойцы! Большое вам спасибо!

...Декабрь 1919 года. Наши разведчики приносят вести о лихорадочной подготовке банд Анохина и Насаева к наступлению на центр Букеевской степи — Урду.

В городе было всего около ста коммунистов и 150 красноармейцев. Поэтому партийный комитет обратился за помощью к 11-й армии и принял меры к защите города.

Однажды ночью мы услышали стрельбу, крики. Ясно было, что на город напала банда. Обычно в таких случаях мы, коммунисты, собирались в дом, где помещался губернский партийный комитет, чтобы защищать его. Поэтому я, как и все, побежал в комитет. Там уже находилось несколько коммунистов. Они рассказали, что наше охранение было застигнуто врасплох и анохинцы захватили полгорода.

Секретарь губкома партии Варламов, собрав всех коммунистов, призвал бороться до последнего дыхания и не отдавать остальную часть города. Мы тут же выбрали Варламова[1] командиром. Около десяти коммунистов (Варламов, Гайсин, Карменов, Добров, Измаилов, Альмухаммедов, Хамзин, Закандаев, я и другие) предприняли вылазку. По нас открыли огонь из пулемета. Боролись за каждый дом, то вырывались вперед, то отступали. Слышим и чувствуем, что и в других местах так же, как и мы, борются отдельные группы местных жителей, коммунисты и красноармейцы. Число убитых и тяжело раненных увеличивается. Истекая кровью, продолжаем сражаться. Помню, наш храбрый друг и хороший боец, коммунист Добров, падая, тяжело раненный, крикнул: «Товарищи! Не оставьте моей винтовки в руках бандитов! Заберите с собой! Там есть один патрон. Пригодится!» Вот как дорога была для нас одна, только одна пуля.

Кровавая схватка продолжалась с 8 часов утра до 5 часов вечера. Все теснее смыкалось вражеское кольцо. Связи с местным Военным Комиссариатом не было, поэтому мы послали Мисала Хамзина для связи. Но он быстро вернулся и сказал, что комиссар Ямбулатов и представитель 11-й армии Хорошев, никому не сообщив, до подхода анохинцев вывели из города все силы, быв-

---

[1] См. воспоминания П. И. Варламова в сб. «В огне революции», стр. 83—92.

шие в распоряжении Военного Комиссариата. Вот почему одна сторона Урды осталась открытой, и враг свободно вошел.

Наши боеприпасы подходили к концу. Теперь мы все начали думать о том, о чем раньше не думали: каждый оставил при себе последнюю пулю, чтобы в трудную минуту застрелиться, лишь бы не попасть живым в руки врага.

Но все же, собрав последние силы, мы прорвали вражеское кольцо и вырвались за город. Здесь мы соединились с войсками Военного Комиссариата, давно бросившего нас, и направились на станцию Сайхин. Пройдя примерно 25 километров, встретили отряд Никитина (в нем было около 200 человек), спешивший к нам на помощь.

На следующий день мы освободили Урду, но банда Анохина с награбленным продовольствием скрылась.

Бандиты зверски изрубили более 70 красногвардейцев. Мы нашли останки погибших товарищей и похоронили их в саду в западной части города. На их могиле устроили траурный митинг. Коммунист Баймырза Карменов сказал:

— За пролитую кровь баи, алаш-ордынцы и белогвардейцы заплатят кровью, за погибших джигитов заплатят жизнями! Мы отомстим за погибших!

Мы все поклялись мстить врагам за наших товарищей и выполнили клятву. К началу 1920 года Урда и ее окрестности были навсегда очищены от белогвардейских банд, и весь трудовой люд этих районов получил возможность жить спокойно.

И. Сикора

С ЧАПАЕВЫМ ПО УРАЛЬСКИМ СТЕПЯМ[1]

С ноября 1917 года я — в недавнем прошлом военнопленный — находился в рядах Красной гвардии. Днем и ночью мы были в боевой готовности, потому что в округе начали бесчинствовать банды кулаков и уральских белоказаков. В боях с этими бандами при Ивантеевке пал наш командир, очень хороший товарищ — Шмилович.

В начале 1918 года, когда в Николаевске находился Василий Иванович Чапаев, наше интернациональное отделение присоединили к его партизанским частям, из которых позже была создана 25-я Чапаевская дивизия. Чапаевцы наводили страх на все контрреволюционные банды Поволжья, не исключая и белые чехословацкие части.

[1] Под этим заголовком публикуется с сокращением отрывок из воспоминания И. Сикоры, переведенного со словацкого языка Р. Маречеком, из книги «Боевая песня звучала». Словацкое издательство политической литературы, 1958.

Я был в подразделении Плясункова. Чапаев нас часто посещал. Это был очень дисциплинированный человек; как командир он в первую очередь заботился о своих солдатах. Он ненавидел недисциплинированных и тех, которые занимались воровством. Когда Чапаев узнавал, что какой-нибудь его солдат что-нибудь украл у крестьянина, он собственноручно наказывал такого негодяя. Были случаи, что за большие проступки он сам расстреливал, чтобы больше никто не посмел грязнить гордое имя красноармейцев-чапаевцев. Поэтому везде в армии Чапаева любили и уважали.

ИОЗЕФ СИКОРА

В 1918 году уральские белоказаки безобразничали, нападая на мирных жителей в селениях и городках, находящихся между Уральском и Ершовым. Под Ершовым у нас была сильная схватка с уральскими казаками. Это было в начале июня. Крестьянки нам охотно помогали и всегда точно рассказывали, где и в каком количестве находится враг.

В одном бою под Уральском я, тогда командир пулеметного отделения, был ранен. Отправили меня в больницу в Николаевск. Уже в половине июля 1918 года я вновь вернулся на фронт. Там я встретился со своими товарищами Карлом Кормошом, Иозефом Эбнером, Мишком Ференцом и другими старыми знакомыми.

Однажды пришел в нашу часть В. И. Чапаев и приказал нам отправиться на помощь отряду Кутякова, который воевал под Самарой против наступающих белочехословаков. После упорных боев мы все же вынуждены были отступить перед превосходящими силами противника, который был хорошо вооружен и имел военных специалистов.

В начале августа 1918 года Чапаев приказал Кормошу, чтобы он привел к нему в штаб несколько бойцов-интернационалистов. Мы пришли к Чапаеву. Тогда я впервые встретился с ним так близко, как говорят, лицом к лицу. Он носил легкую летнюю гимнастерку, перепоясанную ремнем, короткие кудри торчали в беспорядке из-под фуражки. Чапаев приветствовал нас, расспросил о нашем здоровье, затем перешел к делу, по которому

нас вызывал. В это время белые чехословацкие части захватили все Среднее Поволжье и приближались к Николаевску. Нужно было остановить и не допустить их продвижения на Саратов.

Мы получили задание взорвать мост на реке Иргиз, чтобы задержать наступление чехословацких частей на Саратов. Чапаев нам сказал, что он сознательно подобрал для такого задания именно нас и предложил нам переодеться в мундиры военнопленных, чтобы легче было двигаться среди легионеров...

19 августа во второй половине дня белочехословацкие части подошли к самому Николаевску.

В городе начались упорные уличные бои. Части Красной Армии героически сражались, но вынуждены были отступить. Перед зданием государственного банка стоял часовой — знакомый красноармеец Василий Кременчук. Когда он увидел, что в город ворвался противник, а части Красной Армии отступают, он побежал по направлению к базару. Мы видели, как один легионер из-за угла прицелился в него — и Василий упал. Это был молодой, девятнадцатилетний, красивый мальчик. Мы ничего не могли сделать — у нас не было оружия.

Части Красной Армии, которые отступали из Николаевска, до самого вечера упорно защищались между рекой Иргизом и городом.

Вечером и ночью они вырыли окопы на противоположном берегу и задержали наступление легионеров. Бой длился двое суток.

Мы наблюдали, как легионеры занимали город. Прежде всего они захватили государственный банк, где выбрали золотой запас и деньги. Не оставили в покое и управляющего банком — Лесковского. Вместе с семьей его увезли в Самару. Он больше не вернулся...

Командование белочехословацких частей, оперирующих в Николаевске, издало приказ, предписывавший всем пленным, бывшим солдатам Австро-Венгерской армии, явиться в штаб. Однако никто не спешил выполнять этот приказ, несмотря на угрозы...

Наступило время, когда мы должны были выполнить свое задание. 20 августа вечером мы пошли с Мишком Ференцом к Карлу Кормошу посоветоваться о ситуации и узнать, какие известия он имеет от Чапаева, с которым поддерживал связь. По дороге к Кормошу нас остановил легионерский патруль, и командир патруля, какой-то ефрейтор, нам сказал: «Вы не читали приказ о том, что все пленные должны явиться в штаб?» Мы ответили, что читали и что как раз туда и идем. На этом разговор закон-

чился. Ефрейтор нас похлопал по плечу, а мы обрадовались, что так быстро и счастливо избавились от опасности.

У Кормоша был уже и Иозеф Эбнер. Кормош передал нам, что мост через реку Иргиз не будем взрывать, потому что части Красной Армии укрепились на противоположном берегу и легионеров дальше не пропустят. На помощь спешат чапаевцы, которые должны подойти ночью к Николаевску.

Мы нетерпеливо ждали наступления ночи, когда чапаевские войска начнут атаку за освобождение города. И вот, к великой радости, под утро наша артиллерия открыла огонь. После первых залпов вспыхнули деревянные будки на базаре, огонь освещал всю площадь и бежавших по ней легионеров. Уже слышится топот чапаевской пехоты и кавалерии по неровной мостовой.

Против дома, где мы с Ференцом выжидали атаки чапаевцев, стояло несколько вражеских орудий, из которых в этой панике враги не успели сделать ни одного выстрела. Лошадей еще кое-как они успели вывести из конюшен, но запрячь их к орудиям было уже некогда. Кто успел — прыгнул на коня и дал ходу. Итак, чапаевцы захватили крупные трофеи — шесть исправных легионерских орудий со значительным запасом гранат и шрапнели.

Утром 21 августа, когда уже совсем рассвело, Николаевск был в руках чапаевцев, которые сейчас же восстановили Советскую власть и советские учреждения. Мы за это время переоделись и поспешили к Кормошу.

Тот уже выполнял обязанности начальника особого отдела. Я встретил его на Казанской улице вместе с комиссаром Цепочкиным. От Цепочкина я получил приказ проверить в больницах количество красноармейцев, раненных в боях за Николаевск. В двух городских больницах лежало 93 красноармейца, среди них четверо мадьяр и двое словаков. Потом мы пошли с Мишком Ференцом смотреть мертвых. Среди убитых было несколько красноармейцев, но больше — из гражданского населения. Поодаль лежали убитые легионеры, среди которых я опознал и встретившегося нам ефрейтора.

Вечером состоялось совещание в здании бывшего земства. Когда мы туда пришли, там уже находились старые знакомые: Кормош, Эбнер, Цепочкин, Плясунков, Кутяков, Герман, Елайгинов и другие.

Василий Иванович Чапаев пришел немного позже. Он сообщил нам, что сейчас продолжаются бои с белочехословаками.

Затем мы перешли в соседнее помещение, которое уже до отказа заполнили красноармейцы. Василий Иванович предложил почтить память павших бойцов минутным молчанием.

На совещании Чапаев заслушал рапорты, дал новые задания, назначил новых командиров там, где это было необходимо. Я снова стал командиром пулеметчиков.

...Легионеры отступили. На помощь им пришли полки уральских белоказаков. Мы несколько раз предпринимали контратаки, но не смогли их оттеснить.

Чапаев начал доискиваться причин наших неудач. Однажды вечером он вызвал командиров к себе в штаб на совещание. Мы пришли в Каменку, где находился штаб. Чапаев нас ждал. Он спросил нас, почему так туго движется дело. Один за другим мы высказали свои соображения. Одни предлагали вести атаку с левого фланга, другие — с правого, третьи предлагали кавалерией обойти укрепления легионеров.

Чапаев только слушал и постукивал карандашом по столу, не говоря ни слова. Когда все высказались, заговорил Чапаев. Он сказал:

— Кто когда видел, чтобы штурмовали укрепленные позиции днем? Постреляют вас, как овец!

Мы, как мальчишки, которых поймали в чужом саду, повесили головы.

— Атаки на укрепленные позиции необходимо проводить ночью,— продолжал Чапаев,— после первых петухов. Петух — самый надежный трубач. В это время офицеры хорошо спят после гуляния.

Совещание кончилось. Каждый получил приказ, и мы разошлись по своим частям.

На второй день под утро, когда петухи запели, мы кинулись в атаку на укрепленные позиции легионеров. Еще только на востоке забрезжил рассвет, а их позиции были уже в наших руках. Потерь у нас было очень мало, а трофеи значительные: оружие, боеприпасы, провизия и другое добро. Кроме этого, мы взяли в плен 130 белочехословаков.

Мы быстро двигались дальше, на Самару. При Конском Броде, перед Самарой, вновь наткнулись на легионерские укрепления.

В боях за Конский Брод я был ранен в ногу. Доставили меня в штаб, а оттуда я должен был ехать в больницу в Николаевск.

Вечером в штаб пришел Чапаев и спросил меня:

— Ты что, ранен?

— Как видите, товарищ командир,— немного в ногу,— ответил я.

— Ну-ка покажи, что там у тебя.

Когда он увидел рану, то предложил мне лечиться, но тут же начал меня основательно «прочищать».

— Не понимаю,— говорит он,— как ты, командир пулеметчиков, мог быть раненным. Почему ты не бережешься, а лезешь черт знает куда? Что ж, в армии вылупляются хорошие командиры, как цыплята весной? Да? Если так будет продолжаться, скоро потеряем всех командиров...

В Николаевской больнице я лежал недолго, потому что кость не задело. Жил я в квартире Кормоша, откуда ходил в больницу на перевязки. Спустя шесть недель, после выздоровления, я возвратился из Николаевска в Самару.

В конце 1918 года и в начале 1919 года бои продолжались около Уфы и дальше на восток. Уфа была освобождена нашими войсками 31 декабря 1918 года. Недалеко от Уфы перешел на нашу сторону почти целый полк чехословацких легионеров, которые отказались дальше воевать за интересы мировой реакции, против Советской власти. Многие из них были зачислены в Чапаевскую дивизию.

Р. Борисова, П. Курусов

ВЕНГРЫ В РЯДАХ ЧАПАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ

В 1917 году во многих районах России были размещены военнопленные Австро-Венгерской армии.

Чем выше поднимался гребень волны революции, тем большее число венгерских военнопленных приобщалось к борьбе трудовых масс России за власть Советов.

В Москве отряд красногвардейцев венгров под командованием бывшего унтер-офицера коммуниста Виннермана участвовал в боях за взятие Кремля, почтамта и телеграфа.

В годы гражданской войны в России было немало примеров участия венгров в вооруженной борьбе с белогвардейскими бандами, особенно в Поволжье.

В Поволжье и на Урале российская и международная контрреволюция готовила сильный удар против молодой Советской республики. В уездах Самарской и Саратовской губерний озверелое кулачье расправлялось с лучшими, передовыми людьми, пытаясь отнять у народа все его завоевания. На Урале и в Орен-

бургской губернии реакционное казачество захватило города и села, организуя при помощи иностранных империалистических хищников большие армии против революционного народа.

В 1918 году в этих районах создалось опасное положение. Поэтому Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство молодой Советской республики из Москвы и Петрограда, из Иваново-Вознесенска, Тулы и других промышленных центров страны посылали в помощь созданным на местах красногвардейским отрядам отважнейших борцов за народное дело. Тогда-то и был направлен в Заволжье красногвардейский отряд венгров под командованием Виннермана.

ВИННЕРМАН.

Вначале виннермановцы вели бои с кулачеством в Новоузенском уезде Самарской губернии. Весной 1918 года стало известно, что контрреволюционное казачество захватило город Уральск, зверски замучило членов Уральского Совета и много сотен рабочих-коммунистов и беспартийных. В Саратове быстро организовали Особую революционную армию для похода за освобождение Уральска.

Вместе с Особой армией на Уральский фронт направились красногвардейские отряды под командованием Василия Ивановича Чапаева. В это время Чапаев уже был известен своим военным талантом, преданностью революции, умением вести за собой революционную армию.

При слиянии Особой армии и чапаевских отрядов конный отряд Виннермана влился в сформированную Чапаевым кавалерийскую часть, которой командовал коммунист Суров.

Между виннермановцами и суровцами сложилась настоящая фронтовая дружба, осененная великими ленинскими идеями пролетарского интернационализма.

Летом 1918 года Советское правительство приняло решение отправить на родину военнопленных. Однако многие из бывших венгерских военнопленных, вступив в Красную Армию, решили сражаться в ее рядах за общее дело всех трудящихся до победного конца.

Вскоре суровский эскадрон превратился в кавалерийский полк, которому Чапаев присвоил имя великого борца за свободу — итальянца Гарибальди. Полк сражался в рядах чапаевской бригады, а затем дивизии, проявляя необыкновенную смелость и отвагу.

Когда Чапаев, командовавший уже дивизией, был переброшен из освобожденной им Самары на Уральский фронт, командование 4-й армии поручило Виннерману сформировать новые отряды из оставшихся в России венгров.

БОРИСОВА РАИСА БОРИСОВНА (р. 1890), член КПСС с 1912 г. С 1918 по 1920 г.— председатель и секретарь Саратовского уездного комитета РСДРП(б). Затем работает в системе Наркомпроса. С 1933 г. в Москве — в органах партконтроля, затем литсотрудник газ. «Правда». Ныне — персональный пенсионер.

В Астрахани и в Пугачевском уезде к Виннерману явилось столько добровольцев — венгров, татар, калмыков,— что он вскоре организовал из них интернациональный полк. Командование 4-й армии направило полк Виннермана на один из самых опасных участков Уральского фронта — в селение Александров-Гай. Вокруг полка Виннермана вскоре сгруппировались все местные партизанские отряды. В это же время сюда была направлена группа политработников, состоявшая из старых большевиков — питерских рабочих бывшего завода Лесснера.

Из всех находившихся в Александров-Гае воинских частей была организована бригада, ее командиром стал Виннерман, а талантливый партийный работник петроградец Ефимов впервые на Уральском фронте организовал политический отдел.

Виннермановской бригаде предстояло осуществить прорыв белоказачьего фронта и этим облегчить освобождение Уральска. Виннерман разработал план предстоящей операции по занятию поселка Таловки и станицы Сломихинской и изгнанию белоказаков из Лбищенска.

14 октября 1918 года командир Александрово-Гайской бригады Виннерман получил приказ штаба 4-й армии о начале осуществления разработанного им плана.

Виннерман отдал приказ начать наступление на Таловку. В результате упорного боя белогвардейцы были оттуда выбиты. Но к вечеру того же дня белоказачий полк вновь повел наступление на Таловку. Виннермановцы храбро отражали натиск белых. Ворвавшаяся в село сотня белоказаков была почти целиком уничтожена.

Но на северной окраине селения бой проходил иначе. Как известно, казаки отлично владели пикой. Венгры, не имевшие на вооружении пик, владели только шашкой. Белоказаки, держа пики наперевес, образовали вокруг венгров стену. Наступил критический момент. Отступать было некуда.

В это время Виннерман, командовавший боем кавалеристов, вылетел на коне вперед и начал стрелять из маузера в упор по сомкнутому строю белоказаков. Его примеру последовали бойцы, у которых были револьверы. Под их огнем строй белоказаков дрогнул. Венгерским бойцам опять представилась возможность взяться за шашки. Белоказаки не выдержали их отважного броска и быстро откатились на северо-восток. На протяжении трех километров виннермановцы преследовали их.

КУРУСОВ ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ (р. 1896 г.), член КПСС с 1928 г. С 1918 г. служил в Чапаевской дивизии, воевал на Восточном и Туркестанском фронтах, участвовал в ликвидации басмачества в Средней Азии. После гражданской войны — работник Советской печати. Ныне — персональный пенсионер.

В тот же день конная разведка донесла, что три наших разведчика попали в плен к белым и им угрожает смерть. Не медля ни минуты, Виннерман и командир батальона Панченко, взяв с собой несколько отважных красноармейцев, поспешили на выручку попавшим в беду бойцам.

Белогвардейцы, оправившись от внезапного налета, бросились в погоню за красными воинами. Завязалась перестрелка. В разгаре ожесточенного боя у села Обишево пулемет красных вышел из строя. К пулемету бросились разъяренные белогвардейцы. Виннерман в этом бою был сражен насмерть, а Панченко получил 24 сабельных раны, но остался жив. Подоспевшие к месту боя красноармейцы спасли жизнь Панченко.

Именем погибшего героя — Виннермана был назван коммунистический полк, организованный им в Астрахани.

Вскоре, когда командующим 4-й армией стал М. В. Фрунзе, Александрово-Гайская бригада была усилена и переформирована в войсковую группу. Командиром группы был назначен прославленный народный герой Василий Иванович Чапаев, который к тому времени вернулся из Москвы, где учился в Академии Генерального штаба. Комиссаром группы был назначен Дмитрий Фурманов.

Первое боевое крещение группа Чапаева получила в бою у Сломихинской. В этом бою проявили отвагу и героизм бойцы полка имени Виннермана. Командиром этого полка стал венгерский коммунист Гербе. Впоследствии из Александров-Гайской группы войск была создана 25-я дивизия, которой командовал В. И. Чапаев.

В состав 25-й Чапаевской дивизии входил 222-й интернациональный полк. В этот полк был включен батальон венгров из полка имени Виннермана. Командиром полка стал коммунист Мальцев, комиссаром — венгр Роот.

На славном боевом пути 25-й Чапаевской дивизии виннермановцы проявляли мужество, храбрость и героизм. Верные сыны венгерского народа под руководством коммунистов сражались бок о бок со своими русскими братьями, отстаивая первое в мире социалистическое государство.

Г. Лысянский

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА НЕФТЕПРОМЫСЛАХ ЭМБЫ

В июне 1917 года на нефтепромысле Доссор был организован Совет рабочих депутатов Эмбенского нефтяного района. Председателем Совета был избран М. Крюков, членами — Певцов, Седов, Ершов, Бутузов, Кочнев, Чумаченко, М. Сартаев и другие. От макатских рабочих организаций в Совдеп избрали Антонова, Нестерова и меня. Секретарем Совета стал Лысяков, который прибыл в Доссор еще в феврале.

На всех промыслах произвели запись в рабочую гвардию. У нас на Макате записались члены фабзавкома, лавочных и других комиссий — всего около 30 человек.

Характерно, что на выборах в Учредительное собрание большинство рабочих голосовало за большевистский список №5.

Победа Октябрьской социалистической революции окрылила рабочий класс Эмбы, хотя подробностей о происшедших в Советской России переменах мы не знали. Более точные данные о событиях в Советской России мы узнали в феврале 1918 года

от приехавших к нам из Астрахани Подобряева и Мореходова.

Совдеп Эмбенского района во второй половине марта созвал первую Урало-Эмбенскую конференцию, на которой был решен вопрос об установлении рабочего контроля. На станцию Ракуша, где имелось более 12 миллионов пудов нефти, командировали члена Макатского фабзавкома, члена Эмбенского объединенного Совета и делегата конференции Павла Ивановича Нестерова, которому был дан строжайший наказ отпускать нефть только по разрешению Эмбенского объединенного Совдепа.

ЛЫСЯНСКИЙ ГАВРИИЛ НИКОЛАЕВИЧ (р. 1891 г.), член КПСС с 1925 г., активный участник борьбы за победу Советской власти на Эмбенских нефтяных промыслах. В 1918—1919 гг.— член исполкома Гурьевско-Доссорского Совета. С 1923 г. работал в нефтяной промышленности Казахстана. В настоящее время — пенсионер.

Во время работы конференции пришла телеграмма, в которой Наркомфин сообщал, что Советское правительство перевело 10 миллионов рублей для нужд рабочих Эмбы и предложило Совдепу взять под контроль расходование этих денег.

Конференция командировала в Гурьевское казначейство Я. И. Рванина, М. Сартаева и меня. В Гурьеве мы узнали, что из 10 миллионов рублей 8 миллионов Уральское контрреволюционное войсковое «правительство» оставило в Уральске, а те 2 миллиона рублей, которые получили в Гурьеве, тоже были выделены белоказачеству. Таким образом, деньги, переведенные Советским правительством, захватило уральское белоказачество, а рабочие Эмбы остались без зарплаты, которую не получали около шести месяцев. Мы немедленно телеграфировали об этом Наркомфину.

...После контрреволюционного переворота в Гурьеве Толстов организовал белоказачью банду в 500 сабель и направил ее против рабочих нефтепромыслов.

Белогвардейцы захватили промысел Доссор, арестовали членов объединенного фабзавкома и Совдепа и других советских активистов. Рабочие прекратили работу и потребовали освобождения всех арестованных. Макатцы в знак солидарности также прекратили работу. На Доссор прибыл сам Толстов. Не в силах противостоять организованности и стойкости пролетариата

Эмбы, Толстов вынужден был дать распоряжение освободить арестованных.

Во время забастовки белоказаки захватили Макат. На Доссоре и Макате были вывешены списки лиц, подлежащих выселению с этих промыслов. В списке значились все рабочие, участвовавшие в работе Совдепа, фабзавкомов, а также «неблагонадежные». Нефтепромышленники и Толстов рассчитывали таким образом избавиться от наиболее активных рабочих — организаторов и руководителей революционного движения, а остальную массу заставить работать. Однако эта затея белогвардейщины была разоблачена, и кадровые рабочие потребовали расчета. И вот с Доссора и Маката сотни подвод, запряженных верблюдами, нагруженных домашним скарбом рабочих, потянулись к Гурьеву, откуда они должны были добираться в Астрахань.

...В Астрахани всех эвакуированных с Эмбы рабочих встретили хорошо. Сразу же был организован красногвардейский отряд, в который вступило более 200 человек. Мы торопили командование с наступлением на Гурьев, так как знали, что белоказачество не располагает достаточными силами и оружием.

По инициативе эвакуированных рабочих и при полной поддержке астраханских партийных и советских организаций в мае был создан Гурьевско-Доссорский исполком эвакуированных Совдепов. Председателем исполкома избрали Тяжева (хотя он и не считался эвакуированным), секретарем — Мухангалия Сартаева, членами исполкома — Михаила Ершова, Дмитрия Певцова, Дмитрия Седова, Андрея Бутузова и Ивана Удалова (все они рабочие Доссора), Федора Горина — машиниста с Новобогатинска, Павла Нестерова и меня — с Маката. По сути дела, весь исполком, а также организованный при нем красногвардейский отряд состоял из рабочих Эмбы. Нас прикрепили к штабу Астраханской военной флотилии, где мы были зачислены на довольствие.

По положению, утвержденному Астраханским губисполкомом, на нас была возложена задача: находясь на военных катерах, следить за лодками, приходящими из Гурьева. Исполком также был обязан увеличить состав отряда в случае наступления на Гурьев.

Первое боевое крещение исполком и его отряд приняли 15—17 августа 1918 года, участвуя в подавлении белогвардейского мятежа в Астрахани.

Прибывшему в Астрахань отряду А. Джангильдина также пришлось участвовать в подавлении белогвардейского мятежа.

Помню, числа 20—21 августа 1918 года Джангильдин в торжественной обстановке отправлялся в Форт Александровский.

* * *

После захвата Баку англичанами Советская Россия оказалась отрезанной от всех нефтяных районов, и перед астраханским командованием Красной Армии была поставлена задача: немедленно создать отряд для наступления на Гурьев, где на Ракуше имелся большой запас нефти. Силы Красной гвардии, предназначенные для наступления, были внушительные: около 200 моряков, два эскадрона кавалерии, два гидросамолета, военный катер «Истребитель», артиллерия, радиостанция, установленная на одном из пароходов, большой отряд пехоты. Выступили из Астрахани 20—21 сентября 1918 года.

До Гурьева отряд не дошел, так как в водах Белинской банки на горизонте была замечена парусная моторная трехмачтовая лодка, которая держала курс в порт Петровск (Махач-Кала).

Для выяснения, что это за лодка, куда и зачем она идет, был послан военный катер «Истребитель». Катером командовал коммунист Лось, комиссаром был Задунайский, на катере был также член Гурьевско-Доссорского исполкома Федор Горин. «Истребитель» был вооружен двумя орудиями и двумя пулеметами.

Когда катер приблизился к лодке, она выбросила белый флаг. Однако, как только катер подошел вплотную к лодке и командир с комиссаром шагнули на ее борт, из трюма раздался винтовочный залп. Командир и комиссар были убиты. Горин, не успевший шагнуть на борт лодки, упал в воду, так как катер быстро отошел от лодки. По катеру был произведен еще один залп, которым ранило двух командиров. Нерастерявшийся помощник командира (фамилии его не помню) сумел быстро вернуться к стоявшей на якоре флотилии и сообщить командованию о случившемся.

Было решено немедленно нагнать лодку. Из находившихся в лодке 15 человек спасся один моторист, который был нами подобран. Он рассказал, что на лодке «Святогор» было 12 офицеров, которые направлялись в Петровск за оружием.

Ввиду того, что вблизи 12-футового Астраханского рейда стали появляться бакинские белогвардейские канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», отряд вернулся в Астрахань, но вопрос об освобождении Гурьева не был снят с повестки дня.

Началась новая подготовка к наступлению на Гурьев, но уже не морем, а по северному берегу Каспийского моря. Потребовались для этого мелководные баржи, баркасы, пароходы. Были использованы даже самоходные понтоны.

В наступление пошли во второй половине октября по реке

Балда, через Ганюшкино и 3-й Братинский рыбный промысел, а оттуда по пескам безводной степи на Новобогатинск.

Надо сказать, что силы отряда были значительно меньшие, чем при первом наступлении. Моряки были брошены под Царицын, численность пехоты также уменьшилась.

В ночь с 1 на 2 ноября 1918 года произошел бой. В этом бою я был тяжело ранен.

Силы были неравные — перевес оказался на стороне противника. Наш отряд с боями отходил к 3-му Братинскому промыслу, а затем вернулся в Астрахань.

Хотя наше наступление сорвалось, однако белогвардейцы были вынуждены снять с Уральского фронта значительные силы для охраны подходов к Гурьеву и нефтепромыслам.

Весной 1919 года Гурьевско-Доссорский исполком был распущен. В феврале 1919 года три члена исполкома — Дмитрий Певцов, Дмитрий Седов и Пугачев вместе с астраханскими большевиками отправились в тыл неприятельских войск, под Кизляр, но они не вернулись — или погибли от рук белогвардейцев, или их скосил сыпной тиф.

После лечения в Астраханском военном госпитале меня направили на работу в Политический отдел Волжско-Каспийской военной флотилии, где я выполнял обязанности заведующего информационным подотделом.

Весной 1919 года Астраханская военная флотилия пополнилась 15 миноносцами, четырьмя подводными лодками и несколькими небольшими крейсерами.

Помню один случай, когда я работал в Политотделе флота. На миноносце «Карл Либкнехт» я находился в море, недалеко от 12-футового рейда. Моряки на горизонте заметили пароход. Нагнав его, командир миноносца сигналом приказал пароходу остановиться. На борту его значилось: «Леля». Один из матросов спрыгнул на палубу с парохода. Когда он подошел к кубрику, там раздался выстрел. Это кончил жизнь самоубийством генерал Гришин-Алмазов. Оказалось, что генерал направлялся через Гурьев к Колчаку от Деникина.

Героическая Красная Армия разгромила Колчака и уральское белоказачество. Наш Гурьев снова стал советским.

А. Шмелев

БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ НА МАНГЫШЛАКЕ

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ОКТЯБРЯ

Победу Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся далекого Мангышлака встретили с великой радостью. Уже 22 ноября 1917 года в Форте Александровском был образован Мангышлакский уездный Совет.

Советская власть на Мангышлаке, как и в других районах России, была признана и воспринята как своя, родная власть только трудящимися массами. Некоторые же представители бывших верхов, признав Советскую власть формально, пытались использовать ее в своих классовых интересах.

Местный гарнизон в первые месяцы Советской власти возглавил эсер Краснодемский. Он уволил всех революционно настроенных солдат, а вместо них перевел из Ашхабада тыловиков, всю войну отсиживавшихся в хлебопекарнях и интендантских складах и привыкших жить за счет казны.

В Форте появились офицеры, бежавшие из революционно настроенных воинских частей,— полковник царской армии алаш-ор-

дынец Кубеев, прапорщики К. Кузнецов, Арысланов и многие другие.

В аулах еще слишком сильны и живучи были патриархально-феодальные отношения, используя которые местные буржуазно-националистические элементы провоцировали межнациональную «драку» казахов с туркменами, вовлекли в нее обманутую и несознательную бедноту.

По городу, станице Николаевской (ныне Баутинской), поселкам и аулам стали распространяться тревожные слухи о походе белоказаков на Форт Александровский для свержения на Мангышлаке Советской власти.

ШМЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (р. 1898 г.), член КПСС с 1925 г. Участник борьбы за победу Советской власти на Мангышлакском полуострове. После окончания гражданской войны — на военной, советской и хозяйственной работе. Неоднократно избирался в местные Советы и партийные органы.

Вернувшиеся с фронтов на родину большевистски настроенные солдаты при помощи Совнаркомов Туркестанской республики и Закаспийской области взяли в свои руки в первую очередь Мангышлакский уездный Совдеп, пополнили его исполнительный комитет стойкими большевиками, удалили из него примазавшиеся контрреволюционные и буржуазно-националистические элементы, начали укреплять гарнизон Форта Александровского.

Оттеснив контрреволюционные силы и сплотив трудящихся уезда, большевики Мангышлака сорвали коварные планы контрреволюции, ликвидировали нависшую над населением угрозу межнациональной резни и открыли путь триумфальному шествию Советской власти по местным аулам и селам. Посланные в аулы большевистские агитаторы, представители Совнаркома Закаспийской области не дали спровоцировать вражду между туркменами, казахами и русскими.

Рыбаки Мангышлака успешно провели весеннюю путину и весь улов отдали молодой Советской республике, получив взамен продовольствие и ловецкое снаряжение.

Животноводы уезда также отдали Советской власти много скота и мяса для снабжения рабочих промышленных центров.

Пролетариат России, в свою очередь, послал им продовольствие и промышленные товары.

В конце марта 1918 года в Форте Александровском была сформирована красная добровольческая рота. На службу в красную роту беднота пошла целыми семьями: братья Верещагины, братья Детурины, братья Коротковы, много казахской молодежи, а также казахи, вернувшиеся с тыловых работ,— Байбос Килибаев, Алчин Мендыбиев и другие. Вступил в красную роту и я.

Командиром роты был назначен военспец Богданов, помкомроты — Л. Ермилов, командирами взводов — А. Баутин и Н Верещагин. Так как я окончил учебную команду и знал казахский язык, меня тоже назначили командиром взвода и поручили обучать казахскую молодежь.

Одновременно с боевой и политической подготовкой бойцов роты мы также вели политпросветработу и среди населения. В роте у нас был хоровой кружок, который почти каждый вечер выступал в крепости. Эти выступления привлекали многих слушателей. Был у нас и драматический кружок, который часто устраивал в городском саду спектакли.

Летом 1918 года молодая Советская республика оказалась в огненном кольце фронтов. Наша связь с Туркестаном была прервана, мы остались без материально-технического снабжения, без политического и военного руководства. Положение создалось критическое, местная контрреволюция снова активизировала свою деятельность.

Состоявшееся 1 августа 1918 года гарнизонное собрание было очень бурным, красноармейцы нашей роты решили держаться до конца. Собрание постановило командировать в Ташкент помкомроты Ермилова и меня. Получив соответствующие документы от Совета и командования роты, мы 3 августа 1918 года отплыли на шхуне «Тамара», шедшей из Астрахани в Красноводск. Пробравшись через Закаспийский фронт, мы прибыли к концу августа в Ташкент. Здесь мы получили директивы и деньги и через Джурун, Темир, Гурьев возвратились на Мангышлак.

Но здесь в это время у власти были белогвардейцы.

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

Посланец В. И. Ленина — Алибий Джангильдин не только благополучно доставил оружие и боеприпасы Актюбинскому фронту и помог его бойцам разгромить врага, но и способствовал установлению прочной связи трудящихся Мангышлакского полуострова с Астраханью.

Полуостров Бузачи с осени 1918 года стал центром связи, торговли, обмена и экономической помощи героическим защитникам Астрахани со стороны трудящегося населения Мангышлака

Вторым таким же центром на Каспии стала Кулалымская бухта. Подобно тому, как бакинские большевики и рабочие морем скрытно от врага снабжали Астрахань бензином и маслами, так трудящиеся Мангышлака по «нейтральной» зоне Северного Каспия отправляли и везли туда хлеб, скот, рыбу, баранье сало и т. д.

В то же время наши рыбаки западной стороной Каспия вывозили хлеб с Северного Кавказа и из Петровска.

В результате организаторской и массово-разъяснительной работы местных большевиков — А. Баутина, Н. Белунина, И. Сапожникова, Долгинцева, Дубового (Борисова) и других — бедняки и середняки, поддерживающие Советскую власть, везли в Астрахань улов осенней путины 1918 года и всего морского зверя (тюленя), убитого зимой 1919 года. Мы переправляли в Астрахань рис, кишмиш, табак, чай, которые закупали у персидских купцов...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Наконец долгожданный день наступил — утром 30 апреля 1919 года на внешнем рейде показались корабли Волжско-Каспийской красной флотилии. Население форта и станицы Николаевской быстро организовало делегацию, которая с красными флагами на рыбацких лодках выехала навстречу флотилии.

Волжско-Каспийская флотилия вошла в Тюб-Караганскую бухту в составе флагманского корабля «III Интернационал», эскадронных миноносцев «Карл Либкнехт», «Москвитянин», «Расторопный», «Дельный», «Деятельный», трех миноносцев, двух подводных лодок, ледокола «Каспий», тральщика и т. д.

Белоказаки, узнав о появлении вблизи форта красной флотилии, бежали в степь.

Красных моряков встречало все население форта, станицы Николаевской и ближайших аулов. На площади у пристани состоялся многолюдный митинг, после его окончания все двинулись в форт с красными флагами и пением революционных песен. Здесь был проведен второй митинг.

Особенно торжественно прошло народное собрание в станице Николаевской. Избрали станичный Совет, в состав которого вошли А. Г. Баутин (председатель), Злобина (секретарь), И. П. Сапожников (казначей), М. Борисов и А. Злобин (члены Совета).

За короткий период уездный ревком и под его руководством станичный и поселковый Советы провели большую работу:

восстановили Советскую власть в уезде, обложили местных купцов, рыбопромышленников и кулаков налогами, взяли на учет запасы хлеба и товаров народного потребления, оказали помощь бедняцкому населению, восстановили занятия в школах, организовали вывоз в Астрахань рыбы и продуктов животноводства.

В уезде начала налаживаться нормальная жизнь. Флотилия стала готовиться к походу против английских интервентов и белогвардейцев, засевших в Петровске.

Созданная по указанию В. И. Ленина в 1918 году и пополненная усилиями С. М. Кирова новыми кораблями, красная флотилия была в то время такой военной силой, которая успешно могла выполнить задание, поставленное Владимиром Ильичем перед Реввоенсоветом Астраханского фронта,— ускорить взятие форта Петровск для вывоза нефти из Грозного и занять устье реки Урала и город Гурьев для вывоза эмбенской нефти.

ЕДИНОБОРСТВО

Через несколько дней над фортом и бухтой появились с юга английские гидросамолеты, которые, сделав несколько заходов, сбросили бомбы, но вреда не причинили. С военных судов и из крепости открыли огонь по самолетам.

Налеты гидросамолетов продолжались три-четыре дня. В ночь перед последним налетом почти весь боевой состав флотилии вышел в море. В бухте остались только ледокол «Каспий», эсминец «Москвитянин», истребитель «Счастливый», плавбатарея № 2 с шестидюймовыми пушками и тральщик «Демосфен» с трехдюймовками.

Два дня на юге от форта слышалась отдаленная артиллерийская перестрелка, а на третий день с юга показались дымки английских кораблей, шедших по курсу на север. Первой по ним открыла огонь плавбатарея № 2 и очень метко: два снаряда она положила в машинное отделение флагманского корабля, он загорелся и был взят на буксир.

В помощь батарее вышел тральщик «Демосфен». Англичане, сосредоточив ответный огонь на батарее, вскоре вывели ее из строя.

«Демосфен» вырвался далеко вперед навстречу англичанам и, искусно маневрируя, бился один против восьми кораблей целый день.

Англичане часть огня перенесли на стоящие в бухте корабли и пароходы, били по станице. Стоявшие в бухте две подводные лодки вышли на помощь «Демосфену», но из-за недостаточной глубины в заливе погрузиться не смогли и вернулись об-

ратно на стоянку. К полудню англичане подожгли госпитальный пароход «Ревель». От него загорелся рядом стоящий пароход «Туман», на котором находились плавучие мины. Экипажи этих судов, не сумев потушить пожар, сошли на берег. Рыбаки обрубили швартовы горящих пароходов, их ветром отнесло от пристани на 120—150 метров, и они взорвались от собственных мин.

Обломки взорвавшихся судов летели в центр станицы, некоторым домам были нанесены серьезные повреждения, некоторые дома загорелись. Но главная опасность для населения и сошедших с судов моряков еще не миновала. Англичане продолжали вести огонь, а на пароходе «Мартын» находилось 70 мин. По станице пронеслись тревожные призывы:

— Уходите! Уходите! «Мартын» взорвется!

Население, побросав дома и имущество, стало уходить к промыслу Аташ, в горы, туда же устремились и матросы погибших пароходов. Один «Демосфен» защищался. Только к вечеру «Демосфен», подожженный англичанами, вышел из боя и врезался носом прямо в берег. Экипаж покинул его.

Англичане, зайдя против Тюб-Караганского мыса, повернули на восток и, как бы закрыв залив с севера, перенесли огонь на «Каспий» и «Москвитянин», стоящие в бухте. Били по ним до темноты, взрыли снарядами берег и соленое озеро, но ни одного попадания не сделали.

На следующее утро и весь день после боя англичане маячили на траверзе Тюб-Караганского мыса, в залив не входили, огня не вели. Ночью англичане куда-то скрылись и дня два не появлялись. Не подошли с моря и наши корабли. Наступило тягостное затишье, полное неизвестности. Военный совет и уездный ревком на третий день после боя решили эвакуировать оставшиеся неповрежденными суда флотилии, гарнизон крепости и экипажи погибших в бою кораблей. К вечеру, когда стало темнеть, все погрузились на суда. Пошли в станицу члены уездного ревкома, среди которых были и наши товарищи — Баутин, Сапожников и П. Белунин. Я был в это время на форте. Ко мне подошел И. Борисов и сказал: «Ты, как не вызывающий подозрения, должен остаться с товарищами, связь с ними будешь держать через своего дядю В. Шмелева».

Ночью из бухты ушли оставшиеся неповрежденными самоходные суда. Ледокол «Каспий» взяли на буксир, был уведен и пароход «Мартын» с минами, который, к счастью, остался невредимым. Миноносец «Москвитянин» моряки затопили у пристани, истребитель «Счастливый» тоже был нашими затоплен. Все остальные вспомогательные суда, шаланды и баржи были оставлены невредимыми.

В эту же ночь местные контрреволюционеры, мародеры расхитили все оставшееся на судах имущество.

Утром снова появились англичане, но в залив не зашли, а только пустили торпедные катера, которые в несколько заходов подорвали одно за другим все оставшиеся в бухте суда.

Контрреволюция снова подняла голову, распоясалась и стала готовить расправу над активными борцами за Советскую власть. Узнав об этом от надежных товарищей, члены станичного Совета А. Баутин, Сапожников, Хомова, М. Борисов, А. Злобин и его жена — были вынуждены бежать на парусном подчалке в Астрахань. Об их побеге донесли предатели, и у острова Кулалы их настигли белогвардейцы.

Всех задержанных товарищей бросили в тюрьму. Через несколько дней в тюрьму привели задержанного в степи товарища Юфко, посланного в форт для подпольной работы.

Местные контрреволюционеры, заточив в тюрьму советских активистов, учинить над ними расправу не решались. Оставшиеся на свободе товарищи подняли трудящихся на борьбу за спасение жизни арестованных. Население на сходах открыто и настойчиво требовало их освобождения. Тогда контрреволюционеры обратились за помощью к уральским белоказакам. Последние не замедлили прислать карательный отряд.

Бандиты расстреляли Баутина и Юфко. Но борьба продолжалась. На место павших героев становились новые борцы. Среди них были большевики-подпольщики, которых из Астрахани на Мангышлак направлял С. М. Киров.

РАСПЛАТА

Час расплаты наступил. Красная Армия наносила сокрушительные удары по белогвардейским полчищам, приближаясь к Каспийскому морю. К нам в форт начали прибывать удиравшие от Советской власти «беженцы» — самарские, саратовские, уральские и гурьевские купцы и кулаки со своим багажом. За ними потянулись крупные рыбопромышленники, семьи белогвардейцев и, наконец, остатки разбитых частей толстовской армии, не успевшие бежать морем.

Толстов, отклонив предложение советского командования о капитуляции и уйдя в январе 1920 года из Гурьева, повел на верную гибель остатки своих банд через Адаевские степи на Форт Александровский.

Трагедия гибели тысяч обманутых им людей не поддается описанию. Многие замерзли, умерли от тифа и других болезней.

Тем временем в Адаевских степях и на островах начали организовываться красные партизанские отряды «джигитов-мстителей», которые перехватывали отступавшие контрреволюционные части, разоружали их, отбирали награбленный у казахского населения скот. Рядовых белогвардейцев не трогали, их отпускали.

В один из таких налетов на самого Толстова и сопровождавших его бандитов джигиты отбили их «госбанк» со 150 пудами серебра царской чеканки. Золота и других драгоценностей не оказалось — их заранее разграбили и поделили между собой главари толстовской банды.

Чтобы пополнить свои разложившиеся части, Толстов провел насильственную мобилизацию местных жителей, способных носить оружие. Был назначен день их отправки в Красноводск. Провожать собралось много народу. И когда белые офицеры хотели сказать им напутственное слово, мобилизованные все как один закричали: «Не пойдем! Расстреливайте на месте — все равно не пойдем!» Белое командование вынуждено было распустить мобилизованных по домам, оно даже не пыталось задержать организаторов выступления — местных большевиков.

Большевики усилили агитацию среди белоказаков и солдат толстовской армии за переход на сторону Советской власти, за арест готовящихся к бегству главарей. Толстовцы же продолжали запугивать своих людей измышлениями о зверствах, якобы чинимых большевиками над пленными, заверяли их, что как только придут пароходы, они все вместе уедут. И действительно, вскоре в форт пришло два военных корабля белых — «Опыт» и «Милютин».

В первых числах апреля на пристанях и кораблях заметно было большое движение. Это белогвардейские офицеры, их семьи и остатки «беженцев» с чемоданами и другими вещами срочно погружались на военные корабли, оставляя обманутых ими солдат и казаков на произвол судьбы.

Подошедший в это время с моря на внешний рейд эскадренный миноносец «Карл Либкнехт» открыл огонь из дальнобойных орудий по кораблям белых. Бой продолжался почти весь день. Перед закатом солнца в наш миноносец попали два снаряда. Загорелись палубные надстройки. Пожар был ликвидирован. Однако суда белых, воспользовавшись темнотой, удрали в Иран.

Утром «Карл Либкнехт» подошел к берегу и остановился против станицы. От него отошел катер, встречать который вышло все местное население. Оставшиеся в станице белые генералы; офицеры, белоказаки и солдаты были построены на второй улице.

Катер подошел к пристани и с него под крики «ура» сошли два красных моряка и вместе со встречающими пошли к белоказакам. На улице, где они были построены, быстро оборудовали трибуну и открыли митинг. Было объявлено постановление ЦИК РСФСР об амнистии для всех белогвардейцев, добровольно или без сопротивления сдавшихся Советской власти. Оно было встречено радостными и дружными криками «ура!»

Среди сдавшихся в плен белогвардейцев было несколько генералов, в том числе Толстов — отец бандита, не пожелавший бежать вместе с сыном, 70 офицеров и более 3000 казаков и солдат.

При помощи прибывших из Астрахани представителей на Мангышлаке была восстановлена Советская власть. В форте был создан уездный ревком, первым председателем которого назначили Мацкевича — краснофлотского комиссара.

С фронтов гражданской войны для укрепления советских органов уезда прибыли большевик Тулесин Алиев, мои бывшие школьные товарищи Курман Кулыбеков и Кумушали Тумулаков, которые были назначены командирами сформированных при уездном военкомате казахских кавалерийских эскадронов. Приехали и многие другие товарищи, имена которых, к сожалению, вспомнить не могу.

В волостях, аулах и станицах приступили к организации ревкомов.

В Тюб-Караганскую бухту снова пришли корабли Волжско-Каспийской флотилии. В Астрахань были отправлены сдавшиеся в плен белые генералы и офицеры. Пожилые пленные были отпущены по домам, а многие молодые вступили в Красную Армию и отправились на Западный фронт, чтобы искупить свою вину перед Советской властью и вновь обретенной ими Родиной.

Уездный ревком провел национализацию предприятий рыбной промышленности, флота и орудий лова, принадлежавших крупным рыбопромышленникам, организовал вывоз рыбы, скопившейся на отдаленных промыслах. Одновременно были реквизированы все запасы продовольственных и промышленных товаров у рыбопромышленников, купцов и торговцев и переданы в государственные фонды для снабжения трудящегося населения. Специально созданные уездным ревкомом комиссии взяли на учет все орудия лова и рыболовецкие суда, которые были оставлены в собственности их владельцев, но использовались рыбаками на бригадно-артельных началах.

Отделы ревкома организовали заготовку и закупку продуктов животноводства и наладили отправку их в промышленные центры. В обмен животноводы получали продовольствие и промышленные товары.

Среди населения уезда была широко развернута культурно-просветительная работа. В станице был открыт Народный дом.

Но это были лишь первые шаги Советской власти на Мангышлаке. Предстояло повести жестокую и беспощадную борьбу с явными и замаскированными алаш-ордынцами и их агентурой, баями-полуфеодалами, басмачами, с контрреволюционными националистическими заговорами. Впереди было еще много, много больших и неотложных дел.

М. Алибаев

СОВЕТИЗАЦИЯ МАНГЫШЛАКА

ноября 1917 года был организован Мангышлакский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который сразу же объявил о взятии власти в свои руки.

Мангышлакский Совет провел ряд важных социально-экономических мероприятий: организовал обеспечение трудящихся продовольствием, обложил налогами купцов, рыбопромышленников и других представителей имущих классов, развернул борьбу со спекуляцией и хулиганством, учредил народный суд и народную милицию, организовал школы и создал роту Красной Армии.

В укреплении Советской власти в волостях уезда большую роль сыграло месячное пребывание здесь (летом 1918 года) отряда А. Джангильдина.

Сотни молодых адаевцев вступили в ряды Красной Армии. Одним из первых в отряд Джангильдина пришел Тулесин Алиев. [1] Местный уроженец, он оказал помощь отряду в переходе

[1] Тулесин Алиев (1892—1940 гг.), член партии с 1920 года, был одним из активных участников борьбы за установление и упрочение Советской власти на Мангышлаке; после окончания гражданской войны находился на ответственной советской работе.

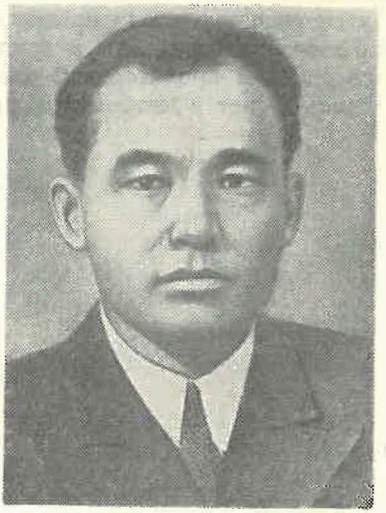
через плато Усть-Урт и степи. Т. Алиев до конца гражданской войны сражался с врагами революции сначала на Оренбургском фронте, позднее на Восточном, а также и на других фронтах.

Клыш Надырбаев,[1] который тоже в это время вступил в Красную Армию, был одним из первых казахов, кого правительство наградило орденом Красного Знамени за героические подвиги во время борьбы с бандой Сапожкова.

...В начале 1919 года я — 18-летний юноша — вступил в группу сочувствующих при парторганизации Военно-Морского Флота и был направлен в Астрахань на курсы по подготовке агитаторов-организаторов.

После окончания курсов я работал во фронтовой полосе, а также в Астраханском губбюро коммунистических организаций народов Востока, принимал участие в героической защите Астрахани от белогвардейцев.

В апреле 1920 года Форт Александровский был освобожден Красной Армией. Необходимо было быстро возобновить деятельность местных советских органов и приступить к организации сети коммунистических ячеек в уезде.



АЛИБАЕВ МУРЗАГАЛИ (р. 1901 г.), член КПСС с 1919 г. Участник борьбы за победу Советской власти на Мангышлаке. В последующие годы учился, а затем работал в партийных и советских органах. В настоящее время — инструктор Акмолинского обкома КП Казахстана.

При разрешении этой задачи мы встретились с большими трудностями. Казахское население в то время продолжало еще вести чисто кочевой образ жизни, кочевало от побережья Каспийского моря до Оренбурга, Актюбинска, Кара-Калпакии, Туркмении; почти отсутствовали рабочие кадры, административное деление на волости и аулы происходило по родовому принципу, сильно еще было влияние байства.

В июне 1920 года Астраханское губернское бюро коммунистических организаций народов Востока откомандировало Т. Умутбаева, К. Кадырова и меня в Форт Александровский для помощи местным организациям.

---

[1] Клыш Надырбаев (1895—1950 гг.), член партии с 1926 года, после окончания гражданской войны работал в органах милиции.

Укомпартии и уревком проводили национализацию рыбных и соляных промыслов, частных лавок и домов у крупных торговцев. В степь были посланы продовольственные отряды, а также активисты и политработники для организации Советской власти на местах.

В июне 1920 года в урочище Бора-Куль состоялся съезд адаевцев, табынцев и других совместно с ними кочующих родов. На этом съезде присутствовало около тысячи делегатов. В принятой резолюции они приветствовали «героическую борьбу российского пролетариата и трудового крестьянства», завоевания «российской пролетарской революции, уничтожившей эксплуатацию и гнет в необъятных пределах России».

НА Актюбинском фронте

П. Кобозев

БОРЬБА С ДУТОВЩИНОЙ[1]

Своего высшего размаха наша партийно-политическая борьба[2] достигла в апреле 1917 года, к моменту учредительного съезда[3] на Ташкентской дороге. Понятно, почему этот учредительный съезд приводил меньшевиков и эсеров в особенное бешенство. Прежде всего, им не нравилось само название — учредительный съезд, кроме того, вдвойне не нравилось, что учредительный съезд проводится на железной дороге под руководством большевиков, вырвавших Ташкентскую дорогу из рук соглашательских партий.

...Тогда Временным правительством была послана уже более серьезная группа на подкрепление в Оренбург. Это были: прави-

---

[1] Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного Кобозевым на заседании Оренбургской группы содействия истпарту в 1926 году. Публикуется впервые.

[2] Имеется в виду борьба с меньшевиками.

[3] Речь идет о съезде рабочих Ташкентской железной дороги.

тельственные комиссары Щепкин, Чокаев и Преображенский (Щепкин — кадет, Чокаев — националист, Преображенский — эсер). Появление этой группы показывает, насколько выдающуюся роль играли Оренбург и вся железнодорожная магистраль Кинель — Оренбург — Ташкент и насколько важное значение обладанию Ташкентской магистралью придавало Временное правительство Керенского, если оно решило действовать таким путем, подкрепив своих комиссаров группой генералов Дутова — Коровиченко.

КОБОЗЕВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ (1878—1941 гг.), член партии с 1898 г., профессиональный революционер. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. Видный советский деятель и военный работник в период гражданской войны и иностранной военной интервенции.

У меня сохранился ряд телеграмм Дорожного комитета, определенно квалифицирующего действия Временного правительства как изменника революции, как изменника народу в силу того, что оно не признало принципа учредительного собрания на частном примере Ташкентской железной дороги.

Таким образом, большевизм стал бесспорно господствующим течением на Ташкентской железной дороге. Но в Оренбурге влияние соглашателей было еще сильно, и они сделали новое покушение оторвать рабочие и демократические массы от большевизма, появились новые наглые статьи Седельникова и Бялоблоцкого в «Оренбургской жизни» с обвинением в прямой провокации. Дело кончилось гласным партийным судом под председательством Чуцкаева, и клеветникам было вынесено порицание даже группой меньшевиков. Массы еще теснее сплотились вокруг своего партийного большевистского авангарда.

Тут, наконец, подоспел на помощь большевизму в Оренбурге и центральный руководящий орган ЦК РКП(б) — комплект номеров швейцарского «Социал-демократа» [1], вскрывший прошлое Семенова-Булкина. [2]

---

[1] «Социал-демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП, выходила с февраля 1908 по январь 1917 года. Номера 33—58 были изданы в Швейцарии, в Женеве.

[2] Один из лидеров оренбургских меньшевиков.

Оставалось сделать последний шаг — связаться с находившимся в Петрограде ЦК РКП(б), что и было сделано через Кобозева. Я. М. Свердлов, тогдашний секретарь ЦК, и Е. Д. Стасова, только что прибывшие и развернувшие в бывшем дворце Кшесинской аппарат ЦК, одобрили тактику оренбургских большевиков и посоветовали лишь поскорее разорвать последнюю пуповину, связывавшую большевизм с меньшевизмом...

В. Д. Бонч-Бруевич наладил в это время книжный магазин ЦК в Петрограде, и, наконец-то, большевистская литература через тех же проводников скорых поездов Ташкент — Москва хлынула в Оренбург. Именно к этому периоду относится издание Могилой и Кичигиным в Оренбурге брошюры Кобозева «Война и мир», представляющей собою экстракт статей «Социал-демократа»...

Далее необходимо упомянуть, что по всей Ташкентской дороге произошло торжественное празднование дня 1 Мая, проведенное первым делегатским поездом железнодорожного комитета. На всех станциях поезд проводил митинги, а в крупных городах — Перовске, Ташкенте и Бузулуке — на перроне выстраивались городские воинские гарнизоны, присягавшие вместе с железнодорожниками в верности лозунгам III Интернационала, лозунгам большевизма.

Надо представить кисло-сладкую встречу этих лозунгов присутствовавшими на торжествах в Ташкенте комиссарами Временного правительства, когда и там колонна железнодорожников-демонстрантов во главе с нами прошла под теми же лозунгами. «Да здравствует III Интернационал!» Этому лозунгу пытались затем противопоставить лозунг «Да здравствует Временное правительство», но партия эсеров потерпела в этом вопросе поражение.

Так шаг за шагом идеи партии с помощью наглядных уроков становились идеями масс, становились непреоборимой силой. Мы подходили к июльским дням уже готовыми и вооруженными к непосредственным боям.

...В Петрограде нам пришлось принять участие в июльской демонстрации. Мискинов и я примкнули к первой колонне демонстрантов на углу Невского и Садовой, против Публичной библиотеки, но тут же попали под обстрел пулеметов. Масса людей сбила нас с ног и завалила телами. Этот момент заснят на известной фотографии «На углу Садовой», а мои впечатления были напечатаны в газете «Солдат и рабочий» [1] и недавно перепечатаны в «Правде».

[1] Точное название газеты «Рабочий и солдат». Начала выходить в июле 1917 года после закрытия Временным правительством «Солдатской правды» — органа военной секции при ЦК РСДРП(б).

Решением ЦК я был оставлен в Петрограде и выдвинут в члены Петроградской Думы от партии большевиков...

7 ноября я, будучи в это время в Питере членом Управы, получил из Оренбурга письмо от моей жены, которая тогда была членом партии (письмо это я передал Военно-революционному комитету в Смольном), и вслед за ним вторичное, тождественное письмо от 10 ноября, сохранившееся у меня. Письмо было законспирировано. Она писала следующее:

«В киосках нет газет, кроме местных»,— это значит: Питер от Оренбурга отрезан.

«Сообщу, что имеется в местных газетах. Дня 4 назад арестованы А. Коростелев, Макарова, Мартынов, Лобов, Кичигин. Должны были арестовать и Цвиллинга, но он пока не разыскан. В следующую ночь арестованы еще трое: Могила, Саликов и Ермолаев. Рабочие волнуются. Были посланы делегаты от Совета солдатских депутатов, от кожевников и пекарей, от железнодорожников. Говорят, что местный гарнизон в большинстве — большевистский и председатель солдатского Совета — Мухницкий, прапорщик, тоже большевик; я его слышала где-то раз; по-моему, он оратор совсем слабый и вялый какой-то.

Рассказывают, что на последнем заседании Совета Цвиллинг блестяще побил Семенова. Все же у казаков тут — сила и вооружение, конечно, соответствующее, а у большевиков (как недавно выяснилось, когда кому-то надо было очинить карандаш) и перочинных ножей ни у кого нет. А «начальство» ждет с часу на час выступления. Большевики, вероятно, рады, что их так боятся».

Получив это не совсем осторожно законспирированное «под обывателя» письмо, я снесся с ЦК и Военно-революционным комитетом через Мануильского. Я помню, было дано распоряжение Троцкому на этот счет, потому что за несколько дней перед этим в петроградской печати шла травля против Ленина и, в частности, мне была посвящена статья, которая обливала меня грязью. Поэтому понятно, что Троцкий, как представитель комитета интернационалистов [1], не подписал мне мандат. Мандат потом был подписан Дзержинским. В этом мандате указывалось,

[1] Имеется в виду небольшая группа так называемых «межрайонцев», существовавшая в Петрограде с 1913 года и состоявшая из части колебавшихся, примиренчески настроенных по отношению к оппортунистам большевиков и меньшевиков-троцкистов. К лету 1917 года они порвали с оборонцами и обратились к VI съезду РСДРП(б) с просьбой принять их в партию. Съезд удовлетворил их просьбу, рассчитывая на то, что они со временем могут стать настоящими большевиками. Некоторые, как например, В. Володарский, М. Урицкий, действительно стали коммунистами. Что касается Троцкого и его близких друзей, то они вошли в партию для того, чтобы, находясь в ней, бороться против ленинизма.

что тов. Кобозев, избранный в апреле текущего года комиссаром — начальником Ташкентской железной дороги, утверждается в этой должности и уполномочен быть Чрезвычайным комиссаром Рабоче-Крестьянского Правительства по Средней Азии и Восточной Сибири. Все советские организации обязаны оказывать тов. Кобозеву всяческое содействие.

Тут опять Троцкий был «любезен»: на дорогу я получил какую-то мелочь — 5 или 10 рублей, которые он вынул из своего стола. Однако железнодорожного билета дать мне не могли. Тогда я сказал:

— Я попробую сам воспользоваться своими связями по должности инспектора путей сообщения и получить железнодорожный билет.

Я так и сделал...

Таким путем я добрался до Ташкентской дороги. Приехав туда[1], даю немедленно телеграмму, что я прибыл и приступил к исполнению обязанностей выборного комиссара, объявил, что являюсь Чрезвычайным комиссаром. Затем я поехал конспиративно в Оренбург.

Там встретил меня на вокзале единственно знакомый мне Петров (сцепщик) и сказал, что [в городе] существует полуподпольная-полулегальная организация, которая собирается пока в Караван-Сарае. Поздно ночью, часов в 11—12, собралось совещание. Помню, был на этом совещании Цвиллинг. Я там рассказал примерно то, что рассказываю сейчас, сказал, какие есть силы, на что можно рассчитывать, и предупредил, что должен опять вернуться в Самару и эти силы собрать. Был выработан ультиматум Дутову, который было решено предъявить ему в тот момент, когда получена будет телеграмма на имя моей жены: «Здоров, еду». Но едва я доехал до Самары, как вдруг получаю извещение, что уже в эту же ночь арестована и эта группа [в Оренбурге] и что приказ был опубликован. Как это произошло, почему — для меня и сейчас не ясно. При этом имеется у меня:

Приказ по Оренбургскому гарнизону № 1

14 сего ноября по постановлению общих собраний Совета солдатских и рабочих депутатов, полковых, ротных и командных комитетов образован в гор. Оренбурге Военно-революционный комитет с передачей ему всей власти в городе и гарнизоне.

1. Исполнять только те приказы военного начальства, которые будут утверждены Военно-революционным комитетом.

[1] В Самару.

меньшевиков, эсеров — отложены на 26 ноября. Буржуазия собирает сотни тысяч [рублей], подкупает казаков. Хозяевами кожевенных заводов розданы бесплатно сапоги.

Среди мобилизованных казаков наблюдается раскол. Предъявлен ультиматум Военно-революционным комитетом о роспуске мобилизованных казаков от 16 до 55 лет, о срытии окопов, снятии проволочных заграждений, выпуске арестованных членов исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

Далее записка по прямому проводу из Оренбурга:

«Вчера вынесена резолюция оренбургскими казаками: немедленно освободить арестованных товарищей — большевиков, арестовать городского голову Барановского, комиссара Архангельского, атамана Дутова, войти немедленно в контакт с Советами рабочих и солдатских депутатов. Провести в полках выборное начало офицеров. Послать в Бузулук и Ташкент приветствие и уведомить, что казаки к ним присоединяются...» [1]

* * *

«...Все районы линии Ташкентской дороги известили Бузулук о признании меня начальником дороги и правительственным Чрезвычайным комиссаром. В Бузулуке и всех окрестных крупных пунктах и поселках осуществляем принципы Советской власти.

Вчера закончено вооружение бузулукского гарнизона, переизбрано офицерство, гарнизонное собрание в количестве двух полков постановило выйти из Бузулука на борьбу с дутовщиной. Вооружена линия дороги от Сортировочной до Бузулука, вооружаются крестьяне и батраки сел всего фронта по границе Самарской и Оренбургской губерний.

Всего этого было достаточно для перехода Дутова от бряцания оружием к обороне: он взорвал путь железной дороги на границе Оренбургской губернии. Мы, однако, восстановили движение, даже в его области, хотя и с пересадкой пассажиров.

Оренбургская губерния и Тургайская область извещены телеграфно о введении осадного положения и объявлении мятежников вне закона.

13-й Оренбургский полк вместе с обезоруженными нами в

---

[1] В опущенной части рассказывается о мероприятиях, которые были осуществлены в целях подготовки освобождения Оренбурга от дутовских банд, о первых боевых действиях против белоказачества и т. д. В заключительной части доклада тов. Кобозев воспроизводит свою записку, в которой подытоживается вся проделанная работа по подготовке разгрома дутовщины. Эта записка публикуется дальше с некоторыми сокращениями.

Сызрани эшелонами 14-го полка целиком отказались подчиниться Дутову и, демобилизовавшись, разъехались по домам. Надеемся, что и остальное количество [казаков] после вчерашнего экстренного собрания войскового круга разойдется с Дутовым. Признаками паралича дутовщины служит речь Дутова в Оренбургской думе, где он всю вину за аресты наших товарищей сваливает на Революционный комитет [1], руководимый эсерами и меньшевиками, в частности на Архангельского, указывает на бесцельность борьбы с большевизмом. Об этом свидетельствует также то, что Дутов перевел наших товарищей... в оренбургскую тюрьму и под угрозой [объявления ими] голодовки дал с ними свидание.

Подсчитав результаты выборов в Учредительное собрание по Оренбургу, [мы] выяснили по четырем участкам, что победа наша выдающаяся. Мы имеем 12 тысяч голосов, все остальные списки, вместе взятые, собрали только 9 тысяч. Картина остальных участков не изменит общей картины, ибо цитадель кадетов — первый участок — уже подсчитан. Особенно позорно провалились казаки, эсеры и меньшевики. Класс — против класса, и мы победили.

Страшно отрезаны мы здесь от Петрограда. Никаких известий, никаких телеграмм. Сегодня ждем второй революционный эшелон самарских и ивановских красногвардейцев с первой петроградской вестью о фактической помощи — броневиком.

Созываем в Бузулуке съезды — 3-й съезд Ташкентской дороги и продовольственный всего Туркестана, Оренбурга и Тургая — через Ташкентских и Среднеазиатских железнодорожников...»

ЦПА ИМЛ, ф. 70, ед. хр. 62, оп. 3, лл. 12—32.

[1] Так в тексте; имеется в виду контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». Такие комитеты были созданы буржуазией в Петрограде и других городах для борьбы с нараставшим революционным движением.

А. Коростелев

ПОБЕГ ИЗ ДУТОВСКОЙ ТЮРЬМЫ[1]

Победа большевиков на выборах в солдатский Совет была быстро учтена Дутовым, и вскоре под видом роспуска солдатского гарнизона началось разоружение огромной армии солдат. Эта мера была вынужденной, ибо угроза со стороны вооруженных солдат становилась настолько реальной, что Дутов решил распустить вооруженный гарнизон, считая, что солдаты менее опасны безоружные в деревне, нежели вооруженные в городе.

Операция разоружения гарнизона позволила Дутову и его союзникам — меньшевикам и эсерам — подготовиться к борьбе с растущим большевистским влиянием. Противостоять роспуску революционного гарнизона у нас не было никакой возможности.

[1] Воспоминание А. Коростелева представляет стенографическую запись его выступления на вечере участников Октябрьской революции и гражданской войны в Оренбурге. Материал хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 70, оп. 3, ед. хр. 62, лл. 49—57. Печатается с сокращениями.

Удержать солдатскую массу в казармах, в то время как она рвалась в деревню, было немыслимо. Да если бы и была с нашей стороны сделана такая попытка, то она легко могла бы быть использована против нас Дутовым: вот-де большевики не хотят пускать солдат домой. Натравить на нас солдатские массы в тот момент было бы на руку Дутову. Естественно, что в такой обстановке нашей задачей являлось дальнейшее разложение боеспособной силы в руках Дутова — гарнизона и распропагандирование солдат. В этих условиях, когда почти все вооруженные силы, хотя сколько-нибудь стоявшие на стороне большевиков, или были распущены по домам, или были уже обезоружены под видом предстоящего роспуска гарнизона, застала большевистскую организацию в Оренбурге Октябрьская революция.

КОРОСТЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1887—1937 гг.), член партии с 1905 г. Видный руководитель Оренбургской партийной организации. С апреля 1920 г.— член первого республиканского руководящего партийного органа — Казахского областного бюро РКП(б). Делегат Учредительного съезда Советов КазССР. Занимал различные руководящие посты в партийных, советских, профсоюзных органах.

Одновременно с этим Дутов лихорадочно стягивал в Оренбург верные ему белоказачьи части. Эта мера была направлена на то, чтобы сколотить надежный гарнизон, могущий противостоять возможному наступлению большевиков.

Известие об Октябрьской революции было получено нами дня два спустя после ее победы. В тот же день, вечером, в Думе происходило собрание нашей городской организации. Когда на собрании была оглашена телеграмма о победе социалистической революции в Петрограде, то все встали и восторженно приветствовали успех начатого дела. В этот момент в зале появился городской голова Барановский. Узнав, что большевики устроили овацию, Барановский вскипел. Он не знал, по какому случаю была эта овация, и потребовал, чтобы мы немедленно очистили думский зал, ибо он здесь хозяин. В ответ раздался дружный хохот. Ему самому предложили убраться, что он и сделал.

Нам нужно было готовиться к открытой борьбе за власть.

Однако соотношение сил было не в нашу пользу. На нашей стороне было большинство рабочих, сочувствовал нам также и солдатский гарнизон, но у нас не было военных руководителей, не было вооруженных частей, которые могли бы выступить против уже сколоченных вооруженных сил Дутова.

На другой день утром, когда я вышел на улицу, мне бросилось в глаза аршинное объявление (такие же объявления были расклеены по всем заборам), в котором извещалось об образовании войскового казачьего «правительства». В этом объявлении говорилось, что отныне «войсковое правительство является единственной властью на всей территории Оренбургского казачьего войска, что вся Оренбургская губерния, в том числе и город Оренбург, объявляются на военном положении, что в отношении города это согласовано с Комитетом спасения родины и революции.

Так я впервые узнал о существовании Комитета спасения родины и революции. В конце этого объявления, этого своеобразного манифеста, если не ошибаюсь, он даже именовался декларацией, стояло шесть или семь подписей членов войскового казачьего «правительства», в том числе Дутова и Половникова.

Итак, контрреволюция не дремала. Она объявила войну новому советскому строю, создала свое белогвардейское правительство, которое было, пожалуй, самым первым из всех ему подобных белогвардейских правительств, возникавших потом в процессе борьбы с Советской властью.

Медлить было нельзя. Посоветовавшись с товарищами по комитету РСДРП(б), мы решили немедленно написать для нашей газеты передовую статью [1] с тем, чтобы дать политическую оценку созданию белогвардейского правительства и роли меньшевиков и эсеров, санкционировавших диктатуру казачьей верхушки...

Чтобы показать, какова с первых же дней была роль меньшевиков и эсеров — союзников Дутова и белогвардейцев в борьбе против большевиков, я могу сообщить следующие факты.

...Решение об аресте Мискинова, Макаровой, моем, Мартынова, Лобова, Кичигина было принято меньшевиками совместно с Дутовым, Архангельским, Барановским, это я могу теперь утверждать со всей определенностью.

---

[1] Передовая статья для большевистской газеты «Пролетарий», издававшейся в то время в Оренбурге, была написана Коростелевым под заглавием «Их позор». Статья не увидела света. Газета «Пролетарий» была разгромлена, редактор ее, Коростелев, арестован. К сожалению, в архиве нам не удалось разыскать рукопись этой статьи.

Кроме того, тот же самый Егоров[1] еще раз в качестве парламентера приезжал к нам в станицу Саймурскую, когда уже была стачка, с предложением отказаться от нашей борьбы и обратиться к рабочим с призывом окончить стачку, обещая в этом случае, что они, меньшевики, пойдут на то, чтобы быть примиренцами между большевиками и дутовцами. Мы его тогда тоже проводили очень недружелюбно. Ему ничего не оставалось делать, как возвратиться восвояси.

Напомню еще несколько отдельных штрихов. Когда мы все были уже в тюрьме (в то время почти вся руководящая головка партийной организации была арестована), а на воле оставалось очень небольшое число товарищей, у них с тюрьмой была все время очень тесная связь, и все наиболее важные вопросы, как организация Красной гвардии, проведение стачек, проведение выборов в Учредительное собрание,— все эти вопросы по существу обсуждались вместе с нами, с теми, кто сидел в тюрьме. Согласованность действий товарищей, которые были на воле, и тех, которые сидели в тюрьме, была полная. Иногда чуть ли не целые конференции происходили в тюрьме. Мы были информированы о начале организации отрядов под руководством Кобозева. Мы всячески оказывали содействие советом и помогали, как могли, той работе, которую вели товарищи на воле. И хотя руководство в целом и пострадало, связь между товарищами, сидевшими в тюрьме и бывшими на воле, была полная.

Решение о побеге было вызвано следующим обстоятельством. Мы получили известие о том, что предстоит наступление красногвардейских частей из Бузулука на Оренбург. Это наступление могло в ближайшем времени создать такой фронт, который близко находился бы около самого Оренбурга. Естественно, что мы едва ли остались бы в тюрьме, что нас просто как заложников послали бы куда-нибудь подальше. И не только этого можно было опасаться — вряд ли вообще можно было рассчитывать на благополучный конец. Но, понятно, не этим обстоятельством был вызван побег. Вызван он был тем, что началась дезорганизация уже в самой Оренбургской организации меньшевиков и, с другой стороны, тем, что сами рабочие настойчиво выдвигали эту мысль о побеге. Они считали, что незачем терять товарищей, когда их можно выручить из тюрьмы. После того, как стала формироваться Красная гвардия (по крайней мере, уже тогда было несколько десятков, а, пожалуй, и несколько сотен человек, так или иначе вооруженных), мы имели возможность, опираясь на вооруженную Красную гвардию, совершить побег. В значитель-

[1] Егоров — меньшевик, сыгравший подлую роль в аресте Коростылева и других большевиков Оренбурга.

ной степени успех этого предприятия объясняется наличием вооруженных рабочих, которые психологически создали предпосылку, уверенность в успехе. Мы знали, что во время побега около тюрьмы будут вооруженные части, которые в случае чего могут встать на нашу защиту. Это было колоссальной моральной поддержкой. Без этого дружеского вооруженного «окружения» едва ли все прошло бы так гладко. Успех этот надо приписать, с одной стороны, организованности, с которой был проделан побег (ведь все арестованные в течение какого-нибудь получаса были спрятаны), и, с другой стороны, тому, что белоказаки и белогвардейцы не посмели сунуться в рабочий район, так как знали, что там находится Красная гвардия, которая может дать вооруженный отпор. Эта операция была успешно проведена потому, что большевики сумели сорганизовать вооруженные силы Красной гвардии...

Ф. Кравченко

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ — В АВАНГАРДЕ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ

ноября 1917 года в Оренбурге атаман Дутов учинил дикую расправу над большевиками: разгромил партийную организацию, закрыл газету, клуб, арестовал многих членов большевистской партии и Военно-революционного комитета — всего 125 человек. Все они были направлены из Караван-Сарая в тюрьму. Оставшиеся на свободе члены большевистской организации ушли в подполье.

В ответ на репрессии Дутова оренбургские рабочие 18 ноября 1917 года объявили стачку и прекратили работу в главных оренбургских мастерских. 19 ноября состоялось общее собрание оренбургских большевиков, на котором присутствовало 15 человек, председательствовал И. Мутнов. На собрании обсуждались вопросы о налаживании связи с арестованными товарищами, о закреплении членов большевистской организации за предприятиями для подготовки рабочих к вооруженному восстанию, а также о посылке представителей в Ташкент и Самару за помощью.

Было решено послать в Ташкент Мутнова и Михайлова, а в Самару Котова, Кравченко и Панарина. В Самаре мы не получили помощи, потому что в то время положение там было неустойчивое.

Объявленная 18 ноября стачка оренбургских железнодорожников была сорвана штрейкбрехерскими действиями ряда паровозных бригад. Кроме того, дутовцам удалось пустить по линии несколько поездов под охраной своих карательных отрядов.

1 декабря 1917 года по инициативе партийной организации открылось общее собрание паровозных и поездных бригад и станционных работников Оренбургского железнодорожного узла, обсудившее вопрос о прекращении движения поездов на всех направлениях. Оно проходило очень бурно и продолжалось три дня. На это собрание Дутов командировал меньшевика Бека и эсера Ильинского, которых поддержали штрейкбрехеры. Эти ярые противники рабочего класса вели ожесточенную борьбу против стачки. Они запугивали рабочих арестами и тюрьмой. Несмотря на это, собрание поддержало предложение большевиков объявить всеобщую стачку.

КРАВЧЕНКО ФЕДОСИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (р. 1885 г.), член КПСС с 1917 г. Один из организаторов борьбы рабочих Оренбурго-Ташкентской железной дороги против дутовщины. После гражданской войны — на руководящей советской работе. Ныне — персональный пенсионер.

3 декабря стачка возобновилась, движение поездов было прекращено. На узловом собрании был избран стачечный комитет Оренбургского узла: председатель комитета — Ф. Кравченко, члены — Баландин, И. Сергеев, Петров, Дронов, Здобнов, Логинов, Субачев, Зинков, Гребешников, Гусев.

Стачечный комитет развернул подготовку рабочих узла к вооруженному восстанию против дутовщины, организовывал отряды Красной гвардии. В помощь оренбургским рабочим для борьбы с дутовщиной из центра был командирован Чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии и Средней Азии П. А. Кобозев. Штаб Кобозева находился в Бузулуке.

В оренбургских отрядах Красной гвардии не было оружия.

Партийная организация большевиков поручила мне доставить оружие из Бузулука.

20 декабря в Бузулуке я получил от Кобозева три пулемета системы Кольт, 89 винтовок, несколько ящиков патронов и лент к пулеметам и погрузил все это в тендер паровоза, который вел в Оренбург поезд с солдатами, возвращавшимися с фронта. Вести такой паровоз было небезопасно. На линии атаманом Дутовым были выставлены вооруженные заставы из юнкеров и белоказаков, которые осматривали поезда. Однако оружие дутовцы не нашли. По прибытии в Оренбург в ночь на 21 декабря мы паровоз отцепили от поезда и с проводником Логиновым отправили в главные мастерские, где все оружие было роздано отрядам Красной гвардии.

После этой операции, в ночь на 22 декабря, я должен был вернуться в Бузулук. Мне было поручено переправить туда бежавших из дутовской тюрьмы товарищей Цвиллинга, Мартынова и Коростелева — членов Оренбургского революционного комитета.

В Бузулуке в это время заседал 3-й железнодорожный съезд. На нем присутствовало 78 делегатов от всех линейных участков Ташкентской дороги. Я был делегатом от Оренбургского линейного комитета. Съезд решил вопрос об организации вооруженного наступления на дутовские казачьи отряды и очищения от них всей Ташкентской дороги.

Наступление на дутовские войска в Оренбурге было назначено на 23 декабря. Руководил им Чрезвычайный комиссар П. А. Кобозев.

В революционных отрядах (всего 4) насчитывалось около 400 человек, преимущественно рабочих-железнодорожников, не обученных военному делу, на вооружении которых были винтовки, пулеметы и две трехдюймовые пушки. Первый отряд состоял из делегатов 3-го железнодорожного съезда и матросов, командовал им мичман Павлов. Второй отряд был сформирован из рабочих-железнодорожников Бузулука; во главе его были активные большевики Болотин, Сухарьков, Кондратьев, Калугин, Герман. Третий отряд состоял из бывших фронтовиков, командовал ими бывший офицер Масальский.

В четвертый отряд входили рабочие ремонтных бригад. Они должны были восстанавливать путь, мосты, водокачки, снабжать паровозы топливом и водой. Возглавляли его Федотчев, Кравченко, Зинков, Дронов, Парамонов, Здобнов, Тушев.

В штабе революционных войск было 5 человек — Кобозев, Цвиллинг, А. Коростелев, Мартынов и мичман Павлов.

Ранним утром 23 декабря один из красногвардейских отрядов без боя снял дутовскую заставу на станции Платовка. Не

приняли боя и Переволоцкая и Сыртовская заставы, отступившие до станции Каргалы. Здесь дутовцы окопались, замаскировались в белые халаты и решили устроить засаду красногвардейцам. Но наша разведка вовремя раскрыла это и обходным маневром выбила дутовцев из снежных окопов. Завязался кровопролитный бой, который длился целый день. Против наших отрядов выступили также казачьи отряды из Донецкой станицы. Они атаковали наши поезда с тыла, а на перегоне Сырт — Переволоцкая в нескольких местах разобрали железнодорожный путь и сожгли мосты. Красногвардейские отряды вынуждены были отступить от Каргалы до Бузулука. Под огнем противника наши бригады восстановили путь.

1 января 1918 года в Бузулук прибыли подкрепления, в том числе вооруженные отряды рабочих из Челябинска, Самары, Жлобинский отряд и другие, а также интернациональный отряд Джангильдина. Насчитывавшие около 600 штыков, эти отряды были хорошо организованы.

Началась разработка плана вторичного наступления из Бузулука на Оренбург. Мне было поручено (как комиссару тяги) организовать и оборудовать бронепоезд, а также обеспечить отправку эшелонов с красногвардейцами на фронт.

4 января наши отряды (около 1000 штыков) перешли в наступление. И, несмотря на сильный мороз, снежные бураны и ожесточенное сопротивление дутовцев, мы добились первых успехов в пунктах Переволоцкой, Сырт, Каргалы и, наконец, на 18 разъезде под Оренбургом. 18 января отряды Красной гвардии освободили Оренбург и помогли восстановить там Советскую власть.

После отступления из Оренбурга в сторону Тургая дутовские бандиты некоторое время бездействовали, собираясь с силами. С марта 1918 года они стали совершать внезапные ночные налеты на Оренбург. Только с марта по июль они сделали семь набегов на расположенные в Оренбургской губернии и Тургайской области уездные города, населенные пункты и особенно на железнодорожные станции. Во время бандитского ночного налета на станцию Ново-Сергиевка дутовцы вырезали местный советский гарнизон в 120 человек.

Трудности борьбы с вооруженной контрреволюцией усугублялись еще тем, что в Туркестане и в ряде районов Казахстана свирепствовал голод. Нужно было оказать срочную помощь населению — послать из Оренбурга хлеб. Предполагалось закупить его около Соль-Илецка. Однако 18 марта 1918 года в этом районе начался мятеж белоказаков. Для подавления его Оренбургский губком партии большевиков направил красногвардейский

отряд в 300 человек, организованный из железнодорожных рабочих. Возглавлял отряд С. М. Цвиллинг.

На стороне мятежников насчитывалось несколько кавалерийских отрядов. Силы были неравные: одному красногвардейцу приходилось биться против пяти белоказаков. 2 апреля 1918 года почти весь отряд во главе с С. М. Цвиллингом погиб в бою с врагом.

Белоказачьи отряды разрушили железнодорожное полотно, мосты, водокачки, на отдельных участках прекратилось движение поездов.

В ночь с 3 на 4 апреля дутовцы совершили набег на Оренбург. Воспользовавшись беспечностью сторожевых постов, бандиты внезапно напали на казармы, на спящих красноармейцев и зверски убили 128 человек.

Партийная организация быстро мобилизовала все силы трудящихся, и дутовские банды были выбиты из города.

Тем временем в Ташкенте собрался объединенный съезд работников Ташкентской, Семиреченской и Средне-Азиатской железных дорог. В состав Оренбургской делегации входили Федотчев, Юртаев, Лучников, Саликов и Кравченко. Ее возглавлял П. А. Кобозев.

В адрес съезда из Акбулака и Актюбинска была получена телеграмма: «Движение и связь между Акбулаком и Соль-Илецком прекращены. Начался мятеж белоказаков в районе Соль-Илецка, в станицах Григорьевской и Угольной. Между станциями Илецк и Чашкан железнодорожное полотно и Чашканский мост разрушены, движение поездов прекращено. Просим съезд срочно оказать нам помощь».

Объединенный железнодорожный съезд и его большевистская фракция решили экстренно послать на участок Соль-Илецк — Чашкан — Акбулак отряд по борьбе с контрреволюцией.

Съезд тут же избрал тройку в составе Ф. Кравченко (председатель), И. Федотчева и Лучникова, которой было поручено организовать бронепоезд, укомплектовать для него команду из рабочих-железнодорожников и восстановить непрерывное движение поездов и связь между Ташкентом и Оренбургом.

Вскоре были организованы бронепоезд и боевой отряд из 200 железнодорожников-актюбинцев под командой Шантыря. В их распоряжении были винтовки, два пулемета системы Кольт и одно трехдюймовое орудие. Машинистом бронепоезда назначили Карповича из депо Актюбинск.

С этим боевым отрядом глубокой ночью мы прибыли на станцию Акбулак и начали наступление на станцию Чашкан. Противник по численности значительно превосходил нас. В пер-

вой же схватке обнаружилось, что нам требуется подкрепление. Челкар послал на помощь 120 хорошо вооруженных красноармейцев.

Несколько дней шли ожесточенные бои. Красногвардейцы сражались геройски, особенно отличился в боях артиллерист-наводчик Щербина. Шрапнельным огнем он метко поражал противника, устроив в цепи мятежников невероятный переполох. Под натиском наших частей белоказачьи отряды оставили свои позиции и отступили со значительными потерями. Движение поездов между Ташкентом и Оренбургом было восстановлено.

* * *

В июне 1918 года в связи с выступлением белочехословаков активизировали свою деятельность дутовские банды. Оренбург оказался во вражеском окружении. Красногвардейские отряды испытывали недостаток в боеприпасах. Перед Военно-революционным комитетом и партийной организацией встал вопрос, как быть с городом: временно сдать его или принять неравный бой.

Мы собрали рабочих главных железнодорожных мастерских и депо и доложили о положении Оренбурга. Рабочие единодушно решили временно эвакуировать город и отвести красногвардейские отряды в сторону Актюбинска. Часть вооруженных сил под командованием Блюхера и Каширина ушла в сторону Урала.

29 июня вечером началась эвакуация Оренбурга и закончилась она через трое суток, причем было отправлено 105 поездов. С последним поездом выехали командующий отрядом Оренбургского Военно-революционного комитета Зиновьев, начальник штаба Сангурский, а также все члены комиссии по эвакуации города.

* * *

Весной 1919 года империалисты Антанты организовали свой новый поход против страны Советов. Борьба развернулась на нескольких фронтах. Все внимание было приковано к Восточному фронту, против которого действовала 400-тысячная вооруженная до зубов армия Колчака.

В этой обстановке белоказачьи отряды предприняли наступление на Актюбинск. 11 апреля 1919 года Актюбинск был оставлен, наши силы отступили в сторону станции Эмба.

Актюбинский горком партии по прямому проводу запросил у Реввоенсовета Туркестанской республики экстренную вооруженную помощь для отпора белоказакам.

12 апреля были опубликованы утвержденные ЦК РКП(б) тезисы В. И. Ленина о положении на Восточном фронте. По призыву Коммунистической партии развернулась мобилизация всех сил трудящихся для борьбы с Колчаком.

Сложившаяся на участке Актюбинск — Челкар напряженная обстановка диктовала необходимость оказания немедленной помощи железнодорожникам. Постановлением Реввоенсовета Туркестанской Советской Республики и ТуркЦИКа на коллегию Туркпути (председатель Ф. Г. Кравченко, члены — Б. Барский, Кузнецов, Коновалов, Рудой) было возложено формирование новых боевых отрядов из железнодорожников и объединение всех мелких отрядов в один крупный.

Для оказания помощи актюбинцам был отправлен челкарский боевой отряд под командой большевика И. Доценко. Наступление белых банд было приостановлено.

Коллегией Туркпути под лозунгом: «Все на борьбу с Колчаком!» была проведена мобилизация по всей линии железной дороги (от Ташкента до Эмбы по всем деповским участкам Арыси, Туркестана, Перовска, Казалинска, Челкара, Эмбы), состоялось объединение всех мелких отрядов в крупные многонациональные отряды, и в них были организованы партийные ячейки: от Ташкента до Эмбы все члены партии отправились на фронт во главе с партийными комитетами.

В Ташкенте сформировался красногвардейский отряд из военной охраны железнодорожного узла численностью в 200 человек. Командиром его назначили Коновалова, начальника военной охраны. В отряде было много большевиков.

Численность красногвардейских отрядов составляла только 1600 штыков. Однако, несмотря на то, что Реввоенсовет Туркреспублики выделил для фронта вооружение и один аэроплан для разведки, оружия и боеприпасов не хватало, не было кавалерии.

На собрании командиров главнокомандующим фронтом был выбран Селиверстов, командир Перовского отряда. Здесь же был создан Реввоенсовет фронта под председательством Ф. Г. Кравченко, военно-политическим комиссаром назначен Коваль, начальником штаба фронта — Шпрайцер (в прошлом офицер австрийской армии, бывший военнопленный).

Тем временем наши актюбинский и челкарский отряды отступили с боем от станции Аккемир до станции Кандагач. Дальше отступать было нельзя, так как район Джурун — Эмба являлся нашей последней заготовительной хлебной базой. Председатель Реввоенсовета Туркреспублики А. А. Казаков телеграфировал Реввоенсовету фронта: «Район Джуруна держать во что бы то ни стало». Вот почему за этот район красногвардейские отряды вели ожесточенные бои.

Следовавшая из Ташкента в Оренбург военно-политическая школа численностью в 200 человек во главе с комиссаром Самодуровым застряла на станции Джурун. Коллектив школы вы-

делялся своей организованностью и дисциплинированностью и пользовался во всех наших боевых отрядах особой любовью. С прибытием на Актюбинский фронт школа долгое время стойко сдерживала натиск противника в Кандагаче, хотя численный перевес был на его стороне.

7—8 мая 1919 года стояла сырая холодная погода. Северный ветер нагнал тучи. Пошел снег с дождем. В эту ночь некоторые посты оказались без дозорных. Об этом узнали белоказаки и пошли в наступление. В 2 часа ночи завязался бой, который продолжался до полудня. Противник стремился отрезать Кандагач от станции Джурун и взять в кольцо красногвардейские отряды. Но наш бронепоезд, курсируя между Кандагачом и Джуруном, отбил атаки кавалерии и сорвал планы врага. Однако белоказачья кавалерия стремительным нападением с правого фланга нанесла нам удар. В этом бою смертью храбрых пал Селиверстов. Реввоенсовет назначил временно главнокомандующим фронтом Краснощекова.

Прорвавшие на правом фланге фронт белоказачьи отряды ворвались в наше расположение и стали пробиваться к станции. Слышались их торжествующие крики: «Сдавайтесь!» Красногвардейцы в ответ забрасывали их гранатами.

Ефанов и я по аппарату в Кандагаче требовали выслать из Джуруна снаряды и патроны, а белоказаки уже бегали вокруг станции, стремясь окружить здание и захватить телеграф.

Положение создалось самое критическое. Командование фронтом на ходу произвело перегруппировку частей. На переднюю линию были поставлены перовцы и челкарцы, руководили контрнаступлением члены партии Ворожев, Жеребятьев, Доценко. Стойкими бойцами в этой схватке показали себя Мюльгаузен, Саватеев, Жигалов, Масленников, Филиппов и многие другие.

Красногвардейские отряды перешли в контрнаступление. Белоказаки дрогнули, в их рядах произошло замешательство, и они отступили от Кандагача.

В кандагачском бою мы потеряли много людей. У нас осталось мало снарядов и патронов. В случае повторного наступления белоказачьих отрядов мы проиграли бы бой, и поэтому был отдан приказ подобрать убитых и отступить на новые позиции. В Джуруне, около станции, в садике были похоронены в братской могиле бойцы, отдавшие жизнь за власть Советов. На похоронах красногвардейцы дали клятву до конца своей жизни защищать Советскую власть.

Удержать Джурун нам было трудно. Дутовские отряды, значительно превышавшие по численности наши войска, были хорошо вооружены. А красногвардейские части испытывали острую

нужду в снарядах и патронах (патроны изготовляли кустарным способом в ташкентских мастерских).

9 мая 1919 года по прямому проводу мы сообщили председателю Реввоенсовета Туркреспублики А. А. Казакову о состоянии фронта, а также поставили перед ним вопрос о срочной отправке из Ташкента на фронт кавалерийского полка и Ташкентского отряда. Одновременно мы просили вместо Колузаева выслать командиром Астраханцева, так как Колузаеву, «левому» эсеру, мы не доверяли, работать с ним не соглашались. Но, вопреки воле Реввоенсовета Актюбинского фронта, Реввоенсовет Туркреспублики командировал 27 мая к нам Колузаева и Лялина.

На основании данных им полномочий, они произвели в этой сложной обстановке ненужную реорганизацию Реввоенсовета Актюбинского фронта. Председателем Реввоенсовета был утвержден Ф. Г. Кравченко, главнокомандующим военными силами фронта — Колузаев, военно-политическим комиссаром — Коваль, помощниками главнокомандующего — Краснощеков и Чикурин, начальником штаба — Шпрайцер.

25—26 мая белоказачьи отряды, имея громадное превосходство сил, начали наступление на наш заслон. Завязался упорный, так называемый Кудукский бой, который продолжался несколько часов.

Командир Перовского отряда Ворожев, связавшись со штабом фронта в Эмбе, потребовал помощи. Из Эмбы был отправлен тяжеловесный состав с подкреплением, но машинист не смог вытянуть его на подъеме и возвратился в Эмбу. Это было явное вредительство.

Штаб фронта выслал на помощь челкарцев. С этими силами мы начали контратаку на противника. Белоказачьи отряды постепенно отступили по линии железной дороги.

27 мая на фронт прибыло подкрепление — кавалерийский и интернациональный полки. Все наши войска были реорганизованы в первую сводную бригаду общей численностью 400 штыков и 450 сабель; спешно была произведена перегруппировка отрядов и разработаны новые планы активных военных операций. Реввоенсовет принял решение об освобождении города Темира. Однако эта операция закончилась для наших войск неудачно, потому что штаб противника был осведомлен о наступлении на Темир нашим летчиком, перелетевшим на сторону дутовцев.

Поражение под Темиром отрицательно сказалось на настроении наших солдат.

8 июня 1919 года к нам на фронт прибыл отряд кустанайских партизан, около 800 человек. Мы устроили им радостную встречу. С их приходом фронт значительно укрепился, поднялось на-

строение бойцов. Из кустанайцев мы сформировали Особый Долбушинский полк. Командиром его был Жиляев, оказавшийся впоследствии предателем. Солдаты этого полка произвели хорошее впечатление.

Колузаев и Жиляев решили предпринять новое наступление против белых. Реввоенсовет Актюбинского фронта не давал на это своего согласия, так как считал, что вести активные действия при отсутствии данных о силах противника и недостатке боеприпасов было бы неразумно.

Но Колузаев заявил, что всю ответственность как главнокомандующий он берет на себя, и отдал кустанайцам приказ: обойти противника через поселки №№ 10 и 11 северо-западней станции Эмбы. Полк выступил.

Со станции Кудук на помощь кустанайцам был выслан Колузаевым лучший батальон ташкентских рабочих и интернационалистов из мадьяр и рота перовцев.

Однако поведение Жиляева вызвало подозрение. Реввоенсовет фронта решил изолировать Жиляева от солдат, и полк ушел в наступление без Жиляева. По распоряжению П. А. Кобозева Жиляева арестовали. Но ночью он бежал из-под стражи и, пробравшись к своему полку, спровоцировал его на выступление против Реввоенсовета фронта. Кустанайский полк был снят Жиляевым с боевых позиций и выведен на станцию Эмба. Группа солдат-кустанайцев, спровоцированная Жиляевым и его приближенными, окружила Реввоенсовет фронта и Чрезвычайную комиссию Туркестанской республики во главе с П. А. Кобозевым. Мы оказались в кольце. Солдаты бушевали, слышались выкрики «расстрелять за Жиляева!», «они продают нас!» Сторонники Жиляева захватили на станции Эмба телеграф, убрали политконтролеров Реввоенсовета, в результате связь с передовой линией оказалась прерванной.

При создавшемся положении необходимо было немедленно вернуть батальон ташкентских рабочих и интернационалистов и роту перовцев. Но это невозможно было сделать, так как эти части, обходя противника, далеко вклинились в его расположение. Создалось тревожное положение.

На станции Эмба начался митинг. К площади мы шли среди разъяренной толпы, опасаясь быть растерзанными каждую минуту. П. А. Кобозев произнес речь, в которой разоблачил предательскую роль Жиляева. Твердо и уверенно звучал его голос. Солдаты постепенно успокоились и через некоторое время передали Жиляева в распоряжение Реввоенсовета фронта. [1]

Авантюра Жиляева дорого обошлась нашим войскам. Пре-

[1] О Жиляеве и жиляевщине см. воспоминание Д. Саликова, стр. 171—174.

данные Жиляевым батальон Ташкентского полка, интернационалисты, Перовский отряд, в районе поселков №№ 10 и 11 были окружены белоказаками. Начался ожесточенный бой. Красногвардейцы, расстреляв все патроны, пали смертью храбрых. Эта неудача тяжело отразилась на положении фронта.

Противник повел форсированное наступление на станцию Эмба. Ввиду тяжелого положения наших войск Реввоенсовет фронта отдал приказ об эвакуации их в сторону Челкара.

В разгар военных операций в районе поселков №№ 10 и 11 Чрезвычайная комиссия ТуркЦИКа, возглавляемая П. А. Кобозевым, отстранила от обязанностей главнокомандующего Актюбинским фронтом «левого» эсера Колузаева, а на его место назначила Астраханцева. Замена была безусловно правильной, но момент для замены выбран неудачный. Колузаев этого распоряжения не признавал и продолжал командовать, в результате Астраханцев не мог приступить к руководству. Вследствие этого отступление из Эмбы носило неорганизованный характер.

При отступлении от Эмбы к станции Аральское море создалась тревога за Туркестанскую республику. Необходимо было напрячь все силы, чтобы остановить противника в районе Аральского моря. Это был последний наиболее удобный пункт для задержки врага, рвавшегося в сердце Туркестана — Ташкент.

Для решительного боя Ташкент бросил последние людские и материальные силы: все рабочие, оставив свои станки, выехали на фронт.

Для военных операций частично приспособили Аральскую флотилию, усилили политическую работу среди воинских частей. Все было подготовлено для отражения противника.

Борьба с вооруженными силами контрреволюции вступила в свой завершающий этап. Развивая победоносное наступление, войска 1-й армии Туркестанского фронта, которым командовал М. В. Фрунзе, спешили на помощь своим братьям, сражавшимся в районе Аральского моря. Колчаковцы были разгромлены, остатки их войск капитулировали. 13 сентября 1919 года между станциями Мугоджарская и Берчогур произошло соединение рабочих отрядов Туркестана и Казахстана с передовыми частями Красной Армии. В этот день М. В. Фрунзе писал в приказе: «Свершилось! Путь в Туркестан свободен! Центральные районы нашей страны навсегда соединились с Туркестаном».

Б. Турдалиев

НА СТАНЦИИ АРЫСЬ

В 1917 году я работал дежурным кочегаром депо на станции Арысь. Мне было лишь семнадцать лет. Я плохо разбирался в событиях.

Прихожу однажды на работу, было это в конце февраля, а в депо все веселые такие, обнимают друг друга.

— В чем дело,— спрашиваю,— что за праздник?

— Революция! Пи́терские рабочие дали по шее царю! Свобода!

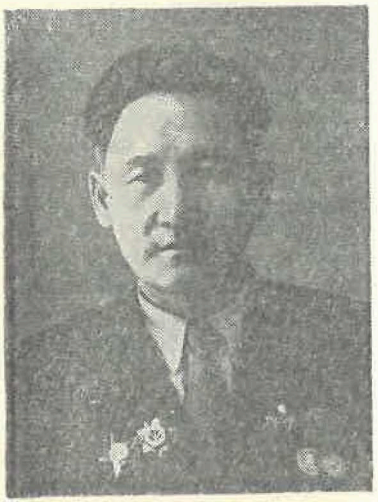
Стихийно возник митинг. Я громче всех кричал «ура». Выступавшие говорили горячо, с душой, они выражали надежду, что новое правительство заключит мир, раздаст крестьянам землю и облегчит труд рабочих.

Но наши надежды и чаяния оказались тщетными. Прошел месяц, другой, третий, а все оставалось, как при старом режиме.

В один из октябрьских дней рабочие высоко над депо повесили красное полотнище, у всех на лицах — радость... На при-

вокзальной площади собрались люди. Один за другим стали выступать рабочие, которые говорили, что рабочие и солдаты Петрограда свергли Керенского и власть перешла к Советам.

У нас начали вводить революционные порядки. Куда ни пойдешь, у всех на устах — Ленин. Его называли отцом и батыром. Народ торжествовал. Наше депо стало неузнаваемым. Люди работали с подъемом, не жалея сил и времени.



ГУРДАЛИЕВ БЕККУЛЫ (р. 1900 г.), член КПСС с 1922 г., участник борьбы за победу Советской власти. Участник Великой Отечественной войны. В настоящее время — директор учебно-планового школы инвалидов Отечественной войны в Чимкенте.

Большевики призывали рабочих к борьбе за укрепление новой власти. Была создана дружина по борьбе с саботажниками и прочими контрреволюционерами. В эту дружину вступил и я вместе с другими молодыми рабочими.

...Зимой 1919 года до нас дошел слух, что из Ташкента движется белогвардейская банда мятежника Осипова в сторону Чимкента с целью захватить его и соединиться с оренбургским атаманом Дутовым. У нас был выделен отряд, в который вошло много железнодорожников, в том числе мои товарищи слесари и машинисты М. Межевихин, Б. Межевихин, Б. Намазбаев, Михайловский. К. Ажибаев и другие. Отряд направился на помощь чимкентским товарищам. Осиповские головорезы получили сокрушительный отпор.

Но положение на юге Казахстана оставалось по-прежнему тревожным. Железнодорожное сообщение было вскоре прервано в нескольких местах и Туркестан отрезан от Москвы. Алашордынские агитаторы сеяли в народе панические слухи. Однако рабочие-железнодорожники оставались твердыми. Нас воодушевляли обращения товарищей М. В. Фрунзе, командовавшего в то время войсками Туркестанского фронта, и В. В. Куйбышева — члена Реввоенсовета. В них говорилось, что Красная Армия, опираясь на мощную поддержку всей России, не даст врагу вновь сесть на плечи трудового народа.

Слова эти сбылись. Один за другим были ликвидированы Туркестанский, Актюбинский, Семиреченский фронты. Гражданская война была победоносно завершена.

Началось мирное строительство, восстановление народного хозяйства.

Вскоре я был послан на учебу в Ташкентский железнодорожный техникум. В 1924 году закончил его, но вместо путевки на работу получил направление Средазбюро ЦК РКП(б) в Хорезмский обком партии для оказания помощи в борьбе с басмачеством.[1] Мы развернули широкую агитационно-массовую работу среди населения. Узбеки, каракалпаки, казахи и представители других национальностей встали грудью на защиту города. Разбойничья шайка была рассеяна...

[1] Мятеж был поднят Джанаид-ханом. Басмачи осадили г. Хиву.

С. Уполходжаев[1]

МЫ СРАЖАЛИСЬ ЗА НАШУ РОДНУЮ ВЛАСТЬ

Вскоре после победы Октябрьской революции мы установили в Перовске Советскую власть.

Много разных царских генералов, атаманов пошли на нас войной. Особенно сильно пострадал казахский народ от банд Дутова, Колчака, Анненкова и алаш-ордынцев.

В декабре 1917 года Перовский Совет организовал партизанский отряд. Командиром избрали большевика, помощника машиниста паровозного депо Николая Селиверстова. В отряд вступили рабочие железнодорожного транспорта и телеграфа. В отряд пошел и я.

Помню, Селиверстов спросил меня:

— Знаешь, за что будешь бороться?

— Да,— сказал я,— за нашу свободу, за нашу власть.

В течение полутора лет наш отряд участвовал в боях против

[1] Уполходжаев Сергазы (р. 1882 г.), член КПСС с 1932 г. С 1906 г. работает на железнодорожном транспорте. Награжден орденом Ленина.

банд Колчака, Дутова и других. Особенно хорошо запомнился мне бой у станции Ак-Булак. Недалеко от станции был мост, разрушенный белоказаками. Без восстановления моста наш эшелон не мог двинуться дальше. Когда мы приблизились к мосту, белоказаки не выдержали нашего напора и отступили.

Другой тяжелый бой, стоивший нам очень дорого, произошел у станции Кандагач. Это было в мае 1919 года. Стояла сырая погода. Возле вагонов в ожидании неприятеля мы вырыли окопы. Нам было известно, что недалеко находится один из сильных отрядов Дутова. Накануне мы послали в разведку около 80 человек. Они не возвращались. Тревожно было среди бойцов. На рассвете Селиверстов, передав командование своему заместителю, направился в ту сторону, куда пошла наша разведка. Вскоре мы услышали перестрелку. Бойцы приготовились. Передние ряды дутовцев пошли в наступление под прикрытием пулеметного огня. Мы тоже открыли сильный огонь, а затем перешли в контрнаступление, но силы были неравные. В тот день мы смогли только отразить атаку врага. В бою погиб командир Селиверстов, любимец всего отряда. Тяжелая это была потеря для нас. На следующий день мы вынуждены были отступить.

Некоторое время мы стояли на станции Джурун, около 20 дней бились с белоказаками у станции Кудук. Потом в боях возле Аральска мы полностью разгромили вражеские войска.

Годы гражданской войны для всех нас послужили большой школой жизни.

Б. Алманов

АЛАШ-ОРДЫНЦЫ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА[1]

9 октября 1918 года мы создали в Иргизе партийную организацию и ревком. Я был избран председателем укома и уревкома.

Получив небольшое количество винтовок у челкарцев, которые охотно помогли нам в этом отношении, мы организовали из членов РКП(б) боевой коммунистический партизанский отряд для охраны и защиты уезда от Алаш-Орды, Дутова и других бандитов.

Днем работали в учреждениях, а вечером собирались в местной военной гауптвахте и до самого утра несли по очереди караульную службу.

---

[1] В архиве Института истории партии при ЦК КП Казахстана хранится только часть воспоминаний Алманова, которая здесь публикуется с сокращением.

5 декабря 1918 года в Иргиз прибыл Чрезвычайный комиссар Степного края Джангильдин с отрядом в 200 человек. Это оживило деятельность местных органов и, главное, подняло настроение местных коммунистов, боровшихся с белыми. Выступившему из Иргиза по направлению к Тургаю отряду Джангильдина неминуемо предстояло столкнуться с Алаш-Ордой, которая, организовав отряды из насильственно мобилизованной казахской молодежи под общим командованием колчаковских генералов, намеревалась занять Кустанай, Тургай, Орск,[1] Иргиз Актюбинск.

Иргизский комитет партии выделил 40 человек для сопровождения Джангильдина, и 13 декабря 1918 года мы выступили в поход в сторону Тургая. Кроме трудностей, связанных с нехваткой теплой одежды, транспорта и т. п., нас беспокоила опасность возможного нападения колчаковцев и алашордынцев. В течение восьми суток мы вынуждены были вести день и ночь усиленную разведку, часто недосыпая, недоедая, перенося адский холод и другие лишения, сопряженные с походной жизнью в степной обстановке.

Наконец, мы добрались до Тургая.

АЛМАНОВ БАЙМЕН (1896—1943 гг.), член партии с 1918 г. Один из организаторов борьбы за победу Советской власти и разгром Алаш-Орды в Тургайской области.

По приказу Джангильдина был организован уревком, военным комиссаром назначен Амангельды Иманов, командовавший казахскими джигитами в восстании 1916 года. По поручению Джангильдина мы с Киселевым, военным комиссаром Иргизского уезда, приступили к созданию большевистской организации в Тургае. Нам удалось организовать ячейку из 13 человек. Руководство было поручено уездному комитету партии в Иргизе, где в то время насчитывалось около 140 членов РКП(б).

Получив от Джангильдина два пулемета и несколько десятков винтовок, мы, иргизцы, выехали обратно к себе.

К этому времени — к весне 1919 года — в связи с оживле-

[1] Кустанай, Тургай и Орск к этому времени были уже в руках белогвардейцев.

нием деятельности Колчака в Сибири зашевелились также и местные враги Советской власти — алаш-ордынцы, эсеры, кадеты. Нам, иргизцам, приходилось еще усиленнее нести караульную службу и вести разведку днем и ночью.

...Идя по следам алаш-ордынцев, мы во многих местах встречались с фактами совершенных ими грабежей, произвола над мирным населением. Почти в каждом ауле мы видели казахов с окровавленными лицами, избитых за отказ дать своих скаковых лошадей, за угощение нефамильным чаем, за то, что чай разливала не жена или дочь хозяина, а старуха или мужчина. Безобразия и насилия, которые творились алаш-ордынцами, этими «культурными силами», возмущали всех и каждого в степи.

Еще позорнее для Алаш-Орды было то, что в большинстве случаев население жаловалось именно на ее «вождей», творивших произвол и зверства.

Хорошее, человеческое отношение нашего отряда к степнякам гарантировало нам, большевикам, успех продвижения в степи и незамедлительное выполнение населением распоряжений ревкома и командования отряда. Население само охотно сообщало нам, где находится противник и план его дальнейших действий...

Штаб Актюбинского фронта не смог дать нам какое-либо подкрепление, так как шло упорное наступление белых. Он предложил нам не сдавать Иргиза без боя, сделать глубокую разведку в сторону Тургая и Карабутака, откуда ожидалось появление противника. Общее собрание большевиков после информации Киселева и моей о положении на фронте и о предложениях штаба решило всех киргизских большевиков (140 человек) разделить на три группы: в сторону Тургая послать в разведку 45 человек во главе с Киселевым, к Карабутаку — 30 человек под моей командой (со стороны Карабутака ожидалось наступление 600 белоказаков и 200 алаш-ордынцев), 65 большевиков оставить в городе.

Надо сказать, что в эти дни, после захвата Тургая алаш-ордынцами, после того, как они для обмана народа объявили о своем переходе на сторону Советской власти, к нам, в Иргиз, приехало несколько буржуазных националистов, которых мы кооптировали членами уревкома. И вот этих перебежчиков — Таибазарова, Жаманмурунова и других вместе с прибывшим откуда-то из степи Кулумбетовым — оставили в городе для связи с уходящими в разведку отрядами и организации в наше отсутствие самозащиты города в случае наступления неприятеля.

Пробыв в разведке неделю, мы, ехавшие в сторону Карабутака, 9 июля получили весть о занятии Иргиза белыми и отступлении наших к Актюбинскому фронту. И только тогда выяснилась предательская роль перебежчиков из Алаш-Орды. Пользуясь нашим доверием, они остались в городе и ведали всеми делами Совета. Они давали нам по телефону совершенно ложные сведения, в частности, что все спокойно в городе, тогда как Иргиз был уже взят белыми...

Получив такую неприятную весть, мы, расположившиеся в трех верстах от Карабутака и собиравшиеся сделать налет на белоказаков, которых было в несколько раз больше, тут же ушли по направлению к фронту Эмба — Челкар.

...После ликвидации Актюбинского фронта Реввоенсоветом Туркфронта в освобожденном от белых Иргизе был создан революционный комитет, куда вошли Киселев, Барышев и я. Ревком развернул работу по установлению в уезде Советской власти и чистке его от остатков контрреволюционных организаций. Особо стоял вопрос о расследовании дела 73 изменников. В наши руки попало много главарей алаш-ордынцев и белоказачьего офицерства, среди них были и те, кто расстрелял в Иргизе восемь коммунистов: Алмана Азирмамбетова, члена РКП(б) с 1918 года, члена уревкома Кайнарбая Култабаева и других. Главные виновники их убийства — Дулатов, Кенжин, Испулов, Каратлеуов, У. Жаманмурунов, Шонанов, Абдалин и другие — ушли со штабом белых. Те, кого нам удалось поймать, были лишь приспешниками, слепым орудием в руках главарей.

Очистив район от белых, мы впервые после двухлетнего перерыва установили связь с Оренбургом, где в это время работал Ревком Киркрая во главе с Пестковским, Мендешевым, Джангильдиным, Арганчеевым и другими.

Прибыв в Оренбург с докладом Кирревкому о положении нашего района (конец 1919 года), Киселев и я получили распоряжение об амнистии всех алаш-ордынцев и о привлечении их к работе в советских органах. Алаш-ордынцы были освобождены. Многие из них вступили в Коммунистическую партию и занимали ответственные посты в партийных и советских органах.

Это ясно говорит о том, что Советская власть чистосердечно простила бывшим своим противникам их вражеские действия. Так что никто из них не мог жаловаться на притеснения и указать хотя бы единичные случаи, когда бывшие алаш-ордынцы были бы обижены. Никакая другая власть не применила бы так широко амнистию по отношению к своим бывшим противникам. В то же время Алаш-Орда, в лице Дулатова, Испулова, Кен-

жина, Сейдалина и других, расстреливала казахов только за то, что они коммунисты.

...В начале 1920 года кончается самый бурный период борьбы на территории Казахстана, борьбы не только вообще красных с белыми, но и борьбы внутри самой казахской нации за и против Советской власти. С ликвидацией белых фронтов начинается мирное строительство свободного Советского Казахстана.

П. Ермолов

БОЛЬШЕВИКИ ВО ГЛАВЕ МАСС

В марте 1917 года в Перовске начала свою работу группа большевиков в количестве более 30 человек. В нее входили Килячков, Лукьянов, я и другие.

В первые же дни после февраля в Перовске образовался Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Я был избран от 1-й Туркестанской роты депутатом. В Совете было много представителей от других партий — меньшевиков, эсеров, анархистов, максималистов и т. д. Большевики вели с ними решительную борьбу, разоблачая их соглашательское нутро.

В городе в это время был расквартирован 3-й Сибирский запасной полк, который подготовлялся для отправки на фронт. Кроме того, здесь находились караульная команда и другие мелкие воинские части. Большевики вели большую работу среди железнодорожников и солдат.

Для установления связи с большевиками Казалинска, станции Аральское море, Туркестана, Арыси и других городов пе-

ровцы послали туда своих людей. Была также налажена связь с большевиками Ташкента.

Самостоятельной партийной организации большевиков в Ташкенте еще не было. Но в общей социал-демократической организации была группа большевиков, в которую входили В. Шумилов, И. Финкельштейн, М. Финкельштейн, П. Сорокина, Сорокин, Солькин, Вотинцев, Першин, Казаков, Ляпин, Богоявленский, Дубицкий, Мамедов, Манжара и другие. С этими товарищами был установлен контакт в работе.

ЕРМОЛОВ ПЕТР АНИСИМОВИЧ (р. 1884 г.), член КПСС с 1917 г. Активно участвовал в установлении Советской власти в Казахстане и Средней Азии. В 1918 г.— секретарь ЦК КП Туркестана, член ТуркЦИКа и председатель Реввоенсовета Туркреспублики. После окончания гражданской войны — на ответственной советской работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

Чем дальше, тем больше буржуазное Временное правительство теряло свой авторитет в народе. Все чаще стали раздаваться голоса: «Долой буржуазное правительство!» Временное правительство принимало контрмеры. Оно посылало своих представителей в разные концы России. В Среднюю Азию был послан министр Щепкин.

Мне вспоминается встреча на вокзале Перовска с этим министром. В произнесенной им речи он призывал вести борьбу с дезертирами из армии, не слушать пропагандистов - большевиков, которые «добиваются прекращения войны без аннексий и контрибуций». После Щепкина выступили представители от мелкобуржуазных партий, которые поддерживали Временное правительство. Мне также дали слово как представителю большевиков. Симпатии собравшихся были на стороне большевиков.

Так и уехал Щепкин из Перовска в Ташкент, и здесь его выступления не имели успеха среди трудящихся. Было очевидно, что пропаганда продолжения империалистической войны «до победного конца» не нашла отклика в народных массах Туркестана.

Исторические Апрельские тезисы В. И. Ленина вооружили

Раздача агитационной литературы на Восточном фронте.

большевиков Туркестана, как и партию в целом, планом подготовки пролетарской революции.

Я помню, что в Перовск в 1917 году приходили газеты, издававшиеся большевиками в центре России. Но в киосках их достать было невозможно. Газеты прятали, население их не видело. В то же время газеты Временного правительства продавались широко.

Для приобретения большевистских газет наша партийная организация установила связь с девушкой-продавщицей в вокзальном киоске — Таней. Незаметно для окружающих она выдавала мне большевистские газеты для воинских частей, железнодорожных мастерских, рабочих казарм.

Из распространяемых нами большевистских газет рабочие и солдаты узнавали правду, выше поднимался авторитет нашей партии.

В сентябре 1917 года от рабочих Перовска я вместе с другими товарищами был избран делегатом на второй съезд Советов Туркестана. Мы выехали в Ташкент, где нам, перовским большевикам, был оказан самый радушный прием.

Съезд проходил в Доме свободы. На нем обсуждались важные вопросы, в том числе о ташкентских событиях и об организации краевой власти. Большевики подвергли острой критике деятельность Краевого Совета в период сентябрьских событий, использовав трибуну съезда для борьбы за лозунг: «Вся власть Советам!»

Хочу рассказать еще об одном интересном эпизоде. Это было еще до второго съезда Советов. Как известно, Временное правительство по требованию своего Туркестанского комитета направило в сентябре 1917 года в Ташкент карательную экспедицию. Специальная делегация (Гущин, Олейников, Х. Ибрагимов, Казак, Стригин и я) выехала в Перовск навстречу экспедиции с целью выяснить ее истинные намерения. На станции стоял поезд с карательной экспедицией, которой командовал генерал Коровиченко. В тамбуре его вагона мы встретили меньшевиков Демидова, Вайнштейна, а также алаш-ордынца Мустафу Чокаева и еще какого-то правого эсера. Узнав, что мы составляем делегацию, которой поручено выяснить цель карательной экспедиции, Демидов заявил нам:

— Генерал с вами разговаривать не будет.

Я ответил:

— Посмотрим, будет он разговаривать с уполномоченными или нет, однако, вы доложите о нас, мы подождем, терпения у нас хватит.

Демидов согласился, наконец, вызвать генерала.

Вскоре открылась дверь и к нам вышел Коровиченко. «Я вас слушаю, господа!» — громко сказал он.

Мы ответили, что мы не господа, а делегаты и объяснили, что нам поручено выяснить, какова цель его приезда в Среднюю Азию, тем более с карательным отрядом.

— С вами, господа делегаты, будут договариваться пулеметы и казачьи нагайки.

Об этом разговоре мы рассказали перовским большевикам и заверили их в том, что ташкентские большевики, рабочие и солдаты сумеют достойно встретить карательную экспедицию.

Трудящиеся Ташкента развернули решительную борьбу против карателей, которая затем переросла в вооруженное выступление против буржуазного Временного правительства.

...После четырехдневных упорных боев на улицах города 1 ноября 1917 года революционные силы победили. Власть буржуазии была свергнута. Установилась власть Советов. Среди арестованных белогвардейцев был и генерал Коровиченко и его сподручный Доррер.

В конце декабря 1917 года в Ташкенте оформилась большевистская партийная организация. В ее состав входило 29 человек, в том числе и я.

Вскоре меня назначили комиссаром по военно-гражданской части Туркестанской республики, и со штабом части я выехал в направлении Оренбурга для участия в ликвидации так называемой Оренбургской «пробки»[1]. По пути остановился в Перовске, чтобы дать указание городскому Совету принять участие в отправке дополнительного отряда на Оренбургский фронт.

В феврале 1918 года по поручению военкомата республики я передал из Казалинска по телеграфу во все города республики обращение о мобилизации всех сил для борьбы с бандами Дутова. Обращение затем было отпечатано и распространено, что способствовало дальнейшему усилению борьбы с Дутовым.

С мандатом за подписью В. И. Ленина в это время из Москвы в Ташкент выехал Петр Алексеевич Кобозев. Временно он остановился на станции Казалинск. В депо был устроен митинг, на котором выступил Кобозев. Он охарактеризовал обстановку в стране, призвал усилить борьбу с контрреволюцией.

Приезд Кобозева поднял наше настроение, ибо в этом мы еще раз увидели заботу Центра и лично В. И. Ленина о Туркестане.

На следующий день после отъезда Кобозева в Ташкент нами был сформирован под командованием Павлова отряд для борьбы

---

[1] Под Оренбургской «пробкой» подразумевается захват белоказачьим атаманом Дутовым Оренбурга 26 октября (8 ноября) 1917 года.

с контрреволюционной бандой Степанова, которая терроризировала население в районе Ферганы. Преследуемая отрядом Павлова банда вынуждена была уйти из Ферганы по направлению к Казалинску и здесь была ликвидирована.

Вскоре поступили сведения о том, что с Кавказского фронта в сторону Оренбурга продвигается несколько демобилизованных казачьих полков, которые Дутов рассчитывал использовать в качестве пополнения своих контрреволюционных войск. Необходимо было во что бы то ни стало их разоружить. Мы с этой задачей успешно справились.

Большевистская партия и Советское правительство приняли все меры, чтобы ликвидировать Оренбургскую «пробку». В результате произошла радостная встреча войск, направленных из Центра, с частями, посланными из Ташкента. Победители вернулись в Ташкент, их встречали тысячи трудящихся.

В июне 1918 года в Ташкенте состоялся 1 Краевой съезд большевистских организаций Туркестана. Мне посчастливилось быть делегатом этого съезда, завершившего организационное оформление парторганизации Туркестана в единую коммунистическую партию Туркестана — неразрывную составную часть РКП(б).

Съезд имел огромное значение и в том смысле, что принял ряд решений по работе среди местного населения. В частности, было решено образовать при областных и уездных Советах комиссариаты по национальным делам; наладить печатание всех официальных изданий на местных языках; организовать курсы для подготовки партработников из представителей местных национальностей.

На съезде был избран Центральный Комитет. В его состав вошло семь человек, в том числе и я.

ЦК приступил к работе. Большое внимание уделялось созданию на местах партийных организаций. Я ведал орготделом, и мне вместе с другими товарищами приходилось выезжать непосредственно на места — в Урсатьевскую, Голодную степь, на станцию Аральское море, Муйнак и т. д.— для организации партийных комитетов.

Антон Кламт

«ВАШ ВРАГ — НАШ ВРАГ» [1]

Уже с ранних лет я воспитывался в семье в социалистическом духе. В 1904 году я стал членом социал-демократической партии Австрии. По глубокому внутреннему убеждению я ненавидел капитализм и империалистическую войну.

Когда наша парламентская фракция проголосовала за военные кредиты, я демонстративно вышел из партии.

В конце 1914 года я попал в плен. Великую Октябрьскую социалистическую революцию встретил в Казани, где вместе с 20 немецкими товарищами-единомышленниками со словами «ваш враг — наш враг» примкнул к большевикам, которые вели ожесточенные бои против контрреволюции.

Я вербовал австрийских товарищей в Красную Армию. Сам я еще до этого вступил в Красную Армию. В Бузулуке я полу-

[1] Перевод с немецкого языка воспоминаний А. Кламта, Ф. Гниффке, Ф. Винтера и К. Майвальда сделан В. Бажановой.

КЛАМТ АНТОН, родился, в 1880 г. в Гренцендорфе (Чехословакия). В 1904 г. вступил в социал-демократическую партию Австрии. Во время первой мировой войны был солдатом австрийской армии, попал в плен. Вступил в Красную Армию. В 1921 г. вернулся на родину. Вступил в Коммунистическую партию Чехословакии и основал в Ригерсдорфе местную ячейку Коммунистической партии. С 1945 г. живет в Веймаре (ГДР), активно участвует в работе местной организации СЕПГ и в социалистическом строительстве.

чил первое боевое крещение, сражаясь против чехословацких контрреволюционных частей.

После боев в Бузулуке я заболел и попал в Ташкент. Выздоровев, я тотчас же явился в Красную Армию и был зачислен в подразделение, которое состояло из одних немцев. Из Ташкента меня направили сначала в Шураб, а через два месяца в Коканд, в 1-й кавалерийский полк, где я в течение почти двух лет командовал 4-м эскадроном. Наша боевая задача состояла прежде всего в том, чтобы уничтожить басмаческие банды.

Не было ни одной недели, в которую бы контрреволюционные банды, снабжавшиеся иностранными империалистами, не совершали нападений на гражданское население. Налеты эти сопровождались ужасной жестокостью. Поэтому мы решительно выступали против банд и в конечном счете разбили их наголову.

В 1919 году я вступил в Коммунистическую партию. В январе 1920 года был направлен партийной ячейкой в партшколу, в Москву. Но в связи с болезнью мне пришлось ее оставить и вернуться в свой полк в Коканд. В 1921 году после демобилизации из Красной Армии выехал на родину.

Фриц Гниффке

МЫ ОСТАЛИСЬ ВЕРНЫ ДЕЛУ ОКТЯБРЯ

очти 40 лет прошло с тех пор, как я и многие другие немецкие товарищи вместе с нашими русскими братьями по классу боролись против белогвардейцев и интервентов на востоке республики Советов. Все пережитое в то время еще свежо в моей памяти.

Немецкий солдат, я в 1915 году попал в плен и был отправлен в Ташкент. Здесь я встретил Октябрьскую революцию. Она открыла и нам, военнопленным, тогда еще мало знавшим о политических и революционных выступлениях в России, путь к свободе. В это время я впервые услышал имя — Ленин, которое часто упоминалось коммунистами.

Однажды пришли к нам депутаты солдатского Совета с призывом принять участие в борьбе за освобождение пролетариата. Вместе с другими немецкими товарищами я добровольно вступил в 1-й Интернациональный Туркестанский полк Красной Армии. Командовал полком Тимошков, за которым мы были готовы

пойти в огонь и в воду. В этом полку одна из рот состояла из немцев. Среди них были Вальтер Байер, Карл Бауриг, Фриц Битцель и Макс Фильцек. Командиром роты был уроженец Рейнской земли — Андель.

В первых боях я участвовал весной 1918 года, когда мы получили задание разгромить белые банды под Самаркандом.

Вместе со своим подразделением я участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа [1] в Ташкенте. В это время я был заместителем политкомиссара первой роты.

ГНИФКЕ ФРИЦ, родился в 1892 г. в Нейгофе (Восточная Пруссия). Был бойцом 1-го Интернационального Туркестанского полка Красной Армии. В 1920 г. вернулся в Германию. Активный член СЕПГ.

Вскоре после этого мы начали большое наступление против белогвардейцев, которое закончилось освобождением Красноводска и разгромом контрреволюционеров на Каспийском море.

С населением у нас всюду были дружеские отношения. Правда, сначала нас принимали немного недоверчиво, так как белогвардейцы изображали нас разбойниками и бандитами. Но эта первоначальная сдержанность вскоре сменилась сердечностью и доверием, которые укрепляли нашу решимость до конца разгромить белогвардейцев.

Когда мы услышали о подлом убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, мы, немецкие интернационалисты, нарисовали на нашем ротном знамени портреты обоих убитых и сражались с того времени под этим знаменем.

Летом 1920 года в связи с наступлением Врангеля, наш Интернациональный Туркестанский полк был переброшен на Украину. И здесь мы также были верны делу революции и сражались против Врангеля до полного его разгрома.

---

[1] Здесь автор имеет в виду контрреволюционный мятеж в Ташкенте в январе 1919 года.

Франц Винтер

В БОРЬБЕ С КОЛЧАКОВЦАМИ

Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая явилась поворотным пунктом в истории человечества, я, военнопленный, встретил в Самарканде.

В нашем лагере для военнопленных находилось 450 человек. Однажды днем, это было в начале 1918 года, в лагерь явились три солдата с фронта и рассказали о положении в стране. Они стали агитировать нас вступить в Красную гвардию и сражаться за революцию. 26 человек, в том числе и я, изъявили согласие. Нас причислили к одному из отрядов Красной гвардии...[1]

На Оренбургский фронт, где Колчак сконцентрировал большие силы, нас привезли ночью. Ощупью мы пробрались на указанные позиции. 30 и 31 августа в районе станции Аральское

[1] В опущенной части воспоминаний рассказывается об участии немецких товарищей в боях с вооруженными силами контрреволюции в разных районах Туркестанской республики.

ВИНТЕР ФРАНЦ, родился в 1882 г. в Фалькенштейне. В 1915 г., солдат немецкой армии, попал в плен. В 1917 г. вступил в красногвардейский отряд. В 1921 г. вернулся в Германию, стал членом Коммунистической партии Германии, организовал Союз красных фронтовиков. Сейчас Франц Винтер — активный деятель СЕПГ.

море колчаковцы предприняли ожесточенные атаки на позиции красных войск. Однако все они были успешно отбиты. Измотав силы белогвардейцев, части Красной Армии Аральского участка, согласно приказа командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, перешли в наступление. Враг дрогнул и стал отступать. В этих боях проявили пример мужества и стойкости вместе с русскими и казахами также интернационалисты — немцы, мадьяры, австрийцы, чехи, словаки и другие. Наши летчики кружили над вражеской линией и сбрасывали листовки, призывавшие колчаковских солдат перейти на сторону Советов. Вскоре после этого тысячи солдат с полным снаряжением перешли к нам. Мы обращались с ними, как с товарищами, и делились хлебом и чаем. Их отправили в Ташкент, где они, как мы слышали, вскоре вступили в Красную Армию.

Красная Армия выиграла сражение на этом участке фронта...

В 1920 году я поехал в Москву, а оттуда — на родину, где продолжал бороться в рядах Коммунистической партии Германии.

Карл Майвальд

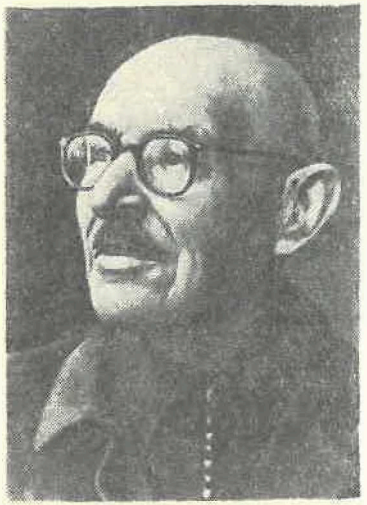
НАША ДРУЖБА С МЕСТНЫМИ ТРУДЯЩИМИСЯ

абочий и солдат, я был против империалистической войны, и уже в ноябре 1914 года на Восточном фронте сдался в плен русским. Около полутора лет я работал в Чите, а потом — до января 1917 года на Мурманской дороге. В феврале 1917 года мы прибыли в Среднюю Азию. Октябрьскую революцию я встретил в Самарканде. Здесь за несколько дней рабочие взяли власть в свои руки и в дальнейшем героически защищались от наступления сил контрреволюции.

Для нас — военнопленных — началось бурное время, которое навсегда сохранилось в моей памяти. Тогда я еще не был в состоянии понять все политическое значение Великой Октябрьской революции. Однако я был сознательным рабочим, и мое отношение к революции с первого же дня определилось: несмотря на то, что я военнопленный, должен что-либо сделать для революции рабочих.

Вскоре наше положение в корне изменилось: мы стали сво-

бодными гражданами. Недолго думая, я вместе с другими немцами вступил в милицию Самарканда, чтобы стоять на страже революции. После образования Красной Армии я вступил в ее ряды, потому что считал это своим интернациональным долгом. Так я стал бойцом 2-го конно-пехотного полка. С этим полком я участвовал в вооруженных боях на Каспийском, Оренбургском и Актюбинском фронтах.



МАЙВАЛЬД КАРЛ, родился в 1883 г. в Мальче. В 1914 г.— немецкий солдат, попал в плен в 1917 г. и был отправлен в лагерь в Туркестан. Был красногвардейцем, сражался в рядах Красной Армии. В начале 1921 г. вернулся в Германию. В настоящее время Майвальд член СЕПГ, ведет большую партийную работу.

Наш поход начался в начале мая 1919 года на Среднеазиатской железной дороге, у города Чарджоу на Аму-Дарье. Участвовали мы в освобождении многих городов. После трех недель отдыха мы получили приказ выступить в район станции Аральское море. Через шесть дней мы достигли фронта и сразу же вступили в бой, который продолжался 14 дней. Контрреволюционным войскам был нанесен сокрушительный удар.

В октябре 1919 года нас на пароходе отправили на остров Муйнак, который мы освободили.

В феврале 1920 года борьба на этом участке была закончена. Мы вновь двинулись вверх по Аму-Дарье. В Бухаре помогли трудящимся разбить силы контрреволюции. Здесь нам пришлось вести тяжелые бои. Белые были хорошо вооружены, а нам подчас не хватало самого необходимого военного снаряжения. Мы должны были сначала захватить у противника оружие, обмундирование и т. п. Очень мучала нас, европейцев, сильная жара. Однако все эти тяготы и лишения не могли нас сломить. Идеи, делавшие нас способными преодолевать самые большие трудности, вооружали нас новым мужеством.

С населением освобожденных областей у нас были самые сердечные отношения. Поражения белогвардейцев, наша железная дисциплина, суровое осуждение тех, кто посягал на собственность населения — все это укрепляло наш авторитет среди рабочих и крестьян. Этот тесный союз между нами и населением

во многом способствовал окончательной победе над силами контрреволюции.

Когда в 1919 году была создана партия иностранных коммунистов [1], я вступил в ее ряды. Наш партбилет был на холсте. Его отобрали у меня реакционные власти, когда я прибыл в Германию в 1921 году.

[1] Организации иностранных коммунистов в Туркестанском крае начали образовываться летом 1918 года из бывших военнопленных и в январе 1920 года были объединены с общепартийными организациями.

Густав Сенчек

НА АКТЮБИНСКОМ ФРОНТЕ[1]

После установления Советской власти в Туркестане специальным декретом нам, бывшим военнопленным, была предоставлена полная свобода. Мы имели право выбрать — либо ехать домой, либо остаться и работать, как и местные люди, либо вступить в Красную гвардию и бороться с врагами революции. Я и многие мои товарищи выбрали последнее — мы пошли в Красную гвардию. Так начало формироваться красногвардейское отделение, в котором большинство составляли бывшие военнопленные. Постепенно количество добровольцев росло. Подавали заявления и местные жители: казахи, узбеки, татары, русские.

Мы несли дозорную службу в городе, охраняли обществен-

[1] Под этим заголовком публикуется переведенный со словацкого языка отрывок воспоминаний Г. Сенчека «От Кракова до Туркестана» из книги «Боевая песня звучала». Словацкое издательство политической литературы, 1958 г. Отрывок дается с некоторыми сокращениями.

ные здания и фабрики, но главным образом выявляли контрреволюционеров и спекулянтов. Все же их много убежало на север к белоказакам.

Жили мы очень дружно, несмотря на то, что состав наших отрядов был интернациональным. Всех нас спаяло сознание необходимости защищать Советскую власть, которая дала нам свободу.

ГУСТАВ СЕНЧЕК

У нас ежедневно проходили занятия по боевой и политической подготовке. Мы начинали постепенно понимать политику РКП(б).

В обучении и службе прошла первая половина 1918 года. Тогда уже формировалась Красная Армия, и мы вступили в ее ряды. Позднее стало известно, что уральские белоказаки совместно с бандами атамана Дутова начали нападать на жителей Актюбинска, Орска и других городов, находившихся по соседству с Туркестанским краем. Местные Советы этих районов запросили от штаба Красной Армии в Ташкенте помощь. Идя навстречу их просьбе, несколько гарнизонов, в том числе и наш, отправили на угрожаемые участки.

Большие морозы, которые в декабре 1918 — феврале 1919 года достигали 40—45° ниже нуля, немного задержали белогвардейцев. Однако после ослабления морозов белые начали систематические атаки. Возник Актюбинский фронт.

Вместе с резервами мы составляли примерно дивизию, 40 процентов бойцов которой было вооружено старыми берданами, а для новых винтовок и даже пулеметов мы не имели достаточного количества патронов. Артиллерийских снарядов было тоже в обрез. При этом мы ни от кого не могли ожидать помощи, потому что были отрезаны от Центральной России.

В это время Нижний Урал кишел царскими офицерами, которые вместе с кулаками в каждой станице составляли резерв белогвардейцев. Деревенская беднота, которая могла бы нам помочь, не была вооружена.

Согласно данным нашей разведки, белогвардейский фронт насчитывал около тридцати тысяч вооруженных солдат и казаков, которые, как говорят, спали с шашкой с самого детства. Были здесь и части колчаковской белой армии. Пока враг располагал войска по всем правилам боевого порядка, нам пришлось растянуть свои части, чтобы избежать окружения с флангов.

Весной и летом 1919 года наш фронт под натиском превосходящих сил белых отступал на юг, по направлению на Кандагач. На холме, недалеко от города Орска, у нас стоял пулемет, в расчете которого было два красноармейца. Белые наступали на холм со всех сторон. Пулемет беспрерывно косил врагов. Тела убитых белогвардейцев валялись по склонам холма. Но вот пулемет затих. Кончились патроны. Товарищи погибли, зато они прикрыли наше отступление к реке Эмбе.

В конце апреля белогвардейцы предприняли против нас атаку на левом фланге, которую, однако, мы отбили. Вправо от нас, примерно за километр, стояла белогвардейская батарея, которая обстреливала наши окопы и станцию Кандагач. Мы заставили ее замолчать...

Летом 1919 года к войскам атамана Дутова присоединились части разбитой армии адмирала Колчака. Поражение Колчака создало серьезную ситуацию в Южной белогвардейской армии, оперирующей на нашем фронте: она оказалась зажатой между двумя фронтами. С севера ее атаковали части Красной Армии, разбившие Колчака, а с юга — наша туркестанская Красная Армия, хотя численно небольшая и плохо вооруженная, но зато сильная боевым духом.

План у белогвардейцев был такой: пробиться на юг по направлению Ташкент — Самарканд — Красноводск.

Атака белых на Кандагач началась утром 9 мая. Погода была исключительно плохая. По всей линии фронта лег густой, холодный туман; шел дождь со снегом. Белогвардейцы под прикрытием тумана пробрались к нам в тыл. Опасность была велика — нас почти полностью окружили. Поэтому мы отступили от станции Кандагач...

Новую позицию мы удерживали примерно неделю. Однажды к нам в штаб пришла от войск противника делегация из 5 человек для секретных переговоров об условиях перехода на сторону красных двух кавалерийских полков. Через некоторое время мы провожали делегатов и на прощание наш оркестр сыграл «Интернационал». Эти проводы с музыкой и для нас и для них кончились плохо. Звуки «Интернационала» разнеслись далеко по равнине и возбудили подозрение в белогвардейском штабе, при-

чем наблюдатели белых засекли делегацию, когда она уходила от нас. Белое командование расформировало полки, и таким образом вся подготовка к переходу на сторону красных провалилась. Мы пожалели, но было уже поздно. Все же мы поняли, что в стане белых усиливается брожение.

Наша разведка днем и ночью следила за движением неприятеля. 16 мая она доложила, что большие силы противника сосредоточиваются на восточной стороне Эмбы, на расстоянии около 14 километров от фронта в нашем тылу. Штаб сейчас же издал приказ стянуть силы к Эмбе.

На второй день, на рассвете, белогвардейцы начали окружать станцию Эмба с восточной и южной стороны. Им удалось окружить наш арьергард — роту, окопавшуюся в трех километрах на север от Эмбы. Один из нас сумел выбраться из окружения и добежать в штаб. И как раз в это время подоспела кавалерийская часть Кустанайского отряда. Неожиданная контратака кавалерии застала врасплох белогвардейцев. Нашу роту освободили...

Вскоре мы получили приказ отступать в боевом порядке до самого Аральского моря, где в это время подготавливали для нас укрепленные позиции.

Отступали мы медленно. Время от времени мы сдерживали неприятеля огнем орудий, винтовок и пулеметов, чтобы он не подумал, что в дулах наших орудий уже поселились пауки, и чтобы выиграть время для закрепления на приготовленных позициях. В северо-восточном заливе [1] находилась наспех созданная канонерская флотилия с орудиями разного калибра. Количество боеприпасов значительно пополнилось. Боевое настроение было хорошее. Мы были готовы встретить врага. И вот наша кавалерийская разведка донесла, что от Джуруна, через который мы прошли пару дней тому назад, движутся белогвардейские части.

На следующий день утром мы увидели вражеские отряды. Они шли к нашим окопам. Все ближе и ближе враг, а наши окопы молчали. И когда цепи белых подошли почти вплотную к окопам, вот тут-то на них и полился горячий свинцовый дождь. Вражеские ряды быстро таяли. Оставшиеся в живых отступили. Мы ждали второй атаки. Она началась примерно в семь часов утра, а приблизительно с одиннадцати часов и до полудня — третья и последняя атака белогвардейцев против Красной Армии на этом фронте. Белогвардейцев и на этот раз постигла та же самая участь, что и в первой атаке. После третьей атаки мы

[1] Имеется в виду залив Сары-Чаганак.

увидели направляющуюся к нам делегацию парламентеров с белым флагом.

Около часу дня на нашу сторону перешли два полка в полном вооружении. Остальная часть вражеского фронта начала отступление.

Штаб издал приказ двигаться вперед, на север. Кавалерийская разведка шла в нескольких километрах впереди фронта, и кавалерийские эскадроны на правом и левом флангах поддерживали связь с фронтом и нашим штабом. Мы занимали станции и пристанционные поселки, оставленные при отступлении на юг.

Медленно мы приближались к станции Челкар, откуда доносилась стрельба. Примерно в пяти километрах от станции мы остановились. Разведка получила приказ проверить ситуацию на станции и в ее окрестностях. Примерно через час разведка доложила, что на станции Челкар еще два полка отказались воевать против нас и обезоруживают белоказаков.

Эти события подтверждали, что белогвардейский фронт рушится и приближается час, когда под ударами Красной Армии он полностью будет ликвидирован. Командование решило немедленно выступать на Челкар. Фланги нашего фронта в виде клещей вытянулись вокруг Челкара. Когда наши первые подразделения захватили станцию, еще два полка добровольно сдались нам.

Из рассказов некоторых разоруженных белоказаков мы узнали, что части Красной Армии, наступающие с севера, уже заняли Эмбу.

Наши части, подкрепленные четырьмя пехотными полками, которые добровольно перешли к нам, направились дальше на север, к Мугоджарским горам и Берчогуру (примерно в тридцати километрах от Челкара). К самому подножью Мугоджарских гор мы подошли к вечеру 27 июня 1919 года,[1] где соединились с войсками 1-й армии Туркестанского фронта.

После ликвидации фронта подразделения Красной Армии возвращались в свои гарнизоны, где их торжественно встречали трудящиеся.

Наше подразделение вернулось в город Туркестан. Здесь на партийном гарнизонном собрании я был принят в члены РКП(б)...

---

[1] Дата не точная. Соединение частей Красной Армии Туркестанского фронта с частями Туркестанской республики состоялось 13 сентября 1919 года

В. Кривошапов

ЧЕЛКАРСКИЙ КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ ОТРЯД

Челкарский район в 1906—1912 годах был довольно пустынным местом, с весьма суровым климатом. Продукты питания завозились сюда из центральных губерний России; даже питьевая вода доставлялась в цистернах за несколько сот километров. Учитывая эти условия, царское правительство вынуждено было ослабить здесь паспортный режим. Благодаря этому здесь находили работу те, кто из-за политической неблагонадежности не имел возможности получить ее в Европейской части России. По этим причинам политическая и классовая сознательность рабочих Челкара была выше, чем в некоторых других районах Туркестанского края.

Я принимал активное участие в подпольном рабочем кружке при депо, который в разное время возглавляли врач Якобсон, столяр Гурунов, слесарь Рожков и другие. Устраивали маевки, проводили беседы.

В мае 1917 года я был избран в местный комитет рабочих депо. В это время многие рабочие еще верили в Учредительное собрание. Только с приездом фронтовиков — Антона Жигаловского, Алексея Масленникова и других, которые в Петрограде слушали выступления великого Ленина, среди железнодорож-

ников усилилось влияние большевистской партии. Мы приступили к организации Красной гвардии. За счет разоружения проходивших воинских эшелонов мы вооружали красногвардейцев.

После победы Октябрьской революции в Челкаре был организован Совет рабочих, казахских депутатов, возглавляемый токарем Леонидом Александровичем Мюльгаузеном. Был организован районный железнодорожный комиссариат, возглавлять который поручили мне.

КРИВОШАПОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ (1888—1959 гг.), член КПСС с 1918 г.
В годы гражданской войны возглавлял районный железнодорожный комиссариат. В последующие годы находился на советской и хозяйственной работе.

Совет создал заградительные отряды, вел борьбу со спекулянтами, частично конфисковал скот у богача Габбасова. Значительно пополнился красногвардейский отряд; он насчитывал свыше пятисот человек, располагал одной пушкой, двумя пулеметами, гранатами и другими боеприпасами.

В начале марта 1918 года нам стало известно, что белоказаки сожгли мост на перегоне Ак-Булак — Илецк. Об этом мне сообщил ночью председатель Актюбинского железнодорожного районного комиссариата П. М. Никонов и просил выслать восстановительный отряд.

В 9 часов утра специальным поездом мы выехали к разрушенному мосту. Туда же со станции Аральское море прибыл с отрядом М. В. Сафонов. Белоказаки вели упорные бои, чтобы не дать нам восстановить железнодорожное полотно. При восстановлении моста проявил героизм дорожный мастер Федотчев. Несмотря на ружейный обстрел, восстановительный отряд, рискуя жизнью, честно выполнил свое боевое задание.

Челкарский боевой красногвардейский отряд был интернациональным: в него входили русские, украинцы, казахи, киргизы, узбеки... Отряд участвовал в подавлении всякого рода контрреволюционных вспышек в Туркестанской республике.

В. Перепелкин

4-й ТУРКЕСТАНСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПОЛК

Идея создания 4-го Туркестанского полка возникла в штабе Закаспийского фронта летом 1918 года.

Сформировать полк было поручено Михаилу Владимировичу Сафонову, находившемуся при Жлобинском отряде. Это был старый революционер, просидевший с 1905 года до Февральской революции в одиночной камере Шлиссельбургской крепости.

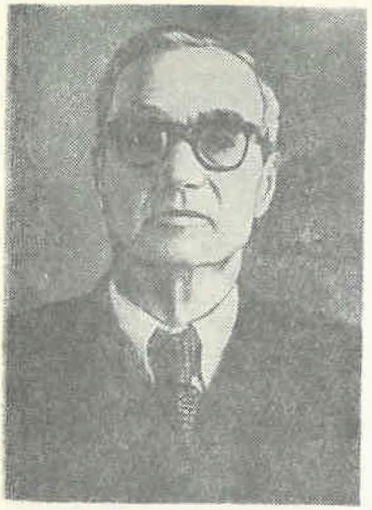
В сентябре того же года был издан приказ военного комиссариата Туркестанской республики о формировании 4-го Туркестанского советского полка и о назначении командиром полка Ивана Ивановича Соларева, помощником был назначен я, а М. В. Сафонов — комиссаром полка.

Набор красноармейцев решили производить в Аулие-Атинском уезде.

Состоявшиеся повсюду по инициативе местных партийных организаций митинги прошли успешно, принимались решения о мобилизации 10 процентов из числа способных носить оружие.

Только в Аулие-Ате (ныне гор. Джамбул) в момент выступления Соларева кто-то выстрелил в него, но он остался невредим.

Навербовав два батальона, Соларев и Сафонов привезли их в Ташкент, где уже были подготовлены помещения, хозяйство полка, часть обмундирования, продовольствие, немного оружия. Из Ташкентской школы комсостава были присланы командиры.



ПЕРЕПЕЛКИН ВАСИЛИЙ ГУРЬЕВИЧ (р. 1896 г.). В годы гражданской войны находился на командных постах в Красной Армии, в последующие годы — на хозяйственной работе. Ныне — персональный пенсионер.

Мы приступили к обучению новобранцев военному делу. Но тут встретились с неожиданным препятствием: среди наших новобранцев было порядочно немцев (из Орловки, Иоганесдорфа). Они оказались сектантами и заявили нам, что религия запрещает им брать оружие, использовать мы их можем, где угодно, но без оружия. Опять потребовалась агитация. Впоследствии, конечно, все за оружие взялись. Один из них — Альбрехт даже стал помощником командира четвертой роты.

В декабре 1918 года в селе Беловодском (Семиречье) вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж, на подавление которого был направлен отряд из бойцов нашего полка. Но мятеж был ликвидирован без нашего участия, когда мы еще находились в пути.

Бойцы 4-го полка принимали самое активное участие в подавлении контрреволюционного осиповского мятежа в Ташкенте.

На Ферганском фронте Туркестанский советский полк по численности, вооружению, боеспособности и дисциплине являлся самой значительной частью. Ему первому из сражавшихся в Фергане частей решением штаба фронта было вручено революционное знамя.

Д. Саликов

КАК БОРОЛАСЬ И ПОБЕЖДАЛА КРАСНАЯ АРМИЯ

ПОДГОТОВКА К РЕШИТЕЛЬНОМУ БОЮ

Гражданская война разгоралась. Колчаковская банда приближалась к Волге. Контрреволюция отрезала Советский Туркестан от Центра. В Туркестан прекратилось поступление хлеба и нефти.

Туркестан — в огненном кольце фронтов. Внутри республики белогвардейцы, буржуазные националисты, пантюркисты, панисламисты вместе с английскими и американскими шпионами и под их руководством устраивали заговоры, поднимали мятежи.

Слабо вооруженная Красная Армия с большим трудом сдерживала натиск врагов. Истекая кровью, бился голодный Туркестан за власть Советов, за хлеб.

Остался единственный Актюбинско-Темирский район, откуда пока еще хлеб продолжал поступать, хотя и в недостаточном количестве. Белогвардейцы решили отнять у Советского Туркестана и этот последний источник.

В апреле 1919 года банды атамана Дутова стали делать налеты на Актюбинск. Небольшой местный гарнизон и боевой рабочий отряд вынуждены были отступить по железной дороге на станцию Кандагач.

На помощь актюбинцам прибыли в Кандагач рабочие отряды из Челкара, Казалинска, Перовска. Сюда же стягивались и вооруженные силы противника.

САЛИКОВ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ (р. 1886 г.), член КПСС с 1906 г. Слесарь, участник трех революций. Активный участник установления Советской власти в Оренбурге и борьбы против дутовщины.

В годы гражданской войны — член ТуркЦИКа, председатель Реввоенсовета Туркестанской АССР. В 1920 г. председатель Реввоенсовета Семиреченской области. В 1922—1923 гг.—член КирЦИКа. В последующие годы был на ответственной работе в советских учреждениях и на железнодорожном транспорте. Ныне — персональный пенсионер.

И вот 8 мая 1919 года в ненастную погоду развернулся тяжелый бой, в котором вместе со своими товарищами геройски погиб наш главнокомандующий Селиверстов (машинист депо Перовск). Нам пришлось отступить на станцию Эмба. Советский Туркестан потерял последний хлебозаготовительный район — Актюбинско-Темирский.

Трудящиеся Туркестана голодали, но его Красная Армия геройски сражалась.

Под натиском превосходящих сил противника мы вынуждены были после упорных боев отступить до Аральского моря (600 километров от Актюбинска).

Тем временем изменилось положение на главном в то время Восточном фронте. Красная Армия обрушивала удар за ударом на колчаковские войска. Близился их окончательный разгром. Зная общее положение на фронтах Туркестанской республики, мы решили, что от Аральского моря не имеем права отступать. Здесь должен быть дан последний и решительный бой. И мы стали к нему энергично готовиться.

При отступлении из Челкара мы приказали Реввоенсовету Актюбинского фронта отправить на станцию Казалинск, в тыл, за Аральское море, весь свободный подвижной состав — вагоны, паровозы и цистерны, разобрать двигатели и насосы водокачек, чтобы таким образом задержать продвижение противника.

Нам нужно было увлечь за собой врага в пески, где нет ни пресной воды, ни хлеба, ни фуража, ни подножного корма.

В то же время мы хорошо укрепили свои позиции на Аральском море: построили окопы, блиндажи, проволочные заграждения, ходы сообщения, телефонную связь и пр. Даже пароходы вооружили пушками и пулеметами.

Но и противник усиленно готовился к решающему сражению. Стало известно, что Колчак приказал командующему южной белогвардейской армией генералу Белову во что бы то ни стало разгромить наши силы и овладеть Аральским морем.

Мы твердо верили в революционный, боевой дух советских воинов, в их героизм. Но вот великая беда — чем воевать, чем смертельно разить врага, чем стрелять?

Я сам участвовал в двух наших наступлениях на станцию Кудук. В одном бою я спросил бойца — соседа в цепи:

— Почему не стреляешь?

Он мне ответил:

— А чем стрелять? У меня только одна обойма. Когда ближе будет враг, тогда я буду в него стрелять в упор, без промаха — четыре в белогвардейцев, а одну пулю оставлю для себя.

Со снарядами для трехдюймовых орудий дело обстояло лучше. Мы их сами научились делать. А с производством патронов для трехлинейных винтовок было очень плохо.

Изготовлением патронов руководил большевик Александр Иванович Гаврилов — политический комиссар Реввоенсовета Туркреспублики по производству артиллерийских снарядов. Он был слесарем высокой квалификации. Гаврилов дни и ночи проводил за этой работой. Сколько он вложил труда, инициативы и энергии в это дело! Сколько он переделал собственными руками приспособлений и, в конце концов, сделал нужные прессы и станки для производства патронов хорошего качества.

Изобретение Гаврилова, работавшего для укрепления Красной Армии Советского Туркестана, имело колоссальное военное значение и помогло в трудной и сложной боевой обстановке решить борьбу в пользу Советской власти. Реввоенсовет Туркреспублики, в меру имевшихся у нас возможностей в это трудное боевое время, отметил заслуги Гаврилова и выдал ему денежную премию.

Выписка

из протокола № 58 заседания Реввоенсовета Туркестанской республики Российской Советской Федерации

г. Ташкент, 5 июля 1919 года.

Слушали: 3. О вознаграждении т. Гаврилова А. И. за изобретение им прибора по изготовлению оболочек пуль 3-линейных.

Постановили: Выдать пять тысяч рублей единовременного пособия и платить содержание, как специалисту.

Предревсовета — Д. Саликов
Секретарь — Бочаров

Таким образом, производство патронов было, наконец, налажено.

Но скоро обнаружилась новая беда: весь запас желтой листовой меди, необходимой для изготовления патронов по способу Гаврилова, был исчерпан и достать такую медь в Средней Азии было негде. Некоторое время нам удавалось доставать медь через частных поставщиков из эмирской Бухары. Когда же там стало известно, для каких целей нами покупается медь, продажа прекратилась. В дополнение ко всем нашим трудностям скоро обнаружилось, что имевшийся у нас запас бездымного пороха израсходован без остатка. Нечем стало заряжать изготовленные с величайшим трудом гавриловские патроны. Условия обороны Туркестана становились все более тяжелыми и трудными.

Реввоенсовет Туркреспублики направил к Аральскому морю с Ферганского фронта интернациональный полк под командованием большевика Д. Е. Коновалова.

В самом Ташкенте из членов партии сформировали коммунистический полк под командой Романова, который также был послан на Аральское море.

В Сыр-Дарьинской области состоялась мобилизация всех способных носить оружие в возрасте от 18 до 50 лет.

Силы фронта пополнялись также за счет местных гарнизонов. В Ташкентской крепости, например, было оставлено не больше 50—60 красноармейцев.

В помощь гарнизонам были мобилизованы местные рабочие, милиция и военная школа инструкторов командного состава, которая после эвакуации из Оренбурга находилась в Средней Азии.

Все члены ТуркЦИКа, Совнаркома, Крайкома также были мобилизованы. Днем они исполняли свои служебные обязанности, а ночью несли караульную службу, с оружием в руках охраняя город.

Политическая обстановка становилась все более напряженной. В эти дни басмачи усилили свою активность на Ферганском фронте. Они все чаще стали делать налеты на угольные копи и нефтяные промыслы. Были даже случаи, когда они захватывали промыслы, но удержать их не могли. Рабочие помогали Красной Армии отбивать атаки басмачей.

Налеты басмачей не были случайными. Они делались по

указке белогвардейского штаба с Аральского моря и английских интервентов. Белогвардейцы великолепно знали, что у нас было катастрофическое положение с топливом. Вот почему басмачи пытались захватить у нас угольные копи, нефтяные промыслы...

В то же время на Закаспийском фронте белогвардейцы готовились к окончательному разгрому наших вооруженных сил. Граничащие с Советским Туркестаном Хива и Бухара под влиянием агентов адмирала Колчака и англичан усилили свою контрреволюционную деятельность. Особенно интенсивно они действовали в эмирской Бухаре, по территории которой проходила железная дорога, связывавшая нас с Закаспийским фронтом. Из-за этого мы вынуждены были держать на границе с Бухарой бронированные поезда, столь необходимые на Актюбинском фронте.

...Время шло, а белогвардейцы почему-то медлили переходить в наступление. Оказалось, что Красная Армия Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе вела энергичное наступление со стороны Оренбурга и успешно продвигалась вперед, нанося тяжелые удары южной колчаковской армии. Белогвардейцы вынуждены были отступать. Но куда?

Вот войсками Туркестанского фронта освобожден уже Актюбинск, а на Аральском море, около железнодорожной станции, укрепились вооруженные силы Туркестанской республики. Белогвардейцы очутились между двух огней, а кругом широко раскинулись на сотни километров пески без пресной воды.

Аральское море стало могилой контрреволюционного сброда. но не будем забегать вперед.

ЛИКВИДАЦИЯ ЖИЛЯЕВСКОЙ АВАНТЮРЫ

Штаб Реввоенсовета Туркреспублики 18 августа 1919 года принял по телеграфу с Аральского моря следующее сообщение: «Реввоенсовет фронта арестован. Есть жертвы».

Самые разноречивые предположения возникли у меня, когда я прочитал эту телеграмму.

Но предаваться мрачным размышлениям было некогда. Необходимо было действовать.

Я решил немедленно выяснить подробности о положении фронта и доложить правительству и партии о событиях в районе станции Аральское море. Отдаю распоряжение дежурному телеграфисту вызвать штаб Актюбинского фронта и пригласить к аппарату адъютанта штаба фронта, подписавшего полученную телеграмму.

Заранее уверен, что сейчас появится у аппарата прямого

провода белогвардейский штабной офицер. Аппарат застучал. Читаем ленту: «У аппарата адъютант Степанов, что угодно?»

Эта фамилия мне что-то напоминает. Я говорю адъютанту Степанову:

— Мною получена ваша телеграфная записка. Скажите подробно, что случилось на фронте и знаю ли я вас лично?

Степанов отвечает:

— Вы меня знаете. Реввоенсовет арестован сегодня, причем есть жертвы.

В этот момент к аппарату прибыл приглашенный мною председатель ТуркЦИКа А. А. Казаков, а вслед за ним скоро подошли главнокомандующий Белов и член Реввоенсовета Железов.

Аппарат продолжает работать. На ленте читаем: «Я — Жиляев, что угодно?» Жиляев — это помощник командующего Актюбинского фронта и командир Долбушинского полка.

Задаю первый вопрос Жиляеву:

— Скажите, кем арестован Реввоенсовет фронта?

Жиляев отвечает:

— Бойцами фронта.

Задаю второй вопрос:

— За что арестовали?

Жиляев:

— За то, что у Реввоенсовета фронта нашли офицерские мундиры с погонами.

После этого ответа становится ясно, что Жиляев — авантюрист. Мы хорошо знали членов Реввоенсовета как верных и преданных делу революции людей, как решительных бойцов и хороших товарищей.

Задаю еще вопросы и среди них:

— Кто сейчас командует армией фронта?

Жиляев отвечает:

— Жиляев!

— Кто вас, Жиляев, назначил командующим фронтом и почему вы без ведома и назначения Реввоенсовета Туркреспублики приняли на себя командование фронтом? Почему Коновалов не командует армией, как заместитель командующего фронтом?

— Это позвольте мне знать,— отвечает Жиляев.

Этот ответ подтвердил мое убеждение в том, что Жиляев действительно авантюрист. Выходец из кулацкой среды, он, опираясь на кучку своих приверженцев из кулацких подпевал и мародеров, претендовал на руководящую роль на фронте. В «жиляевщине» проявилось стремление кулацко-эсеровских элементов ослабить влияние коммунистов среди бойцов Красной Армии.

Жиляев разгромил Реввоенсовет и самозванно объявил себя

командующим фронтом. Он убил начальника Особого отдела большевика Царикова, ранил командующего армией фронта большевика Александра Астраханцева.

Фронт был обезглавлен. В красноармейских частях замешательство. Они Жиляева командующим не признают.

Продолжая разговор с Жиляевым, я приказал ему пригласить коммунистов к аппарату.

Первым подошел к аппарату И. Р. Доценко.

Убедившись, что у аппарата действительно Доценко, я спросил его:

— Ты свободно разговариваешь по аппарату или, может быть, под конвоем?

— Говорю свободно,— сказал Доценко.

Пользуясь удобным моментом, пока Доценко мог свободно разговаривать по прямому проводу и телеграф работал исправно, я поспешил передать ему необходимые распоряжения, а также приказ для немедленного оглашения по армии. В этом приказе говорилось, что временно руководство армией фронта возлагается на И. Р. Доценко, военно-политического комиссара Шишмарева, Д. Е. Коновалова и Жеребятьева.

По окончании разговора по прямому проводу я поспешил на объединенное заседание Президиума ТуркЦИКа, Совнаркома и Крайкома КПТ, где немедленно доложил о событиях на фронте. Было принято решение немедленно командировать на фронт для окончательной ликвидации авантюры председателя Военно-революционного совета Туркреспублики Саликова, заместителя председателя ТуркЦИКа Темлянцева и члена Крайкома Солькина.

Еще до нашего приезда во всех красноармейских частях коммунисты провели беседы с бойцами по поводу последних событий, что в значительной степени способствовало быстрой ликвидации того замешательства, которое наблюдалось во время жиляевской авантюры.

18 августа 1919 года руководство армией на Аральском море опять было в руках коммунистов. Это были такие же испытанные в боях на Оренбургском и Ферганском фронтах товарищи, как и те, против которых была направлена авантюра Жиляева.

Вечером 18 августа коммунисты организовали фронтовую конференцию с участием представителей всех частей. Всего присутствовало 134 делегата.

Конференция, обсудив вопрос о жиляевской авантюре, еще до нашего приезда постановила арестовать Жиляева и выбрала следственную комиссию под председательством молодого большевика Муравьева.

После нашего приезда состоялись похороны убитого Жиляе-

вым начальника Особого отдела фронта Царикова. Он похоронен в братской могиле на железнодорожной станции Аральское море.

Затем мы выступили с докладами во всех полках. Первое собрание мы провели в Долбушинском полку, которым командовал Жиляев. Как здесь, так и в других воинских частях были вынесены резолюции, осуждающие Жиляева и его черное дело.

Все полковые собрания торжественно обещали, что не отдадут врагу Аральское море.

По окончании полковых собраний была устроена вторая фронтовая конференция, которая подробно обсудила доклад следственной комиссии о жиляевской авантюре. Она вынесла решение: активных участников преступной авантюры расстрелять. Приговор был немедленно приведен в исполнение.

Старому составу Реввоенсовета фронта конференция выразила полное доверие и просила его вступить в исполнение своих обязанностей.

Противник все еще не наступал.

Товарищи, руководившие фронтом, эту медлительность противника объясняли тем, что белогвардейский штаб, имевший, очевидно, связь с Жиляевым, ждал от него каких-то сообщений. А то, что происходило в это время в нашем лагере, белогвардейцам, по-видимому, не было известно. Как бы то ни было, расстроить ряды нашей армии Жиляеву и его приспешникам не удалось.

РАЗГРОМ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Партийные организации Туркестана и Казахстана продолжали мобилизацию сил для укрепления фронта. Вспоминается отправка из Ташкента отряда рабочих-добровольцев на Аральское море.

Рабочие прямо с митинга направились на вокзал. Да это и не отряд шел, а народ — рабочие, их жены, матери, старики и дети.

Это было трогательное шествие. Шли молча, лица сосредоточенны, серьезны, суровы, а в глазах — выражение тревоги.

Перед посадкой в эшелоны пришлось еще раз откровенно рассказать рабочим и всем присутствующим о действительном положении на фронте, о том, что враги готовят смертельный удар Советской Туркестанской республике.

Выступил пожилой рабочий большевик Акимов (оренбуржец). Он потряс винтовкой и сурово сказал:

— Не для того мы завоевали Советскую власть в Туркеста-

не, чтобы поганые сапоги белогвардейской банды топтали нашу землю и устраивали свирепые расправы над нами. Мы будем беспощадно уничтожать белогвардейскую погань. Ждите нас, дорогие товарищи, с победой!

...И вот начались жаркие дни. Первая атака белогвардейцев. Они двинулись стройными рядами, решительно держа винтовки наперевес. Избалованные успехами в прошлых боях, они были уверены, что и сейчас победа будет на их стороне. Артиллерия белогвардейцев палит по тылу, нащупывая штаб фронта, наши батареи, разрушая станционные пути.

Белогвардейские цепи приближаются, вот они уже в 400 метрах от нас, вот в 200, а мы молчим, нервы напрягаются все сильней и сильней, а руки все крепче и крепче сжимают винтовки. А беляки все ближе и ближе. Вот они уже в ста метрах от нас, а команды стрелять все еще нет.

Белогвардейцы еще ближе.

Красноармейцы с нетерпением ждут команды. И вдруг — огонь! Смертельный огонь уничтожал врага беспощадно, но враг не отступал, лез и лез к окопам. И все же первая белогвардейская атака захлебнулась. Красноармейцы, гордые успехом, радовались, смеялись, поздравляли друг друга, обнимались, целовались, ликовали. А затем по команде рассыпались на поле боя, подбирая богатые трофеи,— винтовки, пулеметы, наполненные патронами сумки.

Этот жаркий бой показал нам, что натиск врага будет еще более мощным, упорным, решительным и жестоким.

Белогвардейцы спешили. На них напирали с тыла, со стороны Актюбинска крупные силы Красной Армии. Чтобы вырваться из мешка, они устраивали атаки одну за другой, но ни одна из них не увенчалась успехом.

После третьей, самой сильной атаки, белогвардейский пластунский полк сдался нашей Красной Армии со всем своим вооружением и снаряжением.

После сдачи в плен этого полка улучшилось вооружение наших частей, а у белогвардейцев резко пошатнулась уверенность в победе.

Сдался еще один белогвардейский полк и тоже с вооружением, даже вместе со своим попом. Затем перешла к нам отдельная рота связи.

В боях за Аральское море мы отразили шесть яростных атак противника. Победили стойкость, героизм, железная воля наших красных бойцов и командного состава.

Перед тем как повести решительное наступление, противник предпринял глубокий обход нашего фронта кавалерийским эскадроном (200 сабель) по пустынным пескам и занял одну из

железнодорожных станций в тылу нашей армии. Белые таким образом хотели преградить нам путь отступления.

Станция была занята, но не надолго. Нашим красногвардейским и красноармейским частям удалось не только выбить этот эскадрон со станции, но и целиком его уничтожить.

Переход белогвардейских полков на нашу сторону явился громадной моральной победой Красной Армии и внес сильное расстройство в остатки белогвардейских сил. Противник лишился возможности не только вести наступление, но даже организованно отступать. Белые генералы и офицеры убедились в том, что Красная Армия — несокрушимый оплот пролетарской революции. В этом была наша моральная, политическая и физическая победа.

Реальным выражением этой блестящей победы, помимо всего прочего, были богатые боевые трофеи, взятые у белых.

Белогвардейская армия была окончательно разгромлена у Аральского моря. Часть белых офицеров бежала в сторону Семиреченского фронта, к бандиту Анненкову. Но большая часть белогвардейцев, отступая от Аральского моря, сдалась в плен войскам 1-й армии Туркестанского фронта.

Следует подчеркнуть, что победы мы добились в невероятно тяжелых условиях, в борьбе с врагом, вооруженным до зубов.

Противник имел высококвалифицированный командный состав. Его разведка работала лучше нашей, в чем мы убедились после разгрома белых банд.

В колчаковском штабе южного направления мы нашли донесения, в которых давалась достаточно точная персональная характеристика всего нашего командно-политического состава, начиная с Реввоенсовета Туркреспублики и кончая командиром роты. Противник был осведомлен о нашей деятельности, о нашем вооружении.

Решающее значение для исхода борьбы имело то обстоятельство, что белые банды оказались в незавидном положении крысы, попавшей в ловушку, откуда выхода нет и не может быть. Либо сдавайся на милость «голодранцев», как они нас называли, либо устраивай бешеные штурмы и атаки и устилай трупами своих солдат раскаленные пески пустыни. Белые генералы решили размыть наши песчаные укрепления кровью своих солдат, которых им было не жаль, и проложить себе путь хотя бы лишь для того, чтобы уйти от ударов 1-й армии Туркестанского фронта. Обезумевшие от бешенства и злобы царские генералы не видели, что сами копают себе могилу в приаральских песках.

Разгромив белогвардейцев у Аральского моря, наши части стали преследовать жалкие остатки колчаковцев и дутовцев. Продвигаясь вперед по железной дороге от Аральского моря и

сторону Актюбинска, наши части встретились с 1-й армией 13 сентября 1919 года на станции Берчогур.

Вот телеграмма от 13 сентября 1919 года, которой отмечена славная дата этой исторической встречи:

«По нахождении на линии от Ташкента до Урсатьевской тт. Саликову и Красюкову.

Сегодня в 14 час. 35 мин. наши части на станции Берчогур соединились с войсками Центра. Приветствую вас с долгожданной победой. 130 Главкомвойсками Белов.»

Я. Чанышев[1]

ТАТАРСКАЯ БРИГАДА В КАЗАХСТАНЕ[2]

Весной 1919 года в Туркестане создалась сложная обстановка. В январе военный комиссар Осипов поднял в Ташкенте контрреволюционный мятеж и расстрелял ряд большевиков — руководителей партийной организации и правительства Туркестана. В Фергане свирепствовало басмачество. В Семиречье действовал колчаковский атаман Анненков, он объединил для борьбы с Советской властью белое казачество и кулацкие элементы. В Закаспии были захвачены Кизыл-Арват, Мерв и дру-

[1] Чанышев Я. Д. (р. 1892 г.), член КПСС с 1917 г.

В октябрьские дни 1917 г. один из руководителей вооруженного восстания в Казани против власти Временного правительства.

В период гражданской войны — комиссар татарской бригады. Делегат X, XIV, XVI, XVIII съездов партии.

Участник Великой Отечественной войны. Генерал-лейтенант в отставке.

[2] Напечатанный под этим заголовком текст является отрывком из воспоминаний Я. Чанышева, опубликованных в сборнике «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане». Ташкент, 1957, стр. 245—254.

гие города. Армия Дутова в связи с успешным продвижением Колчака на Волгу активизировалась и вновь прервала сообщение Туркестана с Центром, захватив Актюбинск. Слабые части Актюбинского фронта отошли почти до Аральского моря.

Именно в этот серьезный момент М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, выполняя директивы партии, указания В. И. Ленина, осуществляли блестящие операции, в которых участвовала и наша 1-я татарская бригада, шедшая в авангарде 1-й революционной армии.

Вспоминаю некоторые боевые эпизоды.

Через реку Урал наши героические саперы под пулеметным и ружейным огнем построили мост, на арках которого был начертан лозунг: «Путь на Восток открыт, спешите на помощь братьям в Туркестане». Многие части переходили реку вброд, ведя упорные бои с отчаянно сопротивлявшимися белоказаками.

Первый полк с боем занял станицу Кордаиловскую, второй полк — станицу Городищенскую, третий — станицу Краснохолмскую, куда собрались потом все части и штаб бригады. Я с артиллерией и 10-м кавалерийским полком Турчанинова занял станицы Буранную и Шобильную. Бригада порядочно растянулась по длине фронта, а также в глубину до 70—100 километров. За день мы продвигались на 20—25 километров. Исключительную храбрость и мужество показали наши полки при штурме станции Илецкая Защита, а также Ак-Булака.

После ряда упорных боев мы освободили Актюбинск, Темир и станцию Джурун. 13 сентября на станции Мугоджарской 1-я армия соединилась с туркестанскими войсками. Об этом командующий войсками Туркреспублики впоследствии в приказе № 63 от 25 января 1920 года писал: «13 сентября в 13 часов на ст. Мугоджарской состоялось торжественное соединение красных войск Туркестана с войсками Советской России — частями 3-й кавалерийской дивизии и 1-й татарской бригадой».

На станцию Илецкая Защита прибыл командующий фронтом М. В. Фрунзе, члены Реввоенсовета Куйбышев и Элиава.

Был созван митинг находившихся здесь частей бригады, на котором выступил М. В. Фрунзе. Он поблагодарил красноармейцев и командиров за храбрость и мужество и от имени ВЦИК наградил многих орденами и именными часами.

После митинга и парада был концерт с участием артистов, прибывших из Казани, Оренбурга и Актюбинска.

Казанские актеры из татарского театра не забывали нас и частенько приезжали, доставляя большое удовольствие своей замечательной игрой и танцами.

«Говорят, что музы любят тишину и боятся грома оружия:

Плакат-обращение, выпущенный в годы гражданской войны Центральным штабом Всевобуча.

мысль совершенно ложная!» — писал Белинский. Я, отдавший военной службе 45 лет, полностью подтверждаю эти слова. Как на фронтах гражданской войны, так и в Великую Отечественную войну «музы» доставляли бойцам и офицерам большое эстетическое наслаждение, и часто после хороших концертов и спектаклей бойцы с воодушевлением шли в атаку и побеждали...

...Жалкие остатки белого казачества бежали в укрепление Уильское и Гурьев. Для преследования были организованы специальные усиленные отряды: эскадроны и отборные стрелковые батальоны на казачьих подводах. Действуя в отрыве от главных сил бригады (иногда на 100—150 километров), эти подвижные отряды окончательно дезорганизовали ряды белого казачества и способствовали установлению Советской власти во всех станицах и аулах Приуралья...

Татарская бригада, освободив с боем Темир, преследуя разбитые отряды белых, с ходу заняла укрепление Уильское. Бойцы 3-го полка при поддержке лихой батареи, руководимые своим любимым командиром Мавлюдовым и военным комиссаром Г. Касимовым, в исключительно трудных условиях дрались отчаянно, проявляя массовый героизм.

Часто ротами и взводами командовали активные бойцы, демонстрируя искусство вождения подразделений.

Бойцы и командиры наступали почти босиком, ибо старая обувь износилась, а новая не поступала. Бойцы находили выход из положения — они обертывали ноги кусками кошмы (войлока), которые завязывали веревками, носовыми платками и старым бельем.

Нам помогало казахское и киргизское население как разведкой, информацией о противнике, так и доставкой лошадей, а также скота для питания бойцов.

Вместо «правительства» Алаш-Орды был создан Ревком и организован отряд из бедноты под руководством Курбанова. В Кзыл-Куге мы захватили штаб «Илецкого казачьего корпуса», склады продовольствия и английского обмундирования.

Главным силам бригады командующий войсками М. В. Фрунзе приказал сосредоточиться в районе станции Джурун и быть готовыми следовать по железной дороге через Челкар, станцию Аральское море, Казалинск на Ташкент.

Бригада растянулась от Актюбинска до Темира. Бойцов и командиров косил тиф. В некоторых полках более половины личного состава болело, многие умирали. Медицинского персонала не хватало, лекарств почти не было.

Распоряжением М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева я был назначен Чрезвычайным уполномоченным по борьбе с эпидемией

на участке Актюбинск — Ташкент. Срочно выехав в Ташкент, я там с помощью городской партийной организации сформировал санитарный «поезд-летучку». Получил белую муку, фрукты, вино, спирт, постельное и нательное белье, лекарства, мыло, сахар. Все это имущество погрузил в вагоны; поехали со мной также врачи и медсестры.

На каждой станции (от Ташкента до Актюбинска) мы организовали санитарно-питательные пункты. Усиленное питание, чистое белье и постель, натирание спиртом, теплые ванны и заботливый уход врачей и сестер сделали свое дело: заболевания тифом стали уменьшаться.

Образцы героического труда показали врачи и медицинские сестры. Многих из них М. В. Фрунзе представил к награде, и в том числе двух родных сестер Марьям и Айшу Сайновых — добровольцев из Казани, воспитанниц первого татарского профессора Абубакира Терегулова. Позднее М. И. Калинин вручил обеим сестрам ордена Красного Знамени...

...Татарская бригада участвовала в ликвидации остатков банд Анненкова в Семиречье. Всюду красноармейцы помогали казахской и киргизской бедноте во время посева и уборки хлебов.

А. Фомин

ИЗ БЕЛОРУССИИ НА ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Весной 1919 года 2-й Могилевский коммунистический батальон добровольно отправился на Восточный фронт. Я находился в составе батальона и по прибытии на место был назначен политработником 49-й Оренбургской бригады 24-й Самарской дивизии.

1 мая 1919 года под Белебеем на нашу сторону перешел в полном вооружении полк, состоявший исключительно из мобилизованных колчаковцами украинцев. Митинг, на котором присутствовали члены Реввоенсовета армии Голощекин, Баранов и другие, обратился к Владимиру Ильичу с просьбой дать согласие на присвоение этому полку имени Ленина, на что был получен положительный ответ. Так, в составе 24-й Самарской дивизии появился новый полк — 210-й имени Ленина.

В этот полк влилась часть Могилевского коммунистического батальона. Политкомиссаром был назначен В. Вершинин, а я — помощником комиссара. Проведенная реорганизация укрепила

дисциплину и революционный дух бойцов этого полка. В дальнейших боях против колчаковских войск он показал себя одной из лучших боевых частей 24-й дивизии.

В июле вместе с 25-й Чапаевской дивизией мы освобождали осажденный гарнизон в Уральске; затем участвовали в боях за освобождение Актюбинска. В станице Вознесенской мы выдержали двухдневный жаркий бой с отборными, хорошо вооруженными колчаковскими частями. В результате решительной штыковой атаки мы захватили в плен около 800 человек из егерского полка, два орудия и разбили наголову пластунский батальон, в котором было более 600 человек. В этом бою мы потеряли храброго командира нашего полка В. Пацыка и много других славных боевых товарищей.

ТОМИН АНИСИМ СЕМЕНОВИЧ (р. 1890 г.), член КПСС с 1918 г. В годы гражданской войны — политработник, участник обороны Царицына, боев за освобождение Уральска, Оренбурга, Актюбинска.
Ныне — персональный пенсионер.

После взятия Актюбинска разбитое белоказачество отошло в пески, преследуемое 3-й кавалерийской бригадой и частями нашего полка. Окруженные, они сдавались в плен вместе со своими семьями, которые почти все были больны тифом. Тиф был занесен в наш полк. Почти все, начиная с командира полка, переболели. Многие умерли, в том числе комиссар полка В. Елизаров и несколько военкомов батальонов.

В конце 1919 года наш полк был направлен из Актюбинска на станцию Ново-Сергиевка, около Оренбурга, для переформирования. В пути, на станции Илецкая Защита, во время «партийной недели» мы приняли в ряды РКП(б) более половины состава полка. Здесь же организовали ревком. Бойцы собрали шесть вагонов пшеницы, которую направили в сопровождении делегации из четырех красноармейцев в Москву, в непосредственное распоряжение М. И. Калинина. Это был подарок нашего полка рабочим Москвы.

Н. Гришко (Е. Давлетьяров)

С БУДЕННОВЦАМИ НА БРАТСКОЙ УКРАИНЕ

родился в феврале 1891 года в одном из аулов Буртинской волости Оренбургской губернии в семье бедняка. Рано осиротев, я нанялся пасти овец у бая Карабаса. Бай всячески издевался надо мной, почти ежедневно избивал камчой. Заступиться за меня было некому.

Потом меня взял к себе кулак из поселка Вознесенского по фамилии Гришко. Он «усыновил» сироту, дал мне имя Николай Васильевич и свою фамилию. Но жилось у кулака нисколько не лучше, чем у Карабаса. Хоть я и считался «сыном», но был самым обыкновенным батраком. Пятнадцать лет я пробыл у кулака. Здесь, в Вознесенском, и застал меня Октябрь.

В июле 1918 года поселок Вознесенский был занят белыми. В темную душную ночь я бежал от белых в Мартук и поступил здесь в Первый советский полк. Так батрак стал красным бойцом. Кому, как не мне, с малых лет гнувшему спину на баев и кулаков, надо было становиться на защиту своей родной власти,

рабочей и крестьянской! Эта власть дала свободу простым людям, и никому не уступит эту свободу бывший батрак Николай Гришко, взявший в руки боевое оружие.

А вскоре я получил первое боевое крещение. Полк участвовал в наступлении на Нижне-Уральск и поселок Ключевский. Как только забрезжил рассвет, наши цепи перебежками подошли к городу, сжимая его в кольцо. Завязался ожесточенный бой, длившийся более суток. Белые были выбиты из населенного пункта.

ГРИШКО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (Давлетьяров Елканды) (р. 1891 г.), член КПСС с 1921 г. В 1917 г. добровольцем вступил в красногвардейский отряд, участвовал в боях против белогвардейских банд Колчака, был в рядах Первой конной Армии Буденного. Ныне — персональный пенсионер.

Через некоторое время начались бои за поселок Вознесенский. Красногвардейские цепи спускались с гор. Белые, изредка отстреливаясь, отступали, а когда красные бойцы вплотную подошли к поселку, белогвардейцы, не принимая боя, обратились в паническое бегство. До самого Ак-Булака мы их преследовали, захватили богатые трофеи.

Так в боях и походах прошел восемнадцатый год.

В 1919 году резко изменилась моя судьба. Я попал в легендарную Первую конную. Под командой Буденного в рядах красных конников я сражался и на Дону, дрался под Харьковом.

Оглядываясь на свой пройденный путь, я горжусь тем, что мне, обыкновенному казахскому джигиту, в те славные годы посчастливилось принять участие в разгроме походов Антанты в составе славной Первой конной армии под руководством легендарного героя гражданской войны Буденного и вложить свою посильную долю в борьбу за исторические завоевания Великого Октября.

В Семиречье

Ю. Бабаев

КАЗАХСКАЯ БЕДНОТА В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ[1]

В ноябре 1916 года нас отправляли из Верного на тыловые работы. В нашем эшелоне было 1059 человек. Все они — батраки, бедняки, захваченные царскими карательными отрядами после свирепого подавления восстания 1916 года. Жуткую расправу чинили тогда колонизаторы в союзе с байством и алаш-ордынцами над восставшими казахскими трудящимися. Повсюду дымились пепелища сожженных и разграбленных аулов и кишлаков. Сотни тысяч казахских и киргизских трудящихся находились в изгнании, терпя голод и нужду. Многие тысячи народных борцов, преданные байством и алаш-ордынцами, геройски пали в неравной борьбе с самодержавием за освобождение своего народа...

Еще в 1895 году подростком я оставил аул, семью своего

[1] Воспоминание Ю. Бабаева было опубликовано в газете «Казахстанская правда» за 7 и 11 ноября 1935 года.

бедняка-отца и ушел в Верный, где стал работать на винокуренном заводе известного в Семиречье купца Пугасова. Трудно передать, в каких тяжелых условиях приходилось тогда жить. Я работал от зари до глубокой ночи. Заработок мой в первые годы составлял 3 рубля в месяц на собственных харчах. Только в 1916 году — после двадцати лет изнурительной работы — я стал получать 25 рублей в месяц.

БАБАЕВ ЮСУП (1881—1938 гг.), член партии с 1918 г., участник революции 1905—1907 гг., национально-освободительного восстания 1916 г., один из активных борцов за Советскую власть в Семиречье. В 1919—1922 гг. работал военкомом казахских частей и соединений Красной Армии. С 1922 г. был на руководящей партийной и советской работе.

Однажды — это было в сентябре 1916 года — я на заводе получил повестку, предлагавшую немедленно явиться в свой аул. На месте я выяснил, что призыву на тыловые работы подлежали сыновья крупного бая Назар-Ханаева. Но бай дал взятку переводчику Семиреченского военного губернатора Джайнакову, и тот вместо байских сынков послал на тыловые работы меня.

...Меня провожал мой лучший друг Ташен Утепов.

Ташен для того времени был передовым человеком. Он сам тянулся к знаниям и во мне вызывал такую же тягу. Он часто мне говорил: «Юсуп, нам необходимо учиться. Без знаний нельзя вести борьбу, нельзя добиться освобождения казахских трудящихся».

Ташена Утепова я знал давно. Еще в годы первой русской революции нас связала общность стремлений и первые проблески пробуждавшегося классового самосознания.

В это время у Т. Утепова устроился один русский товарищ, приехавший в Верный весной 1905 года. Вначале нас очень озадачило поведение этого человека. Он редко показывался на улице, вел себя скрытно. Потом, когда мы сблизились с ним, этот товарищ нам рассказал, что он сам из рабочих Петербурга и бежал в Верный из тюрьмы, куда был заключен за участие в революционном движении.

От него мы узнали о событиях 9 января 1905 года и получили первые, хотя довольно смутные, представления о революционном движении русского пролетариата.

Его влияние на нас было огромно. Это сказывалось во всем, даже на нашей внешности. Именно в то время я расстался с казахским чапаном и впервые начал одеваться по-европейски. А сколько это тогда вызвало насмешек, даже со стороны рабочих-казахов! Меня прозвали «капр» (безбожник).

Беседы с русским товарищем расширяли наш политический кругозор, помогли нам понять сущность капиталистической эксплуатации...

Прощаясь со мной в ноябре 1916 года перед отправкой на тыловые работы, Ташен Утепов говорил: «Революция во всей стране близка. Простые люди все больше сознают ее необходимость. Русские рабочие нам помогут...»

Тысячник нашего эшелона Раимбек Карабулов — переводчик мирового судьи — в Минске исчез.

У начальства возник вопрос, кого назначить тысячником. Выбор пал на меня, так как я оказался единственным в эшелоне, кто более или менее владел русским языком.

Тысячниками эшелонов обычно были богатеи, алаш-ордынцы. Назначение тысячника из рабочих, как это случилось со мною, являлось исключительным фактом в практике мобилизации 1916 года.

Все свои силы я отдавал тому, чтобы обеспечить мобилизованным хоть мало-мальски сносные условия существования. Царское правительство относилось к «реквизированным рабочим» как к колониальным рабам. Заработок их нередко составлял один рубль в месяц. По нескольку дней не выдавали хлеба. Жили мобилизованные под открытым небом. За малейшее отступление от приказа люди подвергались жестоким преследованиям.

Трудности обслуживания эшелона увеличивались еще тем, что «реквизированные рабочие» были разбиты на сотни и рассеяны по различным городам. Сотни из нашего эшелона работали в Брянске, Каменец-Подольске, Шепетовке, на станции Жлобин. Мне приходилось все время быть в разъездах.

Февральская революция застала меня в окрестностях Каменец-Подольска, где наша сотня работала на каменных карьерах. Остановился я на квартире у крестьянина-бедняка. Весной 1917 года к нему приехал в отпуск с фронта один товарищ. Это был первый большевик, с которым я встретился на своем жизненном пути.

По предложению этого солдата-фронтовика мы стали по вечерам собираться небольшими группами. Товарищ рассказывал нам о положении на фронте и во всей стране, о работе больше-

вистской партии, о ее национальной политике. Тогда я впервые узнал о лозунге «Вся власть Советам!» Под влиянием этих бесед мы решили бросить работу, организованно вернуться домой и там поднять казахскую бедноту на борьбу за Советскую власть. Мы создали в нашей сотне тройку, которая, работая нелегально, приступила к отправке мобилизованных домой небольшими партиями, по три-пять человек. Я объехал все сотни нашего эшелона и организовал там такие же нелегальные тройки.

В июне 1917 года из нашего эшелона собралось в Чимкенте уже больше 800 человек. Оттуда мы организованно вернулись в Верный и в свои родные аулы.

Мы принесли в аулы ненависть к Временному правительству и алаш-ордынцам, лозунги большевистской партии и сознание необходимости самостоятельной организации бедноты и батрачества. Мы принесли с собою вести о героической борьбе русского пролетариата за власть Советов.

* * *

...Большое массовое собрание в Верном в середине июля 1917 года. Участвует свыше тысячи человек. Все бывшие «реквизированные рабочие». Многие пришли из города, но еще больше из аулов Алма-Атинской, Восточно-Талгарской, Западно-Талгарской, Чемолганской и Бакайской волостей. На этом собрании мы организовали Союз чернорабочих и выбрали правление, в состав которого вошли Ташен Утепов, Караласпай Чобалов, Рахимкул Бейсембин и я. Меня выбрали председателем правления.

В этом Союзе мы стремились объединить казахскую бедноту для того, чтобы вместе с русскими рабочими бороться против наших вековых угнетателей. Мы послали по аулам своих людей, которые созывали собрания бедноты и разъясняли ей, как могли, что алаш-ордынцы — злейшие враги казахских трудящихся, что они пособники колонизаторов, что Алаш-Орда несет с собой рабство ханских времен.

Осенью 1917 года я и Ташен Утепов вошли в подпольный большевистский кружок. Советская власть в Верном победила в марте 1918 года. В конце 1917 и начале 1918 года в Семиречье хозяйничали белоказаки и алаш-ордынцы, которые всеми доступными им средствами терроризировали население. Большевики находились в подполье и оттуда подготовляли победу Советской власти.

С момента нашего вступления в кружок по-новому пошла работа в Союзе чернорабочих. Товарищи помогали нам, руководили нашей работой и вооружали нас учением Ленина, пониманием задач борьбы рабочего класса. С января 1918 года нами непосредственно руководил П. М. Виноградов, возглавлявший

тогда Верненскую большевистскую организацию. В неоднократных беседах Виноградов учил нас, как поставить работу в Союзе, как организовать бедноту и сплачивать актив.

В организации перехода власти к Советам в Верном исключительное значение имели созванные большевиками митинги 15 февраля и 2 марта 1918 года. В обоих митингах участвовали все городские члены нашего Союза. На митинге 2 марта было принято решение об установлении Советской власти в городе. Сразу же после митинга собрался актив нашего Союза с участием Виноградова. Мы решили направиться на окраины города, чтобы поднять бедноту. Пошли Караласпай Чобалов, Рахимкул Бейсембин, Касым Кушелеков, Бейсембай Умбетбаев, Оспанкул Туракпаев, Рахматулин, Калышпаев, Омырали Макашев, Нуркей Колдыбаев, Сергазы Кучуков, Ораз Ахун и другие.

В ночь со 2 на 3 марта трудящиеся взяли крепость — опору белоказаков в городе. Во взятии крепости участвовало около 100 членов нашего Союза.

На следующий день, 3 марта, с утра началась в городе организация вооруженных сил Советов. Формировался 1-й Социалистический полк и вместе с ним, как его часть, отряд казахов-добровольцев. В эти же дни стали стекаться в Верный добровольцы-бедняки и батраки из окрестных аулов. В партизанских отрядах, которые в апреле и мае геройски защищали Верный от белоказачьих банд, насчитывалось более 400 казахов.

В июне 1918 года городской комитет партии вынес решение о том, чтобы я и Ташен Утепов вновь организовали в городе Союз чернорабочих. Это решение было вызвано тем, что все члены нашего Союза к тому времени отправились на фронт, где с оружием в руках, плечом к плечу с трудящимися всех национальностей Казахстана боролись против белогвардейских и алаш-ордынских банд.

... Декабрь 1919 года. Позади полтора месяца боевой учебы в партийной дружине и военно-политические курсы в Ташкенте. Я возвращаюсь в Верный, в распоряжение политотдела фронта. Меня назначили в мусульманский полк помощником военкома полка Ибрагимова.

Полк, разделившись на две части, выступил в Джаркентский уезд против банды полковника Сидорова. Сам Ибрагимов с основной частью полка через Алтын-Емельский перевал направился в Джаркент. Меня прикрепили к эскадрону, которым командовал Копджасаров. Мы шли через Джаланаш в сторону Нарынкола.

Остановились в Джаланаше. Я подобрал двух надежных добровольцев из местного населения — Сарыкпаева и Молдабекова — и послал их в разведку. Задача у них была сложная

и рискованная. Они должны были под видом бродячих нищих пробраться в Подгорную, занятую бандами, и разузнать там о банде все, что только можно.

Разведчики уехали. Отряд остался пока в Джаланаше. Я отправился в Сарджас, чтобы договориться там с партизанскими отрядами Кузнецова и Меньшого о совместных действиях.

Договорились мы с ними легко и быстро. Не только сами командиры, но и партизаны, в большинстве казахи и киргизы, хорошо понимали, что маленькими разрозненными отрядами бороться с сидоровцами трудно, надо обрушиться на них общими силами.

Когда я вернулся в Джаланаш, разведчики были уже там. Мы знали теперь и силы банды Сидорова и их расположение. Надо было немедленно выступать в Сарджас, объединиться с партизанами и действовать. Но как раз в это время наш командир Конджасаров заболел тифом. Мне пришлось самому вести отряд до Сарджаса. Там отряды слились в один, и командование было поручено Кузнецову.

Мы провели совещание, на котором подробно обсудили сведения, добытые моими разведчиками. Составили план наступления. Первым выступал разведывательный отряд из 119 бойцов. Отряд пробирался тесными горными ущельями, каменистыми тропинками. По нашим расчетам, бандиты не должны были знать о его приближении. На деле оказалось не так. Кулацко-байская цепочка от аула к аулу тянулась к врагу. Враг приготовился. Наш отряд вынужден был повернуть обратно. Остановились в одном из горных аулов. Наши расставили дозорных и расположились обедать. В это время из-за гор неожиданно появились бандиты. От кулаков они узнали не только место стоянки отряда, но и имена командиров и многих бойцов. Дозорные пропустили их, приняв за своих. Только девяти бойцам нашего отряда удалось спастить от пуль и сабель озверевших бандитов. Пешие, оборванные и голодные, вернулись они к нам, в Сарджас. Мы решили немедленно наступать на Подгорную...

...Январь, но снега еще нет и от этого мороз кажется злее. Растрескавшаяся земля гудит под копытами коней, как будто мы едем бесконечным мостом. Сухой и острый ветер пронизывает до костей.

Начинало темнеть, когда Темерликским ущельем мы спустились в поселок Чошоной. На рассвете из Чошоноя первым выступил отряд из 500 конников. Они должны были тихо, без боя окружить Подгорную, занять все пути, ведущие из станицы. Но когда наши основные силы подходили к Подгорной, там уже шла стрельба. Бандиты, отстреливаясь, отступали в сторону Чунджи — в степь.

...Ясное, морозное утро. Мы идем сверху, и нам видна вся станица. Мне с трудом удается сдерживать свою саврасую текинскую лошадь. Поводья больно режут руки.

Из станицы выезжают примерно пятнадцать верховых и направляются в сторону Чунджи. Это сидоровцы.

— Кавалерия, за мной! — кричу я, опуская поводья лошади.

Я не долго слышу за собой дробный топот — лошади наших бойцов не успевают за моей текинской саврасой.

Бандиты заметили меня и начали на ходу отстреливаться. Мимо меня прожужжали первые пули. Саврасую охватило бешенство. Она неслась так, словно одна хотела раздавить всю банду. Я чувствовал — с каждой секундой сокращается расстояние между мной и бандитами, но с каждой же секундой я оставлял все дальше и дальше позади своих красноармейцев... Выходило так, что я один должен был врезаться в банду. Верная смерть. Сдержать лошадь? Но это могло плохо подействовать на боевое настроение красноармейцев, и они отстали бы еще больше. Бандиты ушли бы в Чунджу, объединились бы там со своими и по-прежнему грабили бы и жгли мирные аулы и станицы.

— За мной! — еще громче кричу я, пришпоривая лошадь. Я уже различаю косматые папахи сидоровцев. Кладу меж ушей лошади кавалерийскую винтовку и стреляю бандитам вдогонку. Бандиты на полном галопе спешиваются и уже с земли посылают мне навстречу стаю свирепых свинцовых ос. Пули летят так близко, что я слышу их легкий свист.

Саврасая моя лошадь, носившая меня уже больше года, падает на ходу. Первое мгновение я не понимаю, что случилось. Земля и небо рванулись навстречу друг другу. Огненные круги застлали глаза. Но сознание вернулось ко мне очень быстро. Мой вестовой Тогузбаев тормошит меня. Кровь заливает рот, я выплевываю ее вместе с зубами и кричу:

— Где бандиты?

Оказывается, они, подстрелив подо мной лошадь и думая, что убили и меня, скрылись в степи. Со стороны станицы бегут еще трое. Я сую в руки Тогузбаева свое ружье, Тогузбаев стреляет в бандитов, и я слышу, как он скрипит зубами. Один из бандитов падает, и его лоснящаяся гнедая лошадь, путаясь в поводьях, мчится обратно к станице Подгорной, словно она несказанно рада освобождению от своего седока.

Подоспевшие красноармейцы поймали эту лошадь, на нее сел Тогузбаев, я взял его Серка...

Мое внимание приковывает степь. Со стороны Чунджи над степью вздымается багровая пыль. Мне не надо долго думать, чтобы понять, кто поднимает ее. Выступая из Сарджаса на Под-

горную, мы послали красноармейца Ботпаева в Таш-Карасу, где стоял партизанский отряд Ботпина. Ботпаев должен был передать Ботпину приказ выступать на Чунджу, где, как и в Подгорной, засели бандиты. Ботпинский отряд не мог идти со стороны Чунджи, да и не так он велик, чтобы застлать пылью весь горизонт. Это шла на Подгорную банда, неизвестно почему оставившая Чунджу. Преследовать бежавших было бы нецелесообразно. Я мчусь в Подгорную, окончательно занятую нашим отрядом. Разыскиваю Кузнецова и показываю ему на пыль, поднимающуюся над степью.

Не прошло и получаса, как из Подгорной навстречу бандитам выставились жерла наших пушек, остро уставились из-за быстро сооруженных прикрытий глазки пулеметов. Бой начался часов в 12 дня, когда бандиты приблизились настолько, что их можно было уже рассмотреть простым глазом...

Бандиты не выдержали нашего огня. Они отступили в горы. Ночью они попытались взять нас хитростью. С вечера пошел снег. Степь, горы, станицу — все затянуло густой пеленой бурана. Бандиты огромной волчьей стаей двинулись на станицу, пытаясь взять нас в кольцо. Но мы предупредили и эту их хитрость. Мы дали им такой отпор, на который способны только большевики.

Семь дней они то уходили в горы, то снова появлялись под станицей. Наши бойцы, несмотря на лютые морозы и плохую одежду, ни на минуту не покидали укреплений. Бандиты не выдержали и отступили. Мы преследовали их до самой границы.

Но только наивные люди могли думать, что, прогнав сидоровцев за границу, мы окончательно разделались с ними. Враг не сдается так просто. Отчаявшись победить в открытых боях, бандиты пытались действовать другими путями. Они пробирались в наши ряды, чтобы грабежом мирного и без того изнуренного войной населения дискредитировать Советскую власть и Красную Армию. Перед нашим приходом бандиты и их верные помощники — кулаки и баи — распространяли о большевиках самые грязные слухи. И мародеры, пробравшиеся в наши ряды, своими гнусными поступками словно бы хотели подтвердить эти слухи.

Был такой случай: один партизан в соседней станице отбирал у населения казы (конскую колбасу), заявляя, что он действует от моего, военкома, имени. Мне рассказали об этом партизаны. Я его серьезно предупредил. Через некоторое время к нам в штаб приходят женщины и молодой парень и жалуются, что ночью двое красноармейцев ворвались к ним в дом и ограбили их. (Надо сказать, что перед этим я издал приказ по отряду, которым строжайше запрещал красноармейцам брать что-либо

у населения. В свою очередь, я обратился к населению с призывом сообщать в штаб о малейшем нарушении этого приказа, от кого бы оно ни исходило.)

Я приказал выстроить на площади весь отряд. Женщины с парнем обошли все ряды и не узнали мародеров. Я вызвал 11 разведчиков, находившихся в районе станицы, и среди них женщины узнали двоих. Зачинщиком этого грязного дела оказался тот самый партизан, который отбирал у жителей соседней станицы колбасу. Мы обыскали их и, найдя вещи, тут же на площади расстреляли. Больше таких случаев у нас не повторялось.

Чем крепче устанавливалась в отряде дисциплина, тем доверчивее относилось к нам население. Беднота уже шла к нам за советами, обращалась с различными вопросами. Мы проводили собрания, беседы, помогли создать ревком.

Потом мы создали ревкомы во многих станицах. Я выделял из своих бойцов политически наиболее развитых агитаторов, организаторов, и через них мы втягивали бедноту в общественно-политическую работу, проводили выборы ревкомов, установили тесную связь с Джаркентским уездным ревкомом...

В станице Подгорной бросалось в глаза преобладание женщин. Женщины ходили по улицам, женщины посещали собрания, собирались на площади. Мужчин в станице почти не было. Оказалось, что с белобандитами ушли за границу не только кулаки и баи, но и немало бедноты, которую бандиты сумели обманным путем увести за собой.

Однажды мы созвали на площади митинг. Собрались опять, конечно, в большинстве женщины. Я обратился к ним с горячей дружеской речью, говорил им о том, что война кончилась, что большевики окончательно и навсегда победили и что теперь казахи, киргизы, русские — трудящиеся всех наций — могут спокойно заниматься каждый своим делом. И вашим мужьям, сыновьям и братьям,— говорил я,— нет никакой необходимости прятаться по заграницам и заставлять вас нести все тяготы и заботы по хозяйству. Поезжайте к ним и передайте эти мои слова.

Многие женщины плакали. Они не прочь были сейчас же поехать, но у них не было лошадей, денег. Мы помогли им — дали денег и лошадей. Мало того, мы дали им до границы провожатых красноармейцев.

Через десять дней мы встретили первую группу мужчин, вернувшихся из-за границы. Потом появилась вторая группа, третья. Они сдавали нам оружие и радостные и взволнованные возвращались домой...

А. Розыбакиев

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Уже в первые месяцы после Февральской революции в массах зрело, росло недовольство «Курултаем»[1], но открытая борьба еще не начиналась. Была нас небольшая группа, мы ограничивались пока лишь тем, что между собой высказывали протест против действий и линии «Курултая», но что предпринять — не знали. Центральные газеты никто из нас не читал. Некоторые читали газету «Социалист» и журнал «Пролетарий», издававшиеся в Верном; из этих изданий мы и узнали о том, что происходит в Центральной России.

В нашу группу входили татары Билял Хисамутдинов, Ахмулла Нигматуллин, Шаагзам Бекбаев, Камал Габутдинов, казахи Садрий Нурумов, Ташен Утепов, уйгуры Абдулла Розыбакиев и Юсуп Ахмедов. Впоследствии выяснилось, что Габутдинов и Бекбаев были провокаторами.

[1] Курултай (собрание, съезд). В Семиречье буржуазные националисты называли «Курултаем» созданную ими националистическую организацию.

Редактор «Социалиста» оказал помощь в оформлении нашей группы. Он созвал нас у себя на квартире, кажется, в последних числах апреля, и долго рассказывал нам о событиях в Центральной России. Из этой беседы мне запомнилось лишь то, как должна быть устроена Республика, как бороться с «Курултаем» и организовать мусульманских рабочих. Да, помнится, он говорил очень много о кооперировании населения и о городском самоуправлении. Но он ни словом не упоминал о лозунгах, выдвинутых большевиками и ставших мне известными позднее.

РОЗЫБАКИЕВ АБДУЛЛА АХМЕДОВИЧ (1897—1938 гг.), член партии с 1918 г. Активный участник установления Советской власти в Семиречье, один из зачинателей коммунистического движения среди уйгурских трудящихся. По окончании гражданской войны находился на ответственной партийной и советской работе.

Тут же, после беседы, мы выделили комиссию, куда вошел и я, для составления устава Союза мусульманских рабочих. Устав был составлен. Будущему Союзу дали название «Объединенный союз мусульманских рабочих города Верного». На обложке устава был написан предложенный Габутдиновым лозунг: «В борьбе обретешь ты право свое». Значения этого эсеровского лозунга я тогда не понимал.

Назвали себя инициативной группой. Стали распространять устав, листовки и готовиться к оформлению Союза. В мае созвали митинг, пригласив на него всех рабочих, ремесленников, кустарей. До этого проводили митинги по национальным и отчасти по профессиональным группам рабочих и ремесленников.

Я провел беседы с руководителями рабочих кирпичного сарая, кузнечного ряда на нижнем базаре и затем общеуйгурский митинг. Приходилось полемизировать со сторонниками «Курултая», яростно выступавшими против «раскола мусульман».

Во всей этой подготовительной работе и в последующем мне активно помогали Мухамед Рузиев, Муса Рузиев, Юсуп Ахмедов, Алиакбар Розыбакиев (мугалим, мой дядя, которого убили контрреволюционеры в 1918 году, когда он по поручению Совдепа вел работу в кишлаках), Хамра Феридинов (штукатур, прозванный еще до революции «газетчиком» за начитанность и любовь к газетам) и другие. Активную роль в дальнейшей работе

Союза играли также Юсуп Бабаев и Зериф Баширов, ставший позднее редактором сатирического журнала «Садак» («Стрела»).

На митинг явилось лишь около 100 человек. Сказывалось противодействие «Курултая», призывавшего население бойкотировать митинг. В качестве учредителей Союза подписали устав всего, кажется, 17 участников митинга. Сюда вошли все упомянутые выше товарищи и, кроме того, группа рабочих и несколько мугалимов. Председателем Союза был избран Габутдинов, казначеем — Нигматуллин, я — секретарем.

Союз быстро вырос. К концу июня в нем насчитывалось около 600 человек. Организованно вошли в Союз все кузнецы, большинство рабочих кирпичных заводов, многие рабочие мелких предприятий, ремесленники, кустари, служащие.

Глубокую, кропотливую работу в массах Союз не проводил. Единственной положительной стороной его деятельности была успешная пропаганда идеи объединения трудовых масс и разоблачение буржуазно-националистических комитетов. Такая работа велась, главным образом, на часто созываемых митингах. Тысячи людей сходились на митинги, проводимые Союзом, в то время как на митинги, организуемые «Курултаем», собиралось не более 100—150 человек.

Большим успехом пользовался сатирический журнал Союза «Садак», который имел своих подписчиков во всех городах и даже в аулах и кишлаках. В журнале принимал ближайшее участие Ураз Джандосов, перу которого принадлежали меткие карикатуры на местных буржуазных вождей и духовных отцов.

Редактор журнала З. Баширов и Ю. Ахмедов объездили все уйгурские кишлаки, посетили ряд казахских волостей, пропагандируя идеи Союза. Участвуя в работе по всероссийской сельскохозяйственной переписи, я близко познакомился с кишлачной жизнью, организовывал в кишлаках отделения Союза (в Чилике, Лабаре, Малыбае и др.).

Хотя не было ясности в организационных формах Союза и четкости в его политической линии, все же он способствовал классовой дифференциации казахского и уйгурского населения, чего боялись националистические комитеты. Из него вышли кадры, которые вели сознательную борьбу с буржуазной верхушкой и позднее стали на путь активной поддержки Советской власти.

Накануне Октябрьского переворота, когда буржуазно-националистические комитеты пытались организовать «мусульманскую милицию» для поддержки Временного правительства, большинство членов Союза не только не пошло в эту милицию, но и выступило против нее.

В последующие дни после Октябрьского переворота значительная часть членов Союза вступила в ряды Красной гвардии.

Но Союз сделал далеко не все, что он должен был и мог сделать. Основной его слабостью было отсутствие связи с передовыми революционными силами города и русскими рабочими организациями. Союз не укреплял связей с другими городами. В него проникли и агенты националистических комитетов, пытавшиеся примирить Союз с последними, а также люди, которые старались использовать Союз в личных корыстных целях, как, например, Габутдинов и Бекбаев...

* * *

В Коммунистическую партию я вступил сейчас же после переворота[1]. Вместе со мной на одном из первых собраний были приняты в партию Ташен Утепов и Юсуп Ахмедов. Из руководящих партийных работников хорошо помню Трофимова[2] и Виноградова[3].

П. М. Виноградов был председателем первого Верненского Совдепа. Познакомился я с ним еще в 1914 году через дядю Алиакбара Розыбакиева. Они оба учительствовали в поселке Илийском и были друзьями.

В 1918—1919 годах мне приходилось работать с Виноградовым в Совдепе. Виноградов был одним из лучших представителей советского руководства в Верном в те годы. Он мобилизовал партийную организацию на борьбу против нарушений революционного порядка в аулах и кишлаках, умело проводил линию большевиков в Совдепе и на первом уездном съезде Советов, борясь против эсеров, составлявших там большинство. В 1919 году он перешел на партийную работу[4] и зимой 1919—1920 года был председателем обкома партии.

Трофимов олицетворял собой тип профессионального революционера, партийного работника. Он был душой верненской партийной организации. Работая секретарем первого городского комитета большевистской организации, он стал инициатором систематической пропаганды коммунистических идей в красногвардейских частях и пользовался там большой популярностью. По его инициативе большинство верненских коммунистов влилось в ряды местных красногвардейских частей, что значительно облегчило борьбу с пробравшимися туда кулацкими элементами.

---

[1] В Верном Советская власть была установлена 3 марта 1918 года.

[2] См. воспоминания Г. И. Трофимова в сборнике «В огне революции», стр. 224—229.

[3] См. там же, воспоминание Д. Г. Пригородовой, стр. 218—223.

[4] В феврале 1919 года П. М. Виноградов выехал из Верного на VIII съезд РКП(б), делегатом которого он был избран. Вернулся в Верный в ноябре 1919 года.

Трофимов часто выезжал на Семиреченский фронт для организации политической работы, посылал нас создавать партийные ячейки в аулах, деревнях и кишлаках. Он помогал в работе образовавшейся позже так называемой «Секции мусульманских коммунистов» при городской организации. Это был скромный, чуткий к товарищам, непримиримый в проведении линии партии, исключительной чистоты человек.

После снятия осады Верного [1] я работал в городе и уезде, был членом редколлегии газеты, издаваемой облисполкомом, а потом мусульманским комиссариатом. Она выходила на татарском языке...

Вспоминаю работу 1-го уездно-городского съезда Советов. Вначале почти все делегаты из деревень, кишлаков и аулов заняли места фракции эсеров.

Во время съезда было созвано собрание мусульман — делегатов съезда для разрешения вопроса: к какой фракции примкнуть? Почти все делегаты из аулов, а также подавляющее большинство делегатов из русских деревень голосовали за предложения большевистского руководства. На съезде председательствовали большевики: Виноградов, Трофимов и другие.

В Семиреченском ревкоме с первых дней его возникновения была выделена комиссия по урегулированию национальных взаимоотношений. Избранный 1-м уездно-городским съездом Совдеп организовал уездный комиссариат по национальным делам, где довелось работать и мне. Состоявшийся вскоре после этого областной съезд Советов создал областной комиссариат по национальным делам. Областным комиссаром стал Ураз Джандосов. Немного времени спустя областной и уездный комиссариаты были объединены. Я работал заместителем Джандосова, другим заместителем был дунганин Хаки Сулейманов. Комиссариат существовал до 1920 года.

Комиссариат осуществлял фактически всю связь Облисполкома с аулами и кишлаками, посылал людей в уезды и волости, разрабатывал вопросы межнациональных отношений, занимался советским строительством в ауле, селе и кишлаке. По инициативе городского комитета РКП(б) был в городе организован питательный пункт для беженцев из кишлаков.

Газета для трудящихся местных национальностей была реорганизована и переименована. Она стала выходить на казахском языке под названием «Энбек» («Труд»).

Приблизительно в середине ноября 1918 года при горкоме партии организовалась «Секция мусульманских коммунистов», руководство которой было поручено мне. Секция существовала

[1] Имеется в виду осада города белоказачьими мятежниками в апреле мае 1918 года.

около шести месяцев. Через нее осуществлялась политическая пропаганда и агитация в городе, она же содействовала организации партийных ячеек в аулах и кишлаках...

Общие собрания членов секции были целым событием для трудящихся города. На эти собрания приходили сотни людей. Сама секция выросла в крупную организацию, насчитывавшую 120—150 человек. Однако количественный рост секции имел свои отрицательные стороны: в нее проникли политически отсталые, еще не освободившиеся от религиозных пут элементы. Это обстоятельство заставило нас отказаться от чрезмерного увлечения ростом этой организации.

Н. Затыльников

К ИСТОРИИ СЕМИРЕЧЕНСКОГО ФРОНТА

НАЧАЛО ПЛАНОМЕРНОГО ФОРМИРОВАНИЯ БОЕВЫХ ЧАСТЕЙ

В апреле 1918 года в ближайших к Верному станицах вспыхнул белоказачий мятеж. Контрреволюционные банды окружили город. Со всей остротой встал вопрос об укреплении советских вооруженных сил в Семиречье. В эти тревожные дни из солдат-фронтовиков и молодежи в крепости были сформированы для обороны г. Верного три красногвардейских отряда — восточный под командованием Илиодора Иванова [1], западный под командой учителя Леонида Шишкина [2] и фронтовика Игнатова [3], северный под командой Ивана Мамонтова. [4]

Отряды эти не были достаточно организованы. Списков лич-

---

[1] Илиодор Иванов — бывший учитель, погиб на Северном Семиреченском фронте в 1918 году (примечание автора).

[2] Леонид Шишкин — бывший учитель, активный участник гражданской войны, ныне персональный пенсионер (примечание автора).

[3] Игнатов — бывший партизан-разведчик, ныне персональный пенсионер (примечание автора),

[4] См. сб. «В огне революции», стр. 251—252.

ного состава не велось. Люди на участках менялись часто: придут, не понравилось — уходят.

Более организованную боевую силу представляли собой только три роты 1-го Семиреченского Красной гвардии полка, созданного раньше, в марте — в первые дни после установления Советской власти в Верном, под командованием Л. П. Емелева.

Активное участие в защите города от белоказаков приняло местное коренное население. Так, на северном участке обороны Верного — от крепости до кладбища — более половины отряда, которым командовал Иван Мамонтов, состояла из казахов, уйгур и дунган.

ЗАТЫЛЬНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОНОВИЧ (1894—1958 гг.). Один из организаторов советских вооруженных сил в Семиречье в годы гражданской войны.

Для упорядочения формирования воинских частей и создания оперативного центра было созвано совещание, на котором присутствовали члены Верненского гарнизонного совета, Военно-революционного комитета и командиры отрядов. На нем избрали Военный совет в составе Емелева, Затыльникова, Махонина и других. Махонину — бывшему царскому полковнику — предложили должность начальника штаба Военного совета, я был назначен его заместителем. Со своей стороны, Махонин привлек к делу других военных специалистов.

С этого времени началось планомерное формирование боевых частей, которое происходило исключительно по принципу добровольности. Добровольно вступали в Красную Армию рабочие, бывшие солдаты-фронтовики, городская и деревенская беднота, мелкие ремесленники. Наряду с русскими, вступали в Красную Армию казахи, уйгуры и дунгане.

В формируемых частях развернулась разъяснительная работа, в которой активное участие приняли верненские большевики — Журавлев, Трофимов, Комбаров, Коуров, Маречек и другие.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ

В мае 1918 года был ликвидирован белоказачий мятеж, и остатки разгромленных банд бежали в двух направлениях: в станицы севера Семиречья, а большая часть — в Джаркент, поближе к Китайской границе.

Для окончательного укрепления Советской власти в области, особенно в северных станицах, был сформирован Верненский боевой отряд под моим командованием. Семиреченский облисполком назначил боевой Совет отряда с функциями политотдела. В состав Совета был введен старый большевик Головин, зверски убитый в 1919 году белыми в Кульдже.

Вскоре стало известно, что белогвардейцы захватили Джаркент, уничтожили местный гарнизон и формируют новые банды для похода на Верный. В связи с этим мы получили задание разделить отряд на две части — одной следовать в северные станицы, а другой немедленно двинуться в Джаркентский уезд и освободить город от белых.

Половина отряда под моим командованием в составе одной роты пехоты (120 штыков) и двух эскадронов конницы (по 70 сабель в каждом), из которых один на две трети был из казахов, при двух трехдюймовых орудиях и двух пулеметах выступила на Джаркент. В пути к нам присоединились две сотни молодых русских казаков из станицы Голубевской для совместных действий против белоказаков. Прибывшие были на прекрасных строевых лошадях, с шашками, с трехлинейными винтовками.

В ночь с 12 на 13 июня совместными действиями отряда и присоединившихся к нам казаков с боем была взята станица Голубевская, белые были разбиты, мы захватили у противника пулемет и несколько подвод с боеприпасами. Преследуя врага, отряд ворвался в Джаркент и занял его с ходу.

Белые сконцентрировались на границе в станице Хоргосской. Общее количество их в тот момент достигало 2000 человек, в том числе около 400 офицеров; кроме того, было тысячи полторы обманутых ими уйгур. Общее командование осуществлял полковник Сидоров, его помощниками были сотник Бойко и капитан Полторацкий. Паника у белоказаков была настолько велика, что когда через два дня после занятия Джаркента отряд из 200 сабель при двух пулеметах прибыл в Хоргос, он застал здесь только «хвосты» противника, которые были уничтожены. Белые убрались за границу.

...После освобождения Джаркентского уезда выявилась ужасающая картина грабежей, бесчинств и насилий со стороны белогвардейцев над мирным населением. Особенно зверским на-

силиям подвергались казахи и уйгуры. Мы произвели специальное дознание о насилии и грабежах.

Власти провинции Синьцзян обратились к нам с просьбой, чтобы отряды Красной гвардии воздержались от преследования белогвардейцев на территории Китая. Мы воспользовались этим случаем и предъявили требование выдать бежавших в Синьцзян белых офицеров, как уголовных преступников, основываясь на материалах дознания о совершенных ими грабежах и насилиях. Начавшиеся переговоры ни к чему не привели. Белых нам не выдали. Но переговоры способствовали установлению связей с соседними провинциями Китая. Вскоре в Хоргос прибыл начальник штаба Кульджинского губернатора, которому мы устроили надлежащий прием. Через несколько дней по его приглашению мы выехали с ответным визитом в соседнюю китайскую крепость Чимпанзи.

В честь прибытия нашей делегации был выстроен почетный караул и дан обед.

Некоторое время спустя наш отряд был отозван Облисполкомом в город Верный. В Джаркенте остался небольшой гарнизон. Воспользовавшись этим, белые перешли границу и вновь пытались захватить Джаркент. Я получил приказ снова выступить с отрядом в Джаркент. Вместе с отрядом выехали наши торговые представители во главе с П. М. Виноградовым для установления торговых связей с Западным Китаем. В их распоряжении был обоз из 25 подвод с ценными товарами. Наши торговые представители завязали крепкие связи с китайской провинцией Синьцзян. Там остались наши постоянные представители, которые закупали всякие товары, вплоть до боеприпасов.

НА ПОМОЩЬ ЧЕРКАССКОЙ ОБОРОНЕ

15 сентября 1918 года я был назначен командующим Северным Семиреченским фронтом. Положение на фронте к этому времени сложилось довольно неблагоприятное, а состояние частей Красной Армии было совершенно неудовлетворительным. В связи с этим в Верном был сформирован отряд.

Перед нашим приездом в Гавриловку (Талды-Курган) туда прибыл Пишпекский боевой отряд под командой Я. Н. Логвиненко численностью 700 человек, в составе батальона пехоты, батареи из двух орудий, пулеметной команды, двух эскадронов конницы.

Кроме этого отряда, на фронте были сосредоточены Капальский гарнизон, состоявший из местных красногвардейцев (примерно 100 штыков), эскадрон Лепсинского отряда и др.

Для пополнения войск фронта была проведена частичная мобилизация военнообязанных в Гавриловке и в поселках Кугалинской волости. Общая численность вооруженных сил фронта к концу октября составила примерно 2000 человек.

Командный состав красноармейских отрядов, именуемых по фамилии своих командиров или по месту формирования, попрежнему был выборный. Не изжиты еще были элементы партизанщины, широко применялось митингование. Красноармейские съезды и митинги выносили решения даже по чисто оперативным вопросам. В отрядах было много кулацких элементов, чувствовалась организационная неразбериха. «Левые» эсеры и буржуазные националисты противодействовали мероприятиям органов Советской власти по формированию частей Красной Армии, вносили в воинские части анархо-кулацкие настроения, что сильно отражалось на боеспособности красноармейцев.

Одним из самых сильных и дисциплинированных был Пишпекский отряд. Он состоял из рабочих, батраков, безземельных крестьян — киргизов и казахов. В отряде было много коммунистов из Пишпекской организации РКП(б). Неплохими по военной выучке, дисциплине и политической сознательности бойцов были Верненский и Лепсинский отряды.

...Продвижение белых на юг области ободрило кулацко-зажиточную верхушку казачьих станиц и старожильческих сел: она подняла голову и развернула антисоветскую агитацию, которую всячески разжигали «левые» эсеры.

В старожильческих селах и казачьих станицах большевиков было очень мало. Даже в Гавриловке партийная организация насчитывала всего лишь 10—15 человек; руководил ею старый большевик, бывший матрос Пасько, активными членами ее были И. Тибекин, Ф. Яровой и др.

Прибытие Верненского и особенно Пишпекского отрядов с большой прослойкой коммунистов (среди них были довольно подготовленные и политически развитые товарищи, как Хаяров, Логвиненко, Кихтенко, Нечаев, Тихонов и др.) значительно оживило работу Гавриловской партийной организации, которая повела борьбу с антисоветскими, эсеровскими элементами в прифронтовой полосе и значительно укрепила местные органы Советской власти.

Прежде чем перейти в наступление, мы приняли ряд мер по реорганизации войсковых частей с тем, чтобы установить строгую революционную дисциплину и порядок в войсках. Был создан штаб командования фронтом.

11 октября 1918 года в Гавриловке состоялось совещание начальников отрядов Северного Семиреченского фронта. Было решено создать военно-политический штаб, потребовать от

командиров отрядов беспрекословного выполнения всех приказов командующего фронтом, улучшить снабжение войск обмундированием и боеприпасами, организовать патронную мастерскую, а также сапожную и швейную.

Совещание приняло обращение к красноармейцам, утвердило меня командующим фронтом и выделило военную коллегию.

Закончив подготовительные мероприятия, командование решило начать наступление с тем, чтобы выйти в район Черкасской обороны.

Наступление началось с двух направлений — со стороны поселка Кзыл-Агач силами конного отряда Кихтенко и приданных ему подразделений — всего около 500 сабель, при двух пулеметах и со стороны Капала — главными силами фронта под моим командованием в составе роты пехоты, двух эскадронов конницы численностью до 500—600 человек, при двух орудиях и двух пулеметах.

Подразделения форсированным маршем прошли от Капала до Абакумовской. Расположив артиллерию в Абакумовском ущелье, мы начали обстрел позиций врага. К этому времени — 22 октября 1918 года — подошел отряд Кихтенко, который по дороге на Абакумовскую 20 октября опрокинул две сотни белоказаков.

С его приходом наши подразделения полукольцом охватили Абакумовскую — мои с юга, Кихтенко с запада.

Станицу охраняли две офицерские роты, не считая белоказаков. Командование белых послало за подкреплением в Сарканд и Аксу. Вскоре казачьи сотни со стороны Аксу и Сарканда пытались атаковать наши войска, но были отбиты с большими для них потерями. Несмотря на то, что белые получили подкрепление (из Сарканда, например, пришли конные белоказаки — 200 сабель, с двумя пулеметами, а также полк алаш-ордынцев), они не могли выдержать нашего удара. В упорном бою белые были разгромлены, и 23 октября мы заняли станицу Абакумовскую.

Подтянув в район боев значительные силы из Сергиополя (Аягуз), Урджара и других казачьих станиц, белое командование безуспешно пыталось 27 октября контратаками со стороны Сарканда и Аксу выбить нас из Абакумовской.

Поставленная штабом фронта задача наступления была выполнена только частично, однако основная цель — задержать продвижение белых на юг области — была достигнута. Но мы в силу ряда причин не сумели осуществить важной стратегической задачи наступления — соединиться с героической Черкасской обороной. Одной из причин было отсутствие координации действий с командованием Черкасской обороны. Мы вынуждены

были остановить наступление и закрепиться на занятых позициях.

Этими боями было положено начало установлению линии фронта. Красные части расположились по линии Абакумовская—Кзыл-Агач, белые — по линии Аксуская — Сарканд. Гарнизоны станиц Аксуская и Сарканд белые значительно усилили офицерскими пехотными подразделениями, белоказачьими сотнями и кавалерийскими частями, а также алаш-ордынскими войсками.

В начале ноября 1918 года по решению 1-го областного съезда Советов на фронт прибыли 20 большевиков — делегатов съезда — во главе с Л. П. Емелевым. С прибытием их на фронт был ликвидирован институт выборных комиссаров и боевых Советов в воинских частях.

8 ноября 1918 года в Гавриловке состоялось расширенное заседание военно-политического штаба Северного Семиреченского фронта с участием командующего войсками области Л. П. Емелева. В воинские части были назначены военные комиссары, которые много сделали для наведения порядка в частях и укрепления дисциплины.

К декабрю 1918 года в войсках фронта как будто наладилась дисциплина, и они достаточно отдохнули. Необходимо было двигаться на север и соединиться с Черкасской обороной. Было решено начать наступление на станицу Аксускую.

План операции был разработан совместно с командованием Черкасской обороны, с которым мы все время держали связь.

Белые, желая захватить инициативу в свои руки, атаковали нас. Однако к назначенному сроку наши части подошли к Аксуской и форсировали реку Аксу. 3 декабря мы должны были соединиться с частями Черкасской обороны. Но отряды черкасцев подошли только 4 декабря.

С утра 4 декабря начался сильный снегопад, поднялась буря, мороз крепчал. Красноармейцы, плохо одетые, в потрепанных шинелях и худой обуви, обмораживались. Перевязочные пункты и госпиталь были забиты ранеными и обмороженными, число их дошло до 500 человек.

На совещании командного состава было решено снять осаду со станицы Аксуской и отойти на исходные позиции. Отряды Черкасской обороны отступили в свой район.

Из-за сильных буранов и морозов мы не могли задержаться и в станице Абакумовской, которая была полностью сожжена. Мы отошли на линию Капал — Гавриловка. Попытки белых перейти в наступление были отбиты. На Северном Семиреченском фронте наступило временное затишье.

В боях под Аксуской выявились наши слабые стороны:

недостаток специальных знаний у командиров, политическая отсталость части красноармейцев, невысокая дисциплина в отрядах.

Большую роль в перестройке наших частей сыграл 1-й фронтовой съезд красноармейских депутатов, созванный в январе 1919 года. На этом съезде постановили просить обком РКП(б) послать на фронт возможно больше политически подкованных большевиков. Съезд избрал делегатов на VII съезд Советов Туркестанской республики. В марте 1919 года я выехал в Ташкент как делегат съезда. Здесь я и Л. П. Емелев встретили уроженца Верного летчика-большевика Шаврова [1], который прибыл из Москвы. Он на самолете перелетел через Оренбургский фронт и направился в Семиречье.

Приняв на себя командование фронтом, Шавров повел решительную борьбу за внедрение дисциплины в частях, за ликвидацию партизанщины и приступил к коренной перестройке семиреченских частей Красной Армии на основе решений VIII съезда РКП(б).

---

[1] См. «В огне революции», стр. 230—232.

А. Иванов

ВЕРНЕНСКАЯ БОЕВАЯ ПАРТИЙНАЯ ДРУЖИНА

В конце 1918 года создалась серьезная угроза Советскому Туркестану: иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция усилили натиск на Семиреченском и Закаспийском фронтах, активизировали свою деятельность организации «левых» эсеров, готовились кулацкие мятежи. В декабре 1918 года вспыхнул беловодский мятеж, а в январе 1919 года белогвардейский осиповский мятеж в Ташкенте.

Туркестанский Краевой Комитет РКП(б) в декабре 1918 года дал указание партийным организациям вооружить коммунистов и организовать боевые партийные дружины.

13 января 1919 года общее собрание верненских большевиков приняло решение об организации боевой партийной дружины.

Первая рота дружины формировалась в спешном порядке — 17 января она уже была организована. В нее вошло 240 человек из числа желающих.

В боевой партийной дружине были коммунисты различных национальностей — русские, украинцы, казахи, уйгуры, дунгане, татары и даже один австриец. Казахов в дружине было 36 человек, среди них Бейсембай Умбетбаев, Юсуп Бабаев, Ташен Утепов и другие.

Командиром первой роты был избран Дмитрий Свирчевский, его помощником — Веницкий. Эта рота была у нас тем резервом, откуда мы черпали кадры для обучения военному делу всех членов партии и бойцов второй, третьей и четвертой рот.

ИВАНОВ АНДРЕЙ ИОСИФОВИЧ (р. 1895 г.), член КПСС с 1918 г. Активный участник борьбы за победу Советской власти в Семиречье. После гражданской войны находился на хозяйственной работе. Ныне — персональный пенсионер.

Первая рота находилась на казарменном положении и приказом командующего войсками области Л. П. Емелева была зачислена на все виды довольствия при 2-м Верненском пехотном полку.

С 17 января по 7 февраля бойцы роты прошли военную подготовку: строевое обучение, тактические занятия и т. п.

В марте 1919 года общее собрание Верненской городской партийной организации приняло решение считать всех коммунистов членами боевой партийной дружины. Избрали штаб дружины, в который вошли С. М. Журавлев (председатель), Васильев (заместитель председателя), В. Попов, А. И. Иванов, Степанов (члены штаба) и Паклин (секретарь). На партийную дружину было возложено поддержание революционного порядка и несение гарнизонной, караульной и патрульной службы в городе. На первых порах она находилась на казарменном положении. В начале июня дружина из казарм была переведена в партийный клуб (здание нынешней Госфилармонии имени Джамбула). Здесь находился в то время исполком городской партийной организации, и партийная дружина была в его непосредственном подчинении.

В связи с ухудшением положения на Северном Семиреченском фронте и особенно с падением Черкасской обороны в октябре 1919 года Краевой Комитет партии направил из Ташкента на Семиреченский фронт Коммунистический отряд под

командованием Сдвиженского. В первой роте этого отряда в большинстве были узбеки.

По пути следования из Ташкента отряд пополнялся коммунистами и комсомольцами Черняева (Чимкент), Аулие-Аты (Джамбул), Пишпека (Фрунзе) и других городов и сел. Большинство бойцов из Верненской партийной дружины также вошло в Коммунистический отряд.

Вернувшись из Ташкента, куда ездил делегатом на VIII съезд Советов Туркестанской республики, я вступил добровольцем в Коммунистический отряд. Мы — коммунисты Верного — вместе с коммунистами Пишпека составили одну роту, которой командовал Дмитрий Свирчевский.

По пути на Северный Семиреченский фронт коммунисты проводили политико-разъяснительную работу в селах и аулах и особенно среди красноармейцев, самовольно возвращавшихся с фронта в Верный. После наших задушевных бесед с ними красноармейцы возвращались в строй.

...В Гавриловке наш отряд получил назначение и был отправлен в город Капал, где находились Лепсинский кавалерийский полк под командованием Горбатова и казахский кавалерийский полк.

...В один из декабрьских дней 1919 года на заре прозвучала боевая тревога. Крупные силы белоказаков начали наступление на Капал. Город был окружен. Белым удалось частично захватить станицу, примыкающую к городу, и потеснить Лепсинский полк. Начались упорные кровопролитные бои за Капал, продолжавшиеся несколько дней. Несмотря на то, что противник превосходил нас численностью и вооружением, мы твердо стояли на своих позициях, и врагу так и не удалось добиться успеха.

Особенно стойкими оказались коммунисты узбеки, позиции которых были на расстоянии 50—100 метров от белых.

Наша рота занимала крепость, защищая подступы к городу с севера. Затем часть роты была переброшена к кладбищу, откуда белые повели наступление.

Один взвод кавалеристов казахов с боем прорвался сквозь вражеское кольцо и сообщил командованию Северного Семиреченского фронта об окружении Капала. Командование фронта послало в Капал подкрепление — Гавриловский кавалерийский полк. Под натиском этого полка белоказачьи части отступили, и окружение было прорвано.

На совещании командиров было решено оставить город и отступить на основную линию Северного Семиреченского фронта, от которой Капал был удален более чем на 40 километров.

Снабжение капальского гарнизона продовольствием и фуражом было затруднено: на обозы постоянно нападали белые.

Ночью наши части оставили Капал. Отступление прошло в полном порядке так тихо и скрытно, что белые даже этого не заметили; когда наши части отошли от Капала на 15 километров, белые открыли по пустому городу артиллерийскую канонаду.

Коммунистический отряд и дальше продолжал героически сражаться за Советскую власть.

Р. Казбеков

В БОРЬБЕ С РОДОВЫМИ ПЕРЕЖИТКАМИ

В октябре 1918 года я вступил в ряды бойцов Северного Семиреченского фронта. Первый бой, в котором я участвовал, произошел под Аксу.

Командование часто посылало меня в разведку, так как я хорошо знал местные условия.

Казахское трудовое население Семиречья с самого начала революции в своей массе было на стороне Советской власти, поддерживало все ее мероприятия и оказывало местным органам посильную помощь. Но алаш-ордынцы делали все, чтобы противопоставить Советской власти казахское население и склонить его на свою сторону. И действительно, отсталая часть населения, которая находилась еще в плену родовых пережитков, попадала под влияние алаш-ордынцев. Однако все чаще мы встречались с фактами, которые свидетельствовали, что буржуазные националисты теряют всякое влияние среди трудящихся аула.

Вот один из многочисленных примеров.

Меня направили в разведку в направлении Чимбулака. Здесь мне удалось поймать алаш-ордынского разведчика, который под видом нищего собирал сведения о красных и вел агитацию против Советской власти.

Когда я привел его в расположение нашей части, оказалось, что его двоюродный брат Тойшубек был красным партизаном и служил у нас в обозе.

После допроса командир части предложил Тойшубеку взять пленного на поруки. Но он категорически отказался, сказав: «Я не могу за него поручиться, он опозорил меня, предав интересы революции и свободы. Накажите его со всей строгостью военного закона».

Этот случай очень характерен. Забитый, неграмотный казах сумел преодолеть родовые связи, без малейшего колебания отдав своего близкого родича на справедливый революционный суд.

... Линия нашего фронта проходила через такие пункты, как Конур-Олен и Актасты, которые были населены только казахами.

Вначале жители прифронтовых аулов особой революционной активности не проявляли, хотя они и не поддерживали алаш-ордынцев. Все же, когда алаш-ордынцы под натиском красных стали отходить к Балхашу, за ними двинулось со всем имуществом и скотом обманутое буржуазными националистами население отдельных аулов. Жители же Конур-Олена и Актасты оставались на месте и даже помогали красным партизанам, поставляя им продовольствие, подводы. Несколько человек вступили в наши отряды.

Одно событие вызвало у жителей этих аулов особую ярость против алаш-ордынцев и подняло их революционную активность. Как-то алаш-ордынские разведчики насильно увезли двух наиболее активных парней из села Актасты и в песках Куянды около озера Уш-Коль зверски замучили.

Когда об этом узнали жители Актасты и Конур-Олена, они поклялись отомстить за кровь своих односельчан и направили своего представителя в Гавриловку просить у руководства Северным Семиреченским фронтом оружие и боеприпасы для борьбы с алашами.

Просьба их была удовлетворена. Они преследовали алаш-ордынцев, одержали победу и привезли немало пленных.

Многие участники этого похода после возвращения в свой аул вступили в отряды красных партизан и до конца гражданской войны в Семиречье воевали против белоказаков и алаш-ордынцев. Впоследствии некоторые из них участвовали в ликвидации басмачества на Бухарском фронте.

Жители Конур-Олена и Актасты оказывали особенно большую помощь партизанам, когда в конце декабря 1919 года белогвардейские части пошли в контрнаступление в районе Ак-Ешки. После двухдневного упорного боя белогвардейцы отступили со значительными потерями. Многие из них сдались нам в плен.

Так самоотверженно сражались красные джигиты на Семиреченском фронте.

А. Тюрин

БОЕВОЙ ПУТЬ 54-й (59) СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Весна 1919 года. Молодая Советская республика была вынуждена вести предельно напряженную борьбу на Восточном, Южном, Северном, Петроградском, Западном, Кавказском и Каспийском фронтах.

Ударами с разных направлений международная империалистическая реакция надеялась распылить силы Красной Армии и, разбив их по частям, овладеть основными, жизненно важными центрами страны — Москвой, Петроградом — и тем самым уничтожить Советскую власть. Американские, английские и французские империалисты большие надежды возлагали на Колчака, в распоряжение которого было предоставлено огромное количество вооружения, обмундирования и продовольствия.

Главное внимание молодого Советского правительства и партии в этот период, естественно, было приковано к Восточному фронту. Партия бросила клич: «Все на борьбу с Колчаком!»

В июле 1919 года в городе Алатырь Симбирской губернии была сформирована 54-я стрелковая дивизия. В сентябре—октябре она была переброшена в Сибирь и включена в состав 5-й армии Восточного фронта, готовившегося к переходу в решительное наступление на Колчака.

176-я стрелковая бригада этой дивизии заняла позицию по левому берегу реки Тобол в тридцати километрах южнее города Курган, и с утра 14 октября во взаимодействии с другими частями перешла в наступление.

ТЮРИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (р. 1896 г.), член КПСС с 1938 г. Активный участник гражданской войны в Казахстане. Прошел большой боевой путь от рядового бойца до генерала.

Зима в том году быстро вступила в свои права, но лед на реке еще не окреп и не выдерживал человека. Тобол форсировали чуть ли не вплавь, используя для этого все, что было под рукой.

Находившаяся на другом берегу реки Волжская группа белых также готовилась наступать, но мы ее опередили. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, порой предпринимая яростные контратаки. На отдельных направлениях белые бросали в контратаки превосходящие силы, благодаря чему им удавалось временно задерживать продвижение наших войск.

Лишь на четвертый день сражения бойцам 54-й дивизии удалось переправиться через реку и прорвать оборону противника. Неотступно преследуя врага, мы окружали и уничтожали его. Белогвардейские полчища, неся огромные потери убитыми и ранеными, оказывали упорное сопротивление, но остановить наш натиск были не в силах. Бои на реке Тобол нанесли им тяжелый урон, от которого они уже не смогли оправиться. Фронт переместился на 200 километров восточнее, к берегам реки Ишим.

Не надеясь удержаться и здесь, белое командование стало спешно снимать с фронта уцелевшие дивизии для отправки их в глубокий тыл, чтобы организовать там новую линию обороны.

В этих условиях действовавшие в тылу войск колчаковского фронта подпольные большевистские партийные организации усилили свою политическую работу среди солдат пополнения,

направляемого на фронт для спасения гибнущей контрреволюции. Результаты этой работы не замедлили сказаться. Красноречивым свидетельством этого может служить признание белогвардейского генерала Сахарова, писавшего, что в первых же боях солдаты пополнения, «получив приказ идти в наступление, выбегали, подняв винтовки, обращенные прикладами вверх, перебегали на сторону красных и открывали огонь по своим; почти все офицеры в таких полках гибли».

Исключительно высок был боевой дух и наступательный порыв красноармейцев. Не считаясь ни с какими трудностями и лишениями, усиленным маршем шла 54-я стрелковая дивизия. К этому времени в ее составе было два соединения: 176-я и Крепостная стрелковые бригады. Достигнув реки Ишим, они сбили противника с занимаемых им позиций и развернули успешное наступление по двум направлениям: 176-я стрелковая бригада — на станицу Арык-Балык, Крепостная бригада — на Кокчетав. К 9 ноября дивизия овладела этими населенными пунктами.

Кокчетавское направление по сравнению с Омским было для 5-й армии второстепенным, но поскольку здесь находились значительные силы врага (остатки армии Дутова), которые угрожали левому крылу главной группировки 5-й армии, действовавшей вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, ему придавалось большое значение.

54-я стрелковая дивизия, переименованная в 59-ю, 13-я Сибирская кавалерийская дивизия и Степная бригада (Кустанайская) образовали Кокчетавскую группу войск.

Перед частями Дутова белое командование поставило задачу: отходя на Семипалатинск, угрожать тылам Красной Армии; в случае дальнейшего вынужденного отхода пробиваться на восток, в район Барнаула, а если не удастся удержаться в районе Семипалатинска — отступать на юг.

Кокчетавская группа должна была ликвидировать остатки белогвардейских войск в районе Кокчетава, Атбасара и Акмолинска.

К 29 ноября 1919 года соединения Кокчетавской группы, громя деморализованного противника, вышли: 13-я кавалерийская дивизия в район Акмолинска, охватывая город с юга; Степная бригада освободила Акмолинск и выходила по тракту на Караганду; 176-я стрелковая бригада заняла Ключи — в 40 километрах севернее Акмолинска; Крепостная бригада с боем овладела деревней Еленинской. Таким образом, за 17—18 суток усилиями войск Кокчетавской группы была навсегда очищена от белогвардейских войск значительная территория Казахстана.

Несмотря на то, что сопротивление противника с каждым днем ослабевало, трудности для наступавших войск 59-й дивизии не только не уменьшились, но, пожалуй, еще более возросли. Сибирская зима, степной малонаселенный район, острая нехватка одежды, значительный отрыв войск от базы снабжения — все это усложняло обстановку, в которой велось наступление. Ко всему этому добавился тиф, ставший настоящим бедствием. Отступая, колчаковская армия оставляла сотни умирающих людей. Белые не успевали хоронить умерших. Занимая населенные пункты, мы часто заставали в них сложенные штабелями трупы людей, скошенных тифом. Тиф передавался колчаковцами местному населению, а через него и пленных он проник и к нам.

Но ничто — ни суровые морозы, ни бездорожье, ни тиф — ничто не могло приостановить победоносный поход войск Красной Армии. Наши победы на фронте и действия партизан в тылу вызывали все большее раздражение в стане противника. Белые бежали, и мы не давали им передышки, сражаясь за полное и окончательное их уничтожение.

Ряды наступавших частей непрерывно пополнялись присоединявшимися к ним местными партизанскими отрядами.

Насколько середняцко-бедняцкая часть местного крестьянства ненавидела белогвардейскую власть, настолько тепло и радостно встречала она нас, части Красной Армии. Нередко на коротких привалах в только что освобожденных населенных пунктах многие крестьяне садились на лошадей и вместе с нами сражались за Советскую власть. Местность была для нас незнакомой, карт почти не имели, но всегда мы могли рассчитывать на помощь добровольцев-проводников из старожилов и особенно коренного казахского населения.

* * *

Преследуя остатки потрепанных войск генерала Дутова, части Кокчетавской группы стремились в то же время перерезать пути отхода белых, которые после занятия нами Омска бросились в панике на юг, в пределы Семиречья. 13-я Сибирская кавалерийская дивизия к 7 декабря достигла поселка Спасский завод (40—50 километров южнее Караганды). Крепостная бригада, действуя в восточном направлении, примерно в эти же дни овладела Баян-Аулом, Степная бригада — Каркаралинском, откуда продолжала преследовать противника в северо-восточном направлении.

176-я стрелковая бригада была сосредоточена в Каркаралинске, где получила задание двигаться на Сергиополь. Штаб группы с выходом войск к Иртышу перешел в Семипалатинск. Группа стала именоваться Семипалатинской.

Чем ближе мы были к цели, тем более серьезные трудности возникали на нашем пути. Отсутствие теплой одежды, затруднения с продовольствием и фуражом сделали этот поход необычайно тяжелым. Изредка нам попадались казахские аулы. Две-три саманные постройки не могли вместить на ночлег всех бойцов. Зачастую грелись по очереди. Питались скудно. Соль ценилась, как предмет роскоши. В довершение всего в районе, по которому предстояло совершить марш на такое значительное расстояние, в декабре—январе дули сильные ветры. Вместе со снегом они сносили даже песок; дороги становились непроезжими. Только высокий морально-политический дух командиров, политработников и бойцов, их безграничная преданность молодой Советской республике и готовность до конца выполнить свой воинский долг помогли нам преодолеть все трудности и завоевать победу.

8 января 1920 года 176-я стрелковая бригада овладела городом Сергиополь (Аягуз). Открылась дорога на Семиречье.

* * *

К весне 1920 года в Семиречье были сосредоточены значительные силы белогвардейских войск. К этому времени атаман Дутов объявил себя начальником края. Все остатки его Оренбургской армии вошли в подчинение атамана Анненкова под названием отряда атамана Дутова. Кроме того, у Анненкова был отряд его имени, Центральная и Южная группы генерала Щербакова.

11 февраля 1920 года директивой Главного командования перед 5-й армией была поставлена задача: овладеть районом Капал — Китайская граница, очистить его от банд Анненкова, полностью ликвидировать их. Эта же задача ставилась и перед Туркестанским фронтом. 11—12 марта 1920 года войска Семипалатинской группы, 105-я стрелковая бригада и 13-я кавалерийская дивизия, вошедшие в подчинение командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе; перешли в наступление. 176-я стрелковая бригада действовала в направлении Сергиополь — станица Урджарская — Маканчи (Ивановское) — Бахты, имея перед собой части корпуса генерала Бакича, оказывавшие упорное сопротивление.

К 29 марта 1920 года бригада, изгнав остатки белых из Семиречья, встала на линии государственной границы. Одновременно частью сил бригада продолжала боевые действия в южном направлении. По мере своего продвижения бригада устанавливала связь с партизанским отрядом «Красные горные орлы», действовавшим на южном склоне Тарбагатайского хребта.

Тем временем 105-я стрелковая бригада вела наступление на Рыбачье, Уч-Арал и далее на Лепсинск, громя банды атамана Анненкова. В обстановке общего наступления частей Семипалатинской группы войск захват атамана Анненкова приобретал особо важное значение. Ставка Анненкова была в Уч-Арале. Здесь он держал свои наиболее надежные части, состоявшие сплошь из бывших царских офицеров и белоказаков — участников карательных экспедиций кровавого атамана. Для захвата атаманской ставки выделить крупные силы мы не могли: бездорожье и отсутствие населенных пунктов на пути следования обязывали к тому, чтобы предварительно провести большую работу по организации тыла. А для этого у нас времени не было. Поэтому командование 13-й кавалерийской дивизии решило применить прием, оправдавший себя при захвате пикета Джус-Агачский,— внезапный ночной налет. Нашли проводников казахов, хорошо знавших этот район. Они охотно согласились провести наши части скрытно, минуя населенные пункты.

В два дня в Джус-Агаче был сформирован небольшой, но крепкий отряд в 275 сабель при 10 станковых пулеметах. В него вошли лучшие бойцы и командиры.

Для овладения Уч-Аралом отряду нужно было пройти по пустыне и через пески Сары-Кум около 200 километров. 20 марта после короткого митинга отряд двинулся в путь. Безлюдная степь, барханы, солончаки... Двигались медленно, осторожно, спали в степи, согревая телами друг друга.

Только на третьи сутки, к вечеру 22 марта, показались огоньки Уч-Арала. Стараясь не обнаружить себя и выставив сторожевое охранение, отряд остановился в песках Сары-Кум. Высланному для разведки разъезду удалось захватить всадника, который оказался возвращающимся в Уч-Арал проводником колонны вражеской конницы. Спустя некоторое время был захвачен второй «язык». Это был казак, который вез записку Анненкова командиру одного из белогвардейских отрядов о наступлении войск Туркестанского фронта на Абакумовское и Баскан. При допросе пленные подтвердили имевшиеся ранее сведения о том, что в Уч-Арале находится атаман Анненков с личным конвоем, кирасирский, лейб-атаманский и манчжуро-китайский полки, а также артиллерия, что село охраняется двумя заставами и что противник не ожидает удара с западного направления. Подробно разузнав, где и как расположены части артиллерии и где квартира самого Анненкова, командир 75-го кавалерийского полка решил на рассвете захватить Уч-Арал.

Ночь прошла тревожно, в сборах к бою. В 4 часа утра наш первый эскадрон вошел в село. На окраине он снял часовых, посчитавших следующих в конном строю бойцов за своих. Эскад-

рон достиг площади, где стояла артиллерия. Помощник командира эскадрона с двумя бойцами подскакали к дому Анненкова и через окно забросали его квартиру ручными гранатами.

Взрывы гранат послужили сигналом к общей атаке. Началась рубка и стрельба. Из домов выскакивали бандиты, не понимающие в чем дело. Многие из них бросали оружие, сдавались в плен. Лишь часа через два противнику удалось привести свои силы в порядок. Используя многократное численное превосходство, анненковцы начали наступать на наш отряд, который отошел за реку Тентек.

Отходя, наши бойцы испортили замки орудий и стволы. Мы увели с собой до 400 пленных. Наш отряд атаковал и обратил в бегство обнаруженный на пути белогвардейский летучий отряд. Когда сотни этого конного отряда противника устремились к Уч-Аралу, перепуганный нашим набегом анненковский гарнизон, не разобравшись, кто перед ним, открыл по своим же огонь. Потери врага были велики. Наши потери составляли 4—5 убитых и до 20 раненых.

После ночного налета на Уч-Арал атаман Анненков с кучкой преданных ему головорезов бежал...

Части Семипалатинской группы, прибывшие в Семиречье, совместно с войсками Туркестанского фронта очищали область от мелких банд, зорко охраняя государственную границу от нарушений белогвардейцами, бежавшими в Китай.

Мне, непосредственному участнику гражданской войны, приятно сознавать, что в установлении и упрочении Советской власти в Казахстане есть немалый вклад и славной 54-й (59) стрелковой дивизии.

М. Ма Сан-чи

ОСОБЫЙ ДУНГАНСКИЙ ПОЛК

Михаил Васильевич Фрунзе представил меня и Шагабутдинова — военного комиссара Семиречья — В. В. Куйбышеву. Свидание это происходило в ташкентской гостинице «Националь», где расположился штаб Туркфронта.

— Садитесь,— радушно пригласил Куйбышев, оглядывая нас усталыми, покрасневшими от бессонницы глазами. Завязалась беседа. Михаил Васильевич живо интересовался семиреченскими делами. С ним было легко беседовать. Он прекрасно знал край и обстановку. Своими короткими и точными вопросами он проникал в сердцевину вещей и событий. Ему нельзя было отвечать общими словами. Он требовал точности и знания деталей...

— А твои дунгане,— спросил Фрунзе,— за Советскую власть?

Я ответил, что дунгане за Советскую власть, если не считать кулаков, которые симпатий к нам отнюдь не питают.

— Значит, будем формировать дунганский полк,— как бы отвечая своим мыслям, сказал Фрунзе.

— Сколько понадобится для этого времени?—спросил Куйбышев.— Учтите,— добавил он,— что время теперь дорого, как никогда.

— Два месяца,— отвечал я, подумав.

— Много. Полагаю, что месяца вполне достаточно,— заметил Куйбышев.

— Разрешите ваше замечание считать для себя обязательным.

— Вот и прекрасно,— сказал, пожимая мне руку, Куйбышев.— Очень хорошо. Завтра получите приказ.

В Ташкенте мы не задержались. Получив приказ и 150 комплектов обмундирования, тронулись в обратный путь. Надо было спешить. Ведь через каких-нибудь тридцать дней на столе командующего Туркфронтом должен был лежать рапорт от командира уже сформированного Дунганского полка.

От станции Бурное до Верного добирались на лошадях. В дорожном бездействии пропадали дорогие дни. О, как нужен был тогда Турксиб!

МА САН-ЧИ МАГАЗ (1885—1938 гг.), член партии с 1918 г. Один из первых коммунистов дунган, активный борец за победу Советской власти в Семиречье. С 1926 находился на руководящей советской работе.

В Верном в день нашего приезда всем военным комиссариатам области было дано распоряжение — объявить среди трудящихся дунганского населения об организации Особого дунганского кавалерийского полка. В Джаркент, Чилик, Кара-Кунгуз, Шор-Тюбе и другие районы, населенные дунганами, были посланы надежные люди, агитаторы.

Прошла неделя томительного ожидания. И вот из Джаркента приехал первый отряд бойцов. Дунгане явились на своих лошадях, большинство было вооружено винтовками, многие имели бомбы. Это был приятный сюрприз.

Следом за джаркентскими приехали чиликские дунгане.

По горным тропам сурового Тянь-Шаня, из далекого Прже-

вальска, Токмака, Кара-Кунгуза, из Пишпека, Сокулука, Шор-Тюбе съезжались в Верный дунганские кавалеристы.

Первое знакомство с будущими бойцами показало, что мы имеем дело с опытными солдатами. Большинство из них дралось на фронтах империалистической войны. Они прошли через все «прелести» царской муштры, были близко знакомы с чугунными кулаками царских фельдфебелей. Годы, проведенные в окопах, не прошли для них даром. Тяжелая школа солдата-«инородца» многому их научила. Речи фронтовых большевистских агитаторов попали на благодатную почву. Забитые, неуклюжие аульные парни поняли многое. Вернувшись в свои родные кишлаки, они убедились, что большевистские агитаторы говорили правду. Они нашли свое место в классовой борьбе. Теперь они очень хорошо знали, против кого направить привезенное с фронта оружие. Поэтому по первому призыву они оседлали коней. Дунганский полк был сформирован в 29 дней. Мы телеграфировали Фрунзе:

«1200 сабель ждут вашего приказа. Дунганский полк сформирован».

Начались дни военной и политической учебы.

* * *

Весной 1921 года меня и Таирова избрали делегатами на III конгресс Коминтерна.

Мы приехали в Москву, пожалуй, самыми живописными из всех делегатов. Несмотря на то, что все одевались тогда, как придется, баранья моя папаха, шпоры, малиновые галифе и ко всему этому огромный копченый усач (выменянный на соль под Аралом) привлекали всеобщее внимание. Я насилу ускользнул от фотографов. Так с усачом в руках я прошел всю Москву до гостиницы «Люкс» на Тверской, в которой нас разместили.

Мы были в Кремле, на конгрессе. Я неотрывно смотрел на Владимира Ильича, склонившегося над бумагами в президиуме, затаив дыхание, слушал его яркую, волнующую речь.

В перерыве между заседаниями я встретил М. В. Фрунзе. Он расспрашивал о семиреченских делах.

Незабываемы минуты встречи с Лениным.

— Мой земляк,— отрекомендовал меня Фрунзе,— представитель трудящихся дунган, большевик и организатор национальных красноармейских частей.

Владимир Ильич крепко пожал мою руку, усадил меня и сам сел рядом.

Я начал рассказывать о Семиречье.

Владимир Ильич слушал внимательно, изредка задавал во-

просы. Он спрашивал о том, как идет организация национальных частей, какова их боеспособность и дисциплина, как относится местное население к Советской власти. Когда я сказал, что в Дунганском полку насчитывается до трехсот коммунистов, Ильич как-то хорошо, светло улыбнулся.

— А не меньше? — спросил он, прищурившись.

— Нет, пожалуй, все триста.

— Это замечательно!

Заканчивая беседу, Владимир Ильич спросил, в чем нуждается наша часть.

— Полк-то у нас есть, да одеть не во что,— отвечал я.— Обмундирования у нас не хватает, Владимир Ильич.

— Вы ему помогите,— сказал Ленин, обращаясь к Фрунзе.

Приветливо улыбаясь, Владимир Ильич простился со мной и ушел беседовать с другими делегатами.

На другой день я без задержки получил полный комплект обмундирования на полторы тысячи человек. Радости моей не было границ. Мне выдали ворох буденновок, новенькие кавалерийские шинели, походные сумки, сапоги, целую гору малиновых галифе — то, о чем можно было только мечтать.

Заботы о полке заставили меня уехать раньше окончания конгресса. При помощи Фрунзе мне удалось быстро отправить амуницию, которая прибыла в Верный одновременно со мной.

Здесь мы устроили настоящий праздник. Получая новое обмундирование, каждый боец сознавал, что он получает подарок от самого Ильича, что пятиконечная звезда на его буденновке обязывает быть стойким солдатом революции, защитником идей великого Ленина.

На первомайском параде мы произвели настоящую сенсацию. Мы ехали на сытых конях, новые седла скрипели под всадниками, малиновые галифе горели на солнце. Полк был хорошо обучен, он представлял собой грозную силу, и эта сила была создана здесь на месте.

Первое боевое крещение полк получил вскоре после сформирования, участвуя в разгроме контрреволюционной шайки полковника Бойко. Нам сообщила областная ЧК, что в Софийской станице (ныне Талгар), Тургене, Джаланаше и Чилике созданы вооруженные белогвардейские отряды, готовые по первому сигналу выступить против Советской власти. Главарь шайки Бойко находился в городе и был арестован. Выступления можно было ожидать с часу на час. Нужно было действовать быстро и решительно.

Учтя обстановку, мы разбили полк на несколько отрядов и двинули их на поселки, где действовали белогвардейцы. Сам я с эскадроном поскакал в Чилик.

* * *

Полковник Бойко — командир белогвардейского Приилийского полка — весной 1920 года сдался красным в Капале вместе со всем гарнизоном.

Советская власть поверила раскаянию сдавшихся, поверила, что они искренне сложили оружие. Казаки были отправлены в Верный, старше 30 лет отпущены по станицам, остальные мобилизованы. Репрессивные меры не применялись и по отношению к офицерскому составу.

Однако Бойко подло обманул Советскую власть. Прикидываясь искренне разоружившимся, находясь в стороне от только что подавленного в Верном мятежа, он исподволь готовил новый большой мятеж, организуя вокруг себя кулачество. Из Верного Бойко при помощи своих агентов сколачивал вооруженные отряды в Софийской станице, в Тургене, Джаланаше и Чилике.

Верненская ЧК раскрыла преступные замыслы полковника буквально накануне его выступления. Отряды белогвардейцев уже были созданы в каждом из этих поселков, причем в Чилике находились большие запасы оружия.

Наш эскадрон застиг бандитов врасплох. Даже не пытаясь отстреливаться, они бежали в Тау-Чиликские горы. Мы захватили до трех тысяч винтовок, бомбы и пулеметы. Преследуя белогвардейцев в горах, мы выдержали несколько стычек, которые окончились полным разгромом шайки. Так же успешно закончили свои операции другие отряды Дунганского полка.

После разгрома Бойко полк выступил в Джаланашскую волость Джаркентского уезда. Этот район подвергался постоянным налетам анненковского полковника Сидорова, скрывавшегося со своими бандами за китайской границей.

На всем пути от Джаркента бедняцкое население аулов встречало нас с радостью. Оно видело в нас избавителей от ненавистных «алтын-погонов», которые несли рабство и нищету. Зато баи шакалами разбегались при нашем появлении. Они бежали искать защиты у Сидорова.

Много было стычек на узких горных тропинках. Много раз поднимались и опускались наши клинки. Особенно запомнился один вечер. Мы только что устроились на привал, как прибежали испуганные пастухи и рассказали, что по Ахкентской дороге идут сидоровцы. Бойцы быстро оседлали коней. Двести всадников поскакали в обход.

Сидоровцы были встречены лобовым огнем. Не давая им времени опомниться, мы взяли их в клинки. Произошла страшная рубка. Обходной отряд, вынырнувший из-за скалы, решил

участь противника. Мы гнали Сидорова до рассвета и навсегда изгнали из пределов области.

Вскоре после возвращения в Верный я получил распоряжение штаба Туркфронта явиться со своим полком походным маршем в Ташкент, чтобы отправиться на борьбу с басмачами. Басмачество разжигалось темными контрреволюционными силами, организовывалось байством. Особенно страдала от него плодороднейшая Ферганская долина.

Когда я сказал бойцам, что мы пойдем бить басмачей, полк необычайно воодушевился. Всем хотелось настоящего дела, каждый мечтал отблагодарить Ильича за его любовь и заботу.

Выезжая из Верного, я получил просьбу от кара-кунгузских дунган заехать в Кара-Кунгуз, где родился и вырос мой отец. Я понял это желание. Трудящиеся дунгане хотели посмотреть на своих сынов, ставших красноармейцами, проститься с ними перед дальним походом.

Нас встретили в Кара-Кунгузе, как встречают в отцовской юрте самых любимых сыновей. Мы были приняты как герои, для нас резали лучших баранов, угощали первейшим кумысом. Я рассказал кара-кунгузцам о Ленине, о революции, о Москве, о басмачах, которые, выполняя волю богатых, борются против Советов.

Когда я кончил свою речь, самый старый дунганин вышел вперед и сказал:

— Ма Сан-чи! Мои колени дрожат, и мне уже не вынуть саблю из ножен. Будь я молод — мой конь не отстал бы от твоего в походе. Я поехал бы с вами рубить басмачей и защищать бедняков от богатых.

Старику подали красный шелковый сверток. Он поднял его над головой, точно знамя, и продолжал:

— Вот здесь,— сказал он,— священные реликвии нашего народа. Здесь палка Байян-ху,[1] на которую он опирался, очки, которые воздвигал на мужественное лицо, палочки, которыми ел рис. Мы даем эти вещи тебе, Ма Сан-чи, в знак преданности и уважения к человеку, говорившему с Лениным. Иди и уничтожай врагов всех народов, которые хотят быть свободными.

Старик развернул шелк и вынул потемневший бамбук.

— Возьми эту палку и да будет ваш путь таким же прямым, как она.

— Пусть будут глаза ваши зорки на врага, как зорок был Байян-ху, надевая эти очки.

---

[1] Байян-ху — вождь дунган, восставших около 200 лет назад против владычества китайского императора.

— Пусть будут сыты ваши бойцы, как был сыт Байян-ху, опуская эти палочки на циновку.

Я взял эти вещи и вместе с бойцами дал клятву быть беспощадным к врагу.

Когда на рассвете другого дня мы покидали Кара-Кунгуз, нагруженные снедью, провожаемые пожеланиями всяческого добра, нас догнала группа всадников из десяти человек. Это были старики, отцы бойцов из отряда — Кимр Джаван-чан, Сулар Люшан-ло, Мыр Хыр, Вангар-маян и другие.

— Нас выделило общество,— сказали они.— Вы молоды, кровь ваша горяча. Утомясь в походах, вы можете уснуть ночью крепче, чем нужно. Мы будем постоянными дозорными в вашем полку... Прими нас, Ма Сан-чи, и ты не пожалеешь.

Старики поехали с нами.

В Сокулуке, за Пишпеком, дунгане подарили мне жеребца «Кок-шамал», что значит «серый ветер». Это был знаменитый жеребец — о нем пели песни. Он мчался как ветер и подобно кошке мог перейти через бурный поток по узенькому бревну.

* * *

Полк вступил в Фергану.

Нас встретили зарева пожарищ и разгул басмаческих шаек. Еще в 1920 году М. В. Фрунзе писал:

«Два с лишним года житница Туркестанского края — Фергана — является ареной кровавой борьбы. В то время как в остальной России и Туркестане внутренняя борьба закончена полной победой рабочего класса, здесь она длится и продолжает разорять область».

Басмачи вконец обнаглели. Это была их последняя ставка. Они агонизировали.

«Чувствуя потерю почвы под ногами, видя наступление новых порядков, при которых не может быть места произволу и насилиям,— указывал Фрунзе,— все эти бандиты делают сейчас последние усилия удержать страну в состоянии анархии, и, не имея оплота в местном населении, они ищут его за рубежом в английском, афганском и бухарском золоте и оружии».

С басмачами надо было кончать. Мы получили приказ вымести бандитскую нечисть из долины. Началась упорная и напряженная борьба. Линии фронта как таковой не было. Басмаческие шайки появлялись в разных местах с головокружительной быстротой. Они действовали из-за угла и казались неуловимыми. Они ускользали из наших рук. Их покровители — баи сидели в каждом кишлаке. Они пользовались световой сигнализацией. Стоило нам выйти из селения, как сзади загорались костры. Яркие световые точки сообщали соседним кишлакам о

приближении отряда. Басмачи уходили от открытого боя. Шакальей стаей кружили вокруг полка. Застать врасплох, напасть под покровом ночи на спящих — таковы были их затаенные мечты.

Мы долго охотились за басмачом Максумом. Это был ловкий головорез. Он хотел нас перехитрить. Дело было в кишлаке Сузак. Мы сделали короткий привал. Изнуренные тяжелым переходом, бойцы безмятежно спали. Бодрствовали наши посты и старик Кимр Джаван-чан, прозванный «Бессонница».

В два часа ночи будит меня Джаван-чан.

— Мне есть что сказать командиру Ма Сан-чи.

— Что хочет Джаван-чан? — спросил я.

— Джаван-чан слышит, как камни падают с гор. Надо поднимать отряд, командир. К нам идет собака Максум. Камни вырываются из-под ног коней его.

Я дал тревогу. Два эскадрона бесшумно выступили навстречу Максуму.

С гор спускался отряд. Впереди на белоснежном ахал-текинце ехал Максум-курбаши. Об его коне ходили легенды. Он был подарен царем Николаем эмиру бухарскому. Из эмирских конюшен он попал к Максуму.

— Мы возьмем живьем собаку Максума? — спросил меня Кимр-«бессонница», которому было жаль лошадь.

Я отдал приказ лечь в засаду и ждать сигнала. На правом фланге притаился пулемет. Ничего не подозревавший Максум продолжал спуск. Бандитов было около пяти сотен. Они спускались в абсолютном молчании. Безразличная луна вышла из-за туч. Вот уже всадники вступили в долину. Кони переходят в карьер. Ближе. Еще ближе... Первая порция свинца пришлась бандитам не по вкусу. Не давая им опомниться, мы открываем ураганный огонь. Басмачи дрогнули. Еще один залп — и они бегут.

— Назад! — орет Максум и машет белой папахой.— Назад в горы!

Поздно, курбаши Максум! Фланговый пулемет вступил в дело. Свинцовая струя отрезает бандитам путь.

— Собака Максум скоро увидит Магомета,— говорит мне Кимр-«бессонница», и плечи его трясутся от беззвучного смеха. Мы прекращаем огонь. Посылаем парламентеров.

Максум сдался.

Кимр Джаван-чан взял под уздцы белоснежного текинца и повел его в кишлак.

Кроме Максума, в долине орудовали курбаши Исраилов, Альянов, Муйдюн и Киргызбаев. Мы били врагов их же оружием — внезапностью и быстротой. Мы днем и ночью пресле-

довали басмачей. За месяц наши эскадроны сделали 26 рейдов. Трудящиеся дехкане встречали нас с огромной любовью. Дунганские конники на своих клинках несли им мирный труд. Наш полк начал пополняться добровольцами. Почти в каждом кишлаке в штаб приходили молодые парни. Они просили их взять с собой.

— Басмачей будешь бить? — спрашивал их Кимр-«бессонница», который очень любил беседовать с новичками.

— Буду.

— Хороших коней видал? — и не ожидая ответа, уводил новичка к ахал-текинцу. По дороге он со смаком рассказывал, как собака Максум хотел обмануть красных дунганских конников, за что поплатился головой и лошадью.

Десять стариков, которых выделили трудящиеся дунгане на собрании в Кара-Кунгузе, оказались замечательными стариками. Как сыновья, любили их бойцы. Нельзя не вспомнить боевого эпизода, в котором главную роль играл старик Вангар-маян.

Это было в Джалал-Абадском районе. Разведка нашего эскадрона ушла далеко вперед. Сзади всех на пегой кобыле ехал Вангар-маян. Он задумался, ослабил поводья, тихо покачивался в седле, по-стариковски шевелил губами. После он рассказывал, что вспоминал последнюю свою беседу с аульным бедняком. Тот жаловался на басмачей. «Они увели у меня последнего коня,— говорил он.— Я теперь разорен».

Сумерки переходили в ночь. Торжественная тишина опустилась на землю. Где-то заухал филин. Приученная кобыла бережно несла всадника. Взошла луна. Вангар-маян удобнее устроился в седле. Вдруг где-то совсем близко прозвучал выстрел. Следом второй. Засада! Это было так неожиданно, что передовые всадники повернули коней.

— Вперед! — заорал по-китайски Вангар-маян и дал шпоры кобыле. Всадники бросились врукопашную. Вангар-маян на ходу расстегивал гимнастерку. Зарево ненависти осветило его глаза. Наконец-то он схватился с бандитами! Он отомстит за разрушенные кишлаки! За поруганных девушек! Долой одежду! Он покажет, как дерется красный дунганский конник. И обнаженный до пояса с клинком в руке, неистовый старик врезался на полном скаку в центр вражеской засады.

Басмачи дрались с мужеством отчаяния. С минуты на минуту они ждали подкрепления. Следом шел их основной отряд. Вангар-маян рассвирепел. Первыми взмахами клинка он зарубил двух всадников. Изрыгая проклятия, полуголый Вангар-маян тяжелыми ударами крошил басмачей. В горячке он нечаянно полоснул свою кобылу по ляжке. Кобыла присела и страш-

ным прыжком вынесла его из побоища. Она упала, извиваясь от боли. Кровь оросила сухую землю. Вангар-маян пеший бросился на врага.

Остатки басмачей, бросив убитых, обратились в бегство.

...В жестоких схватках проходили боевые дни. Постепенно в Ферганской долине водворялся революционный порядок. В кишлаках все больше и больше говорили о хлопке, посевах и урожаях. На полях спокойно работали дехкане. Наши бойцы порядком устали. Поизносились. Требовался отдых. Нам был дан приказ отправиться в сердце Голодной степи — в Конногвардейский поселок. Но отдыхать пришлось немного, всего шесть дней. Неожиданно прибыла телеграмма, что на станции Урсатьевской неистовствует басмач Халбута. Этот головорез славился исключительной жестокостью. Телеграмма предлагала нам выбить его со станции. Мы обрушились на голову басмачей, как горный обвал. После двухчасового боя Халбута бежал.

«Станция очищена,— телеграфировал штаб,— ждем дальнейших распоряжений».

Немедленно же получили приказ — уничтожить остатки банды. Так началась двухмесячная охота за Халбутой. Он уходил в горы. Путь его был отмечен заревами пожарищ и изуродованными трупами. По дороге бандит захватил транспорт с оружием. Караульная команда была загнана в мечеть и сожжена. Это был последний «подвиг» затравленного зверя.

Вскоре банда Халбуты была рассеяна. Мы вернулись на станцию Урсатьевскую.

Шел 1922 год. Ферганская долина возвращалась к мирному труду. Дунганский полк получил приказ о демобилизации. Бойцы отправлялись в родные кишлаки...

М. Наурузов

ЗА РОДНУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

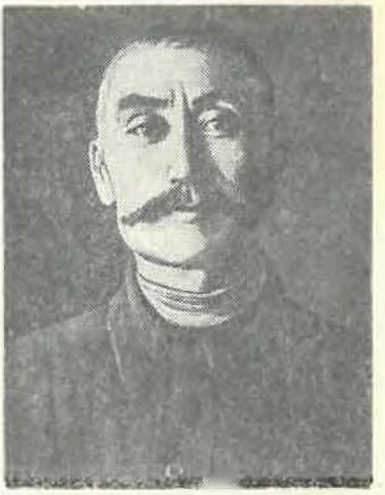
Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции уйгурская беднота города Верного встретила с большой радостью. Многие уйгуры, в том числе Кабир Ахметов, Саут Даутов, Айтахун Искаков, Вали Гаитов и я, приняли участие в установлении Советской власти в Верном.

Шло лето 1918 года — первые месяцы после установления Советской власти в области. Мы — выходцы из уйгурской бедноты, вступившие добровольцами в Красную гвардию, были зачислены в третью караульную роту, которой командовал Иван Перчиков. В роте было много казахов, уйгуров и дунган. Нас вооружили четырехлинейными берданами, которые мы в шутку называли «саксаулом», и вменили в обязанность нести караульную службу по охране важных объектов города. В то же время мы проходили усиленную военную подготовку.

После выполнения программы военного обучения рота была влита в отряд Петренко, который отправлялся на Северный Семиреченский фронт. Отряд с боями прошел по Капальскому и Лепсинскому уездам, подавляя контрреволюционные кулацкие

мятежи в казачьих станицах. Мы выдержали бои под Капалом, Саркандом, Лепсинском, Антоновским и Тополевкой.

Первый серьезный бой (для многих из нас это было первое боевое крещение) был под Капалом. В этом бою моего товарища Саута Даутова смертельно ранили, и он умер тут же на поле боя. Взяв Капал, мы в первую очередь освободили арестованных белоказаками защитников Советской власти. В Капале мы захватили трофеи, и многие бойцы, в том числе и я, вооружились трехлинейными японскими винтовками.



НАУРУЗОВ Мансур Наурузович (р. 1887 г.). Активный участник борьбы за победу Советской власти в Семиречье. После гражданской войны член союза «Кошчи», работник советской торговли. Ныне—пенсионер.

Местность была незнакомая. Тяжелые бои в течение нескольких суток шли в Сарканде. Наступали мы по открытому полю. А противник находился в укрытиях и из бойниц стрелял разрывными пулями. У нас были большие потери. От Сарканда мы двинулись в сторону города Лепсинска. С боями взяли Антоновское и Тополевку и вступили в Лепсинск. Затем мы пошли на Аксу, откуда нас вернули в Верный.

Здесь рота поступила в распоряжение Шагабутдинова и по его приказу была переформирована в конную разведку. Осенью 1919 года наша часть под командованием Ма Сан-чи принимала участие в подавлении кулацкого мятежа в районе Пржевальска.

Летом 1920 года начался контрреволюционный мятеж в Верном. Мы несли караульную службу при уполномоченном Реввоенсовета Туркфронта Д. А. Фурманове. В составе бойцов охраны Фурманова и Шагабутдинова я прибыл в крепость. Вместе с Фурмановым мы тоже были арестованы.

После освобождения из-под стражи я, как хорошо знающий местность, был отправлен по Капальскому тракту на почтовую станцию Карасу с пакетом, в котором было распоряжение Фурманова шедшему в город кавалерийскому полку. Пакет был доставлен вовремя. Вскоре полк вступил в город. К утру мятежники были обезоружены, в Верном установилась нормальная жизнь.

К. Тохтимаматов

СУРОВАЯ ШКОЛА ЖИЗНИ

, как и мои товарищи, провел свою молодость в нищете, с неимоверными трудностями добывая кусок черствого ячменного хлеба. Нас нещадно эксплуатировали и издевались над нами баи и царские чиновники. Мы были неграмотны, не имели представления о культуре, носили чорук (лапти), рваную одежду.

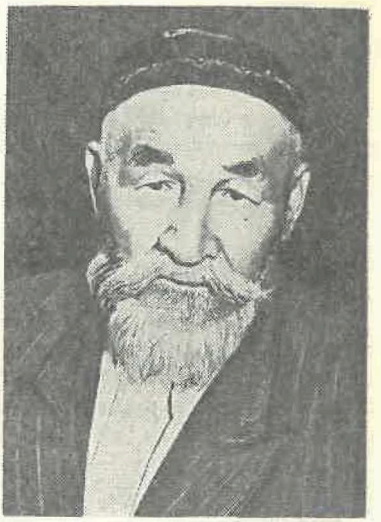
Я не учился в школе, но зато прошел суровую школу жизни. Ничего особенного я не сделал, но как коммунист всегда выполнял волю партии.

Сейчас мне 75 лет. Мой отец и мой дед всю жизнь батрачили у баев. Как и все батраки, отец был лишен всех человеческих прав. Полуголый, полуголодный, день и ночь работал он на богатеев и не мог прокормить семью — мать и меня.

В семилетнем возрасте я пошел по стопам отца. На всю жизнь запомнил я эту бесчеловечную эксплуатацию, издевательства и побои. Мать также работала на баев.

В нищете и муках умерли мои родители. Росла моя ненависть к угнетателям. В поисках работы и средств к существованию, в поисках справедливости, голодный и оборванный, я пришел в 1916 году в Верный. Работу пришлось искать долго. Наконец, я устроился учеником в сапожной мастерской. Здесь рабочих также сильно угнетали. То же бесправие, те же тяжелые материальные условия.

Я познакомился с передовыми русскими рабочими, которые помогли мне не только стать мастером-сапожником, но и познать законы классовой борьбы. От них я узнал, что существует партия большевиков, вождем которой является Владимир Ильич Ленин, что партия эта борется за освобождение народа от векового гнета, за счастливую светлую жизнь трудящихся независимо от национальности, расы. Я не помню фамилий этих друзей, звали их Иваном, Николаем и Василием.



ТОХТИМАМАТОВ КУРБАН (р. 1874 г.). член КПСС с 1918 г. Во время гражданской войны — один из организаторов профсоюзного движения в Семиречье. В последующие годы — участник колхозного строительства. Ныне — персональный пенсионер.

В 1918 году, когда после установления Советской власти в Верном создалась ячейка уйгурских коммунистов, я одним из первых вступил в ряды партии коммунистов. За меня поручились А. Розыбакиев и У. Джандосов.

Прошло некоторое время, и меня избрали председателем Верненского городского комитета Союза батраков. Эта организация играла важную роль в борьбе за укрепление Советской власти.

Я участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Верном в 1920 году.

Тогда я еще не умел даже расписаться, на все постановления, распоряжения и другие документы я прикладывал палец. Секретарь обкома партии прикрепил ко мне уйгурского учителя. Через некоторе время я уже мог подписаться под документом. В те дни обком партии часто направлял меня в уйгурские кишлаки для создания и укрепления советских и партийных организаций.

Л. Отмар-Штейн

ВОСПОМИНАНИЯ О ДМИТРИИ ФУРМАНОВЕ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

августа 1919 года Михаил Васильевич Фрунзе был назначен командующим Туркестанским фронтом.

Партия поставила перед ним большую и ответственную задачу: руководимые М. В. Фрунзе части Красной Армии должны открыть дорогу на Туркестан. В августе же Д. А. Фурманов был отозван из Чапаевской дивизии и откомандирован в Политуправление Туркестанского фронта.

Вот в эти дни я и пришла в белое большое здание в Самаре — в Политуправление фронта и познакомилась с Дмитрием Андреевичем Фурмановым.

Я ничего толком не знала про большевиков, но шла к ним потому, что страстно желала помогать их борьбе за народное счастье.

Впервые переступила я порог рабочей комнаты Фурманова с волнением и даже страхом. Меня встретил взгляд глубоких, темных глаз на красивом молодом лице. Высокий духовный облик Фурманова отражался во всей его внешности.

Черный военного покроя френч хорошо сидел на стройной фигуре. Фурманов был необыкновенно аккуратным человеком. Неряшливость в работе, в одежде он никому никогда не прощал.

В период напряженных дней верненского мятежа, когда «смерть стучала нам по вискам», когда проводились ночи без сна, Фурманов, как всегда, был подтянут.

Никогда Фурманов не был равнодушным, безучастным к людям, с которыми работал или сталкивался. Вот так и со мной. Подробно расспросил о работе, кто я, где училась, почему пошла в Красную Армию.

— А вы знаете о том, что нам надо скоро двинуться в Туркестан,— спросил меня Фурманов, и в его темных глазах, устремленных на меня, я увидела приветливое ободрение.

Робость, владевшая мной, исчезла; мне было легко говорить с Фурмановым. Естественная и простая манера его держаться, разговаривать, его внимание, приветливость обласкали, подбодрили меня.

Фурманов был из тех людей, которые с первой минуты знакомства внушают чувство симпатии и доверия.

Он умел ценить верных людей. Перед дверью рабочей комнаты Фурманова в политотделе фронта всегда сидел его вестовой — спутник в гражданской войне — Медведич. Он ревниво оберегал покой Дмитрия Андреевича. Бывало, идешь по делу к Фурманову и встречаешь взгляд Медведича, словно говорящий: «Не напрасно ли беспокоишь?»

Запомнился один разговор с Фурмановым. Вечером, перед уходом с работы, я принесла бумаги.

— А Медведич меня ждет. Он мой земляк, из Иванова. Вместе прошли с ним боевой путь Чапаевской дивизии; вот и в Самару со мной приехал. Привязались друг к другу. Верных людей беречь надо,— сказал Фурманов, поднялся с кресла, провел рукой по волосам (его обычный жест), прошелся по комнате...

Таким запомнился мне Фурманов с первой встречи с ним. И это впечатление духовной красоты и жизненной силы осталось неизменным на всю жизнь.

ИЗ САМАРЫ В ТАШКЕНТ

Январь 1920 года. Только что сломлена последняя преграда между Советской Россией и Советским Туркестаном. На восток двинулись эшелоны Красной Армии. В конце января отправился в Туркестан и штаб фронта во главе с М. В. Фрунзе.

От Самары до Ташкента ехали с 25 января по 23 февраля.

Это был необыкновенный переезд. Вот как его описывал Михаил Васильевич Фрунзе в телеграмме В. И. Ленину: «6 февраля прибыли в Актюбинск. Условия передвижения неописуемы. Поезд два раза терпел крушение. Дорога в ужасном состоянии. Начиная от Оренбурга, все буквально замерзает. На топливо разрушаются станционные постройки, вагоны и прочее. Бедствия усиливаются свирепствующими буранами и заносами. Кроме воинских частей, работать некому, а части раздеты и разуты»...

Медленно двигался поезд по снежным равнинам. За окнами неистовствовал ветер, гремели крыши вагонов, словно по ним кто-то бегал вперегонки. В эти долгие и физически очень трудные дни мы, «пассажиры», еще больше тянулись друг к другу. Мы становились проще, откровеннее, лучше раскрывался характер каждого. Такому единению во многом способствовал Дмитрий Андреевич...

Помню день, когда оба наши состава соединились во время общей длительной остановки. Двигаться дальше нельзя: кончилось топливо. Фурманов часто приходил в наш вагон. По вечерам, при блеклом свете фонарей, собирались мы вокруг Дмитрия Андреевича — и лилась, лилась песня. Запевал всегда Фурманов. Как любил он петь! Румянец вспыхивал на лице, глаза блестели. Русский человек во всем, он страстно, всей душой любил русские народные и революционные песни. Поглядывая на жену, говорил:

— Ная, споем!

И они начинали тихо, выбирая для начала какую-либо старинную песню, а кончали бурно, обязательно боевой, вроде «Смело мы в бой пойдем...»

Во время этих встреч, происходивших в необычайной обстановке нашего переезда, передо мной раскрывался внутренний мир Фурманова, особенно тогда, когда он рассказывал о Чапаеве, о бойцах Чапаевской дивизии.

— Этот простой человек,— говорил Дмитрий Андреевич,— очень хорошо представлял себе, что такое классовый враг. А в борьбе с этим врагом Чапаев не знал страха, потому что им руководила преданность революции, постоянная готовность вступить в бой за нее, стремление добыть людям счастье.

Видимо, уже в те дни 1920 года Фурманов вынашивал мысль написать книгу о Чапаеве,— он как бы уточнял для себя факты, образы, мысли. В дневниковых записях Фурманова сказано: «Думал, думал о разном и вдруг стала проясняться у меня повесть, о которой думал неоднократно прежде,— мой Чапаев. Ее надо сделать прекрасной. Увлечен... увлечен, как никогда».

Д. А. Фурманов с группой товарищей, отъезжающих в Верный, среди них автор воспоминаний Л. Отмар-Штейн (первая слева).

...Топлива нет, но выход найден. Получаем непиленые дрова. В вагонах объявляется, чтобы все выходили на распиловку дров. И работа пошла при личном и активном участии М. В. Фрунзе и Д. А. Фурманова.

ПО ВЕРНЕНСКОМУ ТРАКТУ

Март 1920 года. Весна в Ташкенте. Синее небо, яркое солнце. Разительный контраст со снежным суровым февралем, с которым мы только что расстались. Аллеи пирамидальных тополей, оживленный узбекский говор, яркость одежды — все это поражало и удивляло.

Горячие, боевые дни тогда были в Туркестане. Кругом огонь басмаческих восстаний. Назревал верненский мятеж. Обстановка с каждым днем становилась сложнее. В помещении Реввоенсовета в любое время ночи светло. Борьбу приходится вести на два фронта — против великодержавных шовинистов и против местных националистов, которые всячески провоцируют межнациональную рознь.

Вскоре Фурманов был назначен уполномоченным Реввоенсовета Туркфронта в Семиречье. Уезжали из Ташкента в теплый, солнечный день. Перед отъездом решили сфотографироваться вместе с Дмитрием Андреевичем. Конечно, каждый подолгу прихорашивался. Я посмотрела на Фурманова. Уж он-то не подойдет к зеркалу,— думала я. И в этот момент поймала его взгляд. В глазах Дмитрия Андреевича мелькнуло шутливое лукавство. Он откинул голову назад и старательно пригладил волосы, потом ободряюще кивнул мне, как бы говоря: «Да, да, это надо сделать».

Эту фотографию с автографом Фурманова я храню, как дорогую реликвию.

До станции Бурное добрались поездом. Оттуда проехали 600 верст на лошадях по Верненскому почтовому тракту.

Останавливались на глухих почтовых станциях. Дмитрий Андреевич сейчас же просил чаю. Чай был его страстью, причем он любил, чтобы наполняли стакан до краев, не пролив при этом ни одной капли на блюдце. Если он замечал, что наши запасы еды выкладывались не все, то категорически заявлял: «Давайте все на стол и угостим хозяев». Фурманов любил угощать, особенно детей.

На каждой длительной остановке Фурманов, как правило, проводил собрания жителей, не уставая разъяснял им политику партии по национальному вопросу. В то же время он старался

глубже понять обстановку. А после разговора с людьми обязательно вынимал свою толстую клеенчатую тетрадь и старательно что-то заносил в нее.

Вообще, надо сказать, писал он тогда очень много. Он мог это делать и за обедом, и поглядев в окно или вычитав что-то из книги, но чаще всего ночью. У него было редкое умение предельно точно и выпукло рассказать о том, что он видел и знал. Иногда, как бы шутя, он начинал «обыгрывать» какую-нибудь приглядевшуюся ему деталь, и перед нами вдруг вырастал чудесный, сочный, полный жизни сюжет.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность казахам и киргизам строить социализм вместе со всеми народами Советской страны. Интерес к жизни казахов и киргизов у Д. Фурманова был необычайно велик. Он верил, что казахский и киргизский народы построят свободную счастливую жизнь. Дмитрий Андреевич углубленно изучал директивы партии по национальному вопросу.

Ярко воскресает в моей памяти страстный спор, который произошел у Д. Фурманова с товарищем, ехавшим вместе с нами.

Дело в том, что наши ямщики— казахи и киргизы,— сидя на облучке, всегда пели. Звенели бубенцы, и гортанные звуки незнакомой песни часами сопровождали нас. Фурманов страстно интересовался содержанием песен ямщиков.

— Народная песня должна выражать думы и тревоги, мечтанья и радости народа,— говорил он.

Товарищ возражал и заявлял, что песня казаха не выражает его переживаний и, тем более, социальных мотивов. Казах просто поет о том, что видят его глаза на степном пути.

— Нет, нет! Вы не знаете языка, вы не знаете истории этого народа и вы не правы. Я слышу искренность, живое чувство в песне,— говорил Фурманов.

— Без радости не может жить и человек угнетенный. Песня — радость, плод народного творчества у казахов, как и у всех других народов,— утверждал Дмитрий Андреевич.

В те дни на Верненском тракте Фурманов записал в своем дневнике: «Каждый город — Уфа, Уральск, Самара — имел свое лицо. Каждый открывал и завершал собой красивую полосу жизни, с каждым связана целая груда воспоминаний. Ну, а ты что дашь мне, далекий, неизвестный, диковинный Верный? Думаю, что расцвету, размахнусь в творческой работе, обнаружу то, что было скрыто, что накопилось, прибавилось, что нужно отдать куда-то во вне. Отдать кому-то другому для чего-то неведомого, но крупного, нужного, как ветер, как воля, как

мысль. Я люблю тебя, труд, в любой обстановке, полюблю тебя и здесь. А если уж полюблю, я зацеплю тебя в объятия, я вдохну в тебя свой юный дух».

В ВЕРНОМ

Наконец, приехали в Верный. Фурманов тотчас же сам занялся размещением всех нас. Поселились в гостинице, известной в городе под названием «Белоусовские номера».

— Тебя, Лидочка,— со вздохом заявил он,— придется поместить в одной комнате с комиссаром, больше нет свободных комнат.

Смущение овладело мной. Робко постучала я в дверь. Молодой женский голос ответил:

— Войдите.

Меня встретила незнакомая девушка. Свежее, круглое, с серыми глазами и милой, приветливой улыбкой лицо. Стройная фигура охвачена черной кожаной курткой, на военного образца поясе — наган. Девушка (не запомнила ее фамилии) действительно оказалась комиссаром одной из частей Красной Армии. Вскоре мы стали с ней друзьями.

Спустя несколько дней Фурманов сказал мне:

— Шутка шуткой, а я ведь нарочно поселил тебя с комиссаром. Знал, что дружба с ней будет тебе полезна.

Работая в управлении уполномоченного Реввоенсовета фронта, я постоянно, изо дня в день, бывала с Фурмановым. С большим энтузиазмом, я сказала бы — вдохновенно, стараясь все понять, со всем ознакомиться, входил он в новую работу. Обширен был круг проблем, которые он решал: здесь и постановка партийной работы, и вопросы национальных взаимоотношений, и хлопководство, и животноводство. Обращаясь к крестьянам Чуйской долины, он от имени Советской власти поставил задачу превратить пустынные земли в долину богатых нив и садов. Он организовывал съезды и конференции. Он не забывал и о том, что возвращающимся из Китая беженцам казахам нужна срочная помощь.

Фурманов настойчиво и последовательно осуществлял в Семиречье указания партии по национальному вопросу, он лично читал нам письмо Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана».

Фурманову принадлежит целый ряд воззваний. Утром на работе в управлении уполномоченного Реввоенсоветом меня ежедневно ждали рукописи Фурманова, четко, аккуратно написанные.

Фурманов не терял связи с иваново-вознесенскими рабочими. Он систематически посылал свои очерки в газету города Иваново «Рабочий край». В Семиречье он рассказывал о достижениях русских рабочих. В Иваново он посылал очерки о достижениях и борьбе казахских рабочих и крестьян.

Я хорошо помню целый ряд практических организационных мероприятий в Верном, инициатором которых был Фурманов. Все эти мероприятия были направлены на укрепление чувства взаимного уважения и дружбы между казахскими работниками и работниками, прибывшими из Центра. Так были организованы курсы для изучения прибывшими товарищами казахского языка.

Фурманов созвал всех нас и потребовал, чтобы явка на занятия была обязательной и аккуратной.

— Нельзя работать без знания языка,— говорил он.— Душу народа нам знать надо, а ведь только изучение казахского языка поможет нам в этом.

С каким увлечением и интересом относился он к этим занятиям! При всей своей занятости Дмитрий Андреевич всегда готовился к уроку и первый отвечал.

Вспоминается, как относился Фурманов к организации партийной школы, руководство которой было поручено Алеше Колосову. Он лично проверял состав курсантов.

— Нам нужны подготовленные казахи, киргизы, уйгуры и дунгане. Весь смысл организации школы в этом,— говорил он.

Фурманов неоднократно посещал курсантов и беседовал с ними. Мне часто приходилось вызывать в Управление Колосова для беседы с Фурмановым о работе школы.

Особенно волнующе и близко воспоминание о создании театральной труппы политотдела третьей Туркдивизии. Жена Фурманова, Анна Никитична, занималась в политотделе дивизии театральными делами. Она создала первую передвижную театральную труппу в Верном.

Какое же это было знаменательное событие — первый спектакль! Зал переполнен. Среди зрителей Д. А. Фурманов, начдив Белов, работники штаба дивизии, красноармейцы. Очень много местных товарищей — казахов, киргизов, уйгуров...

За всеми этими делами, сложными и бесконечными, Дмитрий Андреевич не забывал о своих товарищах по работе. Дружной, единой семьей жили мы в Верном. Всех нас объединял Фурманов. Квартира Дмитрия Андреевича и Анны Никитичны была всегда гостеприимно открыта для каждого из нас. По праздникам для гостей обычно готовилось какое-либо особенное угощение, частенько пельмени, которые любил Фурманов.

Хорошо запомнился эпизод, который ярко характеризует Фурманова. Всем нам выдавались продукты, обмундирование и

Газета «Учкун» («Искра»).
орган Семиреченского обкома партии и облисполкома
Выходила в 1919—1920 гг.

керосин. Какие-либо должностные привилегии категорически отвергались Дмитрием Андреевичем. Однажды ему принесли керосину значительно больше, чем полагалось. Какой это был скандал для тех, кто так распорядился!

БЕССТРАШНЫЙ БОЕЦ ЗА КОММУНИЗМ

Между тем политическая обстановка в Семиречье осложнялась. В небольшом доме, где размещалось управление уполномоченного РВС Туркфронта, шла напряженная работа. Многих товарищей послали в другие города, в Верном осталась лишь маленькая группа коммунистов, приехавших с Фурмановым из Ташкента. Дмитрий Андреевич внешне был спокоен, но мы, хорошо знавшие его, видели, чего это ему стоило. «Тревога — тревога — тревога... Ох, какая близкая, жуткая, ощутимая тревога»,— этими словами Фурманова, написанными им впоследствии в «Мятеже», можно определить обстановку тех дней.

Враги Советской власти вели упорную контрреволюционную агитацию, пытались создать вокруг Фурманова атмосферу недоверия, скрытого противодействия. Активным заговорщиком был буржуазный националист, сын богатого бая, Тиракул Джиназаков. Какими-то путями ему удалось возглавить особую комиссию ЦИКа Туркестана по устройству беженцев, возвращавшихся на родину; используя их тяжелое материальное положение, он подстрекал их к выступлению против Советской республики.

Вскоре нам стало известно, что люди Джиназакова собирают оружие, готовят покушения на советских работников. Фурманов распорядился арестовать Джиназакова. Как раз в это время был получен приказ Фрунзе о переброске частей, расположенных в Верном, в Фергану на борьбу с басмачеством. Местные контрреволюционеры пустились на все, чтобы сорвать выполнение этого приказа.

Кто-то освободил из тюрьмы белогвардейских офицеров. Кто-то присылал угрожающие анонимки, расклеивал по городу погромные воззвания. Приближалась катастрофа. А сил для отпора было мало. Воинские части, стоявшие в Верном, ненадежны.

Это произошло в ночь с 11 на 12 июня. Необычайно резкий голос Фурманова разбудил меня. Проснулась, еще не понимая, в чем дело, но с сознанием происшедшего несчастья.

— Вставай и приходи немедленно к нам.

Кинулась в комнаты Фурмановых. Там уже собрались коммунисты. Оказалось, что часть войск подняла контрреволюци-

онный мятеж. Командир батальона 27-го полка дрожащим голосом докладывал:

— Батальон вооружился. Где взяли оружие, не знаю. Ушел в полном составе в крепость. В батальоне много чужих, не знакомых мне лиц.

Я посмотрела на Фурманова. Суровость его лица поразила меня.

— Все ясно. Если победит враг — значит будет открыт новый фронт.

Фурманову не дали закончить. Все коммунисты как один встали. Колеблющихся не было. Решение: оставаться на местах, бороться, не жалея жизни.

...Семь дней и семь ночей длились переговоры с крепостью, где засели мятежники. Все это время мы спали не более часа в сутки. Заметно осунувшийся, Фурманов не терял присутствия духа. Он видел всех нас и все замечал. Для каждого у него было наготове слово ободрения.

Как-то встретил меня в штабе с винтовкой в руке, улыбнулся.

— Что, с винтовкой небось еще страшнее?

Я кивнула — это было так. Пристально глядя мне в глаза, со страстной силой убеждения он сказал:

— Нет, тебе не страшно. Ты — коммунистка!

...Вот лежит передо мной удивительно искренняя, до конца партийная книга «Мятеж». Человек, знающий, как даже смерть сделать партийным делом, сказал на ее страницах:

«Если быть концу — значит, надо его взять таким, как лучше нельзя. Погибая под кулаками и прикладами, помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза.

Умереть по-собачьи, с визгом, трепетом и мольбами — вредно.

Умирай хорошо. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — и в мозгах и в сердце, не жалей, что много растратишь энергии,— это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо...»

Глубокая идейная убежденность, твердая воля, точное знание обстановки, умение мгновенно ориентироваться — вот что помогло Фурманову бескровно ликвидировать мятеж и выполнить приказ партии о переброске семиреченских частей в Фергану.

Я уезжала в Ташкент в распоряжение Политуправления фронта. На прощание Дмитрий Андреевич сказал:

— Помни, что классовая борьба в Туркестане еще не кончилась. Ты теперь проверенный боец нашей партии, будь же всегда на передовой линии огня. Не подведи меня.

В ответ я горячо пожала руку этому замечательному человеку, подготовившему меня, как и многих других, к вступлению в ряды великой партии.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Осенью 1924 года я получила направление на учебу в Московский государственный университет.

Фурманов очень любил бродить по улицам Москвы.

— Каждая улица имеет свою интересную историю, свое лицо. Когда брожу по улицам Москвы, хорошо думается,— говорил он.

И вот в один из сентябрьских дней, когда уже смеркалось, я шла по Моховой улице и неожиданно встретила Фурманова. Он был без головного убора, в военной гимнастерке, с орденом Красного Знамени.

Заставив меня рассказать о моей жизни в столице, Дмитрий Андреевич только потом начал говорить о своей работе.

— Как писать, что писать — ух, какой это сложный вопрос! В наши дни надо это делать как-то по-особому. Для фарфоровых ваз есть фарфоровое время, а у нас оно стальное.

При всей своей занятости Дмитрий Андреевич не порывал связи со старыми друзьями. Приезжавшие в Москву земляки-ивановцы, соратники по боевой работе в Семиречье и на Кубани, чапаевцы — все считали своим долгом заглянуть к Фурмановым, всегда встречая там душевный прием, а когда нужно, то и неизменную товарищескую поддержку.

Весной 1925 года вышла из печати книга Фурманова «Мятеж».

Вскоре мне позвонил по телефону Дмитрий Андреевич и сказал, что приехали товарищи в Москву, собрались друзья и мне надо приехать. Захватив букет ландышей, помчалась. Вхожу и застаю целый пир. Много гостей — командиры Чапаевской дивизии, товарищи по работе в Верном. Стол накрыт торжественно и празднично. Фурманов — красивый, нарядный, приветливый. Оживленный праздничный шум нарастал в маленьких комнатах квартиры Фурмановых. Не могли нарадоваться друзья встрече, не могли наговориться. Тост следовал за тостом. Однако меня поразило лицо Фурманова: несмотря на оживление, на его лице лежали тени усталости и озабоченности.

На следующий день, когда мы вновь собрались, Дмитрий Андреевич отказался поехать с нами за город. Как ни уговаривали его отдохнуть, он был неумолим.

— Надо работать, я не могу терять время,— сказал нам Фурманов.

Моя последняя встреча с Фурмановым произошла в скорбные дни похорон М. В. Фрунзе в ноябре 1925 года. Велико было горе Д. Фурманова. Фрунзе был для него самым дорогим человеком, он рекомендовал Фурманова в партию. Под руководством Фрунзе Фурманов работал, мужал политически, прошел героическую школу гражданской войны. Дневниковые записи Фурманова талантливо рисуют облик замечательного большевика и народного героя Фрунзе.

Печальна была наша встреча.

8 марта 1926 года в международный женский день я прочла в газете «Правда» статью Фурманова.

Думала ли я в этот день, что дни жизни Фурманова сочтены... Фурманову было только 34 года. Сколько было у него замыслов, прекрасных и светлых.

Фурманов работал до последнего дня, пока высокая температура не свалила его. Коротка, но ярка и полноценна была жизнь Фурманова, отданная Коммунистической партии и родному народу.

Он служил народу, родине, партии страстно, талантливо, умно, восторженно.

Г. Шредер

АЛМА-АТА — МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА

В ноябре 1917 года я вместе с некоторыми другими бывшими военнопленными вступил в ряды Красной гвардии. Наш отряд участвовал в боях за освобождение Оренбурга, мы отстаивали Илецк.

Летом 1918 года наш красногвардейский отряд влился в первый Туркестанский полк, командиром которого был Попов. К этому времени я уже был принят в ряды большевистской партии.

Туркестанский полк сражался за Советскую власть в Фергане и в других районах Средней Азии против банд белогвардейцев и басмачей.

Осенью 1919 года кавалерийский эскадрон нашего полка перебросили в Семиречье. К этому времени гражданская война приближалась к концу. Мы приняли участие в боях против анненковцев, добиваясь очищения всей территории Семиречья от контрреволюционных сил.

Вместе с другими бойцами нашей части летом 1920 года я оказался в Верном.

Во время верненского мятежа я вместе с австрийцем Аксманом служил в Особом отделе. Нашей части пришлось участвовать в подавлении мятежа. Я лично принимал участие в задержании некоторых вожаков-мятежников. В начале 1921 года я оставил Семиречье и вернулся на родину.

ШРЕДЕР ГЕРМАН (р. 1890 г.), член Социалистической Единой партии Германии. Участник гражданской войны в Средней Азии, в Казахстане. Ныне — пенсионер.

Как член РКП(б), я автоматически был зачислен в ряды Коммунистической партии Германии. Первая социалистическая республика немецкого народа — Эрфурт — теперь находится на территории ГДР. Но в то время — в двадцатые годы — рабочему приходилось очень плохо. Коммунисты жестоко преследовались властями. На страницах буржуазной печати велась клеветническая кампания против Советской России, против коммунистов. Выполняя свой партийный долг, я рассказывал рабочим правду о Советах, о жизни и труде советских людей. Я рассказывал, как в Казахстане — такой далекой окраине — трудящиеся самоотверженно сражались за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

За эти рассказы о молодой Советской республике хозяева предприятия, где я работал, выгнали меня с работы, и я остался без всяких средств к существованию. Я пытался вернуться в Россию, но это мне не удалось. В 1928 году я повторил свою попытку, но снова потерпел неудачу.

До сих пор я считаю Алма-Ату своей второй родиной — здесь я сражался за Советскую власть.

Я очень рад, что мне посчастливилось спустя 39 лет снова увидеть Алма-Ату — цветущую столицу Казахстана. [1]

---

[1] Г. Шредер входил в состав группы ветеранов Социалистической Единой партии Германии, посетившей Советский Союз, в том числе г. Алма-Ату, в мае 1959 года.

В тылу Колчака

А. Асылбеков

В ВАГОНЕ СМЕРТИ [1]

Лето 1918 года. Снова в Акмолинске. Тяжелое время. Выступили белочехословаки. Местная контрреволюция поднимает голову.

2 июня белоказаки начали наступление на Акмолинск. В городе буржуазные прихвостни готовятся к встрече.

Ночью арестовали членов Совета. Вместе с красногвардейцами взяли и меня.

Плохо вооруженные отряды Красной гвардии не могли противостоять численно превосходящему противнику. Бой был жесток. Многие красногвардейцы были схвачены. Часть их скрылась. Они принимали потом участие в Мариинском восстании.

В городе организовалось временное эсеровское «правительство».

---

[1] Отрывок из воспоминания, опубликованного в сборнике «Октябрь в Казахстане», 1930 г.

Нас привели в тюрьму. Камеры переполнены пленными красными — избитыми, оборванными, полуголыми.

С тяжелым чувством я переступил тюремный порог. Знал, что это временное поражение, что революция победит, но было больно от неудачи, было жаль хоронить еще не окрепшую акмолинскую совдепию.

АСЫЛБЕКОВ АБДУЛЛА (1896—1937 гг.) член партии с мая 1917 г. Активный участник борьбы за установление Советской власти в Северном Казахстане. В дальнейшем — на партийной и советской работе.

Поделились с товарищами лишней одеждой.

Сильно избили. Так сильно, что несколько дней лежал без памяти. В таком же положении Авдеев, Сейфуллин, Дрызга и другие.

Всех заковали в кандалы. Непривычно резал ухо тяжкий звон железных браслетов цепей на руках и ногах.

Прошли месяцы заключения. В январе 1919 года прибыл в Акмолинск отряд вооруженных до зубов анненковцев. Хищно глядели с их рукавов и фуражек белые черепа. Как кровь, алели пояса.

5 января нас всех выгнали из камер. Раздели. Два часа провели мы, нагие, в холодном цементном коридоре. Ждали обыска и стучали зубами от холода. Утром всех отправили в Петропавловск. Погнали пешком.

Пятьдесят семь человек, среди них старики и больные, месили босыми ногами январский снег. Злобной бранью, ударами нагаек подгоняли нас конные анненковцы. Особенно близко познакомились с плетью отстающие — старики и больные. Шли почти две недели. Обморозились. Позади нас вереницею тянулись двадцать пустых подвод.

В Петропавловске пробыли два дня. Здесь арестованных погрузили в товарный вагон. Это был знаменитый анненковский «вагон смерти». Особенно страдали от холода — первое время в вагоне не было печей. На 30 человек раз в три дня давали семифунтовую буханку хлеба. Когда выпускали на двор, а было это раз в день, набирали снегу — он заменял нам воду.

Ждали расстрела. Говорят, что не расстреливали нас по

договору с Алаш-Ордой, которой хотелось нас повесить после специального суда.

Стояли в Омске на станции. Дали дрянную печурку. Ломали нары и топили ее. Нагревался воздух, потолок и стены вагона оттаивали. На полу образовывалась лужа. Ее засыпали пеплом и ложились спать. К утру многие буквально примерзали к полу.

Отправили в Семипалатинск. Пьяные анненковцы часто врывались в вагон, жестоко избивали. Били почти ежедневно. Счет побоям был потерян. Дорогою семь дней вовсе не кормили.

Станция Бийск. Здесь мы впервые почувствовали рабочую солидарность. Бийцы дали нам немного — всего по маленькому кусочку хлеба и сала пришлось на человека. Но еще сейчас, когда вспоминаю об этом, меня наполняет чувство благодарности.

Из Семипалатинска, не знаю по какой причине (вероятно, из-за наступления красных на Сергиополь), нас отправили обратно в Омск.

В Новосибирске железнодорожники попытались нас освободить. Но безуспешно. Добрались до Омска. За те несколько месяцев, которые мы провели в «вагоне смерти», умерло пять наших товарищей. Тюрьма казалась нам желанным местом. «Могила в тысячу раз лучше, чем этот вагон»,— говорил умиравший Смокотин.

Когда мы выезжали из Петропавловска, нас, казахов, было шестеро — Сейфуллин, я, Джайнаков, Серикбаев, Гизатуллин, Нуркин. В концентрационный омский лагерь вступили трое...

До августа 1919 года жили мы в концентрационных лагерях. Связались с местной организацией. Достали документы и организовали побег через омскую организацию. Бежало несколько человек, в том числе и Сейфуллин. Я не мог — лежал в тифу. Потом — цинга. Руки и ноги отказывались служить.

В августе политзаключенных омской тюрьмы снова погрузили в «вагоны смерти» и отправили на Дальний Восток. По дороге забирали людей из красноярской, иркутской и других тюрем.

Сразу за Омском начались расстрелы. Останавливали поезд. Выстраивали шеренги. Расстреливали десятого, седьмого. Чем решительней становился натиск Красной Армии, тем чаще были расстрелы. Жили в ожидании ежедневных казней.

Помню такой случай. Выстроили нас, как всегда. Ехал со мной в вагоне Ежов, старик-рабочий Ижевского завода. Стоял в ряду передо мной, потом раздумал и переменил место. Я передвинулся на одного человека. Бледные лица. Не знают, как сегодня будут отбирать. Десятого? Седьмого? Или всех? Счи-

тали седьмого. Меня обошли. Старик Ежов оказался седьмым. Расстреляли. Если бы не передвинулся Ежов — седьмым был бы я.

К расстрелам так же привыкли, как прежде к побоям.

Где-то около Читы ворвалась банда семеновцев, засвистели нагайки. Стегнули и меня пару раз. Не почувствовал, так как лежал в бреду — свалила дизентерия. Смерти от болезней спорили со смертями от расстрелов. Соперничали успешно. Дизентерия, дифтерия, тиф свирепствовали в «вагонах смерти».

Нас везли как скот — выпускали всего раз в день. Люки вагонов закрыты. Вонь. Духота. Стали реже расстреливать. «Чего их трогать — сами издохнут!» — помню, крикнул какой-то офицер.

Железнодорожные рабочие всегда узнавали о нашем приезде. Их информировал подпольный омский партийный комитет. К вагонам их не подпускали, один раз даже стреляли. Но они ухитрялись все-таки передавать нам пищу, иногда записки, газеты.

— Куда нас везут? — при случае допытывались мы.

— Везут на Маккавеево.

Мы не знали, что такое Маккавеево, не знали, что там хозяйничает барон Унгери, но тон, которым произносилась эта фраза, не предвещал ничего хорошего.

В вагоне осталось всего семь человек. Семь полуголых, оборванных, голодных теней. Из Омска выехало пятьдесят семь. 50 человек погибли в пути, кто от пули, кто от болезни.

Повезли нас по Дальнему Востоку. Лучше стали обращаться. Говорят, создалась какая-то международная комиссия. Перевели в Иманский концентрационный лагерь. Шло время.

Наступил февраль 1920 года. Полтора года страшной жизни остались позади. Я получил возможность бороться вместе со всеми за революцию. Принимал участие в гражданской войне на Дальнем Востоке, а после образования Дальневосточной республики возвратился в Казахстан.

Г. Андронов

ШЕМОНАИХИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Февраль 1918 года. В далекой, заваленной снегами деревушке Шемонаихе Змеиногорского уезда (ныне Семипалатинской области) крестьяне под руководством большевиков устанавливают Советскую власть. Много было разговоров об этой власти на сельском сходе. Солдаты-фронтовики, многие из которых в своих частях были членами полковых комитетов, подробно объясняли землякам, что такое Советская власть и кого она защищает. Сход вынес решение установить власть Советов и избрать исполнительный комитет. В состав исполкома были избраны В. И. Щукин (председатель), Г. Т. Андронов (заместитель председателя и казначей), П. И. Агафонов (секретарь).

Волисполком сразу же приступил к организации Советов в окрестных селах — в Кабаново, Перекличном, Сугатово, Усть-Таловке, Половинке, Николаевском.

Крестьянские Советы установили тесную связь с населением, оказывали помощь бедноте и разорившимся семьям солдат.

С этой целью для нуждающихся хозяйств брали зерно, сельхозинвентарь и тягло у зажиточной верхушки села на условиях беспроцентного расчета после снятия урожая. Средства на хозяйственные расходы волисполком получил путем обложения денежным налогом купцов, предпринимателей, священнослужителей и других состоятельных лиц. Крупные предприятия — вальцовая мельница маслобойные заводы — были национализированы.

АНДРОНОВ ГЕОРГИЙ ТИМОФЕЕВИЧ (р. 1890 г.), член КПСС с 1920 г. Один из руководителей Шемонаихинского восстания. В последующие годы был на административно-хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. Ныне — персональный пенсионер.

Действия Советов были враждебно встречены купцами и кулачеством. Наиболее реакционно настроенные элементы начали тайно собирать свои силы, вели антисоветскую агитацию среди населения, устанавливали связь со своими единомышленниками в Семипалатинске, Змеиногорске, Усть-Каменогорске. Деятельность контрреволюционных элементов особенно усилилась после чехословацкого мятежа. Созданные ими вооруженные банды под руководством белогвардейских офицеров и при прямой помощи эсеров и меньшевиков в июне 1918 года свергли здесь власть Советов и стали восстанавливать старые дореволюционные порядки. В Шемонаихе была создана волостная земская управа и организовано белогвардейское милицейское управление.

Члены Совета ушли в подполье. Для того чтобы быть в курсе всех мероприятий контрреволюции, решено было выставить кандидатами в состав волостной земской управы своих людей—П. А. Степанова и Ф. В. Агафонова. Эти кандидатуры получили поддержку жителей волости, и П. А. Степанов был избран председателем волостной земской управы, а Ф. В. Агафонов—его заместителем и казначеем. Конечно, в состав земства вошли представители кулачества, эсеров и меньшевиков.

Наша подпольная большевистская группа начала сбор оружия среди населения. В это же время была установлена связь с подпольными большевистскими группами и активными сторонниками Советской власти в соседних селах.

В июле контрреволюционное Сибирское Временное правительство опубликовало приказ о мобилизации в армию призывников 1898 и 1899 годов рождения. На общем собрании жителей Шемонаихи, где был зачитан этот приказ, член подпольной большевистской группы М. Г. Борисов открыто выступил с призывом не давать молодежь в белую армию. Его выступление поддержали многие. В принятом постановлении говорилось: «Мы, граждане села Шемонаихи,.. этой мобилизации не допустим и призываемую молодежь в армию Сибирского временного правительства не дадим».

Протокол собрания послали в Змеиногорск, в уездное воинское управление. Большевистская группа обратилась к соседним селам с призывом поддержать это решение. Вскоре от крестьян сел Ново-Шульбы, Красноярского, Вавилонки, Рулихи, Усть-Таловки, Кабаново и других были получены заверения о полной солидарности.

Тем временем змеиногорские белогвардейцы послали в наше село карательный отряд. Подпольная большевистская группа решила оказать сопротивление карателям. Опираясь на поддержку местных крестьян, мы еще до этого создали боевую дружину, на вооружении которой было 40 винтовок, 15 револьверов и 20 бомб. Теперь эта дружина увеличилась за счет нового пополнения. Кроме того, к нам присоединилось несколько отрядов из соседних сел. Для руководства борьбой создали Революционный военный совет, в который были избраны М. Г. Борисов (председатель), Г. Т. Андронов (начальник штаба), П. И. Агафонов, С. И. Агафонов, П. М. Андронов, М. А. Ветлугин, В. Л. Степанов и другие. По указанию Реввоенсовета были заняты почта и телеграф, образована специальная команда для сбора оружия, мобилизованы кузнецы для его ремонта.

Разведка, посланная в сторону Змеиногорска, вскоре сообщила о приближении к Шемонаихе отряда карателей. Реввоенсовет к этому времени еще не имел, однако, под руками достаточных сил, чтобы встретить белогвардейцев на подступах к селу. Необходимо было определенное время, чтобы собрать людей, занятых на полевых работах. Пока собирали людей, наступила ночь. Прождав карателей до полуночи и решив, что они прибудут на другой день, все разошлись.

На следующий день, 18 июля в 3 часа утра, когда село спало, конный отряд белогвардейцев внезапно занял село, снял небольшую охрану при здании волостного управления и приступил к арестам. К 9 часам утра было арестовано и выпорото свыше 40 человек. Крестьяне под угрозой расправы стали собирать своих сыновей-призывников на сборный пункт.

Пока в центре села развертывались все эти события, на юго-

восточной окраине его уцелевшие от ареста члены подпольной большевистской группы спешно собирали всех имеющих оружие для организации отпора врагу и освобождения арестованных товарищей. В соседние села были посланы люди за помощью. Из Вавилонки быстро подошел небольшой отряд. Три группы — П. А. Андронова, В. Л. Степанова, Н. Д. Пахомова — атаковали здание волостного управления, где каратели в это время после сильной попойки беспечно отдыхали, уверенные в покорности перепоротых ими крестьян. Почти все белогвардейцы были уничтожены. В бою смертью храбрых пали дружинники Е. М. Андронов и У. А. Степанов.

Разгромив карателей и освободив арестованных, повстанцы решили продолжать начатую борьбу. Реввоенсовет разослал по всем селам обращения с призывом присоединиться к восставшим, создавать отряды и сдавать оружие для их вооружения. Штаб повстанцев организовал обучение прибывших добровольцев. В короткий срок к восставшим шемонаихинцам присоединились крестьяне 46 сел: Вавилонки, Усть-Таловки, Красноярского, Золотухи, Сугатова, Николаевского, Ново-Шульбы и других. Из добровольцев штаб сформировал пять кавалерийских и пять пехотных отрядов, общей численностью около 1000 человек, но лишь 400 бойцов имели огнестрельное оружие военного образца, остальные были вооружены охотничьими ружьями и самодельными пиками. Большую помощь штабу и Реввоенсовету в формировании и обучении повстанцев оказал прибывший в Шемонаиху в конце июля бывший прапорщик Усвайский. Хорошо зная военное дело, преданный Советской власти, он быстро завоевал доверие восставших крестьян и стал одним из руководителей движения.

В начале августа штабу стало известно, что из Семипалатинска пароходом против повстанцев отправлен крупный карательный отряд с несколькими станковыми и ручными пулеметами. Реввоенсовет принял решение разгромить карателей на месте их выгрузки в селе Убинском. Туда выступил сводный отряд из 400 человек под командой Усвайского. Но на пути против отряда выступили банды местных белоказаков. Пока повстанцы вели с ними бой, каратели успели выгрузиться. С помощью подошедшей из Усть-Каменогорска белоказачьей сотни они ударили по отряду повстанцев. Силы были слишком неравными, и Усвайский дал приказ об отходе отряда на Шемонаиху. В наступившей темноте, разбившись на мелкие группы, повстанцы оставили свои позиции. Узнав об отступлении отряда, кулаки соседних сел активизировались. Они нападали на мелкие группы отступавших к Шемонаихе повстанцев, разоружали их и передавали карателям. В районе хутора Песчаного после продолжительной

перестрелки был захвачен командир отряда Усвайский. Его доставили в Убинское и предложили перейти на сторону карателей. Усвайский с гневом ответил: «Я вместе с народом считаю, что вы являетесь изменниками и предателями народа и его великой родины — России. Я не жду от вас пощады и не прошу ее».

На глазах жителей села Убинского мужественный боец революции был расстрелян. Его последними словами были: «Да здравствует Советская власть!» Вместе с Усвайским было расстреляно 22 человека. В селе Красноярском каратели расстреляли еще 19 повстанцев. В балке Камышка пленных выстроили в четыре шеренги. Подошла казачья сотня, спешилась и выстроилась полукругом против арестованных. Начался расстрел. Раненых добивали шашками, штыками, стреляли из наганов.

— Меня,— рассказывает чудом уцелевший в этой расправе Г. Д. Шатский,— раненого и почти потерявшего сознание, сильно чем-то ударили. От нестерпимой боли я вздрогнул. Выстрелили в затылок. Я потерял сознание и очнулся глубокой ночью под кучей трупов, накрытых сеном. Кое-как выбрался наверх и снова потерял сознание. Очнувшись, я стал звать на помощь. Один из 19 пленных С. Ф. Подкорытов — после команды «пли», опередив залп, упал в траву и незаметно отполз в сторону, где и пролежал в высокой траве до конца расправы. Услышав мой зов, он подошел ко мне и, взвалив на плечи, отнес в сторону от места расстрела, помог мне напиться из речки, промыл мои раны, а затем бродом перенес на противоположный берег Убы...

Расправившись с повстанцами в Убинском и Красноярском, каратели двинулись в Шемонаиху. Реввоенсовет и штаб повстанцев, получив сведения о поражении отряда Усвайского, решили оставить Шемонаиху и отступить в село Золотуху. Но не успели повстанцы прибыть туда, как поступило сообщение, что на Золотуху движется крупный, хорошо вооруженный карательный отряд. Против этих сил повстанцы бороться не могли: новых пополнений не было, связь с селами, принимавшими участие в восстании, была прервана, остро ощущался недостаток оружия, боеприпасов. Реввоенсовет принял решение о роспуске вооруженных отрядов. Некоторые участники восстания мелкими группами ушли в Алтайские горы, где организовали партизанские отряды.

1 сентября в Шемонаиху вступили каратели. На следующий день они вывели на кладбище 20 арестованных и расстреляли их на глазах односельчан. При этом П. А. Степанов и Д. М. Андронов еще живыми были зарыты в землю. За два дня в Шемонаихе было расстреляно, порублено шашками и за-

бито до смерти плетьми больше 40 человек, часть из них не принимала никакого участия в восстании. В эти дни были расстреляны руководители восстания: А. В. Сыромятов, К. В. Худяков, К. О. Борисов, В. В. Цикунов, Я. И. Василенко, И. С. Исаев, П. С. Емельянов и другие.

В соседних с Шемонаихой селах белогвардейские изверги без суда и следствия продолжали массовые расстрелы и порку крестьян. Много ни в чем не повинных людей было конвоировано в Змеиногорск. Здесь после пыток и истязаний более 100 человек было приговорено к расстрелу, а несколько сотен сослано на каторжные работы на Дальний Восток. Многие из сосланных шемонаихинцев были потом освобождены дальневосточными красными партизанами и вместе с ними дрались против белых за Советскую власть. В их рядах отважно сражались Е. Ф. Дементьев, Р. А. Смирнов, М. А. Ветлугин, вернувшиеся после окончания гражданской войны в Шемонаиху. В боях на Дальнем Востоке пали смертью храбрых М. К. Иванов и Е. Д. Исаев.

Несмотря на террор, несмотря на расстрелы, борьба не прекращалась. Бесчинства и грабежи белогвардейцев приводили к тому, что все больше крестьян становилось в ряды активных борцов против режима кнута и виселицы. Многие уходили в леса и объединялись в небольшие партизанские группы.

С наступлением весны 1919 года действия партизанских групп значительно активизировались. В середине лета встал вопрос об объединении их в один отряд. Инициаторами этого объединения выступили руководители шемонаихинского восстания М. Г. Борисов, Г. С. Цикунов, П. М. Андронов, В. А. Карташов и другие. На совещании руководителей партизанских групп, посвященных этому вопросу, где присутствовало 30 человек, было решено готовиться к такому объединению, усилить сбор оружия и установить связь с партизанским отрядом С. М. Мамонтова, действовавшим в районе Славгород — Барнаул.

В течение лета наши группы совершили много налетов на белогвардейцев. В результате партизаны лучше вооружились и, самое главное, их действия вызвали панику и растерянность среди местной белогвардейской администрации, дезорганизовали ее работу по снабжению колчаковского фронта.

В первых числах октября 1919 года в пяти километрах от Шемонаихи на заимке Барсучья Сопка у братьев Якова и Ефима Макаровых состоялось второе совещание представителей красных партизан. Было решено организовать Березовский отряд красных партизан для открытых выступлений против белых. Командиром отряда был избран Карташов, а командиром кавалерии — Ласкин.

На третий день после совещания этот партизанский отряд развернул свои действия, начав их с наступления на Золотуху. Находившихся в селе белогвардейцев охватила такая паника, что часть их бежала, а часть сдалась в плен без сопротивления. Небольшие стычки с карателями произошли лишь под Золотухой.

2 декабря 1919 года Березовский отряд численностью в 120 бойцов с красными лентами на шапках и красными бантами на груди вступил в Шемонаиху. Население встретило красных партизан за селом с хлебом и солью. В этот день партизаны и жители села на могиле расстрелянных товарищей дали клятву продолжать борьбу до полного уничтожения белогвардейцев и интервентов на родной земле.

3 декабря на собрании отряда был избран Реввоенсовет в составе 18 человек. Он принял решение: с целью пополнения отряда провести мобилизацию нескольких возрастов. 4 декабря по селам, население которых ранее принимало участие в восстании, был разослан приказ о мобилизации. Крестьяне отнеслись к нему положительно. В Шемонаиху с каждым днем все больше и больше прибывало молодых крестьян, желавших сражаться против белогвардейцев. В короткий срок отряд вырос с 120 человек до 1000.

Пополняя свои ряды, партизаны не прекращали борьбы с белогвардейцами, основные силы которых были расположены в Змеиногорске и Усть-Каменогорске. Чтобы отрезать белым бандам, бегущим в панике от наступающих частей Красной Армии, пути отхода в Китай, Березовский отряд занял села, расположенные по тракту Змеиногорск — Усть-Каменогорск. Не один белогвардейский отряд нашел на этой дороге свою могилу.

После того как тракт Змеиногорск — Усть-Каменогорск был полностью очищен от врага, Березовский партизанский отряд направился в Усть-Каменогорск, который к этому времени уже был освобожден Красной Армией. Здесь отряд был переформирован в 20-й Шемонаихинский крестьянский полк.

После небольшого отдыха полк получил приказ выступить в направлении на станицу Усть-Бухтарминскую с задачей очистить этот район от белых. В первых числах января 1920 года полк занял село Баты и встретился здесь с партизанским отрядом «Красные горные орлы Алтая». Отсюда полк по приказу командования был переброшен в Семипалатинск. В Семипалатинске часть людей была демобилизована, а оставшиеся влились в регулярные части Красной Армии и сражались до полной победы над врагом.

С. Багадаев

СИЛА СОЮЗА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

1918 год. Одна из белогвардейских банд направилась в сторону рудника Акжала и села Георгиевки, уничтожая на своем пути все живое.

Рабочие Акжала и крестьяне села Георгиевки установили между собою тесную связь, подготавливая отпор бандитам. Из большевиков в Георгиевке тогда были Степан Доушкин, Тимошенко, а в Акжале — Михаил Беспалов. Они организовали партийную ячейку. В нее, кроме русских, вступили казахи — Байдрахман Серикбаев, Бокан Нуртазинов, Омаров, я и другие товарищи.

Партийная ячейка возглавила совместную борьбу рабочих Акжала и крестьян села Георгиевки против белогвардейских банд. Георгиевка укреплялась. Из соседних селений были собраны бороны, их зацепили друг за друга и положили на улицах села зубьями кверху. Скоро сюда прибыли из Семипалатинска Иванов и Титов. Наша боевая подготовка еще более оживилась. Титов был назначен начальником штаба обороны Георгиевки.

Белые, опасаясь разгрома своих сил в Георгиевке, вынуждены были изменить свои первоначальные намерения. В количестве четырехсот человек, оставив дорогу, ведущую в Георгиевку, они направились по безлюдной дороге в сторону Акжала. Разведчики — рабочие, которые вели наблюдение за вражеским продвижением, своевременно сообщили об этом в Акжал и Георгиевку.

Акжалцы приготовились к предстоящей схватке.

На помощь рабочим Акжала пришли крестьяне Георгиевки. Потеряв убитыми на поле боя несколько человек, белые вынуждены были отступить. Они пытались взять с собой провожатого в одном из казахских аулов, но идти вместе с ними никто не хотел.

БАГАДАЕВ СМАГУЛ (р. 1893 г.), член КПСС с 1930 г. Участник борьбы за победу Советской власти. Ныне — пенсионер

В ауле Байгара бандиты жестоко обращались с населением. Угрожая расправой, они потребовали отдать им лучших лошадей. Когда им сказали, что этот аул очень бедный и не может выполнить такого приказа, бандиты арестовали 18 советских активистов и на глазах у всех отрубили им головы, а трупы облили керосином и сожгли. Затем белогвардейцы решили угнать весь скот, увезти продукты питания, а аул сжечь.

В этот критический момент своей решительностью и находчивостью отличилась Билсай, жена Мирзагалия Байгатинова, советского активиста, убитого белобандитами. Оставив непохороненным прах убитого мужа, она села на спрятанного в сарае коня и поскакала в соседние аулы за помощью. Бандиты погнались за ней, но Билсай спаслась и успела известить близлежащие села и аулы о грозящей всем опасности. И белогвардейцы снова потерпели неудачу.

А. Петраш

В ТЫЛУ КОЛЧАКА

Будапешт 1 августа 1914 года. Всеобщая мобилизация. Война.

Мне было тогда 26 лет. Я был лейтенантом, и меня мобилизовали в 10-й Гонведский полк в Мишковцы, который спустя некоторое время выступил на русский фронт... [2]

...После нескольких атак я был ранен и попал в плен. Меня привезли в больницу в Самару (теперь Куйбышев). После шести недель лечения меня вместе с эшелоном пленных направили в Омск, затем в Усть-Каменогорск и, наконец, в Семипалатинск. Не могу не отметить, что во всех лагерях для военнопленных охрана относилась к нам по-человечески.

В конце 1917 года была создана партийная организация из

[1] Под этим заголовком публикуется с сокращением отрывок из воспоминаний Арнольда Петраша, переведенных со словацкого языка Р. Маречеком, из книги «Боевая песня звучала», Словацкое издательство политической литературы, 1958.

[2] Опущен рассказ о пребывании А. Петраша на фронтах первой мировой войны до того, как он попал в плен.

коммунистов — бывших военнопленных при Семипалатинском городском комитете партии, где я стал работать с товарищем Ветером в качестве организатора заграничных пролетариев (в это время в Семипалатинске и вокруг него находилось около четырех тысяч бывших военнопленных)...

В начале 1918 года городской Совет объявил призыв в Красную Армию; агитацию среди бывших военнопленных поручили члену городского Совета старшему лейтенанту поляку Ветеру и мне. Наша работа шла успешно. В Красную Армию вступили прежде всего рабочие... В марте мы уже сформировали кавалерийскую часть из 800 человек. Правда, вооружена была она далеко не достаточно.

АРНОЛЬД ПЕТРАШ.

В мае 1918 года горсовет предложил послать пропагандистскую тройку в Барнаул и в Новониколаевск (ныне Новосибирск), где партийные организации бывших военнопленных были еще слабы. Тройка, захватив агитационный материал, выехала по назначению. Из Барнаула, где к нам присоединился ряд руководящих товарищей (Энгель и другие), мы двинулись на Новониколаевск. Здесь мы чуть не попали в руки белочехословацких легионеров. Они занимали станицу, находящуюся в трех километрах от станции Новониколаевск, и мост через Обь. Пришлось уничтожить тот агитационный материал, который мы взяли с собой.

Решили так: двое остаются в Новониколаевске, а я попытаюсь пробраться в Семипалатинск. Поезда к этому времени уже не ходили, и мне пришлось идти пешком по железнодорожной линии.

В 60 километрах от Новониколаевска я встретил поезд из трех вагонов, впереди которого двигалась платформа, обложенная мешками с песком. В вагонах оказались наши солдаты — около 100 человек,— вооруженные винтовками и ручными гранатами. Из Семипалатинска и Барнаула они направлялись в Новониколаевск. Командовал этой частью Ветер. Я присоединился к ним.

Мы осторожно двинулись к ближайшей железнодорожной станции, откуда по аппарату вызвали станцию Новониколаевск

и потребовали, чтобы она сдалась. Станция не отвечала. Наша разведка донесла, что к Новониколаевску движется вражеский воинский поезд, а на станцию Бердск прибыл состав с белочехословацкими легионерами.

Разумеется, мы не могли вступить в бой с противником, намного превосходящим нас по численности и вооружению. Мы решили просить подкрепления. Командующий войсками в городе Семипалатинске дал согласие выслать в наше распоряжение 250 человек.

На следующий день против нас стали наступать два батальона белочехословаков. В этом бою мы потеряли больше половины своих бойцов. Оставшиеся в живых скрывались в ближайшем лесу, некоторые пробрались в Новониколаевск, в лагерь военнопленных, где нашли защиту.

Мне удалось товарным поездом добраться до Семипалатинска. К этому времени здесь был совершен контрреволюционный переворот.

Наши отряды были сильно ослаблены. Войти в Семипалатинск мы не могли и решили отступать к Бийску. В бою, который завязался с белоказаками и белочехословаками, мы понесли большие потери. Из нашего отряда только отдельным удалось спастись, а остальных взяли в плен. Ветера и меня, как командиров, посадили в тюрьму...

Первые недели мы находились в одиночной камере... Почти каждую ночь нас вызывали на допросы. Однажды Ветер не вернулся с допроса. На второй день нам стало известно, что белоказаки его замучили.

После трехмесячного заключения в тюрьме нас передали командованию белочехословацких легий и увезли в Новониколаевск в распоряжение 11-го чехословацкого легионерского полка... Примерно, 12 сентября нас отправили на фронт. Меня и другого бывшего красноармейца поместили в сторожевом вагоне. Мы воспользовались отсутствием стражи и убежали.

...Я нанялся счетным работником потребительского общества лесозавода, расположенного в 40 километрах от Барнаула. К весне здесь сформировался партизанский отряд, в который вступил и я. В отряде было около 200 человек. Мы нападали на небольшие села, занятые колчаковскими бандами, с которыми вступали в бой. Крестьянская беднота окружающих селений — Рассказихи, Боровки, Шандрова и др.— нам помогала и всегда своевременно предупреждала о грозящей нам опасности.

После освобождения края я вступил в Красную Армию, был интендантом 16-й стрелковой дивизии в Барнауле, в которой я служил до конца 1920 года, когда эта дивизия была переброшена в Иркутск... Я воевал за свободу народов, за социализм.

К. Галето[1]

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ИРТЫША

В начале февраля 1918 года председатель Семипалатинского Совета Шугаев предложил мне выехать на правобережье Иртыша в Александровскую волость (ныне Бескарагайский район) для организации там крестьянских Советов. В селах Александровской волости находилось очень много бывших фронтовиков. Среди них были члены партии большевиков и сочувствующие. Они помогли крестьянству разобраться в политической обстановке.

Народные собрания избрали лучших представителей бедняков, батраков и демобилизованных солдат в Советы крестьянских депутатов.

16 февраля 1918 года начал свою работу 1-й Семипалатинский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских, казахских и казачьих депутатов. Меня избрали председателем съезда.

---

[1] Галето Кузьма Корнилович (р. 1896 г.), член КПСС с 1918 г. В дни колчаковщины — командир партизанского отряда. В последующие годы — на партийной работе. Ныне — персональный пенсионер.

При обсуждении вопроса о власти на съезде развернулась острая политическая борьба с эсерами, меньшевиками, с представителями уездного и областного земства. Соглашатели прикрывались фразами о демократии, а на деле вели предательскую линию срыва работы по установлению власти Советов. Однако съездом была утверждена резолюция, приветствовавшая победу социалистической революции. Съезд принял решение распустить земство и создать уездный Совет.

10 марта 1918 года около 90 делегатов собрались на 1-й областной съезд Советов.

Съезд заявил о преданности рабоче-крестьянскому правительству, возглавляемому В. И. Лениным, о немедленном переходе власти на всей территории Семипалатинской области в руки Советов.

Вновь избранный областной Совет начал проводить в жизнь решения съезда. Особое внимание было уделено созданию частей Красной Армии.

5 июня 1918 года ЦИК и Совнарком телеграммой за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова предупредили Советы Сибири о необходимости иметь разработанные планы борьбы с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией.

Когда вспыхнул контрреволюционный чехословацкий мятеж и деятельность подпольной белогвардейщины стала принимать угрожающие размеры, в Семипалатинске состоялось совещание областного и городского актива. Было решено временно оставить город с тем, чтобы сохранить силы. Был отдан приказ об эвакуации в направлении Барнаула в промышленные районы с рабочим населением.

Оставшиеся в городе коммунисты, часть членов Совдепа ушли в подполье. Представители крестьянства переехали в свои районы, чтобы продолжать работу по мобилизации трудящихся масс на борьбу с контрреволюцией. Я перебрался в поселок Семеновский, Александровской волости, где жили мои родители.

Усилившееся наступление контрреволюции ускорило сплочение крестьянства вокруг коммунистов. Во многих селах были созданы революционные группы. Нельзя не упомянуть о товарищах, особенно активно работавших в это трудное время.

Прежде всего вспоминаю большевистски настроенного Семена Ильича Плахотникова, который прибыл в наши места из старой армии. Скрываясь от преследования белых, Плахотников ни на минуту не прекращал революционной работы среди крестьян. В 1919 году колчаковцы назначили крупное вознаграждение за голову Семена Ильича.

Старший брат Плахотникова, Александр, был активным участником местных революционных событий и являлся членом

Больше-Владимирского ревкома. Младший брат Семена Ильича, Михаил Плахотников, состоял в боевой партизанской группе.

Глубокими корнями был связан с крестьянством и отлично знал жизнь и чаяния своих односельчан Степан Шапошников. Родился и вырос он в селе Мало-Владимирском (Александровской волости). С первых дней Советской власти Шапошников активно включился в общественно-политическую работу; он был избран членом первого сельского Совета и делегатом на первый волостной съезд Советов. Обладая незаурядными способностями и твердым характером, Степан умело проводил большую работу среди крестьян, опираясь на помощь Якова Степановича Юхимчука и его брата. Когда в двадцатых числах ноября 1919 года в селе Мало-Владимирском был создан революционный комитет, Шапошников стал его председателем, а Яков Юхимчук — секретарем.

Братья Юхимчуки — петроградские рабочие — были членами обуховской коммуны, а после ее разгрома жили в Мало-Владимирском и работали кузнецами. Их кузница фактически являлась центром большевистской пропаганды.

Первое выступление революционная группа, возглавляемая большевиками, организовала в связи с объявлением мобилизации в белую армию. По этому поводу 6 августа в селе Больше-Владимирском мы созвали волостной крестьянский съезд с участием представителей от соседних Сосновской и Бегеновской волостей и станицы Долонь. Съезд был многолюдным. С докладом выступил С. И. Плахотников. Проникшие на съезд кулаки, торговцы и попы потребовали лишить слова и арестовать «смутьяна». Однако крестьяне дали им достойный отпор и приняли предложение большевиков: новобранцев в белую армию не давать.

Такие же решения были приняты и многими другими крестьянскими собраниями.

Действия революционного крестьянства, руководимого большевиками, вызвали замешательство в рядах контрреволюции. Белогвардейцы направили в деревни карательные отряды. В Александровской волости каратели насильно собрали призывников и под конвоем отправили их на сборные пункты. По доносам кулаков было арестовано 16 организаторов и участников волостного крестьянского съезда.

Белогвардейский террор еще больше усилился с приходом в Семипалатинск палача Анненкова. Семипалатинская тюрьма была переполнена лучшими сынами партии и народа. Несмотря на это, число сторонников революции росло. В городе действовали подпольные революционные группы, готовившие силы для вооруженного восстания. В этот тяжелый момент в ряды коммунистов вступали лучшие люди деревни.

Наша революционная группа установила более тесные связи с товарищами, действовавшими в соседних районах, где проводилась интенсивная работа по организации партизанского движения.

Мы тоже начали готовить бывших фронтовиков и молодежь к вступлению в отряды красных партизан, собирать оружие и ковать пики.

В ноябре 1919 года в селе Больше-Владимирском был создан военно-революционный штаб. В ночь с 27 на 28 ноября под руководством Семена Плахотникова началось восстание. Отряд белогвардейской милиции был обезоружен, около 50 кулаков, купцов, колчаковских агентов, терроризировавших крестьян, были арестованы и осуждены ревтрибуналом.

29 ноября в отряд Плахотникова влились партизаны сел Мало-Владимирского и Ново-Николаевки, а также отряд семеновских партизан под моим командованием.

К этому времени крупные силы алтайских партизан, развернув мощное наступление, вели бои уже на подступах к Семипалатинску. Активно действовали против колчаковцев прославленные партизаны Бухтармы — отряд «Красные горные орлы». Командование нашего объединенного отряда решило перейти на левый берег Иртыша и напасть на белогвардейские банды, отступавшие под натиском Красной Армии из Омска и из Тургайско-Кустанайских степей. 30 ноября, обезоружив белогвардейский отряд, мы заняли станицу Долонь. На пути к бывшей Знаменской волости Семипалатинского уезда был разгромлен штаб колчаковского генерала Степанова. Мы взяли в плен много офицеров и захватили большое количество военного имущества. В ночь на 3 декабря отряд вступил в село Знаменку. Здесь нами был создан волостной ревком.

Пополнив свои ряды добровольцами, отряд перешел в наступление против белогвардейцев, засевших в горах Куконской волости. При помощи подошедшего полка имени Степана Разина они были оттуда выбиты и в беспорядке отступили на Аркат. В этом бою мы потеряли убитыми восемь товарищей. Они были доставлены в село Больше-Владимирское и похоронены в братской могиле.

Подошедшие регулярные части 5-й Красной Армии добили отступавших на Аркат белогвардейцев.

В середине декабря наш отряд прибыл в Семипалатинск для переформирования. Все материальные ценности и скот, отбитые у белых, мы сдали государственным учреждениям. Отряд влился в 13-ю кавалерийскую дивизию.

Б. Кундакбаев

В АУЛАХ ОМСКОГО УЕЗДА

В дни колчаковщины на железнодорожной станции Омска работала подпольная партийная организация. Учась в это время на шестимесячных курсах по подготовке аульных учителей, я активно помогал подпольщикам. Кстати, на этих же курсах я познакомился с Сабитом Мукановым. Он служил у торговца Казыбая и часто жаловался на свою тяжелую жизнь.[1]

После окончания курсов я поехал учительствовать в аул Тапалбая, но пробыл здесь всего около месяца. Бай Тапал с первых же дней возненавидел меня и стал всячески преследовать. Поэтому я вынужден был переехать в другой аул. Вскоре здесь состоялось собрание джигитов. Мы организовали партизанскую группу из 12 человек. Спустя несколько дней в аул приехал из немецкого поселка Коскол Омского уезда Пуган с 30 партизана-

[1] В книге «Мои мектебы» Сабит Муканов подробно освещает этот период своей жизни (примечание автора).

ми. Объединившись с партизанами, джигиты ушли в лес, чтобы оттуда развернуть боевые действия.

Вскоре отряд получил из Омска задание — разрушить железнодорожный мост, находящийся в нескольких километрах от нашего аула, и тем самым затруднить доставку оружия, боеприпасов и людских резервов белогвардейскому фронту. Задание было выполнено. К этому времени армия Колчака в беспорядке отступала под ударами частей Красной Армии. Белогвардейцы бросали оружие и бежали в леса. В этих условиях наш отряд совершал смелые налеты на обозы отступавших белых частей и вылавливал в лесах колчаковских солдат. Несколько сот таких горе-вояк мы переправили через линию фронта.

КУНДАКБАЕВ БАЛАБЕК (р. 1892 г.), член КПСС с 1924 г., участник национально-освободительного восстания 1916 г., Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане. Организатор первых комсомольских ячеек в аулах. С. 1925 г. на партийной и советской работе.
Ныне — персональный пенсионер.

В ноябре 1919 года партизанский отряд примкнул к наступающим частям Красной Армии и участвовал в освобождении от белых города Омска.

Здесь был расформирован наш отряд. Джигиты вернулись в свои аулы.

В Омске к этому времени развернули работу отделы Сибревкома. Плодотворно работали киротдел и татаротдел. В киротделе тогда работали М. Джанибеков, Абилхаир Досов и другие товарищи.

В конце декабря по заданию киротдела Сибревкома я выехал в аулы для проведения агитационно-массовой работы, образования ревкомов, создания комсомольских организаций и ликвидации остатков контрреволюционных банд.

В ауле, где раньше действовал наш партизанский отряд, была создана комсомольская организация, в которую вступали и джигиты из прилегающих аулов и селений. Скоро число ее членов выросло до 70 человек. Опираясь на комсомольцев, мы создали здесь органы Советской власти и организовали отряд по борьбе с бандитизмом.

Скоро стало известно, что в одном из аулов созывается собрание для избрания председателя волостного Совета и бывший

управитель Омской волости Хасен выставляет на эту должность своего ставленника.

Мы направились в этот аул. Собрание открыл неизвестно кем уполномоченный «представитель» из Омска, вероятно, за взятку действовавший по указанию Хасена. Пришлось взять инициативу в свои руки. На должность председателя волостного Совета была выдвинута кандидатура Рамазана (фамилии его не помню) — активного комсомольского организатора и агитатора за Советы. Его имя было известно жителям многих соседних мест.

Кандидатуру Рамазана поддержало большинство собравшихся...

В. Довбня

ЗВЕРИНЫЙ ЛИК АННЕНКОВЩИНЫ

Анненков рассчитывал быстро захватить Семиречье и здесь сформировать из местных казаков и крестьян новые белогвардейские части, чтобы с ними занять Ташкент, а оттуда повернуть на Москву...

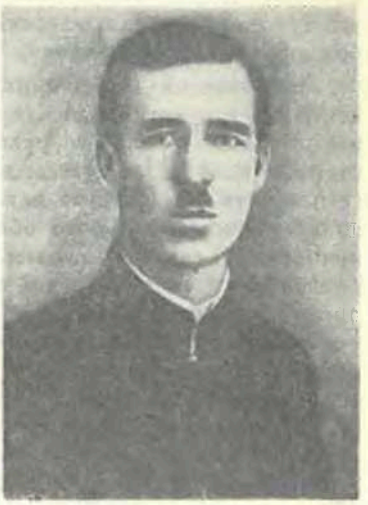
Анненков имел связь с кокандскими националистами и закаспийским эсеро-меньшевистским «правительством», где, как известно, хозяйничали англичане.

Атаман надеялся легко и быстро занять Туркестан. В листовках, разбрасываемых белыми с аэроплана в Черкасском районе, населению всей Семиреченской области вплоть до Пишпека предлагалось сдавать оружие в ближайшие станицы: здесь же указывалось, какие районы, где и в какой срок сдают оружие.

Крайне заманчивую картину рисовали себе белые: захватывают хлопок и хлеб Туркестана, получают поддержку Англии со стороны Закаспия, идут на Москву... и полная победа над крас-

ными. Как и каждый бандитский атаман, Анненков мечтал победоносно въехать на белом коне в покоренные города.

В его распоряжении были многочисленные силы: полки голубых улан, черных гусар, егерский (хунхузы), лейб-атаманский (личная охрана), алаш-ордынские отряды, затем пятая дивизия (17-й, 18-й, 19-й, 20-й полки, Заилийский и Алатавский казачьи полки), полк атамана Дутова. Все части были хорошо вооружены винтовками, пулеметами, артиллерией, был у них даже аэроплан и бронированный автомобиль.



ДОВБНЯ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ (1895—1932 гг.), член партии с 1919 г. В годы гражданской войны — член Лепсинского уездного исполкома, член Военного совета Черкасской обороны. В последующие годы находился на партийной и советской работе, был членом Московского Совета.

А у нас — необученные крестьяне, вооруженные берданами, дробовиками, вилами и просто дубинами. И несмотря на это, Анненкова дальше, в глубь Семиречья, мы — черкассцы — не пустили, он простоял здесь 14 месяцев — до половины октября 1919 года (в последние три месяца в районе Черкасской обороны в наших руках оставались три села — Петропавловское, Антоновское и Черкасское). Только страшный голод, тиф и цинга вынудили крестьян сложить оружие.

И вот тогда-то «победоносная» банда, простоявшая 14 месяцев около почти безоружных сел, учинила кровавую расправу над мирным населением, насиловала, грабила, резала направо и налево. В селе Антоновском бандиты врывались к крестьянам в хаты, заставляли выходить мужей, отцов, а то и в их присутствии насиловали жен, дочерей.

Тысячи крестьян были зверски зарублены. Среди них Косенко — начальник оперативного отдела штаба Обороны, Крива — командир гарнизона села Антоновского, Яков Прохорок — командир Петропавловского участка, Кривой, Корниенко — комполка, труп которого лежал всю зиму при въезде в Лепсинск на устрашение другим.

Анненков лично допрашивал комиссара Обороны Петра Тузова. Бандитский атаман предложил Тузову признать, что Советская власть идет по неправильному пути. За это бандит

обещал сохранить ему жизнь. В ответ Тузов плюнул Анненкову в глаза. Отважный большевик был зарублен около палатки Анненкова, недалеко от села Черкасского.

При массовом расстреле в селе Андреевском вместе с отцом и братом попал к бандитам и Шапошников, но он случайно остался жив. У него, тяжело раненного в живот и ноги, хватило сил доползти до дома, где он скрывался целую неделю. Боязнь за мать, которая его скрывала, заставила Шапошникова сдаться, и его тут же, не медля, зверски зарубили... Так Анненков со своей бандой «наводил порядок».

Анненковцы и их прихлебатели восхваляли своего «отца-атамана» как «отважного героя и искусного стратега» на основании того, что под его руководством было захвачено село Константиновское. Нет нужды доказывать, что не требуется большого искусства и героизма для взятия почти безоружного села. Но константиновцам дорого обошлась эта «победа» белых под руководством самого атамана. Почти все село было сожжено и разграблено. Выскакивающих из горящих домов детей и женщин пристреливали. Пойманных крестьян заперли в школе, которую потом сожгли, как и церковь, вместе с людьми, пытавшимися в ней спастись. Весь «героизм и искусство стратегии» выражались в зверской расправе над беззащитными жителями.

Подоспевшие части Красной Армии разгромили белогвардейские банды. Спасаясь от народного гнева, Анненков бежал в Китай, оставив за собой кровавый след. На протяжении 200 верст — от села Глиновского, по берегам озера Ала-Куль и Джаланаш-Куль вплоть до Джунгарских ворот — дорога была усеяна трупами. Жуткая картина: трупы в речках, в озере, на дороге — кругом трупы. Около озера Джаланаш-Куль носились тысячи грифов, прилетевших на кровавый пир «черного атамана» Анненкова...

Перебежчики рассказывали, что Анненков у самой границы собрал свои части и заявил им, что он организует здесь неприступную крепость — «Орлиное гнездо». Отсюда он намеревался вести дальнейшую борьбу с Советской властью. С ним должны остаться только самые смелые и решительные. Тех, кто устал, он не держит, кто хочет, может вернуться в Советскую Россию.

Оказалось, что большая часть солдат пожелала возвратиться на родину. Их разоружили, отобрали обмундирование и отпустили. Но при переходе через ущелье они все были расстреляны из заранее расставленных пулеметов. Так погибло более тысячи человек.

Перед самым уходом за границу, для того чтобы дать поразвлечься своим «партизанам», а заодно и избавиться от лишней «обузы», Анненков велел расправиться с офицерскими семьями,

которые следовали за его «войском». Жены и дочери офицеров были изнасилованы и зверски порублены шашками. Эта ужасная трагедия не тронула никого из отъявленных бандитов, исключая одного полковника, у которого на глазах были изнасилованы и зарублены жена и три дочери — 12, 17, и 19 лет. Он сошел с ума и тут же был растерзан кровожадной сворой бандитов.

Во всех частях Анненкова, всюду — на двуколках, пулеметах, орудиях, бронеавтомобиле и т. д.— красовался девиз «С нами бог и атаман Анненков». Череп с двумя перекрещивающимися костями — отличительный знак анненковца. В обращении между собой эти бандиты говорили «брат генерал», «брат атаман», «брат партизан» и т. д. Все насилия, которые чинились над населением, творились якобы во имя защиты от большевиков.

Имя Анненкова стало нарицательным, им пугали детей и употребляли тогда, когда хотели заклеймить какую-нибудь мерзость.

Вот далеко не полная картина зверств атаманщины и самого Анненкова.

К. Беспалова

МИХАИЛ БЕСПАЛОВ

Семья наша была большая. Отец плотничал и большей частью жил в Усть-Каменогорске, а мать с детьми (нас у нее было одиннадцать) жила за Аблакеткой.

После смерти отца старшим братьям пришлось плотничать, а младшего — Мишу — мать определила «мальчиком» в магазин купца Михайлова, где он потом работал приказчиком.

Началась империалистическая война. Четыре моих брата, в том числе и Михаил, были призваны в армию. За проявленное мужество Михаил был награжден четырьмя георгиевскими крестами. Будучи на фронте, он в дни революции вступил в члены РСДРП(б).

В конце 1917 года Михаил вернулся домой. В Усть-Каменогорске была уже создана городская партийная организация большевиков, которую возглавлял Яков Васильевич Ушанов. Михаил включился в ее работу. Ему, как солдату-фронтовику, имеющему боевой опыт, поручили сформировать отряд Красной гвардии.

Отряд из 100 человек был создан, а Михаил избран его комиссаром. Красногвардейцы стали надежной опорой местной организации большевиков и Совета солдатских депутатов, созданного в противовес эсеро-меньшевистскому Совету и городской думе.

В начале декабря 1917 года в Омске состоялся 3-й Западносибирский съезд Советов, который провозгласил Советскую власть в Западной Сибири и призвал всех трудящихся немедленно приступить к организации советских органов на местах. На этом съезде делегатом от Усть-Каменогорского Совета был И. П. Данилов.

Большевики Усть-Каменогорска после съезда решили, не ожидая свержения буржуазной власти в Семипалатинске, начать борьбу за установление Советской власти на местах и прежде всего арестовать атамана 3-го отдела Сибирского казачьего войска Веденина. Руководство этой операцией было возложено на Михаила и Ивана Беспаловых.

10 января представители гарнизонного солдатского комитета во главе с Михаилом арестовали атамана и под конвоем нескольких красногвардейцев отправили в Омск. Следом за ними выехал с товарищами и Михаил. Казаки, узнав об аресте атамана, тотчас снарядили в погоню конный отряд, которому удалось отбить Веденина. Группа же Михаила при выезде из города натолкнулась на белогвардейскую банду и вынуждена была вступить в ружейную перестрелку.

Тем временем городская дума и эсеро-меньшевистский совет разоружили и распустили большевистски настроенную местную воинскую команду и дисциплинарную роту.

Усть-каменогорские большевики, однако, продолжали работу в массах. Получив сообщение о переходе 16 февраля 1918 года власти в Семипалатинске в руки Совета, они стали действовать более энергично. 14 марта они организовали демонстрацию трудящихся под лозунгами «Долой буржуазную думу!», «Вон из Совета лакеев буржуазии — эсеров и меньшевиков!» В этот же день в городе была установлена власть Советов.

18 апреля состоялся уездный съезд Советов, который избрал исполком. Председателем его стал Я. В. Ушанов.

Усть-Каменогорский Совет энергично взялся за строительство новой жизни. Был отремонтирован и пущен в ход локомобиль, найденный на одном из бездействовавших рудников акционерной компании «Лена-золото»; город получил электрический свет. Появились и ростки подлинно коллективного труда — промысловый союз золотничников, организаторами и активными членами которого были братья Александр, Иван и Михаил Беспаловы. Союз этот играл немаловажную роль. Отряд Красной гвардии, например, содержался и обеспечивался всем необ-

Братья Беспаловы (в первом ряду справа — Михаил).

ходимым за его счет. Золотничники помогали Совету в наведении порядка на рудниках, ставших достоянием Советской власти; они составляли костяк красногвардейского отряда. Михаил и Медынин, работавший в типографии, по заданию партийной организации и Совета печатали листовки, которые распространялись среди населения членами союза золотничников.

Плодотворная деятельность Совета приводила в бешенство белогвардейцев, эсеров и меньшевиков. Они ждали лишь подходящего случая, чтобы расправиться с большевиками и всеми теми, кто помогал им строить новую жизнь.

Помнится митинг в апреле 1918 года на площади возле собора, где сейчас парк имени Кирова. Народу было много; собралось почти все население города. На трибуну поочередно поднимались ораторы. Кадеты, эсеры и меньшевики всячески клеветали на

большевиков. Но большевики решительно разоблачили махинации врагов революции. Особенно яркой была речь Якова Васильевича Ушанова.

— Вот они, черные вороны, собрались, чтобы отнять у нас свободу и счастье,— сказал он, указывая на местных купцов и их прихлебателей. Не успел Ушанов сойти с трибуны, как из толпы богатеев кто-то в него выстрелил. Пуля прошла мимо. Тут же раздался другой выстрел из окна женской гимназии. Этим выстрелом был убит член союза золотничников Сиверс.

В ответ на провокационные выстрелы красногвардейцы из окон нынешнего здания городского Совета, где тогда помещался штаб их отряда, дали залп в воздух. Буржуазия и ее единомышленники бросились кто куда. Провокация белогвардейцев сорвалась.

Совет в Усть-Каменогорске просуществовал недолго. С помощью интервентов белоказаки, поддержанные алаш-ордынцами, совершили в городе контрреволюционный переворот. В городе и уезде начались повальные аресты большевиков, красногвардейцев, советских служащих, рабочих, крестьян. Белоказаки рыскали по уезду, сгоняли в тюрьму честных людей из Бухтармы, Риддера, рудничных поселков, сел и деревень.

Иван и Михаил Беспаловы в момент контрреволюционного переворота находились у брата Александра на руднике Боко, в 135 километрах от города. Они занимались здесь по поручению Совета разведкой более перспективного по содержанию металла месторождения. Одновременно Михаил, хорошо знавший казахский язык, вел агитационную работу среди казахских трудящихся в районе Акжала. Вскоре Иван и Александр были арестованы и отправлены в Усть-Каменогорскую тюрьму, где уже находился их брат Василий. Михаилу удалось уйти в глубь Алтайских гор. Здесь некоторое время он скрывался на лесной пасеке за деревней Стрижной. Колчаковская контрразведка все-таки выследила его. Это произошло после того, как нам с матерью удалось вызволить из тюрьмы сначала Александра, а потом Ивана и Василия.

Михаил был заключен в одиночную камеру. В тюрьме его страшно истязали, добиваясь, чтобы он выдал находившихся в подполье товарищей. Михаил мужественно перенес нечеловеческие пытки. Так продолжалось до конца июня 1919 года — почти восемь месяцев. Тем временем до заключенных дошла весть, что Красная Армия одерживает решительные победы, что отступающие под ее ударами колчаковцы расстреливают арестованных. По инициативе коммунистов в тюремных камерах развернулась подготовка к восстанию. Заключенные рассчитывали с помощью городских большевиков-подпольщиков, связь с ко-

торыми они поддерживали, переправиться под прикрытием ночи через Иртыш на пароходе и уйти в горы к партизанам. Возглавили подготовку к восстанию Кудинов и двое Беспаловых — Михаил, мой брат, и Семен — однофамилец, пересланный в усть-каменогорскую тюрьму из-под Бийска. Семену Беспалову удалось добиться перевода из одиночной камеры в общую и организовать группу арестованных для подготовки восстания.

В условленный час арестованные сорвали дверь общей камеры, сломав деревянный штырь, на который она закрывалась. Вырвавшись в тюремный коридор, они быстро разоружили дремавших часовых и заперли их в камере. Освободили из других камер своих товарищей и, захватив из цейхгауза винтовки и патроны, арестовали остальную охрану, коменданта крепости полковника Познанского, капитана Клитина. Последний во время ареста тяжело ранил Семена Беспалова.

Тюрьма давно уже была в руках восставших, а пароход для переправы через Иртыш не появлялся. Лишь потом выяснилось, что ускользнувшие из крепости прапорщик Носов и старшина местной команды Маяков пригрозили капитану парохода расстрелом, если только он возьмет на борт восставших. Поэтому пароход так и не пришел. Напрасно также было потеряно время на переговоры с уголовниками, которые отказались присоединиться к восставшим и остались в своих камерах, и на ожидание посланных в город и деревню Долгую (теперь Заульбинская часть Усть-Каменогорска) связных, которые так и не вернулись.

Начало светать. Вооруженные до зубов белогвардейцы окружили тюрьму. Восставшие — всего около 200 человек вынуждены были вступить с ними в неравный бой. Потери быстро росли; не хватало патронов. Многие пали, изрубленные бандитами. Часть повстанцев бросилась вплавь через Иртыш и Ульбу, но далеко не всем посчастливилось избежать гибели. Так спасся Сергей Гончаренко, переплывший Иртыш на плахе, Тимофеев, будущий командир славного партизанского отряда «Красные горные орлы Алтая», Федор Суриков — единственный из четверых, посланных за боеприпасами вплавь через Ульбу.

Ряды восставших таяли. Руководители восстания Кудинов и Семен Беспалов были убиты. Командование оставшейся горсткой повстанцев взял на себя Михаил. Он дал приказ отходить вдоль дамбы к Ульбе с тем, чтобы там переправиться через нее вброд. Но повстанцев опередили подошедшие белоказаки. Переправившись на конях через Иртыш и выйдя в тыл восставшим, они открыли огонь. Их поддержали из-за Ульбы белоказаки городского гарнизона. Тем временем бывший церковный староста Мурашов, пробравшись в крепость, освободил тюремных охранников. Во-

оружившись найденными в крепости винтовками, они также с тыла открыли огонь по восставшим. Отходившие с Михаилом товарищи терпели жестокий урон. Бой длился уже 20 часов. Осталось в живых лишь несколько человек. Они уже добрались было до конца дамбы, к прибрежным кустам, и надеялись еще переправиться через Ульбу. Но их заметили прорвавшиеся к крепости белоказаки. Уйти никому не удалось. Михаил с перерубленной ключицей и глубокой раной на спине, облизаясь кровью, уполз к Ульбе. Тут и нашли его мать со старшей сестренкой Надеждой. Они подняли Михаила и понесли домой, но наткнулись на свору белогвардейцев во главе с атаманом Веденеевым и махровым черносотенцем протоиереем Дагаевым, который к трупам восставших прикреплял бумажки с гнусными надписями. Увидев женщин, несших на руках истерзанного человека, они приказали казакам прогнать их. Над головой Надежды со свистом взвилась плеть. Мать, ничего не видя от застлавших ее глаза слез, продолжала придерживать рукой умирающего сына. Подошедший белогвардеец выхватил из кармана револьвер и выстрелом в висок прикончил Михаила.

Погибших большевиков колчаковцы долго не давали хоронить. Четыре дня не подпускали к ним никого из родных и близких. Наконец стало известно, что на бойне около Иртыша, где сваливают всякие отбросы, пленные австрийцы копают для них ямы. Нам удалось договориться с пленными (и среди них были сочувствующие нам люди), чтобы они положили тело Михаила в ту яму, которую бы мы знали.

В декабре 1919 года Усть-Каменогорск освободили партизаны, и Советская власть в городе была восстановлена. Зимой 1920 года останки погибших большевиков и красногвардейцев перевезли в город и похоронили в братской могиле возле Иртыша — в самом живописном месте Усть-Каменогорска. Имена героев, отдавших свою жизнь за победу Октября, навсегда останутся в памяти нашего народа.

Е. Кузенкова

РЕВОЛЮЦИОННОЕ МУЖЕСТВО ЮНОШИ

В годы гражданской войны тысячи сынов и дочерей нашего народа отдали жизнь за свободу и счастье своей Родины. Среди них был и мой брат — Александр Кузенков.

В 1908 году наша семья переехала из Поволжья в Павлодар. Здесь брат начал учиться. Любимым его занятием было чтение книг. У отца была небольшая, но хорошо подобранная библиотека. Читали Горького, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, стихи которого Саша особенно любил. Были и книги по истории. Так, помню, большое впечатление на всех нас произвел сборник «Подпольная Россия», в котором были помещены биографии известных народовольцев.

Учился брат отлично, но, к сожалению, недолго. Лет с десяти-одиннадцати Александр начал помогать отцу портняжить.

В октябре 1916 года отца взяли в армию. Перед Александром встал вопрос: что делать? После недолгих раздумий брат уехал в Экибастуз на копи.

Восемнадцатилетним юношей Александр Кузенков вступил на путь революционной борьбы. В августе 1917 года он вернулся в Дубровку, где жила наша семья, и принимал активное участие в организации Совета. Александра Кузенкова избрали членом и секретарем волостного Совета. По его предложению Совет совместно с представителями казахских трудящихся конфисковал земли, принадлежавшие белоказачьему офицерству, и раздал их беднякам.

Началась гражданская война и иностранная военная интервенция. Был захвачен Омск, арестованы депутаты Павлодарского Совета, начались аресты активистов. Вначале крестьянство заняло выжидательную позицию, но оно вскоре начало выражать недовольство белогвардейской властью в Павлодаре, а когда началась мобилизация молодежи в белую армию, крестьяне стали сопротивляться.

Приказ о мобилизации был получен и Дубровской волостью. Он обсуждался на общем собрании волости. Александр разъяснил собравшимся сущность этого приказа, направленного против трудящихся, против Советской власти. Собрание прошло бурно и постановило приказ не выполнять. Так же отнеслось к приказу о мобилизации крестьянство всего Павлодарского уезда. Оно потребовало немедленно созвать уездный крестьянский съезд и поставить население в известность, для какой цели формируется армия и согласен ли на это народ.

Съезд состоялся в конце июня или начале июля, точно сейчас не помню. Дубровская волость на съезд делегатом командировала Александра Кузенкова. Съезд дружно высказался против мобилизации молодежи в армию. Видя, что дело проваливается, эсеровские руководители съезда пригрозили арестом тем делегатам, которые будут голосовать против. Этим путем, путем угроз и шантажа, им удалось собрать требуемые голоса.

Вернувшись со съезда, брат рассказал о том, как решались дела на съезде в Павлодаре, и выехал делегатом от Дубровки на съезд кооператоров в Вознесенское. Дело, конечно, было не в кооперации. Съехавшись в Вознесенское, делегаты прогнали эсеровских руководителей съезда и поставили вопрос о восстании и захвате Павлодара. Членом штаба восстания и секретарем съезда был избран Кузенков. Съезд уполномочил его выехать в Славгородский уезд, в Черный Дол, для связи с руководителями организуемого там восстания. Но восстание крестьян в Черном Доле зверски было подавлено. Брату с трудом удалось выбраться обратно в Вознесенское. В связи с этим наш штаб решил отложить восстание. Александр выехал в Романовскую группу сел сообщить о создавшемся положении. Из Романовского он тайком вернулся домой. Недели две скрывался в поле, на токах. В это

время поступил новый приказ о мобилизации в армию. Причем, пригрозили, что если он не будет выполнен, родителей (каждого десятого) тех, кто уклонился от мобилизации, расстреляют. Брат подлежал призыву.

Александра зачислили в Степной сибирский запасной полк, который стоял в Семипалатинске. Здесь он не прекращал революционной работы. Летом 1919 года он приехал домой на побывку. Жили мы в это время на хуторе Ново-Астраханском. Колчаковские милиционеры, опознав его, сообщили в Павлодар. Вскоре Александр был арестован.

АЛЕКСАНДР КУЗЕНКОВ

В последний раз я видела брата в тюрьме осенью 1919 года. Встреча наша произошла в столярной мастерской, где работали заключенные. Вдоль стен стояли гробы — изделия тюремной мастерской. Словно живой стоит перед моими глазами Александр—стройный, высокий, внимательно слушающий мой рассказ о новостях и событиях на воле. Временами просит говорить потише — рядом могут быть провокаторы. Больно сжималось сердце, но тогда я еще не думала, что вижу брата живым в последний раз.

Из тюрьмы на расстрел его вывели первым. Все думали, что вызвали для отправки в Семипалатинскую тюрьму, такие слухи ходили среди арестованных. Но вышло иначе — конвойные повели его по направлению к бане, где обычно чинилась расправа. Поняв, что его ждет, Александр попытался бежать. Он ударил конвойного и бросился бежать, те открыли стрельбу, но никак не могли попасть. Александр ушел от них невредимым, но был убит патрулем уже далеко от тюрьмы.

Честный, правдивый, скромный, наш Шура до конца боролся против врагов народа. Его любили и уважали товарищи.

В 1921 году жители Дубровки организовали сельскохозяйственную коммуну, назвав ее в память Александра Кузенкова «Ново-Александровской».

Социалистическое строительство

С. Сейфуллин

В АКМОЛИНСКЕ[1]

Акмолинск. Зима 1918 года. Совдеп работает без устали. Видных богачей города мы обложили контрибуцией (налогом) в размере трех миллионов рублей (в то время это были большие деньги). Богачи негодовали. Но иного выхода у них не было. Согласно приказу, они срочно сдали деньги в финансовый отдел Совдепа. Кроме того, мы заняли под учреждения лучшие дома богатеев. Банки, машины, паровые мельницы мы национализировали в первую очередь.

Заседания Совдепа происходили часто. Здесь решались важные вопросы. Заседания проходили оживленно. Двери Совдепа были открыты для всех, и часто граждане — простые слушатели — просили слова и выступали со своими предложениями.

Наступило лето. Наладилась связь с Омском и Петропавловском. Почту и газеты стали получать регулярно. Советская

[1] Перевод с казахского.

власть к этому времени прочно утвердилась во всей области. В первую очередь Совдепы взяли власть в свои руки в Акмолинском, Омском и Петропавловском уездах. Затем она была установлена также в Кокчетавском и Атбасарском уездах.

Положение в Омске и Петропавловске было лучше, чем в Акмолинске, потому что там было много рабочих и железнодорожников. Организовав Совдеп, создали Красную гвардию и советские административные учреждения. От русских рабочих не отставали и немногочисленные рабочие-казахи.

СЕИФУЛЛИН САКЕН (1893—1938 гг.), член партии с 1918 г. Один из организаторов победы Советской власти на Акмолинщине, член Акмолинского Совдепа, делегат Учредительного съезда Советов Казахстана, с 1922 по 1924 г. председатель Совета Народных Комиссаров Казахской АССР. Выдающийся казахский поэт, один из основоположников казахской советской литературы.

В Петропавловске рабочие-казахи, организованно сплотившись, вооружились и встали на путь политической борьбы. Местом сбора у них была гостиница известного петропавловского бая Озербая. Некоторые из них записались в Красную гвардию...

Однажды в начале зимы 1918 года в Петропавловске офицеры подняли мятеж против Совдепа. Окружив его, они арестовали некоторых его руководителей и начали хозяйничать в городе. Рабочая Красная гвардия освободила Совдеп. Вожаки контрреволюционеров получили по заслугам. В подавлении контрреволюционного мятежа активно участвовали также рабочие-казахи.

Рабочие-казахи Омска тоже стали вступать в Красную гвардию.

В Акмолинске не было таких заводов, как в Омске, поэтому и рабочих там было меньше. Заводы Нельды, Спасска, Караганды и Сары-Су находились в двухстах-трехстах километрах от Акмолинска. Связь с рабочими этих заводов была нерегулярной и трудной, особенно зимой. Однако Акмолинский Совдеп вел значительную работу среди трудящихся, работавших на периферии Акмолинска.

В то время шло строительство Южно-Сибирской железной дороги из Орска в Семипалатинск через Атбасар и Акмолинск.

Управление дороги находилось в Акмолинске. Здесь же был выстроен вокзал. И вот на этом вокзале члены нашего Совдепа делали доклады для рабочих. В большинстве это были люди, недавно пришедшие из аулов. Мы начали с ними воспитательную работу с объяснения политического положения в стране. Этих рабочих мы устроили на квартиру в красивый дом одного богача.

Однажды в Совдеп пришла радиотелеграмма за подписью Сталина. В телеграмме говорилось: «Советская власть, следуя программе большевиков, предоставляет всем угнетенным в царское время народам автономию. Каждый народ по своему усмотрению решает свою судьбу. Казахский народ должен готовиться к автономии по территориальному признаку. Для этого, прежде всего, необходимо организовывать на родном языке суды и школы...»

...Переговорив в Совдепе, мы срочно созвали съезд. Представители собрались быстро, правда, из-за спешки (съезд нужно было провести немедленно) мы не смогли пригласить представителей из отдаленных мест. Съезд проходил в нижнем этаже здания Совдепа (в доме бывшей гимназии, построенном богачом Моисеевым). Съезд обсуждал вопрос об автономии. Я сделал доклад...

«Автономия, принятая алаш-ордынцами, не нужна трудящимся казахам. Автономию примем тогда, когда будет много грамотных среди нас»,[1] — такое постановление вынесли мы на съезде. От имени съезда мы дали телеграмму Сталину, вкратце изложив решение съезда. Байсеит Адилов, Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев, Жумабай Нуркин, Нургаин Бекмухамбетов и я долго советовались, составляя телеграмму. Писал Байсеит Адилов, редактировал я.

Правильным ли было это мнение в то время или неправильным — особый вопрос. Но в порядке некоторого отступления стоит сказать о том, что наши взгляды и мнения об автономии казахов оставались такими же вплоть до 1920 года. Так, например, в 1920 году в Акмолинске был созван уездный съезд казахской бедноты, и на этом съезде тоже был сделан доклад об автономии казахов...

На съезде доклад об автономии сделал я. После доклада

[1] Съезд, правильно оценив контрреволюционную сущность буржуазной автономии, вместе с тем обнаружил непонимание сущности советской автономии. Коммунистическая партия никогда не обусловливала советскую автономию степенью грамотности того или иного народа. Опыт советского строительства подтверждает, что национальная советская государственность является мощным орудием и культурной революции, приобщения трудящихся отсталых народов к прогрессу, науке, знаниям.

и некоторого обмена мнениями и этот съезд принял такое же постановление. Выражая мнение съезда об автономии, мы послали от имени съезда в Оренбург Киргизскому Краевому Военно-революционному комитету телеграмму.

В Оренбурге телеграмма была напечатана в выходившей на русском языке газете Киргизского Краевого Военно-революционного комитета.

В то время, как мы посылали Сталину телеграмму, некоторые алаш-ордынцы писали в своих газетах, что-де «казахскому народу» не нужна автономия, установленная большевиками. Так говорили сторонники «Кокандской автономии»,[1] возглавляемые Чокаевым. Об этом же было написано в передовой статье, опубликованной в газете «Бирлик туы» от 5 апреля 1918 года, издававшейся в Ташкенте. В этой статье алаш-ордынцы называли большевиков «грабителями... разбойниками... обманщиками...», заявляя, что «ничего хорошего нельзя ожидать от их автономии»...

...Наступило лето 1918 года. Алаш-ордынцы и их сторонники не сидели сложа руки, но и работа Совдепа улучшалась изо дня в день. Для проведения мероприятий по упрочению Советской власти на местах мы посылали в степь членов Совдепа...

Укрепились связи с рабочими Нельды, Спасска, Караганды. На заводах организовались Совдепы. Чаще стали приезжать в уездный Совдеп представители от заводов. Члены нашего Совдепа также часто посещали заводы.

Заслушав доклад о заводах, Совдеп взялся за налаживание на них работы и быта рабочих. Решено было отобрать заводы и передать их в собственность государству. В наш уездный Совдеп прибыли представители от рабочих Совдепов Спасского, Нельдинского и Карагандинского предприятий...

Мы заслушали доклад Абдуллы Асылбекова, вернувшегося из Омска и Петропавловска. Он говорил:

— Большинство рабочих Петропавловска взялось за оружие, хорошо организовались также рабочие Омска. Около двадцати рабочих-казахов добровольно вступили недавно в ряды Красной Армии. Я видел среди них Угара Джанибекова, Мухамедгалия Татимова, Закирию Мукеева... Это были рабочие-казахи, известные как настоящие революционеры. Угар Джанибеков, например, является участником известных всему миру Ленских событий 1912 года. Эти люди сознательно вступали в Красную Армию и грудью встали на защиту завоеваний трудящихся.

---

[1] В ноябре 1917 года в Коканде возникла контрреволюционная буржуазно-националистическая организация «Кокандская автономия», объявившая себя «правительством». В феврале 1918 года была ликвидирована силами красногвардейских отрядов, узбекских рабочих и крестьян.

В своем докладе Абдулла рассказал также о создавшемся тревожном положении.

— Офицеры, баи, русское казачество,— говорил он,— намерены в ближайшее время поднять мятеж. В Кокчетавских лесах казачий офицер Анненков собирает войска, об этом рассказывал нам Сабир Шарипов [1].

Шарипов, оказывается, просил прислать из Омска вооруженную помощь для ликвидации заговора офицеров. Но в Омске на это не обратили внимания. Возвращаясь сюда, я собственными глазами видел последствия действий белоказаков. Так, например, на одной из станций до моего приезда вооруженные казаки Анненкова ограбили почту и, напав на милиционеров, отобрали у них винтовки. В окрестностях Кокчетава положение было такое же. В Омске руководители алаш-ордынской организации «Бирлик» тоже к чему-то тайно готовятся. Они также вели тайные переговоры с казачьими офицерами. Говорят, что один из молодых алаш-ордынцев тайно ездил куда-то для переговоров. Положение в окрестностях Петропавловска еще хуже. Кажется, оставшиеся на свободе участники прошлого мятежа готовятся вновь выступить...

Так затаившийся враг, как змея, исподволь готовился нанести удар нам в спину, а мы своевременно не обратили на это внимания. В этом наша ошибка, наша слабость...

С. Сейфуллин. Тар жол тайғақ кешу. Алматы, 1936, 181—199-бет

[1] Сабир Шарипович Шарипов (1882—1938 гг.), член Коммунистической партии с 1918 года, был учителем в аульной школе. Активно работал в революционных организациях Кокчетава, участник большевистского подполья в тылу Колчака. С начала 1920 года находился на партийной, советской и хозяйственной работе, а также занимался научной деятельностью.

М. Татимов

ПУТЬ ПРОЛЕТАРИЯ-КАЗАХА[1]

Мой отец был бедняком. На его иждивении находилось 7 человек — шестеро детей и жена. Имел он одну лошадь, корову, 5—6 голов мелкого скота. С моим старшим братом он летом уходил на заработки.

В 1904—1905 годах я стал пастухом, а в 1908 году отец меня устроил водовозом в городе Семипалатинске. Я получал 50 копеек в месяц. Вскоре отец меня и старшего брата отдал в батраки к кулаку. Работа была очень тяжелая, а плата — мизерная. В 1911 году я самовольно уехал в Семипалатинск и нанялся кучером к местному купцу, здесь проработал до 1914 года. Немного научился читать...

В 1914 году в Семипалатинске появились вербовщики рабо-

[1] Под этим заголовком публикуется в сокращенном виде автобиография М. Татимова, написанная им в 1936 году. При подготовке текста к печати учитывалось то обстоятельство, что сохранившаяся рукопись автобиографии не подвергалась окончательной обработке и редакции со стороны автора.

чей силы на Ленские прииски, обещали очень большую плату, говорили, что рабочим на приисках очень хорошо живется. Завербовали 400 казахов и отправили в Иркутск, куда мы прибыли зимой. На Ленские прииски было очень трудно добираться, поэтому мы в Иркутске пробыли целый месяц. У нас появились знакомые — старые приисковые рабочие, среди них и казах — ссыльный по имени Актайлак. Он познакомил нас с русскими товарищами, старыми приисковыми рабочими. Они нам говорили: «Вас отправляют на гибель, там рабочих расстреливают, там голод». С их помощью мы расторгли договор. Большинство казахов вернулось на родину.

ТАТИМОВ МУХАМЕДГАЛИЙ (1894—1938 гг.), член КПСС с 1918 г. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В последующие годы — на руководящей партийной и советской работе в Казахстане. Избирался членом Кир(Каз)обкома РКП(б), Казкрайкома ВКП(б) и КазЦИКа.

Мы с Тельмебаевым (тоже кучер из Семипалатинска) приехали в Омск. Летом 1914 года мы здесь познакомились со старыми рабочими — Мукатаем Джанибековым и Закирией Мукеевым.

В Омске я сначала работал кочегаром в бане Коробейникова, потом грузчиком на пароходе «Михаил» и на пристани.

Казахи работали на железной дороге и гужевом транспорте, но в большинстве были безработными. Мы жили группами на частных квартирах, помогали друг другу во время безработицы, а также во время болезни.

В 1916 году всех казахов, находившихся в Омске, пригнали в казармы для отправки на тыловые работы. Оставили лишь старых матросов.

В конце 1916 года в Омске вспыхнула стихийная забастовка матросов. Дело в том, что пароходная компания установила нам оплату за работу в размере $^1/_3$ той, что была до мобилизации на тыловые работы. В знак протеста 60 казахских рабочих забастовали. Хозяева пароходства угрожали нам, что отправят на фронт. Нас поддержали русские товарищи — тоже грузчики. К этому времени и позднее в нашей среде появились активные товарищи — М. Джанибеков, З. Мукеев, Каскарауов, Ш. Тналин, Орлов, несколько позже — Лобков, Русов...

Были среди нас и такие, которые стремились к знаниям. Летом они работали, а зимой учились.

Накануне 1 мая 1917 года была объявлена общая забастовка грузчиков и матросов. Мы дружно держались несколько дней....

1 мая в Омске состоялась демонстрация рабочих, в которой участвовали и четыре казахских артели (несколько сот человек). На площади выступали кадеты и офицеры и призывали: «Война до победного конца!»

Большевистские же агитаторы — Орлов, Лобков — выступили с лозунгами «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «За восьмичасовой рабочий день»...

Во время голосования в Учредительное собрание я с группой товарищей поехал в Акмолинскую область. Там организовали управление киротдела[1]. Нам было известно имя Кульбая Тугусова — руководителя партии «Уш-жуз»,[2] мы пошли к нему за советом — за кого голосовать. Помощник Тугусова прочитал нам программу партии «Уш-жуз», в которой говорилось, что козлобородые крестьяне, черномазые рабочие— это враги казахского народа.

Мы оттуда вернулись довольно разочарованные и обратились к Лобкову и Орлову за советом. Они нам разъяснили, что руководители «Уш-жуз» со своей программой идут против рабочих, против бедноты, против крестьян и т. д. Мы все голосовали за списки большевиков.

Во время Октябрьской революции я и М. Джанибеков принимали участие в вооруженном восстании. Затем, когда стали создаваться отряды Красной гвардии, Джанибеков, Мукеев, Тельмебаев, Жагапаров и другие вступили в них.

Я тогда работал молотобойцем в Управлении железных дорог. Однажды вечером кузнец остался на собрание рабочих. Я спросил его — нельзя ли и мне остаться, он мне разрешил. Когда мы зашли в помещение, там происходило обучение, как обращаться с винтовкой. Меня строго предупредили, чтобы я ни с кем об этом не говорил, никому не рассказывал. В день восстания мы с группой товарищей — человек 35 — участвовали во взятии кадетского корпуса.[3]

28 февраля 1918 года я и Тельмебаев в числе 47 добровольцев были приняты в Красную Армию. Командиром нашей роты

---

[1] Так в тексте.

[2] «Уш-жуз» — мелкобуржуазная националистическая организация. Малочисленная по своему составу, она к началу гражданской войны распалась.

[3] В Омске кадетский корпус был одним из опорных пунктов белогвардейцев, поднявших мятеж 1 ноября 1917 года. В тот же день мятеж был подавлен отрядами Красной гвардии и революционных солдат местного гарнизона.

был Русов. Другие товарищи (М. Джанибеков, Мукеев) вступили добровольцами в летучий отряд.

Среди нас были товарищи, которые хорошо разбирались в обстановке, правильно оценивали трудности борьбы рабочего класса против контрреволюции. Но немало было среди нас колеблющихся людей, которые пророчили нам гибель, потому что против красных движется с Востока такая сила, как атаман Семенов, из Самары — белочехословаки и т. п. Простые же люди, трудящиеся-казахи, настроенные революционно, радовались, что в ряды Красной Армии вошли казахи.

Наши красноармейские части были подлинно интернациональными. Среди нас были русские, казахи, татары, мадьяры. Буквально с каждым днем рос наш революционный энтузиазм, который передавался и другим. Ни один из омских рабочих-казахов не вошел в алаш-ордынскую партию и белую армию. Наоборот, те, кто принимал активное участие в борьбе Красной гвардии и Красной Армии, стали настоящими большевиками, преданными партии и народу коммунистами.

О моем личном участии в гражданской войне имеются отдельные сведения.[1]

В 1920 году, после ликвидации колчаковщины, Политотдел 3-й армии направил меня в Семипалатинск в качестве организатора и агитатора среди молодежи. Тогда и Политотдел, и Сибревком ставили задачу вести работу по организации казахской молодежи...

...Комитет партии бросил призыв всем комсомольцам идти на Западный фронт. Больше 200 казахских рабочих и крестьян, в том числе и я, добровольцами поехали на фронт...

Партархив Казфилиала ИМЛ, ф. 725, оп. 4, ед. хр. 1293.

---

[1] Здесь, видимо, М. Татимов имеет в виду свои воспоминания «Как я попал в Красную Армию», которые хранятся в партархиве Казфилиала ИМЛ. В них автор рассказывает о своем участии в борьбе против колчаковщины. После того как части Красной Армии в июне 1918 года оставили Омск, М. Татимов участвовал в боях под Екатеринбургом, в Пермской операции и т. д.

А. Дощанова

ОМАР СИБИРСКИЙ

Мой отец, Омар Дощанов, родился в 1857 году в ауле № 2 Домбаровской волости Кустанайского уезда Тургайской области. Девяти лет его отвезли в Троиц в начальную русско-киргизскую школу. После окончания ее он работал писарем и переводчиком в разных волостях. Грамотный для своего времени, смелый и решительный по характеру, справедливый в убеждениях, он решительно выступал против засилия баев, мулл, царских чиновников. Этим отец завоевал любовь и симпатию трудящихся, стал любимцем аульной бедноты.

Жизнь Омара Дощанова была нелегкой. Баи, муллы, царские чиновники возненавидели смелого юношу и искали повода, чтобы расправиться с непокорным бунтарем.

Однажды я услышала рассказ отца о том, что послужило поводом для расправы с ним. Это случилось так: как-то поздно ночью отец возвращался домой. Вдруг он услышал душераздирающие крики. Отец отправился в ту сторону, откуда они доно-

сились. Подойдя к белой юрте, он через отверстие (жабык) увидел дикую картину: посредине юрты, обложенный подушками, сидит феодал, в его руках палка, на лице довольная улыбка. А перед ним на голой земле, понурив голову, связанная по рукам, с обнаженной грудью токал (одна из младших жен). Около нее возится с маленьким щенком пятилетний байский сын от первой жены. Он кладет щенка на грудь бедной женщины. Щенок с жадностью сосет, облизывается. В глазах женщины страх, слезы, по лицу и груди течет кровь. Такой дикости Омар никогда еще не видел, хотя раньше и слышал о подобном. Омар ворвался в юрту и бросился освобождать женщину. Бай ударил его палкой по голове. Отец был богатырского сложения — одним ударом он уложил бая на лопатки и вместе с освобожденной женщиной скрылся в темноте.

За защиту прав женщины, за резкий протест против законов шариата баи и муллы отдали Омара под суд. Царский суд осудил его на каторгу «за оскорбление шариата, выражающееся в отнятии законной жены у мужа, за вмешательство во внутренние дела семьи, за оскорбление бая».

В Сибири Омар Дощанов познакомился со стариком казахом Хатаем, осужденным за убийство феодала. Хатай не знал русского языка, был неграмотным. Вместе с ним находилась его единственная дочь Назиха. Раньше срока Хатай с помощью Омара вернулся на родину. Перед его отъездом Омар женился на Назихе.

Когда мне было 4 года, мы вернулись на родину. Отец пробыл в Сибири 22 года. В народе с тех пор его стали называть Омаром Сибирским.

Б. Ещанов

БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА

з уст в уста передаются рассказы о героических делах героев Октября и гражданской войны. Имена многих из них стали легендарными. Народ слагает о них песни, их именами называют детей, улицы, колхозы, совхозы, предприятия.

Одним из народных героев, отдавших свою жизнь за счастье народа, был Омар Дощанов. Народ называет его «Омар Сибирский» «батыр Омар», «шаит Омар» (шаит — человек, отдавший жизнь за правое дело).

Омар Дощанов был моим дядей. Он был человеком исключительного мужества и отваги, честности и справедливости, настоящей опорой аульной бедноты.

Вернулся Омар с каторги измученный, постаревший, но политически более зрелый — сказалось влияние ссыльных революционеров. Теперь он имел представление о классовой борьбе, знал жизнь других народов и с глубоким уважением говорил о русских революционерах.

Бедняки Ахмет Дощанов, Айтпай Утепбергенов, Тасмагам-

бет Естинов, Искендир Бермухаметов и многие другие о большевиках, о Ленине, о революции впервые услышали от Омара Дощанова.

После первой русской революции за Омаром началась слежка. Баи, муллы, волостные правители травили его, преследовали. В 1912 году Омара посадили в кустанайскую тюрьму за «неповиновение шариату и оскорбление императора всея Руси».

Во время Февральской революции Омар решительно выступил против Временного правительства, против предательской политики партии «Алаш».

Октябрьскую революцию Омар Дощанов встретил 60-летним стариком, но, несмотря на свой возраст, активно включился в революционную борьбу. На 1 съезде Советов Кустанайского уезда, состоявшемся в январе 1918 года, он был избран членом исполнительного комитета и председателем Военно-революционного трибунала. Вместе с М. Г. Летуновым, Л. И. Тараном и многими другими Омар боролся за укрепление Советской власти.

В июне 1918 года белогвардейцы с помощью белочехословаков установили в Кустанае и уезде контрреволюционную власть. Многие члены исполкома во главе с Л. И. Тараном были арестованы. Омар Дощанов успел скрыться. Аульная беднота оберегала своего любимого сына. Алаш-ордынские и белогвардейские палачи разыскивали Омара, многие его родственники и близкие подвергались гонениям. Враги боялись Омара Дощанова, пользовавшегося большой популярностью в народе.

Однажды, в августе 1918 года, Омар ночевал дома. Офицер алаш-ордынской милиции Акжолов с помощью баев и мулл привел пять белогвардейских палачей. Аульные бедняки Сулеймен Жакабаев, Алибай Майбетов, Килыбай Бектемиров и некоторые другие были полны решимости защищать Омара. Однако сам Омар не хотел, чтобы из-за него палачи расправились со всем аулом. Его увезли.

Белогвардейцы, опасаясь погони, решили расправиться с ним. Свернув с дороги, они остановились у полосы неубранного посева, между логами Конай и Ортанбай-сай. Здесь, километрах в десяти от Кустаная, Омар Дощанов мужественно встретил смерть. Под дулом направленных на него винтовок он сказал: «Вы можете убить меня, но нельзя убить революцию, народ! Я верю, что палачам не миновать кары!»

Тело Омара Дощанова мы доставили в аул и похоронили рядом с могилой его жены Назихи на берегу реки Тобол.

Имя Омара Дощанова — славного сына казахского народа, отдавшего свою жизнь за власть Советов, живет в народе.

М. Метелев[1]

ТРИБУН АУЛЬНОЙ БЕДНОТЫ[2]

В квартире Джамансарина, председателя Кень-Аральского волостного исполкома, Омар Дощанов рассказывал усевшимся в кружок членам Совдепа — беднякам казахам — о колониальной политике царизма, о союзе русского царя и казахских баев.

— Возьмите хотя бы наш Кень-Арал,— говорил он,— за что в 1916 году беднота до полусмерти избила волостного управителя Абильду Чанова, убежавшего потом в Кустанай, или в Убагане — Дандыбаева, или в Мендыгаре — Токыша Дарменова? За предательство! Но опомнились ли они? Нет! После нашего поражения в Тургайских степях они продолжали выда-

[1] Метелев Михаил Прохорович (1899—1956), член КПСС с 1919 г. Участник партизанского движения. После окончания войны — работник органов прокуратуры.

[2] Под этим заголовком публикуется отрывок из воспоминания М. П. Метелева.

вать участников восстания царским прихвостням, издевались над беднотой хуже, чем в былые ханские времена. Царские карательные отряды насиловали наших жен и дочерей, грабили бедноту. Баи им помогали, а после их ухода сами продолжают грабить...

Собеседники напряженно слушают Омара. Горечь и гнев охватывают их. Перед их глазами встают лица убитых, замученных.

А Омар продолжает рассказывать о комиссарах Временного правительства А. Букейханове, Беремжанове и других, которые проводят старую политику угнетения казахских трудящихся...

Казахи бедняки, депутаты Совета шли вместе с Омаром Дощановым за большевиками.

3 апреля 1918 года в большом зале Народного дома открылся 2-й уездный чрезвычайный съезд Советов. На повестке дня — отчетный доклад председателя Совдепа. На съезде чувствовалось засилье меньшевистско-эсеровских элементов.

В двухчасовом докладе председатель Совета Л. И. Тараи осветил деятельность Совдепа. Его доклад съезд прослушал в напряженной тишине.

В прениях от большевистской группы выступили Михаил Летунов и Омар Дощанов. Смело, пункт за пунктом они вскрыли существо политики соглашательских элементов Совдепа, отказавшихся отправлять хлеб Центру. Они сорвали маски с лиц соглашателей в Исполкоме, по инициативе которых было отклонено предложение об организации отрядов Красной гвардии, что развязало руки контрреволюционному офицерству, открыто выступившему против Советской власти.

Многочисленные факты, сообщенные Летуновым и Дощановым съезду, их страстные выступления произвели сильное впечатление на делегатов.

— Позор! — раздавались голоса из зала...

У. (М.) Джанибеков

МОЙ ПУТЬ К ОКТЯБРЮ

(из автобиографии)

Родом я из Темирчинской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области. С 10 лет я батрачил у баев. В 16 лет нанялся пастухом к татарину Тюменеву — крупному скупщику скота. После этого поступил рабочим по ремонту железных дорог, а затем переселился в Омск и работал летом грузчиком, а зимой ломовщиком у крупного богача Проскурякова. Через некоторое время устроился недалеко от Читы на Замятинской шахте.

В 1905 году на шахте была забастовка. Я участвовал в ней, за это был выгнан с работы. Вскоре перебрался на Ленские прииски.

Здесь 4 (17) апреля 1912 года царские жандармы расстреляли мирную демонстрацию рабочих, требовавших улучшения своего материального положения. Я был ранен в левую ногу и пролежал в больнице. По выздоровлении меня отправили в Бодайбинскую тюрьму, затем осудили на 12 лет каторги. До

1917 года сидел в Бодайбинской и Верхоленской каторжных тюрьмах.

Освободился после Февральской революции. Переехал в Омск. Здесь вступил в партию большевиков.

В Омске в это время орудовали алаш-ордынские главари Турлубаев, Габбасов и другие. Они организовали свой исполнительный комитет.

ДЖАНИБЕКОВ МУКАТАЙ (1887—1932 гг.), член партии с 1917 г. Участник рабочего движения на Ленских золотых приисках (1912 г.). Один из активных борцов за власть Советов в Северном Казахстане. В годы гражданской войны принимал участие в боях против белогвардейцев и алаш-ордынцев. В 1920 г. — политрук Кировоенкомата, в 1920—1922 гг.— в Петропавловском губисполкоме, инструктор и член губревтрибунала.
В последующие годы—на ответственной советской и хозяйственной работе.

Я примкнул к партии рабочих и принимал активное участие в... (борьбе) против Временного правительства и создания партии «Уш-жуз».

Среди моих друзей были, кроме русских рабочих, казахи — Айтленов и Шаймерденов, расстрелянный колчаковцами в августе 1919 года.

После свержения Временного правительства я принимал участие в работе Совдепа, агитировал казахов вступать в Красную гвардию, а сам вступил в первый Сибирский конный летучий отряд.

В это время белочехословаки и белоказаки, взяв Челябинск, Курган, Петропавловск, наступали на Омск. Навстречу им вышел также наш летучий отряд и встретился с врагом на станции Куломзино. Бой был жесток и продолжался несколько дней. Командир отряда Успенский и многие товарищи погибли. Несколько человек, в том числе и я, попали в плен. Мы были отправлены в Петропавловск. Меня приговорили к расстрелу, но мне удалось бежать.

Более двух месяцев я скитался по Петропавловскому уезду. Все же предатели выдали меня колчаковцам. И вот я снова в тюрьме, на этот раз в Челябинске. В вагоне смертников из Челябинска меня направили в Красноярскую тюрьму, где заболел тифом. Меня поместили в больницу. Охрана здесь была не очень строгая, и я вновь бежал.

Я — в освобожденном от белогвардейцев Омске. Вступил в конный отряд уездной милиции. Наш отряд защищал неокреп-

шую еще Советскую власть от контрреволюционных вылазок буржуазии и ее пособников.

В мае 1920 года в Омск приехали из Оренбурга Авдеев — краевой военный комиссар и Джангильдин — член Кирревкома. Они забрали меня с собой. В Оренбурге я был назначен помполитом в казахский эскадрон. Наш эскадрон участвовал в разгроме банды Сапожкова.

Вскоре из Оренбурга я уехал делегатом на съезд казахской бедноты в Петропавловск. Затем меня определили в резерв при военкомате, где я по совету Авдеева поступил в школу ликвидации неграмотности красноармейцев. Здесь я проучился пять—шесть месяцев...

Сабит Муканов

ПОЭТ, ВОИН, КОММУНИСТ

Пожелтевшая от времени петропавловская газета «Мир труда» — орган уездного партийного комитета и уездного ревкома. В номере 81 от 20 апреля 1921 года был помещен навсегда запомнившийся мне некролог, написанный торжественным и несколько наивным языком тех бурных революционных лет:

ТОВАРИЩ ЗТУЛИН — ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА...

Героически погиб от руки золотопогонников-колчаковцев член РКП(б) т. Зтулин Баймагамбет...

Товарищ Зтулин был инструктором Федоровского районного отдела Наробраза.

Всегда чуткий, отзывчивый, он весь ушел в революционную работу среди аульного населения, побуждая его отрешиться от вековой спячки и идти к свету и знанию!

Его беседы, его призывы к светлому счастью будущего и теперь все еще живут в сердцах наших.

Товарищ Этулин с малолетства был одарен талантом стихотворства. Милые его стихотворения были посвящены простым труженикам аулов.

Товарища Этулина нет теперь в наших рядах, и наш народ уже не прочтет в своих газетах стихи своего акына Баймагамбета.

Спи, дорогой товарищ!

Своими стихами ты увенчал свою могилу, и пролетариат занесет тебя на страницы истории!

У. Кочагов

Некролог опубликован 20 апреля, а кулацкое восстание, жертвой которого стал и одаренный революционный поэт, зачинатель советской поэзии в Казахстане, Баймагамбет Этулин, произошло за два месяца до выхода этого номера газеты.

Понятна глубокая скорбь автора некролога: в лице Баймагамбета был потерян не только верный сын партии и активный борец за установление Советской власти, но и большой поэт, одним из первых в казахской литературе воспевший Великий Октябрь.

На страницах омской казахской газеты «Енбек туы» было опубликовано его стихотворение, посвященное освобождению трудящихся угнетенных царизмом народов от векового гнета и торжеству советского строя. Это стихотворение Баймагамбета явилось одним из первых и свежих ростков нашей советской казахской литературы. Вот оно в переводе на русский язык.

СВОБОДА

Рабочие России третий год
Под красным стягом движутся вперед.
Сердца борцов отвагою полны,
Огнем борьбы, как сталь, закалены,
Усталости не ведали они.
Шли в трудных битвах, в долгих битвах дни.

Кровавый хищник намертво добит,
Путь к солнцу справедливости открыт,
И отданы народу навсегда
Заводы, пашни, пастбища, вода.
В степи хозяевами стали те,
Кто век трудился в горькой нищете.

Народ казахский новой жизни рад —
В семье свободной он, как равный брат...
Не омрачают наш родной простор
Былого рабства горе и позор.
Пусть богатеи не жалели нас,
Пусть нас веками втаптывали в грязь,—

Для них, жестоких, грабивших народ,
Степное солнце больше не взойдет!
Народ казахский! Помяни любя
Борцов-героев, павших за тебя,
И Красной Армии воздай хвалу, народ,
За то, что сломлен вековечный гнет!

Не все знаменательные события из жизни нашего народа глубоко исследованы и освещены в печати, не все выдающиеся люди прошлого, в том числе и деятели первых лет Октября, получили заслуженную ими известность. К числу таких, к сожалению, полузабытых народных героев принадлежит и Баймагамбет Этулин. Правда, в последнее время к нему проявился законный интерес. Но, увы, большинство его стихов не сохранилось. Его рукописи были уничтожены в 1921 году во время захвата белобандитами Петропавловска. Только немногие стихи Этулина живут в народной памяти, но это преимущественно произведения его юности, когда поэт был еще политически незрелым.

Мне посчастливилось еще в ранние юношеские годы познакомиться с Баймагамбетом. Наши аулы находились недалеко друг от друга. Первая встреча произошла у нас незадолго до восстания 1916 года. Мне тогда исполнилось шестнадцать лет, Баймагамбету было около девятнадцати. Высокий, голубоглазый, с узким продолговатым лицом, он мало напоминал казаха. Удивила меня и его щеголеватая, по моему тогдашнему представлению, городская одежда.

— Я воспитывался у дяди, взял его имя и фамилию,— рассказывал мне Баймагамбет.— Наша семья считается зажиточной в ауле, но в ауле-то всего десять кибиток... Учусь я с малых лет. Сначала меня учили по старинке, я ничего не понимал. Но потом, когда я очутился в школе, в ауле Курамсы, дело пошло лучше. Я научился писать, изучал арифметику, географию, историю, физику...

Так познакомил меня Баймагамбет с краткой своей биографией.

Продолжать учебу в школе Баймагамбет не смог: у отца не оказалось достаточных средств.

Скоро начались события 1916 года. На тыловые работы в числе других был мобилизован и Баймагамбет. Но джигиты, призванные из здешних аулов, не были отправлены и использованы в качестве чернорабочих. С помощью отца Баймагамбету удалось избавиться от тыловой службы, и он поступил в четвертый класс семилетней школы Пресногорьковской станицы. Здесь его и застала Февральская революция. В этом же году по совету своих товарищей он поехал учиться в учительскую

семинарию г. Троицка. Там он познакомился с большевиками и помогал им.

— О большевиках и меньшевиках, о других партиях того времени я имел некоторое представление и до этого,— рассказывал мне Баймагамбет в одной из наших задушевных бесед,— но после знакомства с большевиками в Троицке мои политические знания намного расширились и обогатились. В Троицке я решил раз и навсегда связать свою судьбу с партией большевиков.

БАЙМАГАМБЕТ ЗТУЛИН

Но вступить в партию в Троицке ему не удалось: большевики, с которыми он был связан, скоро были арестованы белогвардейцами. Баймагамбет возвратился в свой родной аул и встретил там части Красной Армии, освободившие край от ига колчаковщины. После установления Советской власти он поехал в Петропавловск, где вступил в ряды Коммунистической партии и начал работать в только что организованном уездном отделе народного образования в качестве инспектора.

Как известно, в то время (на основании постановления Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина) действовали три чрезвычайные комиссии: первая «Чека» — Чрезвычайная комиссия по борьбе с врагами революции, вторая «Грамчека» — по борьбе с неграмотностью и третья «Тифхолчека» — по борьбе с тифом и холерой.

Баймагамбет избрал себе работу в «Грамчека» и со всей энергией и энтузиазмом отдался ей.

Энтузиазм Баймагамбета легко объясним: ведь тогда среди казахов очень редко встречались грамотные люди. Надо было вырвать народ из плена темноты и невежества, освободить его от власти мулл. Это была жестокая и почетная борьба. Уездный отдел народного образования направил Баймагамбета в Федоровский районный отдел для открытия национальных начальных школ и организации кружков по ликвидации неграмотности среди взрослых в казахских аулах. Поселок Федоровка (по-казахски — Тилес) находился на территории нынешнего Узункульского района Кустанайской области. В Федоровке до рево-

люции была открыта русско-казахская двухклассная школа по системе Ибрая Алтынсарина. В ней долгое время учительствовал известный в республике учитель Аспандияр Кубеев. В первые годы Советской власти Федоровка являлась как бы центром культуры в этих местах. К Федоровскому районному отделу народного образования относилось около десяти казахских волостей; Этулин был первым создателем школ в этих волостях.

— Мне удалось создать школы для детей, но вот школы для взрослых я не смог организовать, обстановка не позволила,— говорил он мне как-то впоследствии.

В те годы в европейской части России был голод. Не хватало продовольствия рабочим, в особенности населению таких городов, как Москва и Петроград. Шла напряженная борьба за хлеб. Местные купцы, баи не хотели добровольно отдавать свои продовольственные запасы, скрывали их от Советской власти. Для сбора продовольствия создавались продотряды, как их тогда называли. Баймагамбет Этулин не ограничивался учительской, просветительской деятельностью. Он был активным борцом на всех участках, куда его посылала партия. Был он и мужественным бойцом продотряда.

Баи и кулаки оказывали сопротивление Советской власти не только тем, что скрывали запасы продовольствия. Они делали попытки вернуть прежние порядки. В феврале 1921 года вспыхнуло вооруженное Ишимское восстание баев и кулаков, организованное белыми офицерами и генералами. Восстание было подготовлено исподволь, матерые заговорщики умели действовать исподтишка.

Многие не ожидали этого выступления и, захваченные врасплох, погибли. В этой борьбе погиб и Баймагамбет Этулин. В охваченном мятежом Петропавловске он вступил в отряд коммунистов. В его рядах Этулин свыше месяца сражался с бандитами и показал себя стойким большевиком.

Бандиты зверски издевались над советскими людьми, попавшими в их руки, и особенно над коммунистами и комсомольцами. Баймагамбет также подвергался неслыханным пыткам и мучениям.

Я долго искал его тело среди убитых. И, конечно, мне никогда не удалось бы опознать Баймагамбета по его лицу — так изуродовано оно было. Но я узнал его по большой черной родинке на правом бедре и уцелевшим лоскутам ситцевого полосатого белья, сшитого аульным портным...

...Каждого погибшего положили в отдельный гроб. Некрашеные, простые, стояли они один за другим печальными рядами.

Весь город был в глубокой скорби. И я думаю, что читатель

хорошо представит себе без моего описания горестные похороны коммунистов, павших в дни мятежа.

...После похорон я пытался найти тетрадку Баймагамбета, в которую он записывал свои стихи: мне очень хотелось опубликовать их в местных газетах. Тетрадка эта представляла собой прежде, в царское время, квитанционную книжку по сбору душевого налога с казахов. У Баймагамбета эта книжка была за 1915 год, уже использованная, заполненная с лицевой стороны и чистая на обороте. Длиннее обычного писчего листа, она была узкой в поперечнике и толще общей тетради.

...Эту свою книжку с черновиками стихов и налоговыми записями Баймагамбет, когда началось восстание, отдал на хранение одному знакомому. Но когда я приехал за ней, оказалось, что ее уже нет — хозяин сжег тетрадку Баймагамбета из предосторожности. Как огорчила меня эта новая потеря! Не только друга лишился я, но и его творений...

Баймагамбет Зтулин был одним из первых казахских поэтов, воспевших Октябрьскую революцию, Советскую власть. Сколько было у него острых злободневных произведений! Кроме того, он перевел с русского языка много революционных песен и стихов.

Наступает долгожданная пора,
Разрушается былых помех гора.
Ты придавлен был судьбой и угнетен,
Распрямляйся и шагай вперед, собрат!

Пусть пылает ясным мужеством твой взгляд,
Не бездельничай ты вновь на старый лад,
Щедрым солнцем радостных времен
Наше утро просияло, мой собрат.

Так писал Баймагамбет. И кто знает, какой бы силы достиг его талант, не будь его жизнь такой короткой. Ведь ему было всего двадцать три года.

Позднее, правда, мне удалось собрать кое-что из сохранившихся у друзей и родственников его произведений. Часть из них я опубликовал в «Антологии казахской поэзии», вышедшей в Москве. Но большая часть наследия Зтулина погибла безвозвратно.

М. Ряхов

ПЕРВЫЕ ШАГИ СЕЛЬСКИХ И АУЛЬНЫХ СОВЕТОВ

В своих воспоминаниях я рассказываю о событиях, которые произошли в 1917—1921 годах в городе Темире, в то время небольшом степном, ничем не примечательном уездном городе.

Февральская революция породила у местного трудового населения надежду на скорое окончание войны.

Но война продолжалась. Русскую молодежь забирали в армию. Казахи с тыловых работ не возвращались. Цены на товары росли. Деньги обесценивались. Крестьянские хозяйства приходили в упадок. Положение трудящихся все более ухудшалось.

И вот сначала в Темире, потом в окружающих русских переселенческих поселках и, наконец, в казахских аулах летом 1917 года раздается большевистский, ленинский призыв: «Вся власть Советам!» Первыми этот лозунг принесли в Темир большевики-матросы Балтийского флота, прибывшие в город в июне 1917 года. Они пропагандировали, как писала уральская буржуазная газета «Уральский вестник», самые «крайние идеи

большевизма», рассказывали правду о Ленине. При помощи матросов в Темире был организован Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Однако не довелось матросам довести дело до конца — они вынуждены были оставить город.

Совет занялся мелкими делами и стал как бы придатком управления воинского начальника. К тому же сам воинский начальник каким-то образом стал председателем Совета.

РЯХОВ МИХАИЛ ТЕРЕНТЬЕВИЧ (р. 1885 г.), член КПСС с 1918 г. Активный участник борьбы за победу Советской власти в Западном Казахстане. Делегат Учредительного съезда Советов Казахстана и первой Казахстанской партконференции. После окончания гражданской войны — на советской работе. Ныне — персональный пенсионер.

Между тем события развивались. Глубоко в сознание простых людей запали рассказы матросов-большевиков о Советах, о большевиках, о вожде В. И. Ленине. «Узун-кулак» донес и до аулов весть о матросах-большевиках.

Мне пришлось в то время побывать в русских поселках и в ряде казахских аулов. Я слышал всюду высказывания простых людей, что большевики стоят за бедных, против богачей. И здесь мне задавали такие же вопросы, как в городе: «Когда же настанет та хорошая пора, о которой говорили матросы-большевики, когда же кончится ненавистная война?» Новые слова: Советы, большевики, буржуи — входили в речь крестьян.

Простой народ жил в ожидании чего-то необычного, светлого, хорошего, что облегчит его жизнь.

О свержении власти Временного правительства в Темире стало известно из телеграммы, которую прислала в ноябре 1917 года какая-то контрреволюционная организация, призывавшая разгонять Советы. Кулаки, купцы, узнав об этом, всполошились и требовали разгрома местного Совета.

К этому времени состав Совета значительно изменился: вместо кулаков и подкулачников в него вошли представители от маломощных крестьян, бывших фронтовиков. В руководстве Советом оказались шесть товарищей, сочувствовавших большевистской партии, в том числе рабочие Иванов и Исмагилов. С

вет все чаще и чаще стал вмешиваться в городские дела, оказывал нажим на кулаков в вопросах помощи разоренным крестьянским хозяйствам.

Омрачило нас, членов Совета, сообщение о захвате власти в Оренбурге дутовцами. Но вскоре мы получили телеграмму из Ташкента, подтверждавшую приход к власти рабочих и крестьян и призывавшую организовать Советскую власть на местах. Эта телеграмма подняла дух членов Совета, передовой части трудящихся

Мы повели наступление на городскую думу и управу, и они сошли со сцены. Темирский Совет стал полновластным хозяином в городе.

Существовала еще уездная земская управа. Совет не признавал ее. Началась борьба, в которой земской управе помогали контрреволюционно настроенная часть интеллигенции Темира, кулачье и купцы. Тогда Совет собрал жителей города и доложил им о характере разногласий между Советом и уездной земской управой. Население города в большинстве своем поддержало политику Совета и одобрило его действия. Надо сказать, что еще до этого собрания Совет принял ряд решений, облегчавших в некоторой степени положение бедноты. Было постановлено отобрать у кулаков часть земли, главным образом, захваченной ими во время войны, и передать ее вдовам и сиротам, потерявшим кормильцев на войне; ввести прогрессивный подоходный налог и освободить бедноту от всяких налогов, обложений и задолженности. Обязать богатых и зажиточных крестьян в связи с предстоящей посевной выдать нуждающимся беспроцентную семенную ссуду и оказать им помощь рабочим скотом и сельхозинвентарем.

Этому примеру последовали затем в ряде русских поселков.

Кулаки решили уничтожить Советскую власть в городе. Они выработали план убийства руководителей Совета; хулиганы по их наущению устраивали пьяные дебоши, терроризировали население. В ответ на это из членов Совета, из добровольцев, а также советски настроенных фронтовиков организовался небольшой вооруженный отряд красногвардейцев в 25 человек для защиты Советской власти в Темире. Был создан также народный суд. Совет за короткий срок навел в городе революционный порядок и повел активное наступление на уездную земскую управу, добиваясь ее ликвидации.

Большевистской организации в городе еще не было. Но были сочувствующие большевистской партии.

К февралю 1918 года в большинстве русских поселков была установлена Советская власть, а в пристанционных поселках

Джурун и Эмба Советская власть установилась еще в ноябре 1917 года.

Нужно провозгласить Советскую власть во всем уезде — договаривались мы в Совете с представителями с мест. Таким образом, Темирский городской Совет взял на себя инициативу созыва уездного съезда Советов.

В составе Темирского городского Совета были казахи — Аллагуватов, Темирбеков, Тулемисов и другие, которые имели связь с аулами. От них мы узнали, что далеко не все казахи стоят за земские порядки, что и сами вожаки сторонников земских порядков обеспокоены тем, что идеи Советской власти начинают проникать в сознание казахских трудящихся.

Ко мне — председателю Совета — обращались рядовые казахи; они хотели узнать правду о Советской власти и знакомились с работой Советов в русских поселках.

— Хорошая власть Советов,— говорили они,— надо и нам строить такую власть.

26 февраля 1918 года состоялся съезд делегатов от всех Советов русских поселков и представителей казахских аулов. На этом съезде был избран уездный исполком, а также делегат на IV Всероссийский чрезвычайный съезд Советов М. Корюков. Ему дали наказ сказать на съезде Советов, что трудовой народ Темирского уезда стоит за Советскую власть и за утверждение мирного договора с Германией.

Управа со своей стороны созвала на 27 февраля 1918 года уездное земское собрание, целью которого было призвать население уезда отказаться от Советской власти и укрепить земские порядки. Однако земцы просчитались. На самом собрании раздавались голоса в защиту Советов. Глубоко врезалось в мою память выступление представителя Калмак-Карганской волости Он поведал собранию о бесправном положении казахской бедноты, особенно женщин. «А что обещает земство?» — спрашивал он.— Сохранение старых, байских порядков. Советы защищают бедноту и хотят помочь ей освободиться от нужды и нищеты. Это хорошая власть. Мы не хотим отделяться от русских, без русских нам не выкарабкаться из бедности. Что касается земли, то казахская и русская беднота решат этот вопрос без боя и без баев...»

Речи простых казахов были задушевны и убедительны. И противопоставить этим выступлениям простых людей сторонникам земских порядков было нечего. Врач Исенгулов, бывший комиссар Временного правительства, ничего лучшего не придумал, как объявить представителя Калмак-Карганской волости ненормальным.

Казахские трудящиеся стали постепенно по-новому понимать

явления общественной жизни. Нужно было бывать в аулах и общаться с простым народом, как это делали члены исполкома Совета, чтобы увидеть, что и в ауле ломаются старые, веками установленные правила и обычаи. Члены исполкома Совета привозили жалобы казахской бедноты на своих сородичей-баев. Помню, была коллективная просьба батраков к уисполкому четко определить отношения между ними и баями. Приезжали и баи с жалобами на бедноту. Беднота, видите ли, говорили жалобщики, самовольно режет скот, требует оплаты их труда, выделения себе скота и прочее. Жаловались и на то, что молодежь не хочет платить калым. Уисполкому приходилось высылать представителей для разбора дел. Решения биев уисполком не признавал. Наши представители выступали против калыма и выплаты куна.

Казахские трудящиеся тянулись к Советам.

Особенно показательно было поведение казахских депутатов на уездном съезде Советов, который был созван в марте 1919 года по настойчивому требованию мест. В северо-западной части уезда все чаще появлялись белые банды, которые расправлялись с Советами. Кулачье и байство активизировали свою антисоветскую пропаганду. Ей поддались некоторые середняки, и, прибыв на съезд Советов, они потребовали исключения из уисполкома коммунистов, восстановления частной торговли, отмены мобилизации молодежи в Красную Армию. Преданные Советской власти депутаты от русских поселков были активно поддержаны казахскими депутатами. Кулацко-байский план ликвидации Советов провалился.

* * *

Члены уисполкома работали дружно и слаженно. Основной задачей уисполкома было утвердить Советскую власть и навести революционный порядок на местах. Уисполком национализировал мельницу, организовал учет всего имущества контор «Товарищество Нобель» и «Общество Эмба», реквизировал у купцов товары, шерсть, кожи; приступил к организации выделки овчин, сыромятины; заботился о школах, больнице, фельдшерских пунктах, об охране лесов, работе кузниц, о развитии сельскохозяйственной кооперации. Для защиты Советской власти и поддержания революционного порядка уисполком усилил штат милиции и организовал из добровольцев красный эскадрон кавалерии.

На содержание уисполкома и его учреждений мы доставали средства путем наложения контрибуции на купцов и кулаков.

При посещении сел и аулов мы рассказывали трудящимся, чем занимаются уисполком и Темирский Совет, и всеми силами

старались научить аульные и сельские Советы правильно работать. Однако не везде это удавалось. Там, где в Советы пробрались подкулачники, они саботировали решения уисполкома и выполняли волю кулаков.

Был у нас в уезде в одном русском поселке Совет, с работой которого я ознакомился (ныне это Бронштейнский сельсовет, названный так в память инструктора Оренбургского губкома РКП(б), погибшего от рук белоказаков в ноябре 1918 года).

Весной 1918 года в этом поселке был избран Совет крестьянских депутатов из пяти человек, во главе с председателем Фисенко. Фисенко был хорошим кузнецом, общественником, пользовался в поселке авторитетом.

Члены Совета так распределили между собой обязанности: один ведал школьными делами, другой следил за порядком в поселке, третий — за чистотой, четвертый заботился об оказании помощи при несчастных случаях, в случае болезни, а также вдовам и другим, впавшим в нужду. Фисенко занимался вопросами сельского хозяйства и исполнением приходно-расходной сметы. На содержание школы, сельсовета и другие нужды было введено денежное и натуральное обложение богатеев. Все наиболее важные решения Совета выносились на обсуждение общего собрания. Кулаки и зажиточные на собрания не приглашались, а когда дело касалось их, то Совет вызывал каждого в отдельности. Страшную злобу имеют кулаки против нас,— говорил Фисенко.

Когда после установления в уезде Советской власти попы не стали венчать новобрачных в церкви, Фисенко предложил гражданам, вступающим в брак, заключать договор такого примерно содержания: «Мы, такие-то, женимся по любви и согласию. В случае нарушения договора жена получает обратно свое приданое и долю дохода, падающую на нее». И что же — такой необычный по тем временам порядок бракосочетания быстро вошел в обиход. При мне одна пара подписала договор. На этой церемонии присутствовали два свидетеля и председатель Совета. И я слышал, как новобрачных после этого поздравляли с законным браком. «Расписались у Фисенко»,— говорили новобрачные.

С большими трудностями мы встретились в казахских аулах. Были случаи, когда в созданных с трудом Советах не находили депутатов. В результате трудящиеся шли со своими жалобами либо к бывшему старшине, либо к бию. Особенно сильно было еще влияние баев и биев в отдаленных от Темира волостях. Но были и аулсоветы, в которых товарищи старались провести в жизнь линию — власть без баев и против баев. С таким аулсо-

ветом я познакомился в конце лета 1918 года в Калмак-Карганской волости. Выборы аулсовета проводил до меня один из наших товарищей — Аллагуватов. Он сумел собрать жителей аула — мужчин и женщин, рассказал им о том, что такое Советская власть. Открытым голосованием в аулсовет избрали казахов бедняков. Новая власть сразу же провела передел лугопастбищных угодий, захваченных баями (в ауле большинство джатаки), закрепила за бедняками байский скот, сняла с бедноты недоимки. Молодой председатель аулсовета рассказывал мне, что много женщин приходит к нему с жалобой на жен баев, иные вспоминали прошлые обиды и тоже шли в аулсовет. Аулсовет оказался в роли судьи. Однажды депутаты аулсовета при мне разбирали жалобу бедняка на байскую жену, которая обращалась с ним хуже, чем с собакой. Выслушав жалобу, они решили пойти в юрту бая и там обсудить претензию бедняка. Нужно было видеть, как гордо несли советские аксакалы свое звание — «советче», чтобы понять слова видевшего это мугалима:

— Я думаю,— говорил он,— что эти советские аксакалы из бедноты впервые почувствовали себя людьми.

«Да, зарождается новая человеческая жизнь»,— думал я.

Но баи из этого аула не дремали, и хотя их было всего двое, один бий и бывший аульный старшина, они что-то замышляли. А когда в 1919 году белые заняли уезд и разграбили аул, только председателю удалось спастись. Двух членов Совета пособники баев избили до полусмерти...

После гражданской войны товарищи по советской работе часто спрашивали меня: «А как вели себя в то время баи?»

Делясь своим опытом, своими наблюдениями, я могу сказать, что вначале они считали все происходящее в стране — борьбу красных и белых — «русской неурядицей» и выражали свое недовольство постольку, поскольку это нарушало их обычную хозяйственную деятельность. Недаром как-то один из баев, зайдя в уисполком, спросил: «Русские, когда вы свою революцию кончите?» А когда идеи Советской власти, идеи власти без баев и против баев стали проникать в сознание простых казахов, баи выступили открыто против Советов. Многие баи стали подлаживаться под народ, подделываться под Советскую власть, чтобы сохранить свое влияние на бедноту.

* * *

С конца ноября 1918 года начались тревожные дни. Темирский уисполком все внимание сосредоточил на организации красных отрядов. 9 мая 1919 года мы, темирчане, со своим отрядом оставили Темир и влились в войска Актюбинского

фронта, отходившие на восток. С оружием в руках мы принимали участие в боях против белых. Вспоминаются два эпизода.

Темир считался степным опорным пунктом Актюбинского фронта. Для усиления Темирского вооруженного отряда в начале мая 1919 года сюда из Интернационального батальона, организованного в Актюбинске, прибыла рота венгров под командованием Шипко. 8 мая на Темир напал полк белых. Венгры своей стойкостью, своим мужеством вдохновляли наших молодых темирчан, необстрелянных бойцов. В упорном бою отряд отстоял город Темир, и белые с большими потерями вынуждены были отступить.[1] Особенно отличились венгры в боях у переселенческих участков №№ 11 и 12. В мае или июне отряд венгров примерно в 500 человек столкнулся с превышающим их по численности соединением белых. Очевидцы передавали, что венгры дрались с белыми до последнего, насмерть. Белые понесли огромные потери.

И второй эпизод — это приход на станцию Эмба, где сосредоточились войска Актюбинского фронта, делегации от крестьян и казахов Темирского уезда, которая передала мне протокол тайного собрания крестьян и казахов уезда. «Не стало житья от алаш-ордынцев и белых,— говорилось в нем.— Нас измучили поборы, грабежи, насилия, телесные наказания, нагайка». Кроме того, крестьяне сообщали, что в белых частях много крестьян, которые служат из-за страха и что «их легко уговорить к миру».

Начиная со второй половины сентября 1919 года, после разгрома белых, в наших краях началось восстановление Советской власти в уезде. В декабре состоялся съезд Советов.

— Сагитировала нас за Советскую власть нагайка белых, до смерти будем помнить,— говорили на съезде делегаты из середняков.

На всю жизнь запомнилось мне выступление середняка Белоусова.

— Советская власть — наша родная власть,— говорил он.— Не всегда, конечно, она гладит по головке. Так что же? Всякий из нас помнит, как бывало, мать нашлепает, а ты все же идешь к ней. Почему? Так ведь родней ее никого нет... Так и Советская власть — она родная... В том сила Советской власти, что она власть народная. Надо крепить эту силу,— призывал Белоусов.

Вскоре я был назначен Темирским уездным военным комис-

[1] Думаю, что именно в память этого боя в Будапеште в 1957 году построен теплоход «Темир» (примечание автора).

саром. Помню, как проходил в 1920 году призыв в Красную Армию казахской молодежи 20-летнего возраста.

Хотя проводить призыв казахов было сложным делом (свидетельств о рождении тогда не выдавали, учет молодежи призывного возраста не велся, аульные Советы были слабые), Темирская парторганизация, мобилизовав все свои силы, добилась хороших результатов. На сборный пункт явилось примерно 200 человек, значившихся в списке призываемых (призыв коснулся трех волостей).

Уклонившейся от призыва казахской молодежи не было. Были даже случаи, когда подростки пытались доказать приемочной комиссии, что и они призывного возраста (возраст призываемых определяли врачи).

Мобилизация казахской молодежи прошла удачно. Это был еще один факт, подтверждающий победу большевиков, победу Советской власти.

* * *

Некоторое время не удавалось создать в Темире партийную организацию большевиков. В начале февраля 1918 года в партию большевиков вступили четыре члена Темирского горсовета — кузнецы Иванов и Исмагилов, слесарь Чмелинский и я. Постепенно росла наша парторганизация. В ноябре в РКП(б) вступило еще 12 товарищей. Примечательно то, что оформление Темирской парторганизации произошло в напряженный для нашего края момент: незадолго до этого белые совершили набег на Темир, неспокойно было в Актюбинске, в северо-западной части Темирского уезда кулачье стало выступать против организации комитетов бедноты. Председателем Темирской партийной организации был избран я, секретарем Г. Аллагуватов. К 1 января 1919 года в ней было уже около 20 человек.

С октября в Темирском уезде проходила партийная неделя. Уком организовал специальные лекции, доклады, митинги. В эти дни Темирская парторганизация пополнила свои ряды за счет рабочих нефтепромыслов, красноармейцев, крестьян. Помню, в нее вступили казахи Байменчин, Темирбеков, Андиров и ряд других. В 1920 году был поставлен вопрос об организации комсомола.

Несмотря на то, что Темирская партийная организация была молодой, что у нее не было достаточного опыта работы, мы, большевики, честно и в силу наших способностей и понимания проводили на местах большевистскую линию. Исполком Совета в своей повседневной деятельности руководствовался материалами Всероссийских съездов Советов, речами В. И. Ле-

нина, указаниями Казахского облбюро, а затем обкома РКП(б). Мы установили в своей работе правило: делать все для того, чтобы облегчить положение трудящихся и вести себя так, чтобы своей работой и поступками, своим отношением к делу, к народным нуждам заслужить доверие и признательность бедноты и всех трудящихся, не попадаться на приманку кулаков, баев, купцов... Об этом мы сразу же заявили в своей газете. [1]

[1] Уисполком выпустил в 1918 году три номера газеты, отпечатанной в 10 экземплярах на пишущей машинке (примечание автора).

Ф. Бакиров[1]

ЭТО БЫЛО В КАЗАЛИНСКЕ

В мае 1918 года я вступил в ряды Коммунистической партии. В конце августа Народный комиссариат по национальным делам Туркестанской АССР направил меня в Казалинск агитатором-пропагандистом.

...Город отстоит от станции на 10 километров. Здесь много железнодорожных рабочих и служащих. Железнодорожники Казалинска активно участвовали в революции 1905—1907 годов. Некоторые из них были осуждены царским судом и сосланы.

В 1909 году за революционную деятельность был сослан в административном порядке из Уфы в Казалинск А. Я. Першин — член большевистской партии с 1903 года. Здесь он много

---

[1] Бакиров Ф. С. (Абу-Бакиров) (р. 1898 г.), член КПСС с 1918 г. Делегат II съезда Компартии Туркестана, а также VII съезда Советов Туркестана.

В настоящее время заведует юркафедрой в Среднеазиатском государственном университете.

сделал для пробуждения классового самосознания рабочих. Старые рабочие Казалинска до сих пор помнят Александра Яковлевича Першина — активного революционера, чуткого товарища, скромного человека, умевшего ясно и понятно разъяснять необходимость борьбы с царизмом.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции Першин входил в руководящее большевистское ядро, обеспечившее мобилизацию трудящихся на борьбу за установление Советской власти в Туркестане. В январе 1919 года, в дни осиповского мятежа, он был зверски убит белогвардейцами.

...Когда я приехал в Казалинск, на станции существовала сильная партийная организация большевиков, но в самом городе и в уезде такой организации еще не было. В уездном исполкоме на руководящих постах находились большевики, направленные сюда станционной парторганизацией (Новицкий[1], Зарубин и другие). Наряду с ними в уездном исполкоме работало несколько «левых» эсеров.

Первое, что бросилось мне в глаза, это то, что бывшие царские чиновники обманным путем пробрались в органы местной власти. Бывший участковый пристав Усман Мереев, например, работал секретарем уездного исполкома; начальник милиции при Временном правительстве Яценко не был смещен и продолжал свою деятельность.

Об этом я докладной запиской немедленно сообщил в Ташкент Народному комиссариату Туркестанской республики по национальным делам. Собравшийся актив поставил вопрос о создании в Казалинске партийной организации. Это предложение было единодушно одобрено. На состоявшемся вслед за этим собрании мы оформили создание Казалинской городской организации РКП(б). Председателем ее избрали меня, и на этом посту я оставался почти бессменно до выезда из Казалинска.

Желающих вступить в партию становилось все больше и больше. Приходилось тщательно проверять каждого в отдельности. Разумеется, сынкам баев, выходцам из зажиточных семей, спекулянтам и им подобным было отказано в приеме.

Вскоре из коммунистов и беспартийных рабочих были созданы отряды Красной гвардии. Началось обучение красногвардейцев военному делу без отрыва от производства.

«Левые» эсеры тоже решили активизироваться и создали свою городскую организацию, куда вошли бывшие чиновники,

[1] См. воспоминания Р. Новицкого «Большевики Казалинска в дни Октября», опубликованные в сборнике «В огне революции», стр. 148—152.

купеческие сынки, даже местные муллы и священники. Некоторые из этих чуждых нам людей занимали руководящие посты в уездных органах власти. Трудящиеся на многочисленных собраниях требовали их удаления. Для осуществления этого требования парторганизация откомандировала меня на станцию Казалинск к железнодорожникам-большевикам.

Приехав туда, я изложил наши соображения председателю парторганизации железнодорожников Вишневскому, пламенному большевику, отличному организатору. Он в тот же день созвал собрание коммунистов. Я обрисовал положение в уездно-городском исполкоме, а также высказал мнение о необходимости создания уездного комитета нашей партии. Особенно подчеркивал я необходимость усилить работу среди местных трудящихся, активно вовлекать их в государственное строительство.

Никогда не забуду этого собрания, на котором русские товарищи проявили глубокое понимание необходимости широко вовлекать трудящихся местных национальностей в работу органов власти.

Было решено созвать уездный партийный съезд и съезд Советов. После этих съездов уездный исполком был очищен от «левых» эсеров и чуждых элементов, значительно усилилось влияние большевиков.

В декабре вместе с большевиком Ходжариалом Вахидовым я был избран делегатом на II съезд Коммунистической партии Туркестана. Съезд происходил в Ташкенте. Председатель Туркестанской ЧК Фоменко во время перерыва говорил с делегатами об активизации контрреволюции в Ташкенте, показывал им размноженные примитивным способом провокационные листовки. Об этом рассказе Фоменко пришлось вспомнить довольно скоро: через некоторое время после нашего возвращения со съезда мы узнали о контрреволюционном осиповском мятеже в Ташкенте. Коммунисты Казалинска создали дружину и немедленно выехали на станцию. Здесь дружина влилась в отряд железнодорожников-большевиков, возглавляемый Вишневским. Отряд Вишневского ожидал отправки в Ташкент на помощь рабочим, подавляющим мятеж. Однако в Ташкент мы так и не попали. Как выяснилось позже, этому помешали ташкентские «левые» эсеры.

В конце марта 1919 года состоялся VII Всетуркестанский съезд Советов, в работе которого я принимал участие как делегат от Казалинского уезда. Вслед за ним открылась II Краевая конференция Коммунистической партии Туркестана.

Вернувшись из Ташкента, я рассказал на собрании городского актива о решениях комфракции VII съезда Советов и

II Краевой конференции Компартии Туркестана. В этих решениях, в частности, говорилось о позорном конце «левых» эсеров — разложившейся контрреволюционной партии.

Вскоре казалинская организация «левых» эсеров распалась и, разделив общую участь своей партии, прекратила существование.

Местные партийные и советские органы, руководствуясь решениями съездов, значительно усилили политико-воспитательную работу среди трудящихся. К активной работе в партийном и советском аппарате все шире привлекались представители местных национальностей.

...Части белогвардейского генерала Белова, наступавшие со стороны Актюбинска, дошли до Аральского моря. Требовалась мобилизация всех сил для разгрома врага. Большевики, многие трудящиеся Казалинска добровольно уходили на фронт. Город оказался в прифронтовой полосе. По поручению партийной организации я возглавил штаб обороны Казалинска. Штаб мобилизовал трудящихся на охрану города, организовал отправку на фронт все новых и новых отрядов.

Известие о том, что 1-я армия Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе, нанеся удар по врагу, вышла к Ташкентской железной дороге на соединение с войсками Советского Туркестана, быстро распространилось и вызвало у всех нас огромное воодушевление.

После нескольких удачных операций туркестанские части, наступавшие со стороны Казалинска, и 1-я армия, занявшая Актюбинск и двигавшаяся к Аральскому морю, соединились.

В Казалинске снова началась мирная жизнь.

А. Абдрашитов[1]

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ

В станице Имантаве Кокчетавского уезда Акмолинской области после Октябрьской революции фактически существовало две власти—земская управа, состоявшая из кулацко-урядничьей верхушки, которой руководил Ф. Ильченко (позднее — главарь белобандитских отрядов), и — Совдеп, в который вошли Галимжан Заитов, Галяй Аширов, Мирхайдар Аширов, я и некоторые другие бывшие фронтовики, представители бедноты и батрачества. Перед Совдепом стояла задача обеспечить регулярную отгрузку зерна из отдаленных степных районов (Ольгиновки, Всеволодовки, Федоровки, Казанки, Тахтоброда и других) на перевалку в станицу Имантав, а отсюда — к линии

[1] Абдрашитов Усман Умарович (р. 1877 г.), член КПСС с 1920 г. Участник первой русской революции, а также борьбы за установление Советской власти в Кокчетавском уезде. В 1919—1920 гг.— председатель сельсовета, затем на партийной советской работе.

Ныне — персональный пенсионер.

железной дороги. Необходимо было помочь рабочим центральных районов и создававшейся Красной Армии.

Беднота и батрачество шли за помощью к нам, а не в земскую управу, так как знали, что там сидят белопогонщики, от которых помощи не дождаться.

Земуправа во главе с Ф. Ильченко задерживала отгрузку зерна. Председателем продовольственной управы был волевой и по-советски настроенный украинец Роман Войтенко. Его не раз вызывали в земуправу и приказывали немедленно прекратить отгрузку зерна, однако, опираясь на бедноту, мы продолжали формировать обозы хлеба и отправляли их к линии железной дороги.

Во дворе продуправы хлеб веяли ночами, обозы отправляли с надежными людьми из бедноты.

Помню один эпизод. Это было в январе 1918 года. Земуправа заседала целыми днями, проходили беспрерывные сходки, на одну из них Ильченко экстренно вызвал всех продуправщиков (так называли нас в то время). Пришли я, Войтенко, Ширей Шабаев и еще несколько человек из татарской бедноты. Ильченко предложил прекратить вывоз хлеба под угрозой немедленного ареста. Тогда от имени Совдепа я заявил, что делать здесь нам нечего, пусть решают, что хотят, а мы с Войтенко идем грузить хлеб.

Несмотря на постоянное сопротивление кулачества, мы хлеб вывозили и к апрелю 1918 года отправили 100 000 пудов. Мы приступили к насильственному изъятию излишков хлеба у кулаков и зажиточных казаков. Нам открыто угрожали расправой.

В конце 1917 года в станице Имантаве был создан красногвардейский отряд из 15—20 человек, куда вошли: Мирхайдар и Галяй Ашировы, Галей Шафеев, Хасан Бектемиров, Гани Бахтеев, Ширей Шабаев, Егоров, Шагалий Губайдуллин и другие. И хотя наш маленький отряд был плохо вооружен, бойцы были раздеты и разуты, он сыграл большую роль во время отгрузки хлеба центральным областям страны.

П. Жуков

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

СОЗДАНИЕ СЕЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК

Первые дни февраля 1918 года. Выписавшись из госпиталя, я еду домой, к семье, в далекий Кокчетавский уезд. Везде много солдат. Товарные составы забиты беженцами и стоят на станциях и разъездах неделями. Но народ смел, остер на язык решителен, революционен.

Да и сам я ушел на фронт малограмотным деревенским мужиком, а возвращаюсь опытным солдатом, большевиком...

Вот, наконец, она — моя Богатыревка. Внешне в ней мало что изменилось. По-прежнему во главе села стоит кулак Пройдан, в волости — в Келлеровке — всеми делами заворачивает волостной. Его первый подпевала и советчик Верзун — руководитель местной эсеровской организации.

Но бедняки и батраки уже не те. Их не так просто обидеть. Только нет еще настоящей организации, нет большевистской ячейки.

Я, Савелий Скиба, Василий Корпеляцкий и Петр Кудин, по-

совещавшись, решили создать большевистскую ячейку. В ее состав вошло всего 10 человек. Вокруг нас группировались бедняки села.

Теперь настало время начинать борьбу за установление Советской власти. Правда, крестьяне не сразу пошли за нами. Некоторые старики прямо спрашивали:

— А кто вы такие, чтобы нам указывать?

ЖУКОВ ПРОКОПИЙ КАЛИНОВИЧ (р. 1883 г.), член КПСС с 1919 г. Активно участвовал в борьбе за победу Советской власти в Кокчетавском уезде. Делегат VII Всероссийского съезда Советов. После гражданской войны — на советской работе. Ныне — персональный пенсионер.

На простых, доступных фактах мы доказывали им, что правда на стороне большевиков, что у кулаков земли излишек, часть даже заброшена, а беднякам ее не нарезают. Наступает весна, у крестьян не хватает семян, а кулаки установили на зерно бешеные цены. Советская власть эту несправедливость ликвидирует.

Мы пропагандировали первые законы Советской власти, а эсеры гнули свою линию. Они саботировали ленинские декреты о земле и мире, поддерживали кулаков, ратовали за войну до победного конца.

Одновременно мы развернули кипучую деятельность по организации в окружающих селах большевистских ячеек. В феврале и марте 1918 года были созданы Многоцветненская и Большеизюмская партийные ячейки. На очередь встала задача учредить ревком и провести выборы в волостной Совет крестьянских депутатов.

В конце февраля состоялись выборы в волостной Совет. Наши люди получили в нем большинство. Сразу же установили новую налоговую политику в отношении кулаков, а бедняков наделили землей.

По заданию партийной организации я выехал в село Ново-Сухотино и там установил связь с коммунистом Василием Афанасьевичем Ксенз. Вместе с ним приступили к созданию большевистской ячейки, в которую вошли Туркин, Семен Брушевский, Илья Бояр и другие товарищи (впоследствии из них выросли активные работники нашей партии).

Оформив партийные ячейки и собрав соответствующие документы, я выехал в Омск. В комитете партии наши мероприятия одобрили. Я получил программу и Устав партии. Но самое главное — мне были даны четкие указания: как, в каком направлении вести дальше работу. Условились об отчетности и о том, что связь будет поддерживаться через Железнодорожный райком партии Омска, которым руководил старый большевик Молотовников.

К этому времени в Кокчетаве большевики выделились в самостоятельную партийную организацию. До этого мы знали кокчетавских коммунистов только понаслышке. Теперь же мы установили с ними личную связь. Скиба и я поехали в Кокчетав, где встретились с С. Шариповым, Р. В. Филоненко и другими коммунистами. Это были энергичные товарищи, которые целиком отдавали себя партийной работе.

Кокчетавская партийная организация также была связана с омским комитетом, получала от него директивы и указания.

Вскоре после нашего возвращения из Кокчетава вспыхнул белочехословацкий мятеж. Пришлось уйти в подполье.

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ

На первых порах мы, конечно, скрывались. Жили в камышах близ озера Чаглы. Потом осмотрелись и решили действовать мелкими группами, по два-три человека. В период временных успехов Колчака нам приходилось быть особенно осторожными. Напишешь, бывало, листовку, потом дашь ее школьнику, чтобы он переписал печатными буквами. Затем разбрасывали листовки по крестьянским дворам, на базарных площадях и даже на мобилизационных пунктах.

В листовках мы разъясняли простому люду, что успехи Колчака временные, что он будет разбит, что народ его не поддерживает, потому что он восстановил во всех правах помещиков и буржуазию и насаждает прежний, царский режим. Мы призывали крестьян не давать белогвардейцам ни хлеба, ни фуража, ни подвод. Обращаясь в своих листовках к тем, кого насильно угнали в армию Колчака, мы советовали им дезертировать и уходить в партизанские отряды.

Уже в декабре 1918 года многие мобилизованные в белую армию стали переходить на нашу сторону. Мы держали связь с Омским подпольным обкомом, в частности с Молотовниковым, а также с отрядом Шишкина, который действовал в районе села Марьевки.

Активно нас поддерживала казахская беднота. В аулах Кзылтуской, Тонкорейской и других волостей наши подпольщики постоянно находили приют, их окружали заботой и прятали от колчаковской милиции на джайляу. Друзья казахи делили с нами все трудности борьбы, давали надежных проводников, связистов.

Были у нас помощники и в органах власти Колчака. Так, например, Лаврентий Николайчук, занимавший должность волостного, оказывал подпольщикам серьезную помощь. Требовалось, скажем, товарищу пробраться в партизанский отряд. Николайчук снабжал его соответствующими документами. При его же содействии мы послали члена партии Григория Кривича работать в колчаковскую милицию. Это был смелый и мужественный человек. Он устраивал арестованным побеги, информировал нас о предстоящих облавах и арестах. Но однажды он допустил неосторожность, и колчаковцы его расстреляли.

Серьезную помощь оказывал нам начальник Келлеровского почтового отделения Андрей Остапчук. Это он снабдил партизан шапирографом. С тех пор листовки печатались относительно в большем количестве.

Мы воочию видели плоды своих деяний. Крестьяне всячески саботировали распоряжения колчаковских властей. Они срывали сбор налогов, не давали транспорта (брички и телеги прятали по озерам, в камышах).

В октябре 1919 года пришла весть о том, что армия Колчака на Тоболе разгромлена и отступает. Мы поспешили в Кокчетав и оказались там вместе с подошедшими советскими воинскими частями. Сразу же были созданы ревком и уездный комитет партии. Меня избрали членом оргбюро укома и утвердили инструктором-организатором. Приходилось часто разъезжать по всему уезду, налаживать деятельность партийных ячеек.

В течение двух-трех месяцев удалось организовать вновь и восстановить более 10 коммунистических ячеек. Возникли партийные организации в станицах Янгиставской, в Викторовской, Имантаве и других.

Уездный комитет РКП(б) направил ряд товарищей в аулы с заданием вести там разъяснительную работу и подготовить выборы в местные Советы.

Выборы производились в летние месяцы, когда большинство аульного населения перекочевывало на джайляу. Избирательная кампания развертывалась постепенно, охватывая волость за волостью. Сначала были созданы выборные органы в Тонкорейской, Кзылтуской и Рузаевской волостях, а также в аулах, прилегающих к приискам «Степняк». Затем избирательная кампания распространилась по всему уезду.

Выборы в аульные Советы происходили в сложной политической обстановке, в условиях ожесточенной классовой борьбы. Баи из кожи вон лезли, чтобы протащить своих людей в органы власти, всячески компрометировали кандидатов бедноты, затевали тяжбы, угрожали, запугивали, провоцировали барымту и т. д. Но вся их вражеская деятельность парализовалась растущей революционной активностью трудящихся. Аульные Советы укреплялись.

Вскоре мне поручили заведовать уездным земельным отделом, сыгравшим большую роль в укреплении Советской власти на селе. Его работники добились неуклонного проведения земельной реформы, вместе с волостными ревкомами выявляли и конфисковывали излишки хлеба, скота.

Кулаки экономически были еще довольно сильными, действовали они заодно с баями. Поездки по уезду всякий раз сопровождались большим риском попасть под выстрел из-за угла. Много погибло в те дни молодых самоотверженных активистов — коммунистов и комсомольцев. Особую ярость у кулаков, атаманов и баев вызвала продразверстка, без которой не могла тогда обойтись Советская республика.

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Лето 1920 года в районах Поволжья и Центральной России оказалось засушливым. Над страной нависла страшная угроза голода. Сибирь и Северный Казахстан могли поддержать хлебом население страны. В Кокчетавском уезде, как и в окружающих районах, урожай зерновых собрали неплохой. В ямах и амбарах у кулаков еще от прошлых лет хранился хлеб — его только надо было взять.

В октябре 1920 года проходил уездный съезд Советов. Меня избрали председателем исполкома и вместе с Карсакбаевым делегировали на VIII Всероссийский съезд Советов. В составе омской делегации мы выехали в Москву.

...По окончании работы съезда омская делегация была приглашена в Кремль на беседу к В. И. Ленину. Он со всеми поздоровался за руку, а когда мы расселись, подробно стал знакомиться с каждым. Дошла очередь и до меня. Владимир Ильич спросил, из какого я села, какая у меня семья, был ли на фронте. Потом поинтересовался:

— А каково у вас положение в уезде, каков у вас состав населения и дружно ли живете?

Я объяснил Владимиру Ильичу, что в уезде живут казахи, русские, украинцы и немцы, что национальную вражду револю-

ция рассеяла и что в органах Советской власти представлены все национальности на равной основе, работаем дружно. Но это не по душе кулакам и баям. Теперь, когда мы ведем решительную борьбу за хлеб, изымаем излишки, они пытаются разжигать национальную рознь.

Владимир Ильич осведомился об экономике уезда. Потом беседа перешла на вопрос о хлебе. Мы доложили Ленину, что в наших краях хлеб есть, только его надо взять у кулака.

— Сколько бы вы смогли дать хлеба для голодающих районов России? — спросил Ильич.

Наша делегация уже имела предварительные расчеты и доложила, что есть возможность заготовить 20—25 миллионов пудов. Владимир Ильич сказал, что если мы сумеем собрать в районах Сибири и Северного Казахстана такое количество зерна, это будет большая победа.

— А какая вам нужна помощь? — задал вопрос Ильич.

Мы даже удивились: какую помощь может оказать нам республика, находясь в тяжелом экономическом положении? Словно угадав наши мысли, Владимир Ильич сказал, что по линии ВСНХ можно будет выделить несколько десятков автомашин (потом в наш уезд действительно прислали 47 машин). Так как тогда были большие трудности с горючим, В. И. Ленин предложил использовать для этой цели спирт. Я, в частности, спросил, нельзя ли получить его с Айдабульского спиртзавода. Было дано разрешение на 2 000 ведер.

Владимир Ильич предупредил, что предстоит жестокая борьба с кулаками, что поэтому рабочие Петрограда и Иваново-Вознесенска решили сформировать для нас несколько продотрядов из стойких кадровых рабочих. В Кокчетавский уезд впоследствии приехало шесть таких продотрядов.

И вот беседа почти закончена. Владимир Ильич вдруг спрашивает:

— А сколько будет верст от Петропавловска до Кокчетава?

Мы отвечаем, что «на глазок» 180 верст. Затем Ильич предлагает: а не построить ли до Кокчетава железную дорогу? Мы горячо поддержали его идею и заверили, что население в таком мероприятии примет самое живейшее участие.

Пробыла наша делегация у Владимира Ильича Ленина немногим более часа. Мне же до сих пор кажется, что беседовали полдня: сколько важных вопросов решили. Ушли из Кремля, прямо скажу, окрыленные. Из беседы мы поняли, какое большое значение придает В. И. Ленин будущему нашего края.

БИТВА ЗА ХЛЕБ

Да, это действительно была битва за хлеб — жестокая, кровавая. Вот тут-то мы и вспомнили предупреждение Владимира Ильича, что кулачество не остановится ни перед чем, что это наиболее свирепый наш классовый враг. В первых числах января 1921 года мы вернулись домой, а в конце месяца в городе Ишиме вспыхнул кулацкий мятеж, охвативший огромный район.

Контрреволюционные отряды двинулись на Петропавловск и заняли его. Кулацкий мятеж перебросился и в Кокчетавский уезд. Станицы Лобановская, Имантавская и Янгиставская стали основными очагами мятежа.

Омский губком партии принял все меры для защиты завоеваний революции. На базе имевшихся в уезде революционных отрядов создалась Северная группа войск, в которую вошли две роты алтайских стрелков, советский и партийный актив, бойцы продотрядов, революционно настроенные батраки и бедняки. Я получил предписание стать начальником политодела этой группы, в ней насчитывалось около двух тысяч штыков. Нам также оказали поддержку регулярные кавалерийские части.

После подавления мятежа, мы, партийцы, взялись за выполнение ленинского задания. В каждом селе и каждой станице, ауле создали специальные комитеты помощи голодающим. На путях вывозки хлеба организовали сенные и фуражные пункты, вели работу по сбору мешков, сбруи, бричек.

Сутками коммунисты, комсомольцы, беспартийный советский актив, члены профсоюзов заготовляли тару, грузили подводы, возили зерно к железной дороге. Один конец обозов на ссыпных пунктах, другой на станциях — и так вкруговую двигался транспорт с зерном.

Присланные из Петрограда, Иваново-Вознесенска и других городов продотряды действовали на наиболее трудных участках, сплачивали бедноту, поднимали ее активность.

В героической борьбе за хлеб погиб комиссар Абрамов, секретарь уисполкома Ребров, комсомолец Софрон Кудин. В Корнеевке кулаки повесили учителя Кокорина и двух его товарищей.

В июне 1921 года был созван уездный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов. Он наметил меры для быстрейшего завершения заготовок хлеба. Вскоре партийная организация рапортовала о выполнении задания. В эту горячую пору с нами дважды разговаривал по телефону Владимир Ильич, интересовался ходом заготовок хлеба, его охраной, расспрашивал, как справились мы с посевной, как помогаем бедноте.

В декабре 1921 года в Кокчетав был прислан специальный уполномоченный Совнаркома, который передал нам личную бла-

годарность Ильича. В помещении бывшего ликеро-водочного завода (теперь инструментальный цех механического завода) мы созвали актив уездной партийной организации и провели торжественное заседание.

Благодарность В. И. Ленина придала нам новые силы. Все свое внимание мы сосредоточили на подготовке к весне 1922 года и завершении строительства железной дороги Петропавловск — Кокчетав. Летом 1922 года мы встречали первый паровоз. Мне выпала большая честь перерезать ленту, протянутую через путь.

М. Курбанов

КОМБЕД ЗА РАБОТОЙ

Первые мероприятия Советской власти трудящиеся массы ранее угнетенных народов встречали с большой радостью, а буржуазия и баи — с нескрываемой злобой.

Проводилась национализация крупных заводов. Хлопковые заводы Хидирбая, Сазонова, Кожуниязова перешли в собственность народа. Дехкане, ранее сдававшие этим заводчикам свою продукцию на кабальных условиях, навсегда были освобождены от эксплуатации и грабежа.

Пытаясь подорвать молодую Советскую власть, местные кулаки и баи не хотели продавать излишек хлеба государству, чтобы заморить рабочих и крестьянскую бедноту голодом.

В это время организовывались комитеты бедноты (комбеды). Собрание бедноты Чимкента избрало членом этого комитета и меня. Бедняки и батраки активно поддерживали комбед, помогали брать на учет посевы, определять их урожаи и т. д.

Работал комбед в очень трудных условиях. Кулаки и баи

упорно сопротивлялись всем его мероприятиям. Я помню, с каким трудом мы нашли и изъяли спрятанный хлеб у Арифхинбая, Магруфханбая, Мансурхана, Исмаилбая и других.

Не раз нам приходилось брать в руки оружие. В начале 1919 года нам стало известно, что разбитые мятежники во главе с Осиповым бежали по направлению к Чимкенту. Эта неожиданная весть застала нас врасплох, все же мы не растерялись. По заданию партийной организации мы, коммунисты, ходили по домам, выступали на заводах. Рабочие и бедняки вышли навстречу мятежникам и совместно с отрядами Ташкента и Перовска разгромили их.

КУРБАНОВ МУРЗА (р. 1887 г.), член КПСС с 1926 г.

В 1918 г.— член комитета бедноты. По окончании гражданской войны — на советской и административно-хозяйственной работе.

Ныне — персональный пенсионер.

Тяжелой, упорной была борьба с басмачеством.

После окончания гражданской войны меня избрали председателем исполкома Чимкентского городского Совета. В те годы одной из самых важных задач советской работы было раскрепощение женщин. В Чимкенте в то время было 40 мечетей. Влияние мулл было очень велико, это сильно затрудняло нашу работу. С ожесточенным фанатизмом преследовались те первые женщины узбечки, которые вставали на путь общественной деятельности, порывали с вековыми предрассудками, сбрасывали паранджу. Некоторые из них стали жертвами религиозного фанатизма.

В Чимкенте были открыты два клуба, которые превратились в настоящие очаги политической агитации и культурно-просветительной работы среди женщин.

Вся эта громадная работа дала свои замечательные плоды; угнетенные, забитые ранее женщины стали принимать активное участие в общественной жизни страны, а на VI съезде Советов Казахской АССР делегатка Лутфа Пирназарова, которая первой среди местных узбечек сбросила с себя паранджу, была избрана членом КазЦИКа.

Г. Калашников

УЧАСТКОВЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОМИССАРИАТ

В первые же месяцы установления Советской власти для управления Оренбургско-Ташкентской железной дорогой были созданы дорожный и участковые комиссариаты. Руководящее ядро Перовского железнодорожного комиссариата было избрано на первом съезде представителей всех служб и промежуточных станций участка Джусалы — Чиили (съезд состоялся на станции Перовск в конце 1917 года).

С этого момента все руководство участком перешло от администрации в руки комиссаров. Бывшие начальники служб временно были оставлены в должностях инструкторов, однако их работа полностью контролировалась комиссарами. Каждый из комиссаров ведал определенным участком работы. У нас были организованы службы движения, пути, тяги, материального снабжения, телеграфа и т. д. Комиссар продовольствия заботился об обеспечении рабочих и служащих участка продовольствием и необходимыми товарами. В круг обязанностей комиссара народно-

военной охраны входило поддержание общественного порядка, организация охраны железнодорожных мостов, товарных дворов, поездов, грузов. Председатель комиссаров осуществлял общее руководство деятельностью служб и других частей аппарата.

Комиссариат был тесно связан с Советом, комиссары-коммунисты неуклонно выполняли указания партийной организации. Наиболее сложные вопросы решались на заседании комиссаров. В связи с напряженным положением эти заседания проводились почти ежедневно после рабочего дня. Случалось, что на них развертывались горячие и продолжительные споры, возникали разногласия, но в итоге вопросы разрешались так, как этого требовали обстоятельства.

КАЛАШНИКОВ ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ (р. 1896 г.), член КПСС с 1918 г. После гражданской войны был на хозяйственной работе. Ныне — пенсионер.

Комиссариату пришлось работать в крайне трудной и сложной обстановке. Как известно, железнодорожный транспорт в годы империалистической войны был почти полностью разрушен. К тому же Туркестанская республика в связи с тем, что Оренбург был захвачен Дутовым и образовался Актюбинский фронт, осталась без нефти и других горючих материалов. Это грозило полностью парализовать движение.

Необходимо было срочно переоборудовать паровозы и водокачки, чтобы перевести их на местное твердое топливо. От этого зависела работа транспорта, а значит и передвижение наших войск, обеспечение армии и населения продовольствием и промышленными товарами.

Такая же задача встала не только перед Перовским комиссариатом, но и перед комиссариатами Казалинского и Актюбинского участков. Последние оказались в особо затруднительном положении, так как на их территории изыскать в то время то или иное топливо не было никакой возможности. Перовский же участок мог производить заготовку саксаула.

С помощью Перовского Совета при активном участии масс мы организовали заготовку саксаула как для нашего, так и для

Казалинского и Актюбинского участков. В результате транспорт был выведен из прорыва.

Однако далось нам это нелегко. Необходимо было преодолеть саботаж, организованный эсерами. Под их влиянием находились тогда отсталые, несознательные, политически неграмотные рабочие и служащие из бывшей администрации. Мы повели решительную борьбу с организаторами саботажа, а среди рабочих развернули кропотливую разъяснительную работу. Саботаж был сломлен.

Особенно много пришлось повозиться со связистами. Телеграф в то время был загружен приемом различных телеграмм с текстами воззваний, в большинстве случаев контрреволюционного характера. Было дано указание задерживать такие телеграммы, но некоторые эсеровские приспешники упорно не выполняли его, используя получаемые контрреволюционные материалы для того, чтобы вносить смуту в массы. Перелом в работе телеграфа произошел после возвращения с фронтов империалистической войны бывших телеграфистов Неймовича, Модина и других. Вскоре был создан крепкий и преданный Советской власти коллектив телеграфистов участка.

Когда штаб фронта потребовал телеграфистов для обслуживания прифронтовых станций, то первыми изъявили желание выехать на Актюбинский фронт Василий Костылев, Василий Модин, Мария Хлыстова, Антонина Яковлева. Они честно выполнили свой революционный долг.

В. Билик

НА ЗАРЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

о Великой Октябрьской социалистической революции Туркестан и Казахстан представляли собою типичные колонии царской России. Опасаясь формирования местных рабочих кадров, царское правительство не допускало развития здесь промышленности. Его вполне устраивали и чрезвычайно низкий культурный уровень коренного населения, и неограниченное влияние мусульманского духовенства, особенно в Туркестане. Царские правители видели в этом основу своего политического и экономического господства.

Никакой заботы о просвещении коренного населения не проявлялось. Так называемые русско-туземные школы, в которых обучение велось на русском языке, влачили жалкое существование и не играли сколько-нибудь заметной роли в культурной жизни края. Воспитание детей коренного населения полностью находилось в руках мусульманского духовенства и носило религиозный характер. В Туркестане и Казахстане не было ни одного высшего учебного заведения.

Дело советского народного просвещения на восточных национальных окраинах приходилось начинать чуть ли не на пустом месте при почти полном отсутствии учителей из коренного населения, а также учебников, школьных помещений, при яростном сопротивлении духовенства.

Представители духовенства всеми силами стремились сохранить безраздельное влияние на молодежь и агитировали население не посылать детей в советские «богопротивные» школы. Русское православное духовенство агитировало население за сохранение в школах икон и «закона божия».

БИЛИК ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ (р. 1889 г.). член КПСС с 1917 г. В 1918—1919 гг.— нарком просвещения Туркестанской АССР и член ТуркЦИКа, в 1919—1920 гг.— председатель Ташкентского горкома партии, 1921—1923 гг.— член бюро Джетысуйского обкома РКП(б). В последующие годы был на партийной и советской работе. Ныне — персональный пенсионер.

...Первым наркомом просвещения Туркестанской Советской республики был «левый» эсер Успенский. При нем старая школа полностью сохраняла свою первобытность — иконы, «закон божий», старые учебники. Весь аппарат учебного управления также оставался без изменения.

Осенью 1918 года Чрезвычайный съезд Советов Туркестана лишил фракцию «левых» эсеров всех портфелей в правительстве, и Успенский сошел со сцены. Однако он не прекратил своей враждебной деятельности против советских мероприятий в области народного просвещения. А так как в это время проводилась реорганизация старых гимназий в единую трудовую школу, удаление из школы икон и «закона божия», ликвидация частных гимназий, замена старой инспектуры инструкторами и другие реформы в области народного образования, то для распространения всякого рода злобных слухов и диких провокаций перед реакционерами открылись неограниченные возможности. В этой грязной работе вместе с церковниками усердствовал и бывший нарком просвещения, где сочувственным вздохом, поощрительным кивком головы, а где и выразительными комментариями.

Противниками школьных реформ выступали и местные буржуазные националисты, предлагавшие заменить советскую по-

литику в области народного просвещения националистической политикой на религиозной основе и под руководством мулл. Члены коллегии Наркомпроса Тахтыбаев и Эфендиев, например, предлагали следующее: так как в Туркестане европейское население составляет только 5 процентов, выделить ему на культурно-просветительные учреждения «положенные» 5 процентов из бюджетных средств Наркомпроса. Мы доказывали безусловный вред таких мероприятий и разъясняли им, что задача Советской власти состоит отнюдь не в том, чтобы отбросить европейское население за черту культурности, а в том, чтобы с помощью передового русского народа всемерно поднимать и развивать культуру всех народов Туркестана.

При всем желании деятелей культпросвета сделать как можно больше, результаты работы в области народного просвещения в тот период еще не могли быть значительными. Главное внимание, силы и средства направлялись правительством на борьбу с басмачеством в Ферганской области, в пограничных с Бухарой районах, в предгорьях Сыр-Дарьинской области, на Закаспийский, Семиреченский и Актюбинский фронты, в пограничные районы, где мирное советское строительство все время нарушалось белогвардейскими налетами. Руководители Наркомпроса часто отвлекались на выполнение военных и хозяйственных заданий. Мне, например, в то время пришлось работать наркомом просвещения и наркомом внутренних дел, заместителем председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом в Ферганской области, членом бюро обкома партии в Семиреченской области, председателем Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, председателем Центральной комиссии помощи голодающим детям Поволжья.

Социалистическая революция коренным образом ломала, разрушала старые устои в Казахстане, Туркестане и создавала основы новой жизни. Этому периоду свойственна и своя мера вещей. То, что в современных условиях считается обычным, легким и незначительным, в те дни достигалось с большим трудом. К примеру, сейчас мы критикуем многие стандартные учебники, а тогда о первых учебниках для школ коренного населения говорили, как о громадном достижении. Сейчас имеется большой выбор разных учебных пособий, а тогда в Туркестане не было писчей бумаги, и Высший совет народного хозяйства не мог дать школам даже простых карандашей. Наркомпрос вынужден был снабжать школы лоскутками чистой бумаги, извлекаемыми из пыльных архивов царского времени, а когда не хватало и этих лоскутков, разрешалось писать на печатных листах из старых учебников и газет (по тексту). В то время Наркомпрос вынужден был организовать у себя во дворе и бывшей конюшне гене-

рал-губернатора Куропаткина при помощи бывших военнопленных чехов карандашное производство.

Что же тогда, в условиях военной блокады, на заре культурной революции в Советском Туркестане, считалось наиболее важным, первоочередным в области народного просвещения?

Прежде всего нужно было подготовить культурные кадры и в первую очередь учителей из коренного населения для организуемых советских школ..

Наркомпросом Туркестанской республики проводилась систематическая, массовая подготовка учителей из коренного населения. В первое время, в 1918—1919 годах, она осуществлялась преимущественно через краткосрочные курсы. Учителя, окончившие курсы, учили детей в начальных школах, а во время каникул снова посещали курсы, готовясь к занятиям в старших классах. Поступление на курсы не ограничивалось никакими возрастными нормами. Мы радовались, когда туда приходила молодежь, но охотно принимали и людей в возрасте 30—40 лет, имевших большой жизненный опыт. Курсанты обеспечивались материально, как учителя начальных школ. К работе на курсах привлекались все культурные силы, вплоть до работников Наркомпроса и Наркомфина. Одновременно в Ташкенте были организованы курсы повышения квалификации учителей, где преподавали лучшие методисты города.

С невероятным трудом налаживалось составление и издание первых учебников и элементарных учебных пособий для школ, в которых обучались дети из коренного населения. В этой неотложной работе принимали участие некоторые преподаватели Восточного института и ученый-востоковед Вяткин. Местные рабочие и техники-полиграфисты с любовью выполняли работу по изданию учебников. А когда образовалась Туркестанская АССР, Факторович возглавил Государственное издательство и блестяще, для того времени, справлялся со своими обязанностями.

Большое внимание в первые годы Советской власти органы народного образования уделяли ликвидации неграмотности.

Ликбезом были заняты почти все учителя. Более того, даже дети передавали свои знания родителям в вечернее время.

Значение ликвидации неграмотности было так велико, что организации, руководившие этим делом, назывались чрезвычайными комиссиями. Насколько слово «чрезвычайная» имело основание в Советском Туркестане, можно судить по тому, что среди местного населения до Октябрьской революции насчитывалось всего лишь около 2 процентов грамотных.

Взрослое население училось по советским букварям, но их не хватало, и Наркомпрос выпускал специальные таблицы для ликбеза. Однако и таблиц не хватало, и учащиеся ликбеза ис-

пользовали другие книги, а также местные газеты вместо букварей.

...Работа в области народного просвещения строилась с учетом необходимости подготовки высококвалифицированных кадров, способных удовлетворять многообразные запросы экономики и культуры Советского Туркестана. С этой целью уже в 1918 году был открыт Туркестанский государственный университет. Но окончательно Туркестанский государственный университет был создан после того, как произошло соединение Советского Туркестана с Советской Россией и по инициативе В. И. Ленина в Ташкент прибыла большая группа профессоров из Москвы и Ленинграда.[1] Первым ректором университета был профессор Л. А. Бродский. Из местных деятелей в Совет университета вошли М. И. Слоним, Г. Н. Черданцев, Добров и другие.

Большим событием для Туркестана явилась организация институтов просвещения и других учебных заведений, в которых готовили преподавателей для средних школ. Учительские институты, как правило, организовывались по национальному признаку, это облегчало задачу преподавания на национальных языках.

Правительство Туркестанской республики в 1924 году высоко оценило мероприятия Наркомпроса по подготовке квалифицированных учителей. «Туркестан покрывается сетью советских школ. Воспитанники институтов просвещения, созданных за время революции, уже понесли свет знания в кишлаки и аулы»,— говорилось в принятом постановлении. Многие выпускники учительских институтов, а также курсанты, окончившие краткосрочные учительские курсы, были использованы на руководящей партийной и советской работе в областях и районах.

Культурный голод и дефицит в культурных кадрах чувствовались особенно остро в Казахстане. В Верном обкомом партии была организована совпартшкола. Она состояла почти из одних казахов — батраков и пастухов. Несмотря на то, что среди учащихся были и совсем неграмотные, занятия в школе благодаря высокой активности и любознательности часто шли на уровне народного университета. Как преподаватель, я сохранил об этой школе и ее учащихся самое отрадное впечатление.

В первые годы Советской власти началась организация детских яслей и садов. Честь открытия детских яслей принадлежала Наркомздраву, а садов — Наркомпросу. Детские ясли и сады

---

[1] Туркестанский государственный университет был учрежден декретом СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина 7 сентября 1920 года. Впоследствии был переименован в Среднеазиатский, стал в Средней Азии кузницей кадров с высшим образованием и одним из очагов развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Средней Азии и Казахстана.

настолько прочно вошли в жизнь в первые же годы, что сохраняли жизнеспособность в самых трудных и неблагоприятных условиях. Мы крайне были удивлены, когда в 1920 году, после ликвидации Закаспийского фронта, при обследовании Закаспийской области обнаружили вместе с Ю. П. Любимовой и З. С. Герасимовой в Ашхабаде хорошо сохранившийся детский сад. Оказывается, даже белогвардейцам, которые распустили все демократические организации в Закаспии, не удалось ликвидировать этот маленький росток новой, советской жизни. На страже детского сада стояли женщины-матери.

Для полноты картины хочется вкратце сказать о профессиональном союзе учителей в Туркестане и о той эволюции, которую он претерпел в период с 1917 по 1921 год.

Союз учителей в Туркестане, как профессиональное объединение, был создан в период революции 1905 года. После Февральской революции 1917 года он стал массовой организацией и в общем держался либерально-прогрессивного направления. Тон в союзе задавали главным образом учителя ташкентских гимназий. Нашли себе в нем пристанище и разнообразных мастей эсеры и меньшевики. Политическая линия союза в общем совпадала с линией, которую проводил Всероссийский союз учителей. Как известно, в период Великой Октябрьской социалистической революции Всероссийский союз занимал позицию непризнания Советской власти и ее политики в области народного просвещения. Этим объясняется и реакционное поведение Туркестанского союза учителей в период с 1917 года до осени 1918 года. Вместе с тем это была и политика первого наркома просвещения — «левого» эсера Успенского.

Постепенно под воздействием советской действительности, в результате работы учителей-большевиков в сознании массы учительства Туркестана обозначился глубокий перелом. Вся учительская масса активно включилась в строительство советской школы.

Из состава школьных работников Туркестана выделялись учителя-организаторы, неутомимые проводники советской политики в области народного просвещения; они были выдвинуты на руководящие посты в городских и областных органах народного образования Туркестанской республики.

Так в первые годы Советской власти закладывались основы культурной революции в Советском Туркестане и в Казахстане.

Н. Наумов

ЗА СЧАСТЬЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В феврале 1918 года я после демобилизации из армии вернулся в село Ермак и вскоре поступил рабочим на Воскресенскую железную дорогу. В это время на Экибастузских копях еще хозяйничали англичане, которые организовывали саботажи, затопили первую шахту.

В марте из Петрограда прибыл рабочий резиновой фабрики Царев, назначенный комиссаром Экибастузских угольных копей, а также Воскресенской железной дороги.

Царев энергично взялся за перестройку всей работы, уволил старого управляющего, а также некоторых инженеров. Улучшились условия жизни рабочих. Открылись детские ясли и сады. Царев завоевал большой авторитет среди рабочих.

Была создана Красная гвардия.

В мае на собрании рабочих и их жен Царев рассказал о том, как Советская власть заботится о детях. Он предложил организовать в Березовке на летнее время детский лагерь. Кто из ро-

дителей пожелает, говорил он, может послать туда своих детей.

Не всем это выступление Царева пришлось по вкусу, и большинство конторских служащих повело агитацию против отправки детей в лагерь. Они говорили, что детей якобы увезут, и родители их больше не увидят. Но эта антисоветская агитация не повлияла на рабочих, и они согласились отправить детей в лагерь.

НАУМОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (р. 1889 г.), член КПСС с 1920 г. В 1920 г. был председателем волостного ревкома. После гражданской войны находился на советской и административно-хозяйственной работе. Ныне — пенсионер.

Потерпев неудачи среди рабочих Экибастуза, контрреволюционные элементы перенесли свою деятельность на Воскресенскую железную дорогу в Ермак. Здесь действовала вражеская группа, которой руководили старший бухгалтер Афанасьев, купец Юшков, кулак Коновалов и другие. Они повели контрреволюционную агитацию среди рабочих, распространяли провокационные слухи о детских лагерях, вроде таких: родители, не согласившиеся послать своих детей в лагерь, будут арестованы.

4 мая 1918 года из Экибастуза по телефону передали просьбу Царева созвать 5 мая, в воскресенье, к 3 часам дня собрание рабочих для обсуждения вопроса об отправке детей в лагерь. Предполагалось, что на собрании выступит сам Царев. Чтобы сорвать собрание, один из участников вражеской группы, некто Решетников, сообщил о нем не всем, а только своим сторонникам, в том числе ермаковским купцам и кулакам.

5 мая. Воскресенье. В ожидании приезда Царева еще утром около конторы собралась толпа. Много пьяных. Такие провокаторы, как старший рабочий Алексей Зиновьев, призывают учинить расправу над Царевым.

Наблюдая все это, телефонистка Е. Каратаева связалась с Экибастузом и предупредила Царева, что по причине воскресного отдыха рабочих собралось мало и что среди явившихся к конторе много пьяных громил. Но он не посчитался с этим предупреждением.

Прибыв в Ермак, Царев временно остановился на квартире начальника станции. Сюда направилась подстрекаемая ермаковскими кулаками и купцами толпа с целью убить Царева. Тогда Царев перешел в заезжий двор. Сопровождавший его красногвардеец задержал одного из громил. Тут бандиты накинулись на Царева и зверски его убили. Были избиты и оказавшиеся здесь рабочие Петров, Попов и другие, которые пытались успокоить толпу и спасти Царева.

Телефонистка Е. Каратаева хотела вызвать помощь из Павлодара, но бандиты заранее перерезали провода. Пришлось туда посылать верхом нарочного. Только вечером прибыл из Павлодара красногвардейский отряд, который арестовал убийц. Но вскоре они были освобождены из тюрьмы белогвардейцами.

Так погиб от рук презренных врагов народа замечательный большевик Царев, много сделавший для детей рабочих, для счастья подрастающего поколения.

С. Хусаинов

СЛАВНЫЙ ЧЕКИСТ КАНАПИЯ КОЙДОСОВ

анапия Койдосов для своего времени был образованным человеком. Он окончил в Тургае двухклассное училище, имел много русских друзей. От них он узнал о партии большевиков. Особенно большую роль в формировании его мировоззрения сыграли большевики Токарев и Киселев, которых Канапия всегда вспоминал с большой благодарностью. Немалое влияние на Койдосова оказал и Уразгалий Асауов, сосланный в Тургай во времена царизма, ставший затем первым председателем Тургайского Совета рабочих и солдатских депутатов. До ссылки Асауов был студентом Казанского университета, он знал марксистскую литературу. Жил Асауов на квартире Токарева. По рассказам Канапии, Токарев и Асауов организовали кружок политического самообразования. В этот кружок входило 17 человек — У. Асауов, Николай и Александр Токаревы, Амангельды Иманов, Омар Тынымов, Акимбек Токин, Абдрахман Иманкулов, Койдосов и другие. Собирались в доме вдовы Хатиры, вели беседы на политические темы.

Этот кружок имел связь с оренбургскими большевиками, от которых постоянно получал информацию о событиях в Центральной России.

В 1918 году Канапия Койдосов вступил в ряды Коммунистической партии и был назначен председателем Тургайской уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В марте 1919 года алаш-ордынцы обманным путем пробрались в Тургай, а затем с помощью шпионов и предателей совершили контрреволюционный переворот. Они злодейски убили военного комиссара Тургая Амангельды Иманова и его товарищей. Койдосова в это время в Тургае не было, по заданию Алиби Джангильдина он находился в Актюбинске.

Осенью 1919 года Тургай был освобожден красными войсками от белоказаков и алаш-ордынцев. Канапия вновь руководит работой ЧК, принимает активное участие в разоблачении виновников убийства Амангельды Иманова и других большевиков.

Был организован отряд ЧК под командованием Александра Токарева. В него входили Сейдахмет Байсеитов, Нуржан Туякбаев, Сейткали Букуров, Аргазы Джаксылов, Акаш Джунусов, Баймагамбет Абишев, Амирали Ержанов и другие.

Вскоре многие алаш-ордынцы были арестованы. Одному из них, руководителю, принимавшему непосредственное участие в аресте и убийстве Амангельды,— Омару Алмасову удалось скрыться. В ЧК установили, что он прячется в ауле крупного бая Скендира (в 120 километрах от Тургая), причем вооружен и находится там не один. Для ареста его и находящихся с ним лиц Койдосов выделил небольшую группу под командованием Токарева, в ее состав вошел и я.

Когда приблизились к аулу Скендира, заядлого алаш-ордынца, родственника Ахмета Байтурсунова, мы заметили на скирде сена несколько человек. Они увидели нас, быстро сели на коней и поскакали в аул. За ними погнались и мы. В одной из юрт мы нашли Алмасова. Он не хотел сдаваться без сопротивления, стрелял в нас. Я не вытерпел, и одним выстрелом из винтовки убил его на месте, хотя задание было привести его живым.

При обыске мы нашли оружие, много патронов.

Так было покончено с одним из крупных алаш-ордынских главарей.

Отправив нас за Алмасовым, оставшиеся в Тургае работники ЧК занялись розыском трупов Амангельды Иманова, Лаврентия Игнатьевича Тарана и их товарищей.

Канапия Койдосов лично руководил этой операцией. Но найти убитых было не так-то легко: алаш-ордынцы свое преступле-

ние совершили в такой тайне, что об этом знало лишь несколько человек. После долгих поисков Койдосов нашел некоего Идрисова, работавшего раньше в алашской милиции. Он признался, что участвовал в убийстве Амангельды и других товарищей, рассказал все подробности злодейства алаш-ордынцев.

Оказалось, что алаш-ордынцы ночью увели Амангельды из одиночной камеры и в овраге, в 1,5 километра севернее Тургая, убили его и зверски издевались над его трупом. Потом из общих камер вывели других 14 наиболее активных и близких Амангельды товарищей. Их привели на край того же оврага. Один из них — Акимбек Токин — предложил: «Товарищи, нас привезли на расстрел, давайте попрощаемся. Все равно умирать — попытаемся бежать, может быть, кто-нибудь спасется». Когда в овраг увели одного из них, остальные, улучив момент, бросились бежать. Однако лишь одному удалось спастись, остальные 13 человек были расстреляны.

Мы похоронили своих товарищей — Амангельды, Тарана и других в братской могиле в Тургае.

Много сделал Койдосов в те годы по сбору продовольствия для центральных городов России. По его инициативе в Тургае был создан специальный пункт для приемки мясопоставок. Он сам руководил работой этого пункта, который отправил сотни центнеров мяса в такие промышленные города страны, как Москва, Петроград и другие.

Одновременно он работал и в ревкоме. Тяжелая, опасная работа подорвала его здоровье. Но, несмотря на свою болезнь, он трудился с присущим ему энтузиазмом и энергией, организуя и поднимая массы на выполнение задач, поставленных партией в те грозные годы. Койдосова любили и уважали.

А. Байтищев[1]

БОЛЬШЕВИК-АГИТАТОР КИЯС КОГАЛБАЕВ

Летом 1916 года, находясь в Мендыгаринском районе, я впервые познакомился с Киясом Когалбаевым. Это был смуглый, стройный, среднего роста молодой человек, с умными и выразительными черными глазами.

Он учился тогда в высшей начальной русской школе в Звериноголовской станице и был связан с некоторыми подпольными работниками.

От него я узнал правду об империалистической войне, он первый рассказал мне о партии большевиков, ее вожде В. И. Ленине.

После Февральской революции, бросив учебу, Кияс Когалбаев приехал в Кустанай, где поддерживал связь с большевика-

[1] Байтищев Аубакир (р. 1885 г.), член КПСС с 1940 г. Участвовал в установлении Советской власти в Кустанае. После гражданской войны — на советской и хозяйственной работе. Ныне — пенсионер.

ми. Через некоторое время ему было поручено выехать в Мендыгаринскую волость. Он привез в наши аулы радостную весть о победе Октября и о решениях II Всероссийского съезда Советов.

В Мендыгаре Когалбаев развернул большую политическую работу среди трудящихся. К этой работе он привлек революционно настроенную молодежь, в том числе и меня.

В середине января 1918 года состоялся 1 Кустанайский уездный съезд Советов, обсудивший вопрос о взятии власти в свои руки. От Мендыгаринской волости делегатами на съезде в числе других были Когалбаев и я. Съезд избрал состав уездного Совета. Членом исполкома и заведующим отдела народного образования стал Когалбаев.

Уездный Совет и его исполком подготовили и провели выборы в волостные, сельские и аульные Советы, создавали красногвардейские отряды, распределяли среди крестьян землю, решали задачи народного образования и продовольственные вопросы. Осуществление всех этих мероприятий Советов на местах проходило в ожесточенной классовой борьбе.

В конце марта — начале апреля 1918 года в Оренбурге состоялся 1-й областной съезд Советов, который сыграл большую роль в укреплении Советской власти в Тургайской области. От Кустанайского уезда присутствовало около 150 делегатов, в том числе и Когалбаев. Делегаты съезда, вернувшись в Кустанай, разъехались по волостям для проведения организаторской и агитационной работы. Когалбаев также активно участвовал в пропаганде решений Тургайского областного съезда Советов на местах.

В начале июня вспыхнул контрреволюционный чехословацкий мятеж, а к концу месяца Кустанай был занят мятежниками. Кустанайский уезд попал под власть Временного сибирского «правительства», и по его распоряжению все советские учреждения — уездные, волостные, сельские и аульные — были ликвидированы. В казахских аулах усилили свою антинародную деятельность алаш-ордынцы, установившие тесный контакт с белогвардейцами. По их наущению и доносам колчаковцы арестовали многих большевиков и беспартийных советских активистов, в том числе и Кияса Когалбаева.

Осенью 1919 года регулярные части Красной Армии при поддержке населения восстановили Советскую власть во всем Кустанайском уезде. Арестованные были освобождены и среди них — Кияс Когалбаев. Он вступил в Красную Армию и вел там политическую работу среди красноармейцев казахов и татар.

В начале 1920 года Кияс Когалбаев возвратился в Кустанай и энергично включился в работу по укреплению Советской

власти в городе, в аулах и селах. При Кустанайском уездном исполкоме была создана казахская секция, председателем ее был Хакимжан Саркин, членами — Иргали Джансарин, Кияс Когалбаев, Файзулла Иманбаев и я.

Спустя некоторое время Когалбаева избрали делегатом на Учредительный съезд Советов Казахстана, состоявшийся в октябре 1920 года в Оренбурге.

Много сил отдал Когалбаев и делу народного образования. Умер он в 1921 году.

И. Тастанбеков

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

ел боевой 1919 год. В Семиречье, отрезанном от Центральной России, ощущалась нехватка промышленных товаров и продовольствия. В удовлетворении нужд населения и фронта огромную роль сыграла потребительская кооперация.

Через потребкооперацию мы завязали связь с Кашгарией, где закупали хлопчатобумажные и другие ткани. В Западный Китай продавали мелкий сельскохозяйственный инвентарь: косы, серпы, лопаты, вилы и т. п. Особенно активная торговля шла в Нарынском уезде, который был связан с Китаем караванным путем через село Атбаши.

Значительную работу по кооперированию населения проводил Областной совет народного хозяйства (Облсовнархоз). По волостям и селам он разослал уполномоченных для организации потребительской кооперации. По заданию обкома партии Областной совет народного хозяйства командировал в Нарынский уезд группу коммунистов и беспартийных активистов, среди

которых были Ходжа Аминов, Мухамедгалим Аминов, Оспанбек Мурзабеков, я и другие. Каждого из нас прикрепили к определенной волости. (Я, например, приехал в село Атбаши Чирикской волости.) Мы провели массовую разъяснительную работу среди населения о целях и задачах кооперации.

Местное население приняло активное участие в создании кооперативов. Частные предприниматели скрытно вели хищническую торговлю, безжалостно обирая крестьян. Поэтому крестьяне охотно шли в кооперативы. В селе Атбаши было создано потребительское общество.

ТАСТАНБЕКОВ ИГЕН КАРИМБЕКОВИЧ (р. 1895 г.), член КПСС с 1920 г. Во время гражданской войны и в последующие годы — на советской и кооперативной работе. Ныне — персональный пенсионер.

Создание кооператива и организационное его закрепление заняло примерно два-три месяца, после чего все мы вернулись в Верный.

Второй раз я ездил в Нарын в 1920 году после подавления там кулацкого мятежа. Мятежники уничтожили все уездные учреждения — уездный комитет партии, ревком и другие, грабили и убивали людей, угнали скот. Для восстановления работы уездных учреждений обком партии и облревком командировали в Нарын группу ответственных партийных и советских работников из Верного, которую возглавлял Юсуп Бабаев. Мы провели очень большую работу: создавали волостные и сельские ревкомы, выявляли на месте активных людей, поддерживавших Советскую власть, оказывали помощь вдовам и сиротам.

Вскоре все уездные органы Советской власти были восстановлены. Через упродком мы получили по наряду некоторое количество (по тому времени, быть может, очень значительное) хлеба и другого продовольствия и оказывали посильную помощь инвалидам, семьям погибших красноармейцев, организовали детский дом для детей погибших воинов. Сироты были устроены полностью. Из женщин мы организовали артель, которая занималась изготовлением одежды и одеял.

Ограбленное и терроризированное белыми казахское и кир-

гизское население с нашим приездом воспрянуло духом. Активисты потянулись в партию.

* * *

Весной 1920 года я вступил в партию большевиков. Еще до этого я занимался культурно-просветительной деятельностью Теперь же меня привлекли к активному участию в этой работе, которой руководил политотдел третьей Туркестанской дивизии.

При политотделе была создана специальная группа молодежи, в которой были Хусаинбек Амиров, Курман Нигматуллин (член Коммунистической партии), Конагат Ходжаев, я и другие. Мы выезжали в Чилик, в волостные центры и ставили там спектакли, смотреть которые приезжали казахи из окружающих аулов. В нашем репертуаре были главным образом агитационные пьесы, как, например, «Мы и они». В этой пьесе я играл роль бая. Спектакль очень понравился казахским крестьянам, особенно в том месте, где показано отношение баев к беднякам.

Нам часто приходилось исполнять женские роли. Объяснялось это тем, что женщины и девушки не могли играть в наших спектаклях, так как этому препятствовали родители.

Главная цель наших поездок по аулам состояла в том, чтобы вовлечь трудящихся, особенно казахов, в активную работу Советов и объединить их для борьбы с баями. В результате культмассовой работы нам удалось открыть в Большой станице избу-читальню.

Для вовлечения казахских трудящихся в советское строительство Верненская партийная организация решила объединить в союз аульную бедноту.

Много сил отдали этому делу Ураз Джандосов и Джуваныш Барибаев. Группами направлялись коммунисты в аулы и кишлаки, чтобы помочь бедноте создать свои организации.

В начале 1921 года в Верном состоялся уездный съезд представителей бедноты, на котором был оформлен союз, получивший вскоре название «Кошчи».

Уездный комитет союза Кошчи развернул в аулах и кишлаках работу по обеспечению бедноты землей, сельскохозяйственным инвентарем и тягловой силой.

А. Джангильдин

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЫХ ЛЕНИНСКИХ ДЕКРЕТОВ О КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ [1]

Весной 1919 года меня вызвал в Москву телеграммой Народный Комиссар по делам национальностей И. В. Сталин по вопросу создания Казахской Советской Автономии. По приезде я прежде всего направился к товарищу Сталину. Он принял меня в своем кабинете, где состоялась беседа...

И. В. Сталин пришел к убеждению, что мне необходимо переговорить с Владимиром Ильичем.

Владимир Ильич встретил меня очень приветливо. Он тоже спросил меня о работе. Я его информировал об алаш-ордынцах...

Во время беседы В. И. Ленин интересовался работой в Казахстане, указал на то, что значительная часть казахской интеллигенции не вникла в сущность программы большевиков и находится в заблуждении...

Советская власть должна оказывать всяческое содействие народам Востока, стать для них родной властью.

[1] Под этим заголовком печатается отрывок из воспоминаний, записанных со слов А. Т. Джангильдина кандидатом исторических наук Р. И. Голубевой в декабре 1946 — январе 1947 года.

По всем вопросам товарищ Ленин предложил мне более подробно договориться с товарищем Сталиным.

Я вторично отправился к И. В. Сталину. Ввиду необходимости создать Киргизский военно-революционный комитет и выработать о нем положение он предложил мне остаться в Москве.

На следующий день при Наркомнаце под председательством И. В. Сталина состоялось совещание. В нем участвовал и я.

ДЖАНГИЛЬДИН АЛИБИ ТОКЖАНОВИЧ (1884—1953 гг.)

Совещание приняло важное решение об образовании Киргизского военно-революционного комитета и положение о нем. Комитет решено было организовать в составе семи человек — 3 русских и 4 казахов. В него вошли С. Е. Пестковский (председатель), тогдашний заместитель Народного Комиссара по делам национальностей, я, С. Мендешев и другие.

Это совещание происходило в мае 1919 года. После него мы были в Москве около трех месяцев, разрешили ряд других вопросов, связанных с установлением и упрочением Советской власти в Казахстане. Нам выдали удостоверения, подписанные председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным, о том, что мы являемся членами Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем — Кирревкома. Одновременно я остался Чрезвычайным военным комиссаром Тургайской области.

По разным вопросам хозяйственной и политической жизни Казахстана нам несколько раз приходилось докладывать Совету Народных Комиссаров.

Несколько раз в Политбюро ЦК РКП(б) слушался проект положения о Революционном комитете по управлению Киргизским краям. Это был первый советский документ о нашей национальной республике. Выработка положения требовала очень серьезной и тщательной работы. Были созданы комиссии, подкомиссии. Их состав лично просматривал И. В. Сталин, а затем утверждался. Это была очень серьезная работа.

10 июля 1919 года было утверждено и подписано В. И. Ле-

ниным положение о Революционном комитете по управлению Киргизским краем.

В выработке этого исторического документа я также принимал участие.

После окончания всех дел, в конце июля, когда положение было выработано и утверждено, когда были выработаны и другие законодательные документы и все наши вопросы о будущей нашей работе были разрешены, мы выехали из Москвы...

Ревком в полном составе прибыл в Оренбург 3 августа 1919 года.

Ревком остался в Оренбурге. Я же взял с собой небольшую группу из командного состава, выехал на фронт в район 5-армии, действовавшей против Колчака. Разбив Колчака, 5-я армия двигалась дальше, освободив Челябинск, Кустанай и т. д.

В Кустанае мне пришлось созвать конференцию представителей казахских трудящихся и руководить восстановлением Советской власти в уезде.

Конференция продолжалась несколько дней. Все наши выступления, доклады были направлены к тому, чтобы помочь Советской власти. Выступавшие говорили, что нужно отобрать отважных джигитов для ее защиты. На этой же конференции было решено организовать добровольный казахский полк, для которого жители обязались дать все необходимое. Только вооружение пришлось взять у 5-й армии.

От имени конференции 23 октября 1919 года была послана приветственная телеграмма в Москву на имя М. И. Калинина.

В телеграмме мы писали: «Первый Киргизский съезд[1]) приветствует в Вашем лице Советскую власть, организовав вооруженный отряд против Колчака. Председатель съезда Джангильдин».

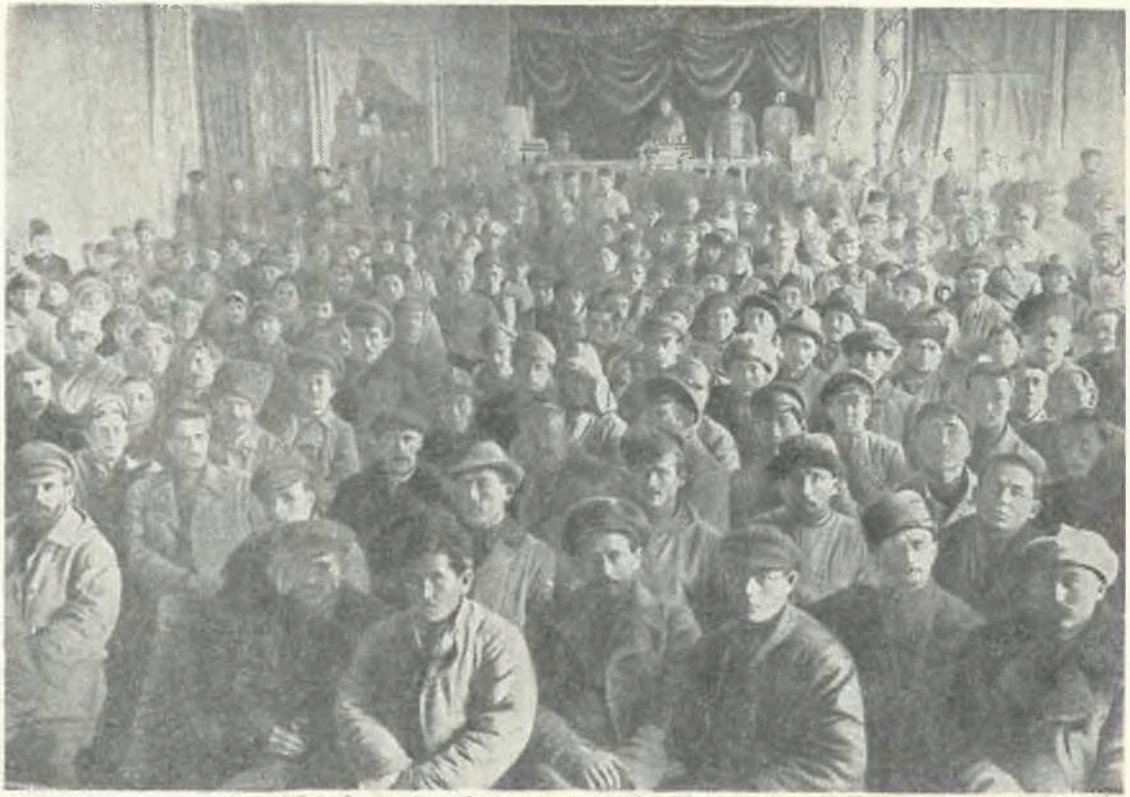
С казахским полком я выступил в ноябре по направлению к Атбасару, разбив по пути несколько мелких отрядов отступавших алаш-ордынцев и колчаковцев.

Находясь в Кустанае, я не знал, что творится в Тургае. Когда полк вышел из Кустаная по направлению к Атбасару, по дороге мы узнали от казахов о том, что в Тургае произошло восстание алаш-ордынцев совместно с колчаковцами, что убит Амангельды Иманов, что алаш-ордынские и колчаковские части находятся в Тургае.

Я тогда повернул в сторону Тургая. По пути движения полка, который мы назвали отрядом, потому что он был еще не-

---

[1] Эту конференцию мы называли съездом, хотя по сути это не был съезд (примечание А. Джангильдина).



Заседание Учредительного съезда Советов Казахстана.

многочисленным, у нас были стычки с колчаковцами. Разбивая эти небольшие группы, мы отпускали домой крестьян, насильно мобилизованных в колчаковскую армию.

Наша разведка захватила 20 главарей алаш-ордынцев. После освобождения Тургая я допросил захваченных алаш-ордынцев. Из допроса вырисовывалась картина кровавых событий в Тургае, происшедших в мае 1919 года, обстановка злодейского убийства Амангельды Иманова, Тарана, Иноземцева и других коммунистов...

...26 августа 1920 года ВЦИКом и Совнаркомом в развитие постановления Совнаркома от 10 июля 1919 года был принят декрет об автономии Киргизской Социалистической Советской Республики. Декрет был подписан председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калининым, председателем Совнаркома В. И. Лениным.

Первый Всеказахстанский съезд Советов открылся в Оренбурге 4 октября 1920 года. Это был день торжества ленинской национальной политики, день победы свободного Казахстана над белогвардейцами и буржуазными националистами — алаш-ордынцами. Эта победа была завоевана казахским народом при помощи русского рабочего класса под руководством и при повседневной заботе Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

В моей речи на открытии Всеказахстанского Учредительного съезда Советов содержался призыв к казахскому народу к единству и ликвидации остатков разбитых белогвардейско-алаш-ордынских шаек, к окончательному разоблачению их контрреволюционной сущности.

Съезд прошел под руководством большевиков.

Съезд принял решение по земельному вопросу, военному, продовольственному и другим вопросам, избрал первое советское правительство Казахстана.

Съезд принял Декларацию прав трудящихся Казахской АССР. В ней говорилось, что Казахстан является республикой Советов рабочих и трудового казахского крестьянства, казачьих и красноармейских депутатов, что Казахская АССР «входит как автономный член в свободный Федеративный Союз Советских республик, объединенных в РСФСР».

С. Мендешев[1]

КИРРЕВКОМ

Постановлением Совнаркома РСФСР в июле 1919 года я был введен в состав Революционного комитета по управлению нашим краем. В то время я работал в Урде, в отделе народного образования местного исполкома. В Оренбург я приехал в десятых числах сентября и застал там Пестковского — председателя Кирревкома. Тов. Джангильдин работал в Тургайской области.

Вскоре после моего приезда состоялось совещание ответственных работников Оренбурга, на котором обсуждался вопрос

[1] Мендешев Сеитгалий Мендешевич (1882—1937), член партии с 1919 г. Участник восстания 1916 г., один из организаторов Советской власти в Букеевской степи. С августа 1919 г.— член Кир(Каз)ревкома. Делегат Учредительного съезда Советов Казахстана и председатель избранного съездом Кир(Каз) ЦИКа. В последующие годы — на ответственной советской и хозяйственной работе.

В 1922—1926 гг. допускал в своей практической деятельности ошибки, возглавляя одну из национал-уклонистских группировок.

о присоединении Оренбургской губернии к Советскому Казахстану. Докладчиком был Пестковский. Основные положения его доклада сводились к тому, что необходимо включить Оренбургскую губернию в Казахскую республику, а Оренбург сделать ее столицей. Акулов [1] разделял эту же точку зрения. В своем выступлении он подчеркнул, что предоставление советской автономии нашему краю является серьезнейшим актом ленинской национальной политики. Оренбург должен быть присоединен к Казахстану, и оренбургские организации должны всеми силами помочь Кирревкому в его трудной работе.

Алаш-ордынцы во главе с контрреволюционером Байтурсуновым решительно боролись против присоединения Оренбурга к Казахстану. Они добивались ослабления пролетарского руководства в Казахстане и всеми силами тормозили дело вовлечения казахских трудящихся масс в работу Советов, надеясь захватить власть в свои руки. В этой своей подрывной работе они находили поддержку среди отдельных работников оренбургских организаций и тесно смыкались с великодержавными шовинистами, которые всячески пытались сорвать строительство нашей молодой Советской республики. Как известно, Оренбург до 1925 года оставался в пределах Советского Казахстана, и оренбургский пролетариат оказал огромную помощь в строительстве Советского Казахстана.

Немного ознакомившись с положением в Ревкоме, я заявил Пестковскому, что беру на себя организацию отдела народного образования. Он согласился с моим предложением. Помнится обстановка первых шагов нашей работы: стол в большой комнате Ревкома и на стене объявление, что здесь находится отдел народного образования. Начали мы с того, что послали телеграмму по всем областям об образовании отдела. Через несколько дней появился первый работник, которому я поручил руководство русскими школами. Мы с ним составили проект положения об отделе и разработали структуру отдела и штаты. Скоро появился и второй сотрудник, который занялся вопросами работы казахских школ.

Начала устанавливаться связь с местами. Они стали откликаться на наши указания, обращаться за помощью, в особенности материальной. Мы всеми силами помогали местным организациям. Работа отдела быстро развертывалась.

В первых числах ноября 1919 года мы созвали в Актюбинске уездную конференцию учителей, на которую выехал и я. Одновременно я получил задание от Кирревкома провести работу по подготовке уездного съезда Советов в Актюбинске. Учитель-

[1] Акулов — старый коммунист, секретарь губкома.

ская конференция прошла очень оживленно. Мы обсудили все важнейшие вопросы народного образования.

В начале декабря в Оренбурге остановилась Туркомиссия ЦИК и ЦК партии — товарищи Элиава, Куйбышев, Рудзутак. На заседании Ревкома с их участием мы обсудили вопрос о дальнейших мероприятиях по вовлечению казахских трудящихся в советское строительство. В связи с переходом штаба армии в Ташкент и образованием Туркфронта тогда имела чрезвычайно важное значение охрана Ташкентской железной дороги и мобилизация для этого дела бдительности и активности казахских трудящихся. В этом вопросе алаш-ордынец Байтурсунов обнаружил свое подлинное контрреволюционное нутро. Он пытался помешать осуществлению этой задачи под флагом противопоставления работы в степи работе в аулах, прилегающих к железной дороге.

Заседание Ревкома с участием членов Туркомиссии решило созвать массовую конференцию казахов в Актюбинске. Решения этой конференции, которая состоялась в январе 1920 года, сыграли большую роль в сплочении казахских трудящихся вокруг большевистской партии и советской власти.

В начале января 1920 года было окончательно разгромлено Западное отделение контрреволюционного «правительства» Алаш-Орды.

Вскоре после этого я был командирован Ревкомом в Букеевскую степь. Здесь Советская власть существовала беспрерывно с 1 мая 1918 года, но отдельные участки (поселки Новая Казанка, Таловка, I и II Приморские округа) были с половины 1919 года заняты уральскими казаками и белыми бандами. От белых они были очищены Красной Армией в конце 1919 года. Киррevком возложил на меня задачу организовать Советскую власть в этих освобожденных участках. Мне пришлось совместно с Букеевским Облисполкомом потратить значительное время для этой работы. Я участвовал на Букеевском областном съезде Советов. На нем я был избран председателем Областного исполкома, но работать там мне не пришлось, так как Ревком вызвал меня в Оренбург. К этому времени деятельность Ревкома значительно развернулась. Увеличилось число работников. Установилась связь с местами, за исключением Семипалатинской и Акмолинской областей, которыми в то время руководил Сибирский ревком.

Пестковский и некоторые другие члены Ревкома выехали в Москву на совещание по вопросу о территориальном оформлении Казахской республики, которое было созвано товарищем Сталиным на 1 августа 1920 года. Ленин поддержал предложение

наших представителей. На основе решений этого совещания был издан известный декрет от 26 августа 1920 года об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики.

Декрет этот был встречен казахскими трудящимися с огромным энтузиазмом. Великодержавные шовинисты и алаш-ордынцы, которые смотрели на советскую автономию Казахстана, как на дело несерьезное, получили очень сильный удар.

С этого времени вся деятельность Ревкома была сосредоточена на подготовке первого Краевого съезда Советов. Все отделы начали подытоживать свою работу. В конце августа Ревком послал меня вместе с Коростелевым и Покровским на первый съезд Советов Башкирии.

Когда я вернулся, Пестковский уже уехал в Москву. Некоторое время я его замещал. В сентябре 1920 года приехал Радус-Зенькович, назначенный председателем Ревкома вместо Пестковского.

4 октября открылся первый Краевой съезд Советов.

Партархив Казфилиала ИМЛ, Ф. 141. *оп. 1, ед. хр. 13520, лл. 120—128.*

М. Ряхов

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ КАЗАХСТАНА

Сентябрь 1920 года. Темирский уездный исполком получил декрет ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 года об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики. Темирская парторганизация и уездный исполком Совета мобилизовали все свои силы для разъяснения трудящимся значения этого исторического документа.

Партия большевиков, Советская власть декретом об образовании Казахской АССР навсегда утвердили дружбу казахского народа с русским и другими народами нашей великой родины.

Трудящимися Темирского уезда я был избран делегатом на Учредительный съезд Советов Казахстана. В Оренбург со всех концов края съехались делегаты: русские, казахи, татары, многие в солдатских шинелях, в национальных костюмах. Среди них — мало, очень мало женщин.

Встречаю друзей оренбуржцев, актюбинцев, кустанайцев. Поздравляем друг друга с историческим событием — с образованием казахской советской государственности.

Депутаты настроены празднично, всюду улыбки, дружеские возгласы. Замечаю среди казахов некоторых «знакомых» из амнистированных Советской властью алаш-ордынцев.

4 октября 1920 года. Торжественно открывается съезд. С его трибуны попросту, от души выступали депутаты со словами благодарности товарищу Ленину, большевистской партии, Красной Армии. Раздавались проклятия по адресу свергнутого царского режима и всех тех — белогвардейцев, алаш-ордынцев,— кто боролся против подлинно народной Советской власти. Избранники народа заверяли, что трудящиеся отдадут все свои силы делу строительства Казахской Советской Республики.

Помню выступление одного делегата казаха. Зло высмеивал он алаш-ордынцев, которые считали себя умнее всего казахского народа. На деле-то получилось обратное,— говорил он.— Народ-то оказался умнее их. Буржуазные националисты выброшены на мусорную свалку, а «черная кость» — народ сам избрал себе единственно правильный путь — путь Советской власти и дружбы с трудящимися всей страны. И получилось, что алаш-ордынцы остались в дураках.

Девять дней (с 4 по 12 октября) работал республиканский съезд Советов. Перечитывая ныне документы съезда, вспоминаю, с каким энтузиазмом, напряженностью работали его делегаты.

Восторженно принимают представители трудящихся обращения, воззвания, приветствия Коминтерну, ВЦИКу, Красной Армии и Красному Флоту.

Глубокое внимание съезд уделил разработке, обсуждению и принятию «Декларации прав трудящихся КАССР». Оно и понятно. Этот документ — основа жизни КАССР, основа ее будущей Конституции.

Участвуя в секции по разработке «Декларации», я имел возможность наблюдать активность некоторых бывших алаш-ордынцев. Они рьяно защищали право участия в выборах Советов духовенства, баев и других эксплуататоров, добивались исключения из «Декларации» пункта, лишающего нетрудовой элемент права служить в Красной Армии, противились принятию правильных решений по земельному и другим жизненным вопросам.

Закончился съезд. Делегаты за дни его работы прошли большую политическую школу и разъезжались воодушевленные историческими решениями съезда, замечательными перспективами, которые открывались образованием Казахской АССР — неотъемлемой части нашей великой социалистической отчизны.

Я возвращался домой как член КазЦИКа 1-го созыва. Я чувствовал в себе прилив новой силы и энергии.

* * *

Прошло почти 40 лет с тех дней, но свежи в моей памяти октябрьские события 1920 года, которые сыграли немалую роль в превращении Казахстана в цветущую Советскую республику — равноправного члена братской семьи народов СССР, победоносно строящих коммунизм.

Женщины в борьбе за власть Советов

С. Есова

ПОКОЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

Поколение, к которому я принадлежу, по праву называется поколением Октября. К моменту свершения Великой Октябрьской социалистической революции мы были еще юношами и девушками, только вступившими на жизненный путь. Однако, несмотря на свою молодость, мы уже многое знали. Для нас баи, волостные управители, бии не являлись литературными образами, музейными экспонатами. Наши неокрепшие плечи гнула тяжесть феодальной иерархии, мы испытывали колониальный гнет, задыхались в тисках политического бесправия, рано осознали мрачную власть патриархально-родовых пережитков. Многих из нас приводило в ужас страшное слово калым — могила юности, надежд и чаяний.

Но история щедро покровительствовала нашему поколению. Она сделала нас, сынов и дочерей отсталого и многострадального народа, современниками Ленина. Мы пошли по начертанному его гением пути...

* * *

В начале 1919 года я, совсем еще молодая девушка, приступила к работе в татаро-казахской школе-семилетке в Перовске (ныне Кзыл-Орда). Мне предстояло преподавать историю и географию в пятых, шестых и седьмых классах. Многие ученики и ученицы были на несколько лет старше меня.

ЕСОВА САРА САТПАЕВНА (р. 1903 г.), член КПСС с 1920 г. Видная деятельница женского движения в Казахстане и Туркестане. Была в числе первых организаторов казахской партийно-советской печати, активный работник культурного фронта. В настоящее время — директор Центрального государственного музея Казахской ССР.

Мы, молодые учителя, не ограничивались только преподавательской работой. Нас интересовали все стороны общественной жизни, и мы с увлечением занимались культурно-просветительной работой среди трудящихся. Например, кроме работы в школе, я еще организовала школу ликбеза для казахских женщин, преподавала в школе взрослых для рабочих-железнодорожников.

Осенью 1919 года из казахской и татарской молодежи были организованы кружки самодеятельности, которые ставили спектакли, давали концерты. Сбор, поступавший от этих спектаклей и концертов, полностью шел на улучшение быта воспитанников детских домов.

Среди нас были свои драматурги, режиссеры и балетмейстеры. Например, учитель Юсуф Досов по заказу наших комсомольцев писал пьесы, а Гали Ардобос руководил балетной труппой. Помню, ставили «Галия-Бану» и «Джизнекай» на татарском языке.

Если не хватало пьес, посылали за ними наших кружковцев в другие города — в Ташкент и Чимкент.

Нам хотелось поставить пьесу о революционной борьбе, о героях тех дней, но таких пьес не было, приходилось творить самим. Нашим кружковцам-«драматургам» доставалось от нас, если к намеченному сроку пьеса не была готова. Тематикой пьес было раскрепощение женщины, борьба с калымом, с пережитками патриархального уклада жизни.

Трудное тогда было время. Белогвардейцы, алаш-ордынцы

и интервенты, голод, разруха и тиф терзали нашу страну. В этих условиях Советская власть делала все, чтобы спасти детей. Беспризорников и сирот устраивали в детские дома-интернаты. Комсомольцы взяли шефство над детскими учреждениями. Они постоянно бывали в детских домах, организовывали субботники, чинили детское белье, чистили их общежития.

Всех беспризорников устроить в детские дома не было физической возможности. И хотя мы сами сидели на полуголодном пайке, все же брали к себе на воспитание сирот. Так поступила и я.

Весной 1920 года я близко познакомилась с товарищами из женотдела угоркома — Дембской и Пожарской. С особенной теплотой и благодарностью вспоминаю я этих своих старших подруг.

В мае 1920 года в Ташкенте проходил съезд женщин, в работе которого принимала участие и я. Много узнала я тогда о задачах, которые большевистская партия ставит в области раскрепощения женщин Востока. Страстно хотелось все свои силы посвятить этому благородному делу. Я часто выступала перед молодежью и женщинами, рассказывала им о решениях съезда.

Летом 1920 года меня избрали членом уисполкома. Когда об этом сообщили в газете «Коммунист», издаваемой в Ташкенте, на мое имя поступили многочисленные письма и поздравления, так как в наших краях это был первый случай избрания девушки казашки в органы власти.

В июне 1920 года в моей жизни произошло огромное событие — я вступила в ряды Коммунистической партии. К этому времени относится и начало моей журналистской деятельности. Я стала корреспондентом газеты. Мои первые заметки были посвящены жизни комсомола, молодежи, работе среди женщин.

* * *

Осенью 1920 года я оставила навсегда родительский дом и уехала в Ташкент. Произошло это при следующих обстоятельствах. Я была продана за калым, когда мне не было еще и трех лет. После этого утекло много воды. Я училась, получила среднее образование, стала самостоятельным человеком, вступила в ряды Коммунистической партии, активно включилась в борьбу за раскрепощение женщины. И конечно, я не могла примириться с диким обычаем феодального прошлого — быть проданной, как вещь. Однако кошмарная сила старого действовала: весь род «жениха» не хотел согласиться с тем, что ныне изменилось отношение к девушке, что она — полноправный человек. Родственники «жениха» из влиятельного в районе рода — Котебаро-

вы — караулили меня, чтобы насильно увезти к себе в аул. Теперь многим это покажется диким. Но тогда...

Я решила бежать. Немногие знали о предстоящем моем отъезде. Получив согласие укома партии (председателем тогда был ныне покойный Байнияз Хангильдин, член КПСС с 1919 года) и сообщив об этом только своей матери, я срочно выехала в Ташкент.

Здесь первое время я работала в опытно-показательной казахской школе. В январе 1921 года в Аулие-Ате состоялся Краевой съезд казахской и киргизской бедноты. Съезд обсудил ряд жизненных для трудящихся вопросов: проведение земельно-водной реформы, организация союза Кошчи и другие. Партия оказала мне большое доверие, поручив сделать доклад о раскрепощении женщин. К этому времени КазЦИК уже издал декрет об отмене калыма, запрещении многоженства и аменгерства. Наш съезд высказался за то, чтобы правительство Туркестанской республики, в состав которой входили Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, также активизировало борьбу с этими отвратительными пережитками прошлого.

В дни работы съезда силами членов кружка художественной самодеятельности (главным образом студентов Ташкентского Казинпроса) было дано для делегатов два спектакля: «Балкия» и «Байбише-токал». Студенты Казинпроса Курманбек Джандарбеков и Улбулсун Турдыкулова исполняли главные роли. Я также участвовала в спектакле. Зал театра был переполнен.

После съезда мы выезжали в аулы с показом своего молодого искусства.

В дальнейшем ЦК Компартии Туркестана использовал меня на агитационно-пропагандистской работе. Мне очень помогали ответственные работницы женотдела ЦК Шифрис и Захида Бурнашева.

В марте 1921 года в Ташкенте открылась Краевая конференция женщин Советского Востока. В своем вступительном слове я обратила внимание делегаток на то, что впервые женщинам Туркестана удалось собраться со всего края под одной кровлей. До сего времени женщины коренного населения не имели понятия ни о конференциях, ни вообще об организациях. Теперь они почувствовали дыхание свободы. Эти слова были встречены громом аплодисментов. Первое заседание конференции завершилось пением «Интернационала» на родном языке.

После конференции делегация от Туркестанской республики выехала в Москву на первое совещание представительниц жен-

отделов партийных организаций восточных областей и республик, которое происходило 5—7 апреля 1921 года. В этой делегации были Зухра Юсупова (ныне персональная пенсионерка, живет в Ташкенте), Рабига Атабаева (старейшая женотделка из Алма-Аты, умерла в 1953 году) и я.

В течение трех дней работы совещания мы познакомились со многими деятелями коммунистического женского движения. Надежда Константиновна Крупская с большим интересом выслушала наши выступления, с некоторыми из нас отдельно беседовала, расспрашивала о положении женщин Востока.

Мы обратились с письмом к Владимиру Ильичу, приглашая его на совещание.

В день закрытия совещания мы получили приветственную телефонограмму В. И. Ленина следующего содержания:

«ПРИВЕТСТВИЕ СОВЕЩАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ЖЕНОТДЕЛОВ НАРОДОВ ВОСТОКА СОВЕТСКИХ ОБЛАСТЕЙ И РЕСПУБЛИК

К глубокому сожалению, неотложная работа не позволяет мне присутствовать на вашем совещании. Горячо приветствую и шлю свои лучшие пожелания успеха в работе, особенно в работе по подготовке предстоящего первого Всероссийского беспартийного съезда женщин Востока, который, правильно подготовленный и проведенный, несомненно, сыграет громадную роль *в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока*».[1]

Отдельные участницы совещания были оставлены на несколько дней в Москве и прошли инструктаж в отделе по работе среди работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Специальным мандатом, выданным ЦК РКП(б) и подписанным секретарем ЦК Ем. Ярославским и заведующей отделом по работе среди работниц и крестьянок А. М. Коллонтай, мне поручалось вести в Казахстане подготовительную работу к Всероссийскому беспартийному съезду женщин Востока.

15 апреля 1921 года я приехала в Оренбург, тогдашнюю столицу нашей республики.

При обкоме партии состоялось совещание женактива, на котором был составлен план подготовительной работы к съезду женщин Востока. Намечалось провести на местах губернские и уездные съезды для выбора делегатов на Всероссийский съезд.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 32, стр. 277.

Для оказания помощи партийным организациям в осуществлении принятого плана Казахский обком РКП(б) направил в самые отдаленные, преимущественно кочевые и полукочевые, районы республики своих представителей. В Букеевскую губернию уполномоченным послали Алму Уразбаеву, а в Актюбинскую губернию — меня.

Я побывала в Иргизском, Челкарском, Карабутакском и Карачукатском районах, где проводила общие собрания женщин. Имя Ленина было очень популярно в аулах. Неграмотный кочевник-скотовод, забитая казашка, услышав имя Ленина, с радостью слушали беседы.

Как правило, из аула в аул меня провожали джигиты. Они в дороге всячески упрашивали меня рассказывать им еще и еще о том, что я видела своими глазами в Москве.

С большим любопытством относились ко мне женщины, так как, по их мнению, молодой девушке казашке немыслимо было решиться ехать по степи верхом в незнакомые места.

Некоторые старики спрашивали — не разъезжаю ли я по принуждению, без своего согласия... Иные женщины недоверчиво снимали с меня головной убор и, только убедившись, что у меня заплетены две косы, что я умею не только агитировать, но и петь их любимые народные песни, быстро становились моими друзьями.

В аулах Иргизского и Челкарского районов очень многие спрашивали у меня об Алиби Джангильдине. С большим уважением к нему относились и старики, и молодые.

— Если в Оренбурге его увидите, то передайте ему от нас салем,— говорили мне мои новые друзья — земляки Джангильдина.

Иргизский уездный съезд женщин избрал четырех делегаток в Москву. Весь Иргиз их провожал. К сожалению, в Челкаре мы получили телеграмму, что съезд женщин Востока отложен на неопределенный срок. Дав возможность делегаткам отдохнуть после дороги, мы проводили их домой с большими почестями. Ознакомление с городом, железной дорогой для них было большим событием, удивление вызвал паровоз.

* * *

В начале июня я вернулась в Оренбург. Здесь я впервые встретила заведующую женотделом Киробкома РКП(б) Алму Уразбаеву.

Алма Уразбаева — бывшая сельская учительница, с первых дней Советской власти активная общественница, одна из пионерок женского коммунистического движения на Советском Востоке. Она вступила в Коммунистическую партию в 1919 году,

когда ей был 21 год. По заданию партии большевиков выполняла ряд ответственных поручений: была политработником в армии, пропагандистом и агитатором. Ей посчастливилось слышать выступление В. И. Ленина на курсах агитаторов-пропагандистов, организованных ЦК РКП(б) в Москве в 1919 году. Имя Уразбаевой было известно за пределами республики — о ней я слышала, когда работала в Ташкенте, находилась в командировке в Москве.

Хорошо помню первое наше знакомство. Увидя друг друга, (нас никто не представлял), мы крепко обнялись и поцеловались. После некоторой паузы Алма первая заговорила:

— Вот ты какая! — И снова крепко поцеловала меня.

На глазах у обеих были слезы радости... Мы долго беседовали, обменивались впечатлениями о последней поездке в аулы, рассказывали о своих планах дальнейшей работы...

В июне 1921 года происходила первая конференция большевиков Казахстана, в работе которой участвовали и мы с Алмой. Выступление Уразбаевой на конференции было посвящено работе среди женщин.

АЛМА УРАЗБАЕВА

За время моего пребывания в Оренбурге я познакомилась со многими партийными и советскими работниками, с деятелями культуры. В большинстве своем это была молодежь в возрасте 19—24 лет; поэтому для песни мы всегда находили время. Алма Уразбаева и Иргалий Алдунгаров (первый в крае комсомолец-редактор, умер в 1926 году) были душой молодежных вечеров.

Замечательный оратор, душевный товарищ, Алма в то же время была натурой очень музыкальной, она обладала голосом приятного тембра. В те годы она была активной корреспондентской первого народного артиста республики, известного собирателя казахских песен и кюев А. В. Затаевича. В исполнении Алмы он записал девять казахских песен, в том числе такие изумительные по красоте песни, как «Жайнык», «Зейнешим», «Гиндаш» и другие.

Алма познакомила и меня с Александром Викторовичем, который записал в моем исполнении две народные казахские песни «Гульзейнап» и «Сулушаш», вошедшие в сборник «1 000 песен киргизского народа» под номером 875 и 876, а в 1935 году — народную песню «Сурша-кыз».

Алма была всесторонне образованна, принципиальна, непримирима к классовым врагам, к буржуазным националистам, требовательна к себе и другим — она была настоящим большевиком-ленинцем. Общественные и государственные интересы у нее всегда стояли на первом плане. Она всецело отдавала себя партии.

Алма принадлежит к той категории молодых деятелей революции, которые вместе со страной росли, мужали и закалялись, как сталь.

Выполняя ответственную работу и пользуясь большим авторитетом и любовью со стороны тех, кто ее знал, Алма всегда оставалась скромной во всем. Серая папаха, пальто полумужского покроя из сукна цвета хаки, маленькие сапожки на каблуках, платье из серой шерсти — вот в такой одежде она запечатлена на фотографиях того времени. Черные, блестящие, коротко остриженные волосы, прекрасные чуть узковатые глаза, огонь которых всегда покорял, хрупкая и вместе с тем сильная, волевая — вот такой она осталась в нашей памяти. Жаль, что милый образ нашей Алмы до сих пор не привлек еще внимания художников, скульпторов, не нашел еще своего художественного воплощения.

* * *

После Оренбурга я работала в аппарате ЦК КП Туркестана инструктором женотдела.

Третий краевой съезд КСМТ (август 1921 года) избрал меня в состав Пленума ЦК Коммунистического союза молодежи Туркестана. При политпросветотделе ЦК КСМТ был организован подотдел по работе среди девушек, возглавить эту работу было поручено мне.

Условия работы среди девушек из коренного населения в те годы были очень тяжелыми. Родители часто противились вовлечению их дочерей в комсомол. Классовые враги всякими путями тормозили нашу работу, распространяя среди отсталого населения вздорные слухи. Но, несмотря на все это, комсомол завоевывал авторитет, девушки вступали в его ряды, они обращались к нам за помощью, и мы им помогали.

Комсомолки уже мечтали о высшем или специальном образовании. Но большинство девушек еще были неграмотными.

Организация ликбезов, школ для малограмотных стала одной из основных задач. Наряду с этим мы много сил отдавали политическому просвещению, культурно-массовой работе. Партийные и комсомольские организации неустанно заботились о том, чтобы вовлечь девушек в советско-партийные школы, а позже — в Средне-Азиатский Коммунистический университет (САКУ).

Руководящие работники партийных и комсомольских организаций повседневно помогали нам в сложной, но благородной работе, в политическом просвещении женской молодежи.

Когда я пишу эти строки, передо мной встает замечательный образ Гани Муратбаева, я слышу его страстные, проникновенные речи, которыми он зажигал сердца молодежи. Гани Муратбаев, работавший первым секретарем ЦК КСМТ, в беседах с нами неизменно подчеркивал исключительное значение привлечения девушек к общественной работе. Ему в то время было не более 19 лет. Но чуткость, внимание Гани помогали многим из нас определить свой жизненный путь. По своему политическому развитию он стоял много выше нас. Когда мы вместе составляли план очередной «Странички молодежи» в краевой газете или же готовили издание специальной молодежной газеты, я наблюдала за ним и поражалась его неиссякаемой кипучей энергии.

Именно Гани Муратбаев посоветовал мне испробовать свои силы в журналистике. Он с увлечением говорил о том, что молодежь должна из своей среды выдвинуть кадры талантливых публицистов. Я послушалась его совета: с 1922 года полностью перешла на газетную работу. Сначала была редактором Семиреченской областной казахской газеты «Тльчи», а позже — журнала «Аель тендиги».

В сентябре 1921 года в Москве состоялся IV съезд РКСМ. В числе делегаток на этом съезде была и я. Нашу делегацию возглавлял Гани Муратбаев.

* * *

На мою долю выпало большое счастье видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Это было 23 декабря 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов. Я входила в состав делегации от Туркестанской республики... Михаил Иванович Калинин объявил:

— Слово для доклада «О внутренней и внешней политике республики» предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину.

С огромным воодушевлением приветствовал весь зал по-

явление вождя. На всех языках народов нашей Родины провозглашалось: «Да здравствует вождь международного пролетариата товарищ Ленин!»

На земле не было силы, которая могла бы остановить этот мощный порыв наших сердец,— от радости глаза были полны слез.

Много лет прошло с того времени, но голос В. И. Ленина, его горячий призыв взяться за мирное строительство, быть начеку, крепить обороноспособность нашей страны, я слышу и сейчас...

М. Бегалиева

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АЛМЫ УРАЗБАЕВОЙ

Алма с детства была чуткой, ласковой, справедливой. Мы обе учились в одной школе, только Алма поступила туда на два года раньше. До школы я росла в ауле. Поэтому многое в городской жизни мне казалось странным, а девочки из Урды в свою очередь смеялись над моим поведением. Алма всегда защищала меня. Естественно, я очень привязалась к ней, да не только я, а все девочки слушались ее и любили.

В 1911 году в Урде открылась двухклассная женская школа с интернатом, куда поступили Алма и я. В этой школе мы крепко подружились с русскими девочками. Мы ходили к некоторым из них домой, готовились вместе к экзаменам, а иногда устраивали домашние литературные вечера, пели, читали произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева.

Из всех учениц Алма была самая начитанная и развитая. Она обладала приятным голосом, и мы любили, когда Алма декламировала стихи или пела. По русскому языку у нее всегда были пятерки. Особенно хорошо она писала сочинения.

Совместная учеба с русскими ребятами сначала в школе, а затем на трехгодичных педагогических курсах оказывала на нас положительное влияние. Мы по-своему обсуждали существующие порядки в учебных заведениях, говорили о тяжелой жизни бедняков вообще и казахов в частности.

Особенно нас возмущали дикие обычаи в отношении казахских женщин, неграмотность и забитость казашки.

БЕГАЛИЕВА МАДИНА КУЖБАНОВНА (р. 1899 г.), член КПСС с 1920 г Одна из активных зачинателей женского коммунистического движения в Казахстане. С 1922 г — на руководящей партийной работе. С 1936 по 1940 г. работала инженером на Балхашском медеплавильном заводе.
Ныне — персональный пенсионер.

Алма с горечью говорила о том, что некоторые отдают девочек в школу не для того, чтобы они получили образование, а из-за полного пансиона, чтобы избавиться от лишнего едока в семье, а когда девушкам исполнится 13—14 лет, продают их за калым, насильно выдают замуж. И действительно, за 20 лет существования русско-киргизской школы окончили ее всего около 10 девушек, включая и нас двоих, несмотря на то, что в этой школе обучалось ежегодно от 17 до 20 девушек.

...Февральскую революцию Алма встретила в Джангале, где она работала учительницей начальной школы. Я тогда учительствовала в отдаленном ауле Чулак (ныне Новобогатинского района Гурьевской области). Газет, журналов там не было, и никаких вестей извне мы не получали. Поэтому я решила съездить на свой риск в Джангалу. Здесь, кроме Алмы, было шесть учителей, врач, фельдшер; они часто собирались и вместе обсуждали текущие события.

Уже тогда Алма начала вести воспитательную работу среди женщин казашек. Она старалась побольше женщин втянуть на собрания и митинги, ходила по домам, беседовала с ними, объясняла, что сейчас нужно учиться.

Общаясь с передовой русской молодежью в Урде, Алма с ее помощью поняла сущность Временного правительства. Когда некоторые наши русские подруги тайно убежали из дома, чтобы

поступить в женский «батальон смерти»[1], Алма осудила их, а на мой вопрос, почему она так к этому относится, с возмущением ответила: «Ты слышала о Ленине и большевистской партии? Керенского не за что защищать, Временное правительство действительно временное и не наше, а вот когда Ленин победит, тогда и будет настоящее правительство рабочих и крестьян».

После Октябрьской революции Алма со всей энергией стала пропагандировать идеи большевистской партии. Когда началось формирование Первого образцового казахского кавалерийского полка Красной Армии, Алма поступила туда медсестрой, одновременно она занималась ликвидацией неграмотности среди бойцов.

В июне 1919 года Алма была командирована в Москву на курсы агитаторов. Оттуда писала мне, с каким глубоким волнением слушала она выступление Владимира Ильича на собрании московских работниц.

Алма — первая казашка коммунистка. В октябре 1919 года она стала членом Российской Коммунистической партии большевиков.

После окончания курсов Алму направили в распоряжение Кироблбюро РКП(б) и Кирревкома. В мае 1920 года она приехала в Урду, чтобы помочь местным организациям провести губернский съезд Советов.

Алма выступила на съезде с докладом об очередных задачах и укреплении Советов. Делегаты одобрительно отзывались о ее докладе — обстоятельном, насыщенном фактами из местной жизни, содержавшем глубокий анализ работы местных Советов. Мы, женщины, гордились тем, что на этом съезде основной доклад сделала женщина казашка, наша подруга Алма, и подтрунивали над мужчинами.

Второй раз Алма приезжала в Урду весной 1921 года для проведения губернской конференции женщин. Несмотря на весеннюю распутицу, прибыло 70 делегаток. В их числе была и Дина Нурпеисова, приехавшая из далекого аула Денгизского уезда. Конференция проходила в Народном доме, который был заполнен до отказа: кроме делегаток, присутствовало много женщин из Урды.

Конференция обсудила доклад Алмы Уразбаевой «Что дала Советская власть женщине» и доклад Мобины Ниязовой «Борь-

[1] Летом 1917 года буржуазия и социал-соглашатели пытались вызвать среди женщин движение за создание «батальонов смерти» для борьбы против революции. Однако эти попытки успеха не имели. Все дело свелось к формированию одного батальона, который в дни Октябрьской революции выступил в защиту Временного правительства.

ба с калымом и многоженством и охрана материнства и младенчества».

Конференция прошла с большим подъемом. Было избрано 10 делегаток на Всероссийскую конференцию женщин Востока.

После конференции был устроен вечер самодеятельности. На этом вечере выступили делегаты, пели, танцевали и играли в национальные игры. Особенно запомнились игра на домбре Дины Нурпеисовой и песни Алмы.

Алма жила тогда у меня, и квартира превратилась в «приемную». Сюда к Алме за советом приходило много женщин из Урды и ближайших аулов. Алма беседовала с ними, всегда помогала им. Запомнился такой случай. Бывший советник Временного совета Внутренней Киргизской Орды Болдырев, имевший собственный дом, держал батрачку. После смерти Болдырева приехала его дочь с мужем и выгнала из дому батрачку, не заплатив ей за труды ни копейки. Батрачка обратилась к Алме, которая написала ей заявление в нарсуд и послала меня туда защищать интересы пострадавшей. Нарсуд присудил в ее пользу порядочную сумму из наследства Болдырева.

Тогда же Алма договорилась с местными организациями о том, чтобы всегда, когда разбираются нарушения советских законов в отношении женщин, в нарсуд посылали женщину-представителя. Представителями в нарсуд назначили меня, Марию Полякову и Мобину Ниязову.

Алма вошла в первый состав Казахского обкома РКП(б) и КазЦИКа. С 1921 по 1925 год она работала заведующей женотделом Казахского обкома партии. С ее помощью были организованы отделы по работе среди женщин при местных партийных комитетах. Она была автором проекта закона об отмене калыма и запрещения многоженства, принятого КазЦИКом 28 декабря 1920 года.

С 1925 по 1926 год Алма училась в Москве, с 1926 по 1928 год она работала заведующей главполитпросветом при Казнаркомпросе в Кзыл-Орде, с 1928 по 1929 год — в Саратове заведующей отделом по работе среди женщин Нижне-Волжского обкома партии. Умерла Алма в 1943 году.

Алма Уразбаева была чутким, заботливым товарищем. Обаятельный человек, неутомимый агитатор, чуткая, скромная, до конца преданная партии и народу,— такой навсегда останется Алма в памяти тех, кто знал ее и работал с ней.

Е. Князева

НА ШКОЛЬНОЙ СКАМЬЕ...

В второй класс к нам в женскую школу поступила новая ученица — Алма Уразбаева, дочь местного печника. Ей было на вид лет пятнадцать; слегка курчавые, мягкие блестящие волосы обрамляли красивое лицо Алмы. На левой щеке небольшой шрам.

Она поразила нас, школьниц, своей привлекательностью и особенно милой улыбкой. Так только она одна умела улыбаться.

Мне было немного неприятно, когда Алма несколько раз поправила меня в разговоре по-русски. Но постепенно это исчезло, потому что Алма делала поправки без злого умысла. Она была очень отзывчивой, не гордилась своими знаниями и часто помогала девочкам, в частности и мне, в учебе.

Наша дружба с Алмой, дружба старшей с младшей, росла и укреплялась. Особенно мне по душе пришлась ее уравновешенность, уверенность, спокойный голос, которым она отвечала уроки.

КНЯЗЕВА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА (1900—1958), член партии с 1927 г. Учительница. С 1920 г. была на советской и профсоюзной работе, с 1935 г.— на партийной работе.

...Мы учились уже на педагогических курсах. Алма часто говорила мне, что мы — будущие учителя, нам нужно держаться спокойно — «чувствовать свое призвание учителя!»

Часто собирались мы после занятий на квартире у Алмы или у других курсанток. Вели разговоры о будущей учительской деятельности, разбирали прочитанную литературу, часто пели песни. У Алмы было очень приятное сопрано, она вела наш хор, знала много русских песен, любила казахские песни. Курсантка Тоня Доценко хорошо владела казахским языком и знала казахские песни. Вместе с Алмой они и остальных девушек учили петь по-казахски. Мне и сейчас часто слышится шуточная песня Алмы, наполовину казахская, наполовину русская:

Миленький, хороший — кара ковем,
Никогда не забуду, айткан созин.

Она знала много казахских сказок, много русских пословиц, поговорок и всегда любила в разговоре кстати их употребить. Часто вместе мы читали книги.

М. Ниязова

МНОГОГРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИЧКИ

В 1917 году по окончании зубоврачебной школы я приехала в Урду. Через некоторое время я узнала, что есть здесь две учительницы, окончившие педагогические курсы. Это была Алма Уразбаева и Мадина Бегалиева.

Первый раз я встретилась с Алмой в Народном доме. Шла организация драмкружка, в которой Алма принимала активное участие, а также сама выступала во многих ролях.

В конце 1918 года Алма Уразбаева работала агитатором Первого образцового казахского кавалерийского полка, проводила разъяснительную работу среди красных джигитов, а также при больнице и амбулатории культурно-массовую работу среди медиков и больных.

Я помню, как Алма в белом халате и белой косынке вела беседу с работниками и больными.

Алма участвовала в производственных совещаниях местного комитета и в распределении промтоваров среди технического персонала.

В 1920 году Уразбаева приехала в Урду проводить съезд Советов Букеевской губернии. Я была делегатом на этом съезде. Алма проделала большую подготовительную работу.

Съезд открыла Алма, произнесла вступительную речь, сделала доклад об укреплении Советов. Доклад был обстоятельный, подробно были охвачены все вопросы. Она говорила хорошо как на казахском, так и на русском языках.

Второй раз встретились в Урде в 1921 году, когда она приехала проводить первую губернскую беспартийную конференцию женщин. Сделала доклад о раскрепощении женщин. По окончании мы устроили вечер в здании губисполкома, где Алма участвовала активно в играх и пела. У нее был приятный голос.

НИЯЗОВА МОБИНА ИБРАГИМОВНА (р. 1895 г.), член КПСС с 1927 г. Принимала активное участие в работе по раскрепощению и воспитанию женщин казашек. Неоднократно избиралась членом Букеевского губисполкома, делегат первого съезда Советов Казахстана. С 1927 г.— на ответственной работе в органах юстиции. Ныне — пенсионер.

Алма всю свою жизнь посвятила активной работе по установлению и укреплению Советской власти в Казахстане, раскрепощению казахской женщины и вовлечению ее в социалистическое строительство.

Е. Малинская

АГИТАТОРЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

В глубине Туркестанского края приютилась Аулие-Ата — типичный городок колониальной окраины, наводненный чиновниками всех ведомств.

Небольшая прогимназия, несколько приходских школ, школа-интернат для детей казахских баев — вот те культурные очажки, бытие которых зависело от самодура-инспектора народных училищ.

Дикими, писаными и неписаными, законами была опутана школа в прошлом. Так, например, к преподаванию не допускались замужние женщины. Приехав в 1914 году в Аулие-Ату после окончания гимназии и получения аттестата на право преподавать в народной школе, я стала добиваться осуществления этого права. Но мои усилия долго оставались тщетными — ведь я была замужем...

В конце концов удалось устроиться учительницей женской школы. Когда я обратилась к инспектору народных училищ с

просьбой дать мне недельный отпуск перед родами, он написал на моем заявлении: «Россия ничего не потеряет, если учительница Малинская совсем уйдет из школы». Я не ушла из школы, и сын едва не родился в классе.

В 1915 году моего мужа отправили на фронт. Я активно включилась в работу по оказанию помощи семьям фронтовиков. Участвовала в деятельности женского комитета. Мы проводили различные мероприятия по сбору средств, в том числе ставили спектакли.

...Это было в субботу. Я исполняла роль гувернантки. По ходу пьесы молодая особа, приехавшая в богатый дом, раздевается, чтобы лечь спать. Этот факт и то, что играли под воскресенье, и то, что я, жена фронтовика, «развлекалась»,— обо всем этом священник немедленно доложил директору народных училищ, и меня сняли с работы. С большим трудом удалось мне добиться восстановления.

...Осень 1917 года. Я продолжала учительствовать в женской начальной школе. С победой Великого Октября в Петрограде моя жизнь слилась с жизнью партии.

Был создан революционный комитет. У местного адвоката реквизировали пишущую машинку, и поручили мне срочно перепечатать обращение к населению. Я не умела печатать на машинке. Просидела всю ночь над этой работой, и утром обращение появилось на дверях угоркома. Этот документ я перепечатала плохо, не было интервалов между строками, знаков препинания между словами. Но он рассказывал трудящимся о том, что народы России свергли Временное правительство и взяли власть в свои руки.

Уездный комитет большевистской партии стал центром всей городской жизни. Сюда приходили самые преданные революции люди. В большинстве это была молодежь.

Однажды угорком получил известие о том, что на перевале засели дутовские офицеры. Срочно нужны были добровольцы-разведчики. Как рванулась молодежь на это опасное дело! Отобрали пятерых — самых смелых, самых храбрых.

С замиранием сердца мы ждали их возвращения. Но они попали в руки белогвардейцев. Вскоре жители окрестных деревень доставили в угорком трупы разведчиков...

...Трудно было работать большевикам. «Левые» эсеры вели подрывную работу. Под их руководством кулаки подняли мятеж в Беловодске, который охватил и часть нашего уезда. На его подавление выехал председатель исполкома Карев. В бою он был смертельно ранен. Похороны Карева превратились в демонстрацию решимости трудящихся бороться за Советскую власть.

Председателем исполкома стал железнодорожник Чередниченко.

...Я уже говорила о неравноправии женщин в дооктябрьское время. Особенно уродливые формы оно принимало в восточных национальных районах России. В Аулие-Ате, например, в городских школах не было ни одной казашки. Если для мальчиков была хотя одна школа-интернат, то девочки, даже дочери баев, и этого не имели. Религиозные и бытовые традиции принижали казашку, опустошали ее ум и сердце.

И вот началась в Аулие-Ате работа среди женщин. Руководила женотделом Катя Тучина. В ее комнате всегда находились казашки, многие из них приходили с детьми.

Не все понимали женщины, когда Катя, знавшая казахский язык, говорила им о новой жизни. Еще меньше понимали они меня, молодую учительницу, когда я пыталась на русском языке объяснить те светлые перспективы, которые открывает перед ними Советская власть. В комнате висел портрет Владимира Ильича. Смотрели на него казашки и сердцем чувствовали, что с Лениным связано их будущее.

В 1919 году в Москве побывали аулие-атинские женщины казашки. Они увидели здесь В. И. Ленина и стали лучшими агитаторами за Советскую власть.

Д. Дубынина

ГЕРОИНИ-КОММУНИСТКИ

В ночь на 31 мая 1918 года в Петропавловске местные контрреволюционеры и чехословацкие легионеры захватили власть.

2 июня меня, арестованную офицером Баталовым, привели в два часа утра к станичному атаману. Около здания, где находился атаман, на меня накинулась толпа старых казаков и казачек с белыми повязками и стала меня бить.

— Это жена Дубынина![1] Убить ее! — кричали озверевшие люди.

В это время привели еще двух коммунисток — Калюжную, 45 лет, и Настю Прокопичеву, 18 лет; обе женщины были из-

[1] И. Д. Дубынин (1880—1918), член партии с марта 1917 года, председатель Петропавловского горкома РКП(б), один из видных организаторов Советской власти в Северном Казахстане. Расстрелян 10 июня 1918 года белогвардейцами в числе других петропавловских комиссаров.

биты и в крови; увидев кровь, толпа еще более разъярилась.. От побоев я потеряла сознание...

Очнулась я в камере станичного правления; рядом стонали две другие женщины. Особенно сильно была избита Настя. Весь затылок у нее был разбит, роскошные длинные волосы спутались и перемешались с кровью. Кое-как перетянула ей рану носовым платком.

В камеру набралось человек пятьдесят. Жарко, мучает страшная жажда.

Зашел офицер Кошаров и начал издеваться над полуживой Настей:

— Как, милая барышня, хорошо здесь, а помните, как вы со мной в театре танцевать не пожелали? Собственными руками расстреляю!

В два часа дня нас увезли в тюрьму.

Трудно описать все перенесенные нами издевательства и мучения... Меня, Калюжную и Настю в тюрьме посадили в одну камеру, внизу. К вечеру привезли еще шесть жен коммунистов. Среди них были две беременные женщины: Землянская и поломойка Совдепа.

Утром меня, Настю и Калюжную вызвали в контору тюрьмы. Пришли. За столом сидят трое офицеров. На столе кандалы.

— Не желаете ли одеть браслеты? — обращаются к нам палачи.

Молчим.

— Заковать глухих сволочей! — бешено кричат мучители.

На нас надевают тяжелые цепи с ржавыми полупудовыми замками и уводят обратно.

Пьяные офицеры продолжают нас посещать и издеваться.

Зашел прапор Васька Тизяев.

— Ты кто? — обращается он к женщине.

— Поломойка Совдепа,— слышится в ответ.

— Гадина. Тоже помогала большевикам... Расстреляем! — озлобленный выкрик и пьяная ругань.

Тычет Землянскую:

— Щенка большевистского хочешь родить? Шалишь, сами вытащим из живота и разорвем на части.

Всего, бывшего в эти дни, не перескажешь.

9 июня утром нагайками нас погнали в церковь. Там сначала нас прокляли, а потом предложили исповедоваться. Отказались.

Вечером пришел начальник тюрьмы Каргополов со списком, назвал меня, Калюжную и Настю.

— Одевайтесь и прощайтесь со всеми,— скомандовал он нам.

— Мама... Я с тобой хочу умереть,— слышится раздираю-

щий душу крик дочери Калюжной. Грозный окрик и нагайка Каргополова заставляют ее стихнуть.

Когда мы вышли во двор, там уже было выстроено 23 человека, среди которых я в последний раз увидела своего мужа... Все закованы в кандалы... Прискакал казак с бумагой. Прочли и оставили меня и железнодорожного рабочего Иванова, сказав «до завтра». Всю ночь мы с трепетом ждали — не вернут ли и уведенных обратно.

Стало светать. Только изредка перекликались часовые.

Что-то забренчало. Что это?... Ведь это наши идут?.. Да, это они звенят цепями. Поровнялись с тюрьмой. Слышится крик:

— Прощайте, товарищи!

4 часа 45 минут. Все затихло.

Вдруг залп и отдельные выстрелы. Слышно, как часовой говорит:

— Первую шеренгу расстреляли.

Опять залп и выстрелы...

— Вторую,— слышен голос часового.

— Готовы все.

Сидим, как окаменелые.

Пришли надзиратели, принесли от расстрелянных последнее «прости» и записочки. Я получила от Насти букет незабудок и записку. Идя на смерть, она собирала цветы. В букете была записка: «Дорогая Дубынина, прощай навсегда, если останешься жива, передай записочку маме».

Так умели умирать коммунисты и коммунистки.

«Степная звезда», № 150,
29 сентября 1927 г.

П. Макарова

СЛОВО РАЗВЕДЧИЦЫ

В период белогвардейщины моя квартира в Уральске по Чижинской улице (по старой нумерации — дом № 81) служила явкой для большевиков города. В Уральске постоянно находились и работали Петр Парамонов, Христина Каляпина, Павел Чижов. Ежедневно к ним приходили члены партии — братья Владимир и Александр Волонец, Сергей Пужалин и другие.

В марте 1918 года члены Уральского Совета были арестованы. Нужно было срочно послать с секретным пакетом человека в Саратов. По предложению Х. С. Каляпиной в Саратов с сообщением об аресте членов Совета послали работницу Уральского кишечного завода Домну Шухотову.

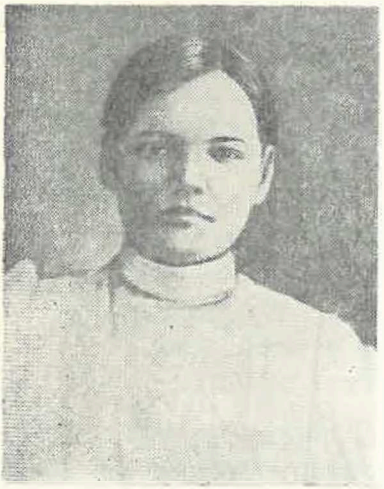
Большевики Парамонов и Каляпина сумели вынести из Совета важные документы, которые вместе с 12 наганами доставили ко мне на квартиру.

— Как угодно, любыми путями,— сказал мне Парамонов,— сохраните это до восстановления Советской власти в Уральске.

Я попросила у соседа лошадь, погрузила на телегу документы и увезла их на ферму, туда, где ныне находится опытная стан-

ция, к рабочему Василию Михайлову. На него вполне можно было положиться.

Арестованных членов Совета держали в городской тюрьме. В июле большевику Федору Волоснову удалось бежать из заключения. В два часа ночи он пришел ко мне на квартиру. Двое суток пришлось потратить на то, чтобы добыть ему паспорт. Дал паспорт рабочий кишечного завода Иван Дрыгин. Достала Волоснову и пропуск. Благополучно миновав казачьи посты, он добрался до Самары.



МАКАРОВА ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (р. 1898 г.), член КПСС с 1919 г. В начале 1919 г. добровольно вступила в боевую дружину, оборонявшую Уральск. После освобождения Уральска заведовала домами инвалидов. Сейчас — персональный пенсионер.

В январе 1919 года Советская власть в Уральске была восстановлена. Был избран городской Совет, организованы советские учреждения. Все оставленные у меня документы и ценности я возвратила вновь созданным органам Советской власти.

В апреле 1919 года белоказаки начали осаду Уральска. Для обороны города организовались боевые дружины.

Дружиной, в которую я вступила, руководил Лазич, его помощником был Файнгольд. Когда наш ротный командир Плесков узнал, что у меня на хуторе Сладковом живет знакомая семья, меня вызвали к командиру дружины.

— Есть мнение назначить вас разведчицей,— сказал Лазич.

Я согласилась.

— А вы умеете плавать? — спросил меня Файнгольд.— Это важно для разведчика.

— Плаваю я неплохо.

— Вот и хорошо.

И тут же я получила задание переплыть реку Чаган, узнать о численности казачьих войск, расположенных в районе хутора, и об их вооружении.

Несмотря на студеную апрельскую воду, пришлось шесть раз переплывать туда и обратно Чаган. И каждый раз я приносила нужные сведения. Своей скромной работой разведчицы я помогла нашим дружинникам уничтожить вражеское гнездо.

Г. Мосина[1]

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА

В декабре 1917 года я вступила в Перовский партизанский отряд, а в январе 1918 года мы выехали на Оренбургский фронт.

Однажды у станции Маячная мы задержали подозрительного человека, оказавшегося белобандитом. На допросе он показал, что в нескольких километрах от станции Маячной живет машинист водокачки, у которого припрятано много различного оружия. Мы решили проверить эти показания.

Разведывательный отряд в составе 35 человек быстро направился к водокачке. На наш вопрос, где спрятано оружие, машинист ответил, что ничего не знает. Тогда мы произвели обыск. Однако наши поиски ничего не дали. Отчаявшись найти

[1] Мосина Мария Герасимовна (р. 1900 г.), с 1917 по 1922 г. была в отряде Красной Армии. С 1933 г. находилась на хозяйственной работе.

оружие, мы уж собрались уходить, когда один из разведчиков заметил тщательно замаскированный люк в подполье. Спустившись в подвал, мы нашли большой склад оружия. Здесь были винтовки, шашки и пулеметы. Арестовав машиниста, мы погрузили оружие на сани и доставили его в штаб. Это оружие отряду пригодилось.

Затем наш отряд перебросили на станцию Донгузская. В одной из станиц, прилегающих к линии железной дороги, в имении купца Хусаинова, мы обнаружили склады с продовольствием для белогвардейских банд. Все продовольствие было реквизировано, перевезено на станцию и погружено в вагоны. Более 20 вагонов топленого сала и мяса было передано голодающему населению Казалинска, Перовска, а часть отправлена в Ташкент. Обнаруженную пшеницу мы раздали местному населению на семена. Во время реквизиции были арестованы управляющий имением и два белых офицера.

Д. Дорофеева

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВНА ЖУРАВЛЕВА

В майский солнечный день 1918 года на берегу реки Ишим возле поселка Державинского (Кен), была расстреляна Юлия Яковлевна Журавлева — член следственной комиссии Кустанайской краснопартизанской армии.

Помню Юлию Журавлеву совсем молоденькой девушкой, когда она училась в Кустанайской женской гимназии Среднего роста, тоненькая, хрупкая, с большой темнорусой косой. Славное русское лицо, с серыми глазами, на лице немного мелких, чуть заметных рябинок, которые совсем ее не портили.

Юлия всегда была очень серьезна и даже немного грустна. И немудрено. Детство и юность Юли прошли в нужде. Родилась она в бедной семье. Отец работал лесником, или как раньше называли, лесным объездчиком. Кроме Юли, в семье были еще дети — и все девочки. С одной из младших сестер Юли я училась в приходской школе у Елизаветы Семеновны Шульгиной.

Учась в Кустанае, Юлия жила зимой на квартире «на хле-

бах» по Тургайской улице, недалеко от лога Абельсай. Училась она очень хорошо и старательно, часто помогала своим подругам, зарабатывала на жизнь тем, что давала уроки отстающим богатым девушкам. Юля пела в гимназическом хоре, у нее был хороший голос — низкое контральто.

...Помню 1914 год, когда мы, девочки-подростки, с завистью смотрели на выпускниц, одетых не в коричневые, а уже в синие, почти учительские форменные платья. В большие перемены мы ходили в обнимку с нашими выпускницами; они пользовались у нас большой симпатией.

В этом же году Юля получила место учительницы в поселке, а затем была переведена в город Кустанай. Преподавала она в приходской школе, а затем в городском училище в начальных классах. Юлия Яковлевна встречалась с революционно настроенными учителями Н. И. Миляевым, Т. Е. Дейнега, Ворониным и другими. В жарких спорах созревало мировоззрение Юлии Яковлевны.

В 1916 году она познакомилась с прапорщиком А. Селезневым, в прошлом студентом Петербургского политехнического института, примыкавшим по своим убеждениям к большевикам. Знакомство с Селезневым, а затем совместная жизнь с ним окончательно определили короткий жизненный путь Юлии Яковлевны.

Юлия Яковлевна принимала активное участие в общественной жизни. В 1917 году работала в Совете.

Когда Кустанай захватили белогвардейцы, Юлия Яковлевна перешла на нелегальное положение и по заданию группы коммунистов, находившихся в тюрьме, вела подпольную работу.

Хлюнева, которая в тот период также активно участвовала в революционной работе, в своих воспоминаниях пишет:

«Однажды пришла ко мне переодетая крестьянкой Юлия Яковлевна Журавлева и стала просить помочь заключенным в Кустанайской тюрьме Кугаевскому, Авдееву, Кияткину и другим. Я подумала, как это сделать, и вспомнила, что в тюрьме работает трубочистом мой знакомый Иван Парфенов. С его помощью мы стали передавать в тюрьму письма, описывая в них положение на фронтах, настроение солдат и народа».

Находившиеся тогда в Кустанайской тюрьме коммунисты — И. А. Грушин, А. С. Голубых, Матрена Дмитриевна Гречко рассказывают о том, что Юлия Яковлевна передавала в тюрьму с воли газеты, книги, письма, а оттуда получала листовки, размножала их и организовывала распространение их по городу.

5 апреля 1919 года, когда красные партизаны взяли с боем Кустанай, Юлия Яковлевна была назначена членом следственной комиссии краснопартизанской армии. В состав этой комис-

сии вошли А. Селезнев и И. А. Грушин. В течение трех суток работала следственная комиссия, расследуя действия колчаковцев, захваченных в Кустанае.

Под натиском крупных белогвардейских сил партизаны вынуждены были после ожесточенных боев оставить Кустанай. Вместе с отрядом Тарана ушли также и члены следственной комиссии.

Женщины из отряда Тарана — Ю. Я. Журавлева, М. Д. Гречко, Романова — полуголодные, мужественно переносили все трудности перехода, да еще и помогали другим. Они стирали белье, готовили пищу, работали медсестрами и санитарками. Ю. Я. Журавлева ко всему этому еще и культурную работу вела среди членов отряда.

Отряд Тарана был обезоружен алаш-ордынцами. Партизан погнали под конвоем в Атбасар для передачи колчаковцам. В дороге Ю. Я. Журавлева заболела, но, несмотря на болезнь, она шла пешком. В пути конвой покинул отряд, и тогда решено было разойтись группами и в одиночку, чтобы легче было скрыться от рыскавших всюду белогвардейцев.

Группа партизан — Селезнев, Журавлева, Грушин, Авдеев, Кугаевский — остановилась у переправы через реку Ишим. Ю. Я. Журавлева была в тяжелом состоянии, не могла идти, нес ее на руках Селезнев. У реки решили передохнуть, вскипятить воду, напоить больную чаем. Грушин и Авдеев ушли в степь собирать кизяк и сухую траву для костра. Остальные остались возле больной. Вдруг из степи налетела группа вооруженных казаков из карательного колчаковского отряда, захватили Селезнева, Журавлеву, Кугаевского и стали рубить их шашками, а потом расстреляли.

Авдеев и Грушин видели расправу белых над Журавлевой, Селезневым и Кугаевским, слышали выстрелы. В ямах они просидели до вечера, а затем переплыли Ишим и укрылись в поселке Ивановском.

В память погибшей партизанки учительницы Юлии Яковлевны Журавлевой одна из улиц Кустаная названа ее именем.

ХРОНИКА[1]

1917 ГОД

25 октября (7 ноября). Победила Великая Октябрьская социалистическая революция.

25—26 октября (7—8 ноября). В Петрограде состоялся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который принял декреты о мире, о земле и образовал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем Совета Народных Комиссаров избран В. И. Ленин.

28 октября (10 ноября). Доссорский Совет взял власть в свои руки.

30 октября (12 ноября). В Перовске установлена Советская власть.

Конец Октября. Гурьевский Совет взял власть в свои руки.

1 (14) ноября. В Ташкенте в результате вооруженного восстания рабочих и революционных войск была свергнута власть буржуазного Временного правительства и установлена Советская власть.

6 (19) ноября. Аулие-Атинский Совет взял власть в свои руки.

12 (25) ноября. В Петропавловске образован Военно-революционный комитет.

14 (27) ноября. Оренбургский Совет образовал Военно-революционный комитет во главе с большевиком С. М. Цвиллингом. Военно-революционный комитет издал приказ о переходе всей власти в городе и гарнизоне в руки Советов.

15 (28) ноября. Большевики Петропавловска оформились в самостоятельную организацию РСДРП(б).

29 ноября (12 декабря). Петропавловский Совет обратился с приветствием к питерским трудящимся и заявил о своей решительной поддержке Советского правительства.

Ноябрь. В Усть-Каменогорске оформилась большевистская организация.

2 (15) декабря. В Ханской Ставке (Урде) установлена Советская власть.

2—10 (15—23) декабря. В Омске проходил III Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд объявил об установлении Советской власти в Западной Сибири и Степном крае и послал приветственную телеграмму ВЦИК и СНК.

---

[1] В хронику включены события, происходившие в Казахстане в период Октября и гражданской войны.

Хроникальные записи составлены на основании архивных и литературных источников, в том числе и опубликованных воспоминаний участников Октября и гражданской войны.

2 (15) — 19 декабря 1917 года (1 января 1918 года). В Актюбинске, Перовске, Челкаре, Туркестане и Казалинске организованы отряды Красной гвардии.

3 (16) декабря. Аулие-Атинский уездный съезд представителей казахских трудящихся ликвидировал контрреволюционный «Мусульманский комитет» и избрал депутатов в местный Совет.

14 (27) декабря. Капальский Совет крестьянских депутатов высказался за переход власти к Советам.

15 (28) декабря. Открылся съезд рабочих-железнодорожников Актюбинского района. На первом заседании съезд принял решение о поддержке Советской власти.

16 (29) декабря. Совнарком РСФСР под председательством В. И. Ленина заслушал доклад о положении в Оренбурге, Уральском округе и Туркестане. В принятом постановлении указывалось на необходимость оказания военной помощи этим районам.

17 (30) декабря. Зверское убийство белоказаками А. П. Березовского и К. В. Овчарова — активных участников борьбы за установление Советской власти в Семиречье.

25 декабря (7 января 1918 года). В Акмолинске установлена Советская власть.

В Кустанае установлена Советская власть.

В Акмолинске оформилась уездная организация РСДРП(б).

Декабрь. В Атбасаре оформилась большевистская организация во главе с Адильбеком Майкотовым.

1918 ГОД

1 (14) января. В Семипалатинске оформилась городская организация РСДРП(б).

8 (21) января. В Актюбинске установлена Советская власть.

18 (31) января. Освобождение красногвардейскими отрядами Оренбурга от дутовских банд.

19 января (1 февраля). В Павлодаре установлена Советская власть.

5 февраля. В Актюбинске оформилась городская организация РСДРП(б).

16 февраля. В Семипалатинске восставшие рабочие и солдаты под руководством большевиков установили власть Советов.

19 февраля. В Риддере установлена Советская власть.

Февраль. В Зайсане установлена Советская власть.

2 марта. Семипалатинский уездный съезд Советов обратился к казахской бедноте с призывом организовать аульные и волостные Советы.

3 марта. В Верном под руководством большевиков произошло вооруженное восстание рабочих, фронтовиков, русской и казахской бедноты против белоказачьей диктатуры. В городе образован Военно-революционный комитет и установлена Советская власть.

5 марта. Открылся I Актюбинский уездный съезд Советов.

6 марта. Послана телеграмма Наркомнаца И. В. Сталина Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Туркестана, Верного, Чрезвычайному комиссару Тургайской области А. Джангильдину и другим о подготовке и созыве учредительных съездов Советов для объявления автономии Казахстана, Туркестана, Татарии, Башкирии.

10 марта. В Верном оформлена городская организация РКП(б).

10—22 марта. В Семипалатинске проходил областной съезд Советов.

11 марта. В Джаркенте организован Военно-революционный комитет.

12 марта. В Сергиополе установлена Советская власть.

14 марта. В Капальском уезде установлена Советская власть.

14—17 марта. В Актюбинске сформирован отряд Красной Армии.

15 марта. Кокчетавский уездный съезд рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и казахских депутатов. Съезд признал необходимым организовать Красную Армию, одобрил Брестский мирный договор.

19 марта. Командующий войсками Семиреченской области издал приказ об организации социалистической Красной Армии.

21 марта — 3 апреля. Тургайский областной съезд Советов. Съезд избрал облисполком под председательством А. Джангильдина.

2 апреля. Газетой «Трудовое Знамя» опубликовано постановление Семипалатинского областного съезда Советов об отводе участка земли «Первому Российскому обществу землеробов-коммунистов».

Не позднее 8 апреля. В Мангышлаке сформирована красная рота в 100 человек.

Середина апреля. В Кустанае оформилась городская организация РКП(б).

18 апреля. В селе Полтавском Актюбинского уезда организовался Союз деревенской бедноты.

20 апреля — 1 мая. Чрезвычайный V краевой съезд Советов Туркестана.

25 апреля. В Акмолинске состоялась десятитысячная демонстрация казахских трудящихся в поддержку Советской власти.

29 апреля. В Акмолинске организован отряд Красной гвардии.

1 мая. Провозглашение Туркестанской АССР.

11 мая. Постановление Совнаркома РСФСР за подписью В. И. Ленина о национализации Спасского медеплавильного завода.

Постановление Совнаркома РСФСР за подписью В. И. Ленина о национализации Риддерских рудников, Риддерской железной дороги и всех предприятий Риддерского акционерного общества.

Постановление Совнаркома РСФСР за подписью В. И. Ленина о национализации предприятий Киргизского горнопромышленного акционерного общества — Экибастузских копей, свинцово-цинковых заводов и Воскресенской железной дороги.

12 мая. Опубликовано постановление Народного Комиссариата по делам национальностей об организации при Наркомнаце казахского отдела.

15 мая. В селе Больше-Нарынске съезд представителей Бухтарминского района провозгласил Советскую власть.

15—24 мая. I областной съезд Советов Букеевской Орды.

Середина мая. Оформилась большевистская организация в Челкаре.

18 мая. Мобилизация членов Верненской городской партийной организации РКП(б) на борьбу с белоказаками.

Май. В Гурьеве оформилась партийная группа РКП(б).

Не позднее мая. Тургайский облвоенком сообщил в Наркомат по военным делам РСФСР, что в области число «желающих записаться в ряды Красной Армии» достигает 15 000 человек.

2 июня. Командующий войсками Семиреченской области Л. П. Емелев издал приказ об упразднении Войскового управления и всех станичных правлений Семиреченского казачьего войска.

5 июня. Актюбинский комитет РКП(б) организовал боевую партийную дружину.

7 июня. Открылся Семипалатинский уездный съезд рабочих и крестьянских представителей.

10—16 июня. Съезд Советов Аулие-Атинского уезда.

16 июня. В селе Кастек Верненского уезда организовалась ячейка РКП(б).

17 июня. Семиреченский облисполком в связи с вторжением анненковских банд объявил в области военное положение.

17—25 июня. В Ташкенте состоялся I съезд Коммунистической партии Туркестана, в работе которого участвовали представители от Перовска, Актюбинска, Челкара и Черняевского уезда.

19 июня. Организована 1-я армия Восточного фронта.

28 июня. Приказ Семиреченского облвоенкома об организации Северного Семиреченского фронта.

10 июля. V Всероссийским съездом Советов принята Конституция РСФСР.

13 июля. Общее собрание Верненской организации РКП(б) решило создать при уездном Совете мусульманский отдел.

15 июля. Начало восстания против белогвардейцев в селе Шемонаиха.

Середина июля. В Казалинске партийная организация мобилизовала коммунистов и направила их на Актюбинский фронт.

23—27 июля. Лепсинский уездный съезд Советов.

25 июля. В Урджаре белогвардейцы и алаш-ордынцы расстреляли 50 красноармейцев. Среди убитых — Волков, руководитель сергиопольских большевиков.

28 июля. В Аулие-Ате организована школа для подготовки местных национальных советских работников.

30 июля. Начал работать Сыр-Дарьинский областной комиссариат по национальным делам.

31 июля. В Кустанайском уезде большевики в условиях подполья приступили к организации партизанских отрядов для борьбы против контрреволюционного Сибирского «правительства».

3—6 августа. В шести аулах Батпаевской волости Верненского уезда состоялись выборы аульных Советов.

8 августа. В Урджарском районе Семипалатинской области организовался партизанский отряд «Красные горные орлы Тарбагатая».

13 августа. В Перовске начал работать уездный комиссариат по национальным делам.

20—24 августа. II Актюбинский уездный съезд Советов.

27 августа. Семиреченский облисполком постановил организовать при всех уездных исполнительных комитетах отделы по национальным делам.

Август. Оформилась Аулие-Атинская уездная партийная организация.

1 сентября. Восстание крестьян села Шемонаиха подавлено белогвардейцами. Оставившие село повстанцы организовали «Березовский отряд красных партизан».

10 сентября. Начало героической Черкасской обороны.

16 сентября. В. В. Куйбышев был назначен Военным комиссаром и членом Военного Совета 4-й армии Восточного фронта.

27 сентября — 4 октября. Аулие-Атинский уездный съезд Советов.

2 октября. В Верном состоялось торжественное открытие народного университета.

5 октября. В Семипалатинске значительная часть алаш-ордынского полка отказалась бороться против Советской власти.

11 ноября. Отряд А. Джангильдина после двухмесячного перехода от Каспийского моря по степям прибыл в Челкар и передал командованию Актюбинского фронта транспорт с оружием и боеприпасами.

22 ноября — 3 декабря. I Всероссийский съезд коммунистов народов Востока.

10 декабря. Семиреченский областной отдел по национальным делам обязал исполнительные комитеты казахских волостей вести делопроизводство на родном для трудящихся масс языке.

26 декабря. М. В. Фрунзе назначен командующим 4-й армией.

1919 ГОД

2 января. Аулие-Атинский уездный исполком принял решение об организации национальных частей Красной Армии.

3 января. Образован Высший Военно-политический Совет Актюбинского фронта.

14 января. Семиреченский облисполком объявил амнистию всем участникам борьбы против Советской власти, находившимся в Западном Китае и на севере области, при условии признания ими Советской власти и обязательства не участвовать более в выступлениях против нее.

15 января. Темирский уездный съезд Советов.

18 января. В Верном начали работать курсы командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

22 января. Оренбург освобожден войсками 1-й армии Восточного фронта.

24 января. Уральск освобожден войсками 4-й армии Восточного фронта.

Январь. Семиреченский областной отдел по национальным делам начал издавать на казахском языке газету «Көмек» («Помощь»).

1 февраля. В Уральске начал работать отдел по национальным делам.

4—27 февраля. В I Караобинской волости Уральского уезда организованы аульные и волостной Советы.

Не ранее 5 февраля. В Верном состоялся съезд трудящихся женщин местных национальностей, который обсудил вопросы, связанные с раскрепощением женщин и вовлечением их в советское строительство.

12 февраля — 12 марта. Верненский уездный съезд Советов.

14 февраля. Семиреченская областная партийная конференция избрала П. М. Виноградова делегатом на VIII съезд РКП(б).

16 февраля. В Уральске опубликовано обращение командующего 4-й армией Восточного фронта и члена ВЦИК М. В. Фрунзе к казахскому народу.

23 февраля. В Капале состоялась первая уездная конференция РКП(б).

26 февраля. Командующий 4-й армией М. В. Фрунзе назначил В. И. Чапаева начальником Александрово-Гайской группы войск Красной Армии.

22 февраля — 3 марта. Первый Семиреченский областной съезд РКП(б).

1 марта. В Нарыне оформилась организация РКП(б).

7—31 марта. Чрезвычайный VII съезд Советов Туркестанской АССР.

12 марта. Восстание крестьян села Львовского Кустанайского уезда против колчаковщины.

17 марта — 10 апреля. Чрезвычайный II съезд Советов Семиреченской области.

31 марта — 1 апреля. В Уральском уезде, в Карабасовской и Челкарской волостях Лбищенского уезда завершена организация волостных и аульных Советов.

2 апреля. В. И. Ленин принял делегатов партийной организации Туркестана, в числе которых были представители Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей.

III съезд Советов Капальского уезда.

4 апреля. Постановлением Наркомнаца организована комиссия по подготовке Учредительного съезда Советов Казахстана.

5 апреля. Кустанай освобожден красными партизанами от колчаковских банд.

10 апреля. После упорных уличных боев с белогвардейскими частями, прибывшими с фронта, партизаны оставили Кустанай.

23 апреля — 14 мая. Мариновское восстание.

25 апреля — 11 июля. Героическая оборона Уральска.

28 апреля. Начало контрнаступления Южной группы войск Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе против Колчака, перешедшего в победоносное наступление Красной Армии на всем Восточном фронте.

10 мая. В Верном комитет РКП(б) организовал мусульманскую секцию РКП(б).

16 мая. Иргизский уездный съезд Советов.

18 мая. В Тургае алаш-ордынцами убит герой казахского народа, вождь национально-освободительного восстания в Казахстане 1916 года и актив-

ный участник борьбы за власть Советов в 1917—1919 годах большевик Амангельды Иманов.

21—26 мая. Темирский уездный съезд Советов.

24 мая. Семиреченское областное совещание по вопросам советского строительства.

28 мая — 11 июня. III съезд Советов Букеевской Орды.

Май — июнь. Состоялись выборы аульных и волостных Советов в Иргизском уезде.

1—15 июня. III съезд Коммунистической партии Туркестана. На съезде были делегаты от партийных организаций Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Тургайской областей.

3 июня. За стойкость и мужество в борьбе с врагами Первому советскому образцовому казахскому кавалерийскому полку вручено почетное Красное Знамя ВЦИК РСФСР.

16 июня. Телеграмма Председателя Совета Обороны В. И. Ленина М. В. Фрунзе с приветствием героям обороны осажденного Уральска.

Общее собрание Верненской организации РКП(б) обсудило доклад представителя Северного Семиреченского фронта.

1 июля. В Верном вышел первый номер газеты «Голос Семиречья» — орган Семиреченского обкома РКП(б) и облисполкома — вместо выходившего ранее «Вестника Семиреченского трудового народа».

10 июля. Совнарком РСФСР издал подписанное В. И. Лениным «Временное Положение о революционном комитете по управлению Киргизским краем».

13 июля. М. В. Фрунзе назначен командующим Восточным фронтом.

21 июля. Съезд политработников Северного Семиреченского фронта.

25 июля. Директива командующего Восточным фронтом М. В. Фрунзе командующим 1-й и 4-й армиями о походе на соединение с Советским Туркестаном.

31 июля. М. В. Фрунзе издал приказ войскам Восточного фронта с подписанным В. И. Лениным постановлением Совета Обороны об объявлении благодарности героическим защитникам Уральска.

1—9 августа. Казалинский уездный съезд Советов.

9 августа. В Капале организовалось уездное мусульманское бюро РКП(б).

13 августа. Выделение армий Южной группы Восточного фронта в самостоятельный Туркестанский фронт. Командующим Туркестанским фронтом назначен М. В. Фрунзе.

17—18 августа. Чрезвычайный съезд Советов Семиреченской области.

19 августа. Кустанай освобожден частями Красной Армии.

24—27 августа. II Семиреченский областной съезд РКП(б).

29 августа. Открылся III делегатский съезд служащих, мастеровых и рабочих Оренбургско-Ташкентской железной дороги.

2 сентября. Актюбинск освобожден частями 1-й армии Туркестанского фронта.

5 сентября. Гибель В. И. Чапаева под Лбищенском.

9 сентября. В Верном приступило к работе облмусбюро РКП(б) под председательством У. Джандосова.

10 сентября. Состоялось объединенное совещание Оренбургского губкома РКП(б), Кирревкома, представителей Революционного Военного Совета Туркестанского фронта и политотдела 1-й армии по вопросу о вхождении Оренбурга в состав Казахской АССР.

Темир и Джурун освобождены Красной Армией.

11 сентября. Армия колчаковского генерала Белова в количестве свыше 20 тысяч человек капитулировала перед войсками Туркестанского фронта.

12 сентября. Берчогур освобожден Красной Армией.

13 сентября. Части 1-й армии Туркестанского фронта соединились с войсками Советского Туркестана.

15 сентября. Кирревком организовал комиссию по подготовке Учредительного съезда Советов Казахстана.

18 сентября. В Оренбург прибыл председатель ВЦИКа М. И. Калинин со специальным агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция».

19 сентября. М. И. Калинин выступил на объединенном заседании представителей Кирревкома, Башкирской республики, советских и партийных организаций Оренбурга. На заседании участвовал М. В. Фрунзе.

В Семиреченской области началась «Неделя коммунистической пропаганды для мусульман».

20 сентября. В Оренбурге на объединенном заседании губкома партии, высшего командования Туркестанского фронта, 1-й армии и оренбургских ответственных работников с участием М. И. Калинина по докладу С. С. Пестковского принято решение о присоединении Оренбурга к Казахстану.

23—30 сентября. Съезд представителей красных казаков Семиречья. Съезд послал приветственную телеграмму В. И. Ленину.

26 сентября. На железнодорожной станции Уральск организована комсомольская ячейка.

На станции Челкар организован ревком.

Сентябрь. В Оренбурге организована партийная школа на 110 человек.

1 октября. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны принял постановление, подписанное В. И. Лениным, об объявлении благодарности личному составу 1-й армии за разгром колчаковцев на путях, связывающих Советскую Россию с Советским Туркестаном.

8 октября. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о назначении комиссии по делам Туркестана (Туркомиссия). В связи с этим В. И. Ленин обратился с письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана».

14 октября. Черкасская оборона пала.

17 октября. Открытие первой Семиреченской областной конференции профессиональных союзов.

29 октября. Петропавловск освобожден частями Красной Армии.

Октябрь. Казахский комиссариат по военным делам издал приказ о формировании пяти Отдельных казахских кавалерийских эскадронов.

9 ноября. В Актюбинске состоялось собрание членов мусульманской секции РКП(б), которое избрало бюро секции.

12 ноября. Кокчетав освобожден частями Красной Армии.

13 ноября. В селе Январцево Уральского уезда организована ячейка РКП(б).

14—20 ноября. В Семиреченской области проходила «Неделя красноармейца-мусульманина».

22 ноября —3 декабря. В Москве проходил II Всероссийский съезд коммунистической организации народов Востока. В числе делегатов съезда были представители Туркестана и Казахстана.

25 ноября. Атбасар освобожден частями Красной Армии.

30 ноября. Общее собрание Верненского социалистического союза красной молодежи постановило переименовать союз в Союз Коммунистической Молодежи.

1 декабря. В Семипалатинске произошло под руководством нелегальной местной большевистской организации восстание рабочих. Пала власть Колчака. Организован Военно-революционный штаб.

5 декабря. Съезд представителей Александровской волости Семипалатинского уезда. Избран волостной исполком.

8 декабря. В Джаркенте создан Коммунистический Союз Молодежи.

9 декабря. Обращение командующего Туркфронтом М. В. Фрунзе «К уральскому казачеству».

10 декабря. Усть-Каменогорск освобожден частями Красной Армии.

11 декабря. Каркаралинск освобожден частями Красной Армии.

Не позднее 13 декабря. В Кустанае А. Джангильдин сформировал из казахов-добровольцев национальную воинскую часть.

16 декабря. В поселке Саздинском Акбулакского района организована ячейка РКП(б).

21 декабря. Организован Сосновский волостной исполком Семипалатинского уезда.

В Верном состоялась первая общегородская конференция комсомола.

30 декабря. Организованы сельские и волостной исполкомы Советов в Митрофановской волости Семипалатинского уезда.

31 декабря. В Екатеринославской волости Актюбинского уезда организована ячейка РКП(б).

1920 ГОД.

1 января. В Оренбурге вышел первый номер газеты «Известия Киргизского края» — органа Кирревкома.

3—11 января. В Актюбинске проходила I советская краевая казахская конференция. В работе конференции участвовало 250 делегатов, из них 70 коммунистов. Конференция приветствовала национальную политику Советской власти, приняла решение об объединении всех казахских областей в одну Советскую Республику.

5 января. Гурьев освобожден частями Красной Армии. Ликвидирован Уральский фронт.

11 января. Петропавловский уездный ревком организовал казахскую секцию, поручив ей развернуть работу по восстановлению Советской власти в казахских волостях уезда.

12—18 января. Кустанайский уездный съезд Советов.

17 января. В. И. Ленин дал директиву командующему Туркфронтом М. В. Фрунзе ускорить постройку железной дороги Александров-Гай —Эмба, а также о вывозе нефти в Центр.

18—24 января. Части Красной Армии завершили освобождение Джаркентского и Пржевальского уездов Семиреченской области от белогвардейских и алаш-ордынских банд.

21—28 января. В Уральской губернии и Семиреченской области проводилась «Неделя помощи фронту».

23 января. Акмолинский уездный съезд представителей волостных ревкомов.

Январь. Создана Зайсанская организация РКП(б).

5 февраля. Реввоенсовет Туркфронта издал приказ о формировании Отдельной киргизской конной бригады.

11 февраля. В Актюбинске под председательством Д. А. Фурманова состоялось совещание партийных, советских и профессиональных организаций города. Совещание решило усилить политическую работу путем создания партшколы и школ грамоты среди русского и казахского населения, вовлечения трудящихся-казахов в кооперативное и профсоюзное движение.

13 февраля. В. И. Ленин дал предписание руководителям строительства железной дороги Александров-Гай — Эмба принять энергичные меры для ускорения постройки железной дороги.

20 февраля. Президиум ВЦИК РСФСР утвердил Кирревком в составе С. Пестковского, С. Мендешева, А. Джангильдина, А. Айтиева, С. Арганчеева и др.

Не позднее 20 февраля. В Акбулак прибыл агитационный поезд «Красный Восток».

21 февраля. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) о задачах коммунистических организаций по работе среди народов Востока.

Конец февраля. В Семипалатинске открыта партийная школа.

2 марта. Обращение членов Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР

М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева к семиреченскому казачеству и уйгурскому народу.

4 марта. Коммунистическая фракция Кирревкома приняла решение о ликвидации Западного отделения контрреволюционной Алаш-Орды.

9 марта. Кирревком издал приказ о ликвидации контрреволюционного «правительства» Алаш-Орды и подведомственных ему учреждений. Этим же решением было ликвидировано и Западное отделение контрреволюционной Алаш-Орды.

11—16 марта. Семипалатинский уездный съезд представителей трудового казахского населения. Съезд высказался за вхождение Советского Казахстана в состав РСФСР.

17 марта. Открытие I Букеевской губернской партийной конференции РКП(б). Избраны делегаты на IX съезд РКП(б).

18 марта. В Верном закончилась «Неделя коммунистической молодежи».

23 марта — 1 апреля. Павлодарский уездный съезд представителей трудового казахского населения.

25 марта. Соединение партизанского отряда «Красные горные орлы Тарбагатая» с частями Сергиопольской группы войск Красной Армии.

27 марта. Советские войска Северного Семиреченского фронта, разгромив белогвардейцев, вышли к государственной границе.

5—9 апреля. Верненский уездный съезд Советов. Доклад о текущем моменте сделал Д. А. Фурманов.

20 апреля. Опубликовано обращение уполномоченного Реввоенсовета Туркфронта в Семиречье Д. А. Фурманова к казахским, киргизским, уйгурским и дунганским трудящимся с призывом крепить дружбу народов.

30 апреля. Постановлением ЦК партии создано Казахское областное бюро РКП(б).

2—5 мая. Акмолинский уездный съезд казахской бедноты.

5 мая. Кирревком утвердил положение о созыве Учредительного съезда Советов Казахстана.

11—20 мая. Актюбинский уездный съезд Советов.

15—20 мая. В Ташкенте проходил I Туркестанский краевой съезд женщин-работниц. На съезде с докладом выступил М. В. Фрунзе.

16 мая. I Джамбейтинский уездный съезд представителей волостных исполкомов.

20 мая — 20 июня. В Павлодарском уезде состоялись выборы сельских Советов и волисполкомов.

27 мая. В Петропавловске состоялись проводы первой партии добровольцев-коммунистов на Западный фронт.

Не позднее 27 мая. Каркаралинский уездный съезд трудовых казахов и крестьян высказался за советскую автономию Казахстана.

4 июня. Кирревком принял решение об оказании усиленной помощи Западному фронту.

10—11 июня. В Верном проходила красноармейская конференция под председательством Д. А. Фурманова. На конференции с докладом об экономической политике Советской власти выступил Д. А. Фурманов.

11—15 июня. В урочище Бора-Куль Уильского уезда проходил I советский делегатский съезд трудящихся-адаевцев, табынцев и других кочующих с ними казахских родов, организованный особой комиссией Кирревкома по делам адаевцев. Присутствовало около 1000 человек. Съезд приветствовал героическую победу российского пролетариата и трудового крестьянства. Съезд избрал делегатов на Учредительный съезд Советов Казахстана.

12—18 июня. Контрреволюционный мятеж в Верном и его ликвидация красными войсками под руководством Д. А. Фурманова.

13 июня. Петропавловская городская конференция РКП(б).

15 июня. В Актюбинске открылась губернская конференция РКП(б).

17 июня — 1 июля. В Кокчетавском уезде состоялись выборы в сельские и волостные Советы.

1 июля. Уральский Совет одобрил вхождение Уральской губернии в состав Казахской АССР.

4—11 июля. Тургайский уездный съезд Советов. Избраны делегаты на Учредительный съезд Советов Казахстана.

Съезд избрал В. И. Ленина своим почетным председателем и послал ему приветственную телеграмму.

Не позднее 5 июля Казахскому полку за подвиги в борьбе с басмачами вручен орден Красного Знамени.

10 июля. Организовано Кир(Каз)бюро ВСНХ.

14—19 июля. Иргизский уездный съезд Советов. Избраны делегаты на VIII Всероссийский съезд Советов и Учредительный съезд Советов Казахстана.

14 июля. В Семиречье началась «Неделя пропаганды», посвященная призыву казахов, киргизов и представителей других местных национальностей в ряды Красной Армии.

15—18 июля. Верненский уездный съезд РКП(б).

22—23 июля. Петропавловская уездная конференция представителей волостей.

28 июля. Открылся III Семиреченский областной съезд РКП(б).

31 июля. М. В. Фрунзе издал приказ по войскам Туркфронта о вовлечении трудящихся местных национальностей в ряды Красной Армии.

10 августа. Открылся Семиреченский областной казачий съезд.

Усть-Каменогорский уездный съезд избрал делегатов на Учредительный съезд Советов Казахстана.

15-августа. I Усть-Каменогорская уездная конференция РКП(б).

16—18 августа. Джамбейтинский уездный съезд Советов. Избраны делегаты на Учредительный съезд Советов Казахстана.

17 августа. В Верном состоялось первое городское делегатское собрание работниц.

20 августа. Каркаралинский уездный съезд Советов избрал делегатов на Учредительный съезд Советов Казахстана.

Павлодарский уездный съезд Советов избрал делегатов на Учредительный съезд Советов Казахстана.

26 августа. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР об организации Казахской АССР. Декрет подписан В. И. Лениным и М. И. Калининым.

Президиумом ВЦИК РСФСР утвержден новый состав Кирревкома, в который вошли В. А. Радус-Зенькович (председатель), А. Авдеев, А. Джангильдин, С. Арганчеев, С. Мендешев, С. Сейфуллин и др.

28 августа. Зайсанский уездный съезд Советов избрал делегатов на Учредительный съезд Советов Казахстана.

1 сентября. Семиреченский обком РКП(б) мобилизовал для отправки на Западный фронт 63 коммунистов.

3 сентября. Новороссийская ячейка РКП(б) Актюбинского уезда мобилизовала на фронт 7 членов партии и 8 сочувствующих, а также 9 комсомольцев.

5 сентября. Открылось первое Семиреченское областное совещание заведующих женотделами.

11 сентября. Уральская губернская конференция РКП(б).

12 сентября. В Оренбурге состоялось первое краевое партийное совещание, посвященное вопросам партийного строительства и задачам предстоящего съезда Советов Казахстана.

4—12 октября. В Оренбурге состоялся Учредительный съезд Советов Казахстана, провозгласивший образование Казахской Автономной Советской Социалистической Республики. Съезд принял «Декларацию прав трудящихся КАССР», избрал первое Советское правительство Казахстана.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Общеизвестные географические названия даются без пояснений. Менее известные названия населенных пунктов приводятся с указанием их местоположения по административно-территориальному делению 1918—1920 годов. Приняты следующие сокращения: а. — аул, вол. — волость, г. — город, гос. — государство, губ. — губерния, д. — деревня, ж. д. — железная дорога, кр. — крепость, киш. — кишлак, — местн. — местность, н. п. — населенный пункт, о. — остров, обл. — область, оз. — озеро, п. — поселок, пер. — перевал, п.-о. — полуостров, пр. — промысел, р. — река, р-н. — район, руд.— рудник, с. — село, сл. — слобода, ст. — станция, стан. — станица, терр. — территория, у. — уезд, ущ. — ущелье, ур.— урочище, хут.— хутор.

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Абакумовское, с. в Капальском у. Семиреченской обл.	231, 232, 240, 253, 272	209, 210, 224
Абакумовское, ущ. в Капальском у. Семиреченской обл.		209
Абдулино, ст. в Оренбургской обл.	58	
Аблакетка, п. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.		284
Авровское, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	253	
Австрия, гос.		149, 150
Адаевский, у.	68	
Азгир, а. (см. Чапчачи)		
Ак-Булак, п. (ст.) в Ак-Булакской вол. Актюбинского у. Тургайской обл. (губ.)	139	126, 136, 164 179, 186, 422
Акжал, руд. в Семипалатинской обл.		268, 269, 287
Аккемир, п. (ст.) в Бестамакской вол. Актюбинского у. Тургайской обл. (губ.)		128
Акмолинск, г. в Акмолинской обл. (губ.)	153, 154, 155, 156, 157, 160, 161, 162, 175, 183	221, 257, 258, 295, 296, 297, 414, 415
Акмолинский, у. в Акмолинской обл.	153, 155, 156, 181, 182, 183	296
Акмолинская, обл. (губ.)	5, 8, 19, 23, 78, 153, 168, 172, 181	302, 373
Ак-Ешки, гора в Семиреченской обл.		218
Аксаковка (см. Аксаковское)		
Аксаковское (Аксаковка), с. в Аксаковской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл.	267, 268	
Аксуская, стан. (см. Аксу)		
Аксу (Аксуская), стан. в Капальском у. Семиреченской обл.		209, 210, 216, 237
Аксу, р.		210
Актасты, с. в Семиреченской обл.		217, 218
Ак-Тау, местн. в Закаспийской обл.	68	
Актюба, г. (см. Актюбинск)		

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Актюбинск (Актюба), г. в Актюбинском у. Тургайской обл.	9, 21, 52, 55, 69, 75, 76, 77, 139, 223	105, 126, 127, 128, 139, 159, 168, 171, 175, 177, 179, 181, 182, 184, 242, 326, 327, 332, 358, 372, 373, 413, 414, 415, 418, 419, 420, 421
Актюбинский, у. в Тургайской обл.	62, 76	413
Акчук, ур. в Китае	266	
Ала-Куль, оз. в Семиреченской обл.		282
Алатырь, г. в Симбирской губ.		220
Алгай (см. Александров-Гай)		
Александровский, форт в Закаспийской обл.	67	29, 94, 95, 96, 100, 105
Александровский, п. в Семипалатинской обл.	281	
Александровка, с. в Илекском у. Уральской обл.		49, 54
Александровка (см. Александровское)		
Александровское (Александровка), с. в Александровской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	223	
Александровское (Александровка), с. в Александровской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл.	175	
Александровская, вол. в Илекском у. Уральской обл.		51
Александровская, вол. в Павлодарском у. Семипалатинской обл.		273, 275, 419
Александров-Гай (Алгай), ст. Рязано-Уральской ж. д.	14, 15, 16, 17	17, 19, 24, 58, 72, 73, 86
Алексеевка, с. в Алексеевской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл.	262, 268, 269	
Алексеевка, с. в Илекском у. Уральской обл.		50
Алма-Ата, г. (см. Верный)		
Алма-Атинская, обл. (см. Семиреченская обл.)		
Алма-Атинская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	192
Алма-Атинский, у. (см. Верненский у.)		

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Алтайский, край (Алтай)	23, 201, 276, 277, 279, 283, 284, 287, 288, 290, 293, 296	
Алтайские, горы	187	265, 287
Алтай (см. Алтайский край)		
Алтата, ст. Рязано-Уральской ж. д.		17, 19, 21, 28
Алтын-Емельский, пер. в Семиреченской обл.		193
Аму-Дарья, р.		156
Анатольевское, с. в Евгеньевской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	229	
Англия, гос.		280
Андижан, г. в Ферганской обл.	163, 174	
Андреевка, с. в Самарской губ.		26
Андреевское, с. в Андреевской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл.	251, 253, 254, 255, 256, 257, 264, 265, 267	282
Антоновское, с. в Семиреченской обл.	252, 253, 267	237, 281
Аральск, г. в Казалинском у. Сыр-Дарьинской обл.	82	137, 228
Арал (см. Аральск)		
Аральское, море		132, 173, 179, 332
Аральское море, ст. Оренбургско-Ташкентской ж. д.	138, 139	132, 143, 148, 153, 156, 161, 164, 168, 169, 170, 171, 174, 175, 176, 181
Аркат, н. п. в Семипалатинской обл.		276
Арык-Балык, с. в Арык-Балыкской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл.		221
Арысь, ст. Оренбургско-Ташкентской ж. д.	141	128, 133, 143
Арысская, вол. в Черняевском у. Сыр-Дарьинской обл.	143	
Астрахань, г.	15, 65, 66, 67, 68, 84, 87, 88, 90, 91, 92, 95, 98, 108	71, 72, 75, 86, 88, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 100, 102, 105

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Астраханская, губ.	5, 19, 87, 109, 111	
Аташ, пром. в Гурьевском у. Уральской обл.		99
Атбасар, г. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	162, 182, 183	221, 296, 368, 411, 414, 419
Атбасарский, у. в Акмолинской обл.	78, 180, 181, 182, 183	296
Атбаши, с. в Чирикской вол. Нарынского у. Семиреченской обл.		363, 364
Аткарск, г. в Самарской губ.		58
Аще-Сай, п. в Джамбейтинском у. Уральской обл.	128	
Аулие-Ата, г. в Аулие-Атинском у. Сыр-Дарьинской обл.	5, 145, 216	166, 214, 384, 399, 401, 416
Аулие-Атинский, у. в Сыр-Дарьинской обл.		165, 415
Аул № 1, в Верненском у. Семиреченской обл.	216	
Аул № 2, в Уланской вол. Усть-Каменогорского у. Семипалатинской обл.	200	
Аул № 2, в Домбровской вол. Кустанайского у. Тургайской обл.		304
Ахкентская, дорога		230
Ашхабад, г. в Закаспийской обл.	65, 68	94
Аягуз, г. (см. Сергиополь)		
Байгара, а. в Семипалатинской обл.		269
Байдавлетская (Байдавлетовская), вол. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	163	
Байконур, п. (копи)	78, 79	
Байсерке, а. в Семиреченской обл.	216	
Бакайская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.		192
Баку, г.	14	92
Балаково, г. в Самарской губ.		19
Балда, р.		93
Балхаш, оз.		217
Барбастау, н. п. в Уральском у. Уральской обл.		28
Барнаул, г. в Алтайской губ.	186, 192, 218	221, 266, 271, 272, 274
Барсучья Сопка, хут. в Змеиногорском у. Алтайской губ.		266
Баскан, а. в Семиреченской обл.		224

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Баскунчак, п. в Семиреченской обл.	146, 271	
Батпаевская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.		416
Батпаккар, п. в Тургайской обл.	55	
Баты, п. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	291	267
Бахты, п. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	250, 262, 263, 264, 265, 268	223
Баутино (см. Николаевская, стан.)		374
Башкирская, АССР	18, 28	414, 419
Баян-Аул, п. в Павлодарском у. Семипалатинской обл.	175	222
Бегеновская, вол. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.		275
Белая, р.		22
Белебей, г.	58	183
Белинская банка, в Каспийском море		92
Беловодское (Беловодск), с. в Пишпекском у. Семиреченской обл.	241, 242	166
Белорусская ССР (Белоруссия)		183
Бенардак, хут. в Николаевском у. Самарской губ.		16
Березовка, с. в Семипалатинской обл.	295	354
Бердск, ст. на Сибирской ж. д.		272
Берчогур, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	21	132, 162, 177, 418
Бийск, (ст.) г. в Алтайской губ.		259, 272, 288
Благодарное, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	267, 268, 269	
Благодатное, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	263, 268, 269	
Богатое, ст. в Бузулукском у. Самарской губ.		25
Богатырево, с. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.		335
Богдановский (Богдановка), п. Богдановской вол. Уральского у. Уральской обл.	121, 122	30, 49, 50 51, 52
Большая Алма-Атинская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215, 216	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Больше-Владимирское, с. в Александровской вол. Семипалатинского у. Семипалатинской обл.		275, 276
Больше-Нарынск, п. в Бухтарминском у. Алтайской губ.		415
Большая станица, см. Больше-Алма-Атинская стан.		
Больше-Алма-Атинская (Большая станица), стан. в Верненском у. Семиреченской обл.		365
Большая Черниговка, с. в Самарской губ.		26
Большой Песчаный, о. в Каспийском море	120	
Бора-Куль, ур. в Закаспийской обл.		106, 421
Боровки, с. в Барнаульском у. Алтайской губ.		272
Бородино (см. Бородинское)		
Бородинское (Бородино), с. в Бородинской вол. Каркаралинском у. Семипалатинской обл.	294	
Брыковка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		21
Брянск, г.		191
Бугалинская, вол. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	163	
Бударино (Бударинский), п. в Бударинской вол. Лбищенском у. Уральской обл.		36, 54
Будапешт, г.		326
Бузачи, п.-о. в Каспийском море	68	97
Бузулук, г. в Самарской губ.	58, 151	12, 25, 32, 111, 114, 115, 116, 120, 123, 124, 125, 149, 150
Бузулукский, у. в Самарской губ.	115	
Букеевская, обл. (губ., степь, орда, ханство)	5, 8, 19, 25, 27, 66, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 100, 105, 106, 109, 110, 111, 112	76, 371, 373, 386, 398, 418

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Буранная, стан. в Ащелисайской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		179
Бурлинская, вол. в Илекском у. Уральской обл.	116, 132, 133	64, 65
Бурное, с. (ст.) в Джувалинской вол. Аулие-Атинского у. Сыр-Дарьинской обл.	145	227, 244
Буртинская, вол. в Оренбургской губ.		185
Бухара, г.	143	156, 170, 171, 350
Бухарская (Зауральная) сторона, терр. в Уральской обл.	126	28, 36, 37, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 59, 60
Бухтарма, р.	280, 282, 291	
Бухтарминская, вол. в Бухтарминском у. Алтайской губ.	284, 286, 290, 291	276
Бухтарма (см. Бухтарминская стан.)		
Бухтарминская (Бухтарма), стан. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	281, 282, 292, 295	287
Вавилонка, п. в Семипалатинской обл.		263, 264
Васильевское, с. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	183	
Веймар, г. в Германии		150
Верненский (Алма-Атинский у.), у. в Семиреченской обл.	223, 226, 227, 228, 271	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Верный (Алма-Ата), г. в Семиреченской обл.	6, 8, 9, 46, 47, 49, 111, 145, 146, 215, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 229, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 252, 253, 259, 263, 270, 271, 272	7, 189, 190, 192, 193, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 206, 207, 214, 227, 228, 229, 230, 231, 236, 237, 239, 243, 245, 246, 247, 249, 251, 253, 254, 352, 364, 365, 385, 414, 416, 417, 418, 421, 422
Веллиамовское, с. в Веллиамовской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	229	
Викторовская, стан. в Викторовской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл.		338
Военно-Антоновка, с. в Пишпекском у. Семиреченской обл.	241, 242	
Вознесенская, стан. (п.) в Вознесенской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		184, 185, 186
Вознесенское, с. в Вознесенской вол. Павлодарского у. Семипалатинской обл.		291
Войлочевка, р.	288	
Волга, р.	66, 92	19, 21, 28, 167, 179
Вольск, г. в Самарской губ.		19
Волость № 1, в Калмыцком у. Букеевской обл.	86, 90	
Волость № 2, в Калмыцком у. Букеевской обл.	86, 90	
Волость № 7, в Калмыцком у. Букеевской обл.	86	
Воронье, стан. в Семипалатинской обл.	281, 290	
Волынь, г.	176	
Воскресенская, ж. д.		354, 355, 415
Воскресенка, с. в Саратовской губ.		21
Восточная, вол. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.	174	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Восточное, с. в Маловодненской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	229	
Восточно-Талгарская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.		192
Восточный Казахстан (см. Семипалатинская обл.)		
Всеволодка (Всеволодовское), с. во Всеволодской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл.		333
Второй Тентек, р.	260	
Высокогорск, с. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	291	
Вязовка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		17, 22, 56
Гавриловка (Талды-Курган), с. в Капальском у. Семиреченской обл.	226, 240, 260, 261	207, 208, 210, 214, 217
Ганюшкино, с. в Астраханской губ.		93
Георгиевка (Георгиевское), с. в Георгиевской вол. Усть-Каменогорского у. Семипалатинской обл.		268, 269
Герасимовское, с. в Герасимовской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл.	253, 256	
Германия, гос.	178, 188	7, 152, 154, 156, 157, 254, 322
Глиновское, с. Лепсинского у. Семиреченской обл.	253	282
Глубокая Балка, п. в Уральской обл.		51
Голодная степь, п. в Сыр-Дарьинской обл.		148
Голубевская, стан. в Джаркентском у. Семиреченской обл.	271	206
Городищенская, стан. в Оренбургской обл.		179
Гребенщиково, ст. в Уральском у. Уральской обл.	16	
Гренцендорф, г. в Чехословакии		150
Григорьевская, стан. в Оренбургской обл.	119	126

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Гридино, с. в Псковской губ.	218	
Грозный, г.	14	98
Губерлинские, горы в Уральской обл.	114	
Гурьев, г. в Гурьевском у. Уральской обл.	15, 67, 68, 117, 126	28, 29, 36, 90, 91, 92, 93, 96, 98, 100
Гурьевская, обл. (см. Уральская обл.)		
Гурьевский, у. в Уральской обл.	14, 16, 117	37
Гусиное, с. (пристань) в Бухтарминском у. Семипалатинской обл.	277, 280, 282, 283, 291, 292, 297	
Дагестанская АССР	129	
Далбун, а. в вол. № 3 Калмыцкого у. Букеевской обл.	109, 110	
Дальний Восток	13, 194	259, 260, 266
Даниловка, с. в Богдановской вол. Павлодарского у. Семипалатинской обл.	196	
Дарьинский, п. в Гниловской вол. Уральском у. Уральской обл.		31
Дарственное, с. в Дарственной вол. Зайсанского у. Семипалатинской обл.	291	
Денгизский, у. в Букеевской обл.		393
Державинский, с. в Державинской вол. Атбасарского у. Акмолинской обл.		409
Деркул, ст. (см. Деркульский п.)		
Деркульский (Деркул), п. в Ливкинской вол. Уральского у. Уральской обл.		16, 18
Джаильмышевская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	
Джаланаш-Куль, оз. в Семиреченской обл.		282
Джаланаш, стан. в Джаркентском у. Семиреченской обл.		193, 194, 229, 230
Джаланашская, вол. в Джаркентском у. Семиреченской обл.		230
Джаланды, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	250, 253	
Джалтыр, п. в Гурьевском у. Уральской обл.	81	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Джамбейты, г. в Джамбейтинском у. Уральской обл.	127, 132, 133	26, 29, 424
Джангала, п. в Букеевской обл.	91	392
Джаныбек, а. в Джаныбекском у. Букеевской обл.	91	
Джаныбекский, у. в Букеевской обл.	106, 108, 109, 110	
Джаркент, г. в Джаркентском у. Семиреченской обл.	146, 226, 240, 270, 271	193, 206, 207, 227, 230, 414, 419
Джаркентский, у. в Семиреченской обл.	271	193, 206, 420
Джаулыбай, а. в Тургайской обл.	80	
Джезказган, г. в Карагандинской обл.	24	
Джетысу (см. Семиреченская обл.)		
Джетысуйская, обл. (см. Семиреченская обл.)		
Джешер, а. в Семиреченской обл.	216	
Джуванышская, вол. в Уральском у. Уральской обл.		66
Джунгарские ворота, в горах Джунгарского Ала-Тау		282
Джунгарский Ала-Тау, горы	260	
Джурун, (ст.) п. в Актюбинском у. Тургайской обл.		96, 128, 129, 137, 161, 179, 181, 322, 418
Джусалы, п. (ст.) в Сыр-Дарьинской обл.	78, 138, 139	345
Джус-Агачский, п. в Барановской вол. Зайсанского у. Семипалатинской обл.		224
Дмитриевка, с. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	
Долгая (Заульбинка), д. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	197, 198, 207	288
Долонь, стан. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.		275, 276
Долинный, п. в Ново-Павловской вол. Уральском у. Уральской обл.		49, 50, 52
Дон, р.	88, 129, 176	46, 186
Донецкий бассейн (Донбасс)	14	
Донецкая, стан. в Оренбургской обл.		125

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Донгузская, стан. в Оренбургской обл.		408
Доссор (пром.), п. в Гурьевском у. Уральской обл.	15	89, 90, 91
Дубровская, вол. в Павлодарском у. Семипалатинской обл.		291
Дубровка, п. в Дубровской вол. Павлодарском у. Семипалатинской обл.		291, 292
Дунганская (Дунганка), сл. в Семиреченской обл.	241, 242	
Евлашкин, хут. в Уральском у. Уральской обл.		61
Екатеринбург, г.		11, 14, 303
Екатеринославская, вол. в Актюбинском у. Тургайской обл.		420
Еленинское, с. в Еленинской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		221
Ереминские, горы в Акмолинской обл.	175	
Ермак, с. в Ермаковской вол. Павлодарского у. Семипалатинской обл.	194	354, 355, 356
Ершов, ст. на Рязано-Уральской ж. д.		56, 79
Женева, г.		110
Жестянка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		21, 56, 57
Жетыбай, а. в вол. № 8 Торгунского у. Букеевской обл.	94,110	
Жлобин, ст. в Белоруссии		191
Журавлевка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Жусалы, местн. в Уральской обл.	128	
Заволжье (левобережье р. Волги)		85
Зайкин, п. в Уральской обл.		26
Зайсан, г. в Зайсанском у. Семипалатинской обл.	157	
Закавказье	13	
Закаспийская обл. (Закаспий)		95, 178
Западно-Казахстанская обл. (см. Уральская обл.)		
Западно-Талгарская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.		192
Западная Сибирь (см. Сибирь)		
Зауральная сторона (см. Бухарская сторона)		

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Заульбинская, д. (см. Долгая, д.)		
Звериноголовская, стан. в Оренбургской обл.		360
Змеиногорск, г. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	207	262, 263, 266, 267
Знаменская, вол. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.		276
Знаменское (Знаменка), с. в Знаменской вол. Семипалатинского у. Семипалатинской обл.		276
Золотуха, п. в Семипалатинской обл.		264, 265, 267
Зыряновск, п. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.	285, 291, 295	
Иваново-Вознесенск, г.		85, 340, 341,
Иваново, г.		241, 247
Ивановский, п. в Ивановской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		411
Ивантеевка, п. в Николаевском у. Самарской губ.		78
Игумнов, с. в Уральской обл.		26
Изобильная, стан. в Оренбурской обл.	64	
Илецк, ст. (см. Илецкая защита)		
Илецкая защита (Илецк, Соль-Илецк), ст. на Оренбургско-Тургайской ж. д.	69, 119, 126, 129, 140	164, 179, 184, 253
Или, р.	240	
Илийская (Илийский п.), стан. в Верненском у. Семиреченской обл.	218, 219	201
Имантавская (Имантав), стан. в Имантавской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл.		333, 334, 338, 341
Иоганесдорф, п. в Александровской вол. Аулие-Атинского у. Сыр-Дарьинской обл.		166
Иран (Персия), гос.	139, 239	101
Иргиз, г. в Иргизском у. Тургайской обл.	8, 53, 55, 69,	138, 139, 140,
Иргизский, у. в Тургайской обл.	72, 80. 81, 82	141, 386 139, 386, 418
Иргиз, р.		80, 81
Ириновское (Ириновка), с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	268	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Иркутск, г.	218	272, 301
Иртыш, р.	194, 195, 196, 204, 205, 211, 277, 278, 282, 284, 286, 288, 291, 292, 296, 297	222, 273, 276, 288, 289
Иссык, с. в Иссыкской вол. Верненском у. Семиреченской обл.	223	
Ишим, р.		220, 221, 411, 413
Ишим, г. в Тобольской губ.		341
Кабаново, п. в Семипалатинской обл.		261, 263
Кавказ		97
Казалинск, (ст.) г. в Казалинском у. Сыр-Дарьинской обл.	5, 136, 138, 139, 148, 149, 150 151, 152	128, 143, 147, 148, 168, 181, 329, 331, 332, 408, 413, 416
Казалинский, у. в Сыр-Дарьинской обл.	152	331, 418
Казанка (Казанское), с. в Казанской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		333
Казанковато, с. в Таврической губ.		
Казано-Екатеринбургской ж. д.	14	49
Казань, г.	61	149, 178, 179,
Казахская степь	51, 91	182
Казахстан (см. Казахская ССР)		
Казахская ССР (Казахская АССР, Казахстан, Киргизский край)	3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 13, 15, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 29, 51, 52, 55, 57, 61, 65, 69, 71, 78, 105, 107, 108, 111, 123, 143, 144, 147, 151, 156, 164, 180, 194, 202. 209, 241, 286, 292	5, 6, 7, 15, 44, 59, 90, 125, 132, 134, 142, 144, 174, 178, 193, 220, 221, 225, 254, 257, 258, 260, 278, 311, 314, 320, 339, 340, 344, 348, 350, 352, 366, 367, 368, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 385, 387, 394, 398, 402, 413, 414, 417, 418, 419, 421, 422
Кай-Тас, ур. в Семиреченской обл.	266, 268	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Каленовка, ст.	214	
Калмак-Карганская, вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		322, 325
Калмыковская, стан. в Уральской обл.	117	
Калмыков, г. в Калмыковском у. Уральской обл.	132	28, 29
Калмыцкий, у. (часть) в Букеевской обл.	86, 87, 99, 105, 109, 110	
Каменец-Подольск, г.		191
Каменка, п. в Каменской вол. Уральского у. Уральской обл.		82
Каменное, с. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	183	
Каменная, гора в Семиреченской обл.	258	
Камыш-Самарский, у. в Букеевской обл.	112	
Камышевка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Кандагач, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.		128, 129, 137, 160, 168
Капал, г. в Капальском у. Семиреченской обл.	232, 251, 259, 260, 261	209, 210, 214, 215, 223, 230, 417, 418
Капальский, у. Семиреченской обл.	225	236, 415, 417
Карабасовская, вол. в Лбищенском у. Уральской обл.		417
Карабулак (см. Высокогорск)		
Карабутак, п. в Актюбинском у. Тургайской обл.	80	140, 141
Кара-Бультек, а. вол. № 9, Торгунского у. Букеевской обл.	98, 101	
Караганда, (п.) в Акмолинской обл.	6, 8, 161, 162	221, 222, 296, 298
Карагалы, п. в Семиреченской обл.	253	
Каракол (Каракольск) (см. Пржевальск, г.)		
Каракольский, у. (см. Пржевальский у.)		
Кара-Кол, п. в Калмыцком у. Букеевской обл.	100	
Карагашская, вол. в Илекском у. Уральской обл.		65
Кара-Калпакия (см. Кара-Калпакская авт. обл.)		

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Кара-Калпакская авт. обл.		105
Кара-Кунгуз, п. в Пишпекском у. Семиреченской обл.		227, 228, 231, 232, 234
Каралма, гора в Семиреченской обл.	260	
Каралы, с. в Семиреченской обл.	257, 258	
Караобинская, вол. (первая) в Уральском у. Уральской обл.	130, 132, 133	60, 64, 68, 419
Караобинская, вол. (вторая) в Уральском у. Уральской обл.		65
Карасу, п. в Михайловской вол. Верненского у. Семиреченской обл.		237
Карасунь, с. в Петропавловском у. Акмолинской обл.	165	
Каратаевское, с. в Уральской обл.	123	
Кара-Тау, местн. в Закаспийской обл.	68	
Каратасский, р-н в Сыр-Дарьинской обл.	111	
Кара-Тюбе, с. в Уральской обл.	127, 128	
Каратуминское, ущ. в Семиреченской обл.	266	
Каргала, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	59	125
Каркаринская, вол. в Уральском у. Уральской обл.	130	
Каркаралинск, г. в Каркаралинском у. Семипалатинской обл.		222, 419
Каркаралинский, у. в Семипалатинской обл.		310
Карловка, с. в Самарской губ.		22
Кармахчи, п. в Сыр-Дарьинской обл.	138	
Карой, ур. в Семиреченской обл.	261	
Карсакпай, п. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	24, 78, 79	
Каскелен, с. в Каскеленской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	218	
Каспийское море (Каспий)	69, 92	29, 40, 92, 97, 100, 105, 152, 418
Кастек, п. в Кастекской вол. Верненского у. Семиреченской обл.		417

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Катон-Карагай, с. Катон-Карагайской вол. Бухтарминского у. Алтайской губ.	291	
Катон-Карагайская, вол. в Бухтарминском у. Алтайской губ.	294	
Кашгария, провинция в Китае		363
Кень-Арал, п. в Кень-Аральской вол. Кустанайского у. Тургайской обл.		308
Керемкас, с. в Уральском у. Уральской обл.	131	
Келлеровка, с. в Келлеровской вол.		335
Кзыл-Агач, п. в Кзыл-Агачской вол. Семипалатинской обл.		209, 210
Кзыл-Куга, п. в Кзыл-Кугинской вол. Гурьевского у. Уральской обл.	128, 130, 131, 132	55, 181
Кзыл-Кугинская, вол. в Гурьевском у. Уральской обл.	130	
Кзыл-Орда (см. Перовск, г.)		
Кзылтуская, вол. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.		338
Кизляр, г.		93
Кизыл-Арват, г. в Закаспийской обл.		178
Киев, г.	176	
Кинель, г. в Самарской губ.	16	110
Киргизская степь (см. Казахская степь)		
Киргизский край (см. Казахская ССР)		
Киргизская ССР (Кир. АССР) (см. Казахская ССР)		
Кириловское (Кириловка), с. в Кириловской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	264, 268, 269	
Кириловка, с. (см. Кириловское)		
Китай, гос.	216, 222, 228, 255, 270	206, 207, 225, 246, 267, 282, 363, 417
Ключи, п. в Акмолинской обл.		221
Ключи, п. в Семипалатинской обл.	294, 296	
Ключевский, п. в Михайловской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		186
Ковыльное, с. в Акмолинской обл.	183	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Кожехаровский (Кожехар.), п. в Лбищенском у. Уральской обл.		25, 36, 37
Коканд, г. в Закаспийской обл.	139	150, 298
Кокпекты, п. в Кокпектинской вол. Зайсанском у. Семипалатинской обл.	263	
Кок-Су, стан. в Капальском у. Семиреченской обл.	260	
Кокчетав, г. в Акмолинской обл.	10, 176, 177, 178	7, 221, 299, 337, 338, 340, 341, 342, 419
		296, 333, 335, 336, 339,
Кокчетавский, у. Акмолинской обл.	172, 181, 182	340, 341, 421
Колпаковское, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	253, 256	
Кондратьевка, с. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	280, 282, 290	
Конногвардейский, п. в Самаркандской обл.		235
Конский Брод, п. в Самарской губ.		82
Константиновское, с. в Константиновской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261	282
Конырат, а. в Джаныбекском у. Уральской обл.	108	
Конур-Олен, п. в Джаркентском у. Семиреченской обл.		217, 218
Кордаиловская, стан. в Оренбургской обл.		179
Корнеевка, п. в Корнеевской вол. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.		341
Коскол, п. в Омском у. Акмолинской обл.		277
Кошкарат, п. в Сыр-Дарьинской обл.	69	
Краков, г. в Польше		158
Красный Кут, ст. на Рязано-Уральской ж. д.	16, 17	
Красная, р.	260	
Красивая, вол. в Бухтарминском у. Алтайской губ.	290	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Краснохолмская, стан. в Оренбургской обл.		179
Красноярское, с. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.		263, 264, 265
Красноводск, г. в Закаспийской обл.	65, 67	96, 101, 160
Красносельское, с. в Акмолинской обл.	184	
Крестовка, с. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	290, 294	
Кресная, местн. в Минской обл.	157	
Кронштадт, г.	33	
Кругло-Озерная, стан. в Уральском у. Уральской обл.	120	
Крым	13, 57	
Кубань	129	46, 251
Кудук, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.		131, 137. 169
Кугалинская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.		208
Куйген-Кул, а. в Тургайском у. Букеевской обл.	100, 107	
Куконская, вол. в Алтайской губ.		276
Кулалы, о. в Каспийском море		100
Кулалымская, бухта в Каспийском море		97
Куломзино, ст. на Сибирской ж. д.		311
Кульджа, г. в Китае	146	206
Кулуджинская, вол. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	201	
Купластовка, с. в Александровской вол. Верненском у. Семиреченской обл.	229	
Курамсы, а. в Акмолинской обл.		315
Курган, г. в Тобольской губ.		220, 311
Курдай, пер в Заилийском Ала-Тау	230	
Курносовский, п. в Уральском у. Уральской обл.		34
Курчум, р.	290, 291	
Курчум, п. в Бухтарминском у. Алтайской губ.	291	
Кустанай, г. в Кустанайском у. Тургайской обл.	10, 21, 31, 65, 69, 72, 73, 178, 179, 180, 181	7, 139, 307, 308, 360, 361, 368, 409, 410, 411, 414, 415, 417. 418, 419

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Кустанайская обл.	111	
Кустанайский, у. в Тургайской обл.	73, 181, 183	307, 361, 416
Кутуркуль, стан. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.	172, 173, 174, 175	
Кушмурунская, вол. в Петропавловском у. Акмолинской обл.	165	
Куянды, пески в Семиреченской обл.		217
Кысык-Камыш, п. в Уральском у. Уральской обл.	16	
Лабар, а. в Семиреченской обл.		200
Лбищенск, г. в Уральской обл.	124, 133	23, 25, 26, 31, 36, 40, 86, 418
Левинка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		19, 20, 21
Ленинград, г. (см. Петроград)		
Ленский, прииск в Иркутской обл.		310
Лепса, р.	251	
Лепсинск, г. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	226, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 257	224, 237, 281
Лепсинский, у. в Семиреченской обл.	250, 251, 261, 262	236
Липовка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		20, 21
Лобановская, стан. в Лобановской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		341
Луга, г. в Петроградской губ.	276	
Любецкое, с. в Николаевском у. Самарской губ.		17
Ляпуновка, с. Семипалатинской обл.	299	
Майдаль, ст. в Закаспийской обл.	142	
Майкан, ур. в Семиреченской обл.	254	
Макаровка, с. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	290	
Макат, пр. в Гурьевском у. Уральской обл.	15, 128	89, 91
Маканчи, с. в Маканчинской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	251, 252, 262, 263, 264, 265, 267, 268	223

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Маккавеево, ст. Сибирской ж. д.		260
Мало-Владимирское, с. в Александровской вол. Семипалатинской обл.		275, 276
Маловодное, с. в Маловодненской вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	223	
Малокрасноярск, с. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	291	
Малоузенск, г. в Самарской губ.		73.
Малый Узень, р.	109	
Малыбай, п. в Малыбаевской вол. Верненского у. Семиреченской обл.		200
Мальч, г. в Германии		156
Мангышлак, п.-о. в Каспийском море		94, 95, 96, 97, 100, 102, 103, 104, 105
Мангышлакский, у. в Закаспийской обл.	19	415
Мариновка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	180, 182, 183, 184	
Мартук, п. в Мартукской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.		185
Марьевка, п. в Омском у. Акмолинской обл.		337
Маскар-Жана-Куль, местн. в Уральской обл.	132	
Маячная, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.		407
Меновой, п. (см. Меновой двор)		
Меновой двор, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	140	60
Мендыгаринская, вол. в Кустанайском у. Тургайской обл.		360, 361
Мендыгар, п. в Кустанайском у. Тургайской обл.		308
Мерв, г. в Закаспийской обл.		178
Мерке, г. в Аулие-Атинском у. Сыр-Дарьинской обл.	145	
Мертвые соли, п. в Оренбургской обл.	140	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Милорадовка, п. в Николаевском у. Самарской губ.		56
Минск, г.	157	191
Минская, губ.	214	
Мироновка, с. в Семипалатинской обл.	296	
Митрофановское (Митрофановка), с. в Митрофановской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	180, 183, 184	
Митрофановка (см. Митрофановское, с.)		
Митрофановская, вол. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.		420
Михайловское, с. в Михайловской вол. Верненском у. Семиреченской обл.	234	
Мишковицы, г. в Чехословакии		270
Мойнты, ущ. в Закаспийской обл.	68	
Моинтинская, вол. в Акмолинской обл.	163	
Москва, г.	13, 18, 24, 26, 29, 39, 41, 43, 46, 61, 62, 64, 65, 66, 69, 72, 73, 106, 111, 124, 135, 170, 188, 223, 225	24, 45, 84, 85, 86, 88, 111, 134, 147, 150, 154, 184, 211, 219, 228, 231, 251, 280, 317, 318, 339, 352, 359, 366, 367, 368, 374, 384, 385, 386, 387 389, 393, 394, 401, 419
Московско-Казанская ж. д.	42	
Моюнкумовская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	
Мугоджарские, горы		162
Мугоджарская, (ст.) стан. в Актюбинском у. Тургайской обл.		132, 179
Муйнак, о. в Аральском море		156
Муйнак, п. в Закаспийской обл.		148
Муром, г. во Владимирской губ.	67	
Мурманская дорога		155
Нарым, р.	290, 291	
Нарым, п. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	296	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Нарын, г. в Нарынском у. Семиреченской обл.		364, 417
Нарынский, у. в Букеевской обл.	99, 100, 104, 112	363
Нарынкол, п. в Семиреченской обл.	226	193
Нейгоф, г. в Восточной Пруссии		152
Некрасовское (Некрасовка), с. в Некрасовской вол. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	268	
Некрасовка (см. Некрасовское)		296, 298
Нельда, п. в Акмолинской обл.		
Нельдинская, вол. в Акмолинской обл.	163	
Неман, р.		24
Нижне-Караобинская, вол. в Уральской обл.		66
Нижне-Уральск, г. (см. Уральск, г.)		
Нижний Баскунчак, о. в Астраханской губ.	86	
Нижняя Таловка, п. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	280	
Николаевск (Пугачевск), г. в Николаевском у. Самарской губ.	17, 47	19, 22, 23, 49, 78, 79, 80, 81, 82, 83
Николаевский (Пугачевский), у. в Самарской губ.		16, 86
Николаевское, с. в Семипалатинской обл.		261, 264
Николаевское, с. в Николаевской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	253, 257	
Николаевское, с. в Николаевской вол. Акмолинском у. Акмолинской обл.	183	
Николаевская (Баутинская), стан. в Гурьевском у. Уральской обл.		95, 97
Никольское, с. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	290, 291, 294	
Новгородская, губ.	37	
Новобогатинск, пр. в Новобогатинском у. Уральской обл.		91, 93

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Новенький, п. в Уральском у. Уральской обл.		26, 34, 41, 43, 46, 54
Новая Казанка, п. в Уральской обл.	91	373
Ново-Александровское, с. в Ново-Александровской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	180, 183	
Ново-Алексеевка, с. в Семиреченской обл.	229	
Ново-Андреевка, п. (см. Ново-Андреевский п.)		
Ново-Андреевский, п. (Ново-Андреевка), в Ново-Андреевской вол. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	263, 265, 268	
Ново-Астраханский, хут. в Семипалатинской обл.		292
Ново-Братское, с. в Ново-Братской вол. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Ново-Казалинск, п. в Казалинском у. Сыр-Дарьинской обл.	148, 149, 150, 151, 152	
Новый Колутон, п. в Ново-Колутонской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Ново-Надеждинское, с. в Ново-Надеждинской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	253	
Ново-Николаевск (Новосибирск), г.	197, 218	259, 271, 272
Ново-Николаевка, п. в Семипалатинской обл.		276
Ново-Павловка, с. в Уральской обл.		49
Ново-Петропавловское (Муйнак), с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	180, 183	
Ново-Сергиевка, (ст.) с. в Карахобдинской вол. Актюбинского у. Тургайской обл.	59	125, 184
Новосибирск (см. Ново-Николаевск, г.)		
Ново-Сухотино, с. в Ново-Сухотинской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		336
Ново-Троицкое, с. в Пишпекском у. Семиреченской обл.	268	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Новоузенск, у. в Самарской губ.		17, 19, 21, 24, 27, 70, 73
Новоузенский, у. в Самарской губ.		85
Новочеркасское, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Ново-Шульба, п. в Семипалатинской обл.		263, 264
Нуринская, вол. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	163	
Обь, р.		271
Обшево, с. в Самарской губ.		87
Обухово, ст. в Петроградской губ.	280	
Обуховское, ущ. в Семипалатинской обл.	282, 283	
Одесское, с. в Тобольской губ.	218	
Озерный, хут. в Уральском у. Уральской обл.		34
Озинки, (ст.) п. в Новоузенском у. Самарской губ.		16, 19, 60
Оксановка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Ольгиновка (Ольгино), п. в Казанской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		333
Омск, г.	88, 153, 155, 157, 158, 162, 166, 167, 180, 186, 194, 197, 198, 282, 283, 290	221, 222, 259, 260, 270, 276, 277, 278, 279, 285, 291, 295, 296, 298, 299, 301, 302, 303, 310, 311, 312, 337, 413
Омский, у. в Акмолинской обл.	177	277, 295
Омская, губ.	23	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Оренбург, г.	19, 47, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 70, 71, 76, 77, 88, 108, 110, 112, 116, 119, 126, 129, 137, 139, 150, 151	105, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 141, 147, 148, 168, 170, 171, 179, 184, 242, 253, 298, 312, 321, 346, 361, 362, 368, 370, 371, 372, 373, 375, 387, 388, 414, 417, 418, 419, 420, 422
Оренбургская, губ. (обл.)	109	85, 115, 123, 125, 372
Оренбургский, у. в Оренбургской губ.		114
Оренбургско-Ташкентская ж. д.	16, 47, 78, 148	109, 110, 112, 113, 115, 116, 123, 124, 332, 345, 373, 418
Оренбургско-Тургайская, обл. (см. Тургайская обл.)		
Орел, г.	292	
Орловка, с. в Аулие-Атинском у. Сыр-Дарьинской обл.		166
Орловка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		19, 20, 21
Орск, г.	72, 129	139, 159, 160, 296
Осиновское, с. в Осиновской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	253, 255, 256, 257	
Осиповское, с. в Герасимовской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	296	
Осташкино, хут. в Ростовской обл.	110	
Павловское, с. в Оренбургской губ.	59	
Павлодар, г. в Павлодарском у. Семипалатинской обл.	10, 192, 193, 194, 195, 196	290, 291, 292, 356, 416
Павлодарский, у. в Семипалатинской обл.	177, 193, 194, 196	291, 421
Пенджин, с. в Джаркентском у. Семиреченской обл.	146	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Перевальное, с. в Семиреченской обл.	269	
Переволоцкая, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.		125
Перекличное, с. в Семипалатинской обл.		261
Переметовская, стан. в Уральской обл.	124	
Пермь, г.		11
Перовск, г. (ст.) в Сыр-Дарьинской обл.	5, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 149	111, 128, 136, 143, 144, 146, 147, 168, 344, 345, 382, 394, 408, 413, 416
Персия (см. Иран, гос.)		
Пестрое, оз.	165	
Песчаный, хут. в Змеиногорском у. Алтайской губ.		265
Петроград (Питер, Ленинград), г.	30, 31, 32, 33, 35, 37, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 61, 83, 95, 112, 113, 135, 136, 148, 150, 154, 161, 165, 176, 188, 197, 202, 218, 221, 276, 277, 279, 280, 284, 289, 290, 296, 297	44, 69, 85, 111, 112, 113, 116, 118, 134, 163, 190, 219, 317, 340, 341, 352, 354, 359, 413
Петровское, с. в Пишпекском у. Семиреченской обл.	268	
Петровск, г. (Махачкала)		92, 97, 98
Петровка (Петровское), с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Петропавловск, г. в Акмолинской обл.	8, 10, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 174, 183	7, 258, 259, 295, 296, 298, 311, 312, 315, 316, 317, 340, 341, 342, 402, 413, 419, 421
Петропавловский, у. в Акмолинской обл.	181, 182, 183	296, 311
Петропавловское, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	253	281

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Питер (см. Петроград)		
Пихтовый Ключ, п. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	280, 284, 285	
Пишпек, г. в Пишпекском у. Семиреченской обл.	145, 241, 242	214, 228, 232, 280
Пишпекский, у. в Семиреченской обл.	241	
Платовка, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	58	124
Поволжье		78, 80, 84, 290, 339, 350
Поганка, р.	215	
Подгорная, стан. в Семиреченской обл.	268	194, 195, 196, 197
Подгорная, стан. в Акмолинской обл.	166	
Подшибаловка, с. в Уральском у. Уральской обл.		19, 20
Покатиловская, вол. в Уральском у. Уральской обл.		51
Покатиловка, с. в Покатиловской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	252, 253	
Покровка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		26
Покровка, с. в Покровской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл.	268	
Полетаево, п. в Оренбургской обл.	32	
Половинка, д. в Семипалатинской обл.		261
Поселок (пересел. участок) № 10, в Тургайской обл.		131, 132
Поселок (пересел. участок) № 11, в Тургайской обл.		131, 132, 326
Поселок (пересел. участок) № 12 в Тургайской обл.		326
Полтавка, с. в Полтавской вол. Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	292	
Полтавское, с. в Актюбинском у. Тургайской обл.		415
Полтавская, вол. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	291	
Польша, гос.	19	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Поповское, с. в Поповской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Пресногорьковская, стан. в Петропавловском у. Акмолинской обл.		315
Пржевальский, у. в Семиреченской Семиреченской обл.	226, 240, 241, 252	228, 237
Пржевальский, у. в Семиреченской обл.	225	420
Придорожное, с. в Уральском у. Уральской обл.		50, 51
Прииртышье (см. Семипалатинская обл.)		
Приречное, с. в Темирском у. Уральской обл.		50
Приуралье		181
Псков, г.	218	
Пугачевск, г. (см. Николаевск, г.)		
Пугачевский, у. (см. Николаевский у.)		
Раевка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		19
Разъезд № 16, на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	58, 59	
Разъезд № 17, на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	59, 60	
Разъезд № 18, на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	59, 60	
Ракуша, прист. в Каспийском море		90, 92
Рассказиха, с. в Алтайской губ.		272
Ригерсдорф, г. в Чехословакии		150
Риддер, г. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	6, 21, 23, 200	287, 416
Романовское, с. в Романовской вол. Павлодарского у. Семипалатинской обл.		291
Российская республика (см. РСФСР)		
Россия, гос. (см. СССР)		
Российская империя (Россия) (см. СССР)		
Ростов, г.	61	
Ростовская обл.	110	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
РСФСР	14, 10, 22, 23, 61, 63, 65, 88, 95, 102, 107, 123, 150, 151, 190	15, 44, 102, 370, 415, 418, 420, 421, 422
Ртищево, ст. на Московско-Рязанской ж. д.	16	
Рыбачье, с. в Семиреченской обл.	263, 265, 268	224
Рубежка, р.		33
Рубежская, стан. в Рубежской вол. Уральского у. Уральской обл.		27, 32
Рузаевская, вол. в Кокчетавском у. в Акмолинской обл.		338
Рукополь, ст. в Самарской губ.		19, 21
Рулиха, п. в Семипалатинской обл.		263
Рязано-Уральская ж. д.	17	
Савинко, с. в Уральской обл.		72, 74
Савичев, п. в Уральском у. Уральской обл.		34
Саздинский, п. в Акбулакском у. Тургайской обл.		419
Сайхин, ст. в Калмыковском у. Букеевской обл.	91, 100, 109	77
Саймурская, стан. в Уральской губ.		119
Сакмарская, стан. в Акмолинской обл.	179	
Саксаульная, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	138	
Самара, г.	16, 47, 58, 64, 70	21, 22, 23, 25, 30, 40, 42, 79, 80, 82, 83, 86, 113, 122, 123, 125, 240, 241, 245 270, 303, 406
Самарская, губ.	114, 115	84
Самарский, п. в Илекском у. Уральской обл.		114
Самаро-Златоустская ж. д.	76	
Самарканд, г.		152, 153, 155, 156, 160
Самаркандская, обл.	145	
Саратов, г.	13, 16, 17, 65, 84, 87, 91, 92, 114, 119, 124	17, 19, 30, 42, 80, 394, 405
Саратовская, губ.		84
Саратовка (Саратовское), с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	255	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Сарбасты, п. в Калмыковском у. Букеевской обл.	109	
Сарджас, с. в Семиреченской обл.		194, 195
Сарканд (см. Саркандская, стан.)		
Саркандская, стан. (Сарканд) в Капальском у. Семиреченской обл.	252, 253, 264, 271	209, 210, 237
Сары-Кум, пустыня		224
Сарысай, н. п. в Актюбинском у. Тургайской обл.	81	
Сары-Су, п. в Сары-Суйской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	162, 163	296
Сарытокумовская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	
Сары-Чаганак, залив в Аральском море		161
Сарыхуджинов, а. в Уральской обл.	129	
Сахарный, п. в Уральской обл.		37
Святогоровка, с. в Святогоровской обл. Петропавловского у. Акмолинской обл.	165	
Семениха, с. в Николаевском у. Самарской губ.		19
Семеновка, с. в Николаевском у. Самарской губ.		17, 56
Семеновка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Семеновский (Семеновка), п. в Александровской вол. Семипалатинской обл.		274
Семипалатинск, г.	8, 9, 10, 24, 185, 188, 190, 191, 192, 195, 198, 204, 206, 209, 211, 212, 213, 218, 245, 252, 269, 276, 277, 280, 282, 284, 287, 289, 290, 292, 297	221, 222, 259, 262, 264, 267, 268, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 285, 292, 296, 300, 301, 303, 414, 415, 416, 419, 420
Семипалатинский, у. в Семипалатинской обл.		276, 420
Семипалатинская, обл. (Прииртышье)	5, 19, 23, 24, 111, 185, 198, 202, 262, 297	274
Семиречье (см. Семиреченская обл.)		

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Семиреченская (Семиречье, Джетысу, Джетысуйская, обл.), обл.	5, 6, 7, 22, 46, 110, 144, 145, 211, 214, 215, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 230, 232, 233, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 262, 267, 271	178, 182, 190, 192, 198, 204, 205, 206, 211, 213,216, 217, 222,223, 225, 226, 227,228, 237, 239, 244, 246, 247, 249, 251, 253, 254, 280, 281, 350, 363, 384, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422
Семиглавый Мар, ст. на Рязано-Уральской ж. д.		16, 17
Сергеевское, с. в Сергеевской вол. Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Сергиополь (Аягуз), стан. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	8, 211, 245, 246, 250, 252, 262, 263, 264, 268, 269, 270	209, 222, 223, 259, 415.
Сибирь	24, 32, 170, 187, 203, 218, 224, 269, 276, 277, 281, 293.	112, 140, 220, 274, 285, 305, 339, 340, 413
Сибирская ж. д.	194	
Синьцзян, провинция Китая		207
Славгород, г. в Алтайской губ.		266
Славгородский, у. в Алтайской губ.	195	291
Сладков, хут. в Уральской обл.		406
Сломихинская (Сломихин), стан. в Калмыковском у. Уральской обл.	16	23, 24, 25, 71, 73, 75, 76, 86, 88
Снегирево, п. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	297, 299	
Соболево, ст. (см. Соболевская стан.)		
Соболевская, стан. в Уральском у. Уральской обл.		26, 33
Советский Восток (см. Туркестанская АССР)		
Советская республика (см. РСФСР)		
Советское гос. (см. СССР)		
Сокулук, п. в Семиреченской обл.		228, 232

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Солоновка, с. в Солоновской вол. Бухтарминского у. Алтайской губ.	294	
Соль-Илецк, ст. (см. Илецкая Защита)		125, 126
Солянка, р.		24
Солянка, с. в Самарской губ.		22
Сорочинское, с. в Бузулукском у. Самарской губ.	115	
Сосновская, вол. в Семипалатинском у. Семипалатинской обл.		275
Софийская, стан. в Верненском у. Семиреченской обл.		229, 230
Спасский завод, п. в. Атбасарском у. Акмолинской обл.	6, 156, 161, 162, 163, 164	222, 296, 298
Спасск (Спасское), с. (см. Спасский завод, п.)		
Средняя Азия (см. Туркестанский край)		156
Среднеазиатская ж. д.		
СССР (Россия, Советская республика, Советский Союз)	4, 5, 7, 45, 51, 75, 85, 88, 91, 116, 117, 144, 149, 150, 154, 155, 198, 202, 222, 224, 225, 228, 237, 250, 275, 277	12, 15, 50, 84, 85, 86, 89, 92, 94, 95, 96, 106, 134, 144, 146, 151, 159, 163, 179, 198, 199, 232, 241, 249, 254, 265, 282, 314, 317, 339, 340, 348, 352, 358, 359, 363, 372, 400, 401, 419
Сталинград (см. Царицын, г.)		
Старо-Александровское (Александровский Ключ), г. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	295, 299	
Старопятигорское, с. Семиреченской обл.	268, 270	
Старый Колутон, п. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Стерлитамак, г. в Уфимской губ.	58, 129	
Степной край	57, 60	138, 413
Степной, п. в Кустанайском у. Акмолинской обл.	183	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Стрижная, д. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.		287
Сызрань		116
Сырт, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	59	125
Сыр-Дарьинская, обл. (Южный Казахстан)	5, 22, 24, 108, 111, 135, 143, 144	170, 350, 384, 418
Сугатово, с. в Семипалатинской обл.		261, 264
Сузак, (киш.) в Туркестанском у. Сыр-Дарьинской обл.		233
Сухореченское, с. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	183	
Сухулук, с. в Семиреченской обл.	241	
Тайпак, г. в Тайпакской вол. Уральской обл.	133	
Тайпакская, вол. в Джамбейтинском у. Уральской обл.	132, 133, 134	
Талгарская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	
Талдысай, н. п. в Актюбинском у. Тургайской обл.	81	
Талица, с. в Семипалатинской обл.	206	
Талды-Курган, г. (см. Гавриловка, с.)		
Таловский, у. (часть) в Букеевской обл.	106, 109	71
Таловая (Таловка), п. в Уральской обл.	91	22, 23, 70, 71, 72, 73, 75, 86, 373
Тамбов, г.	16	
Тамбовская, губ.	202	
Тамдинская (Бултурдинская), обл. в Уральской обл.	128	277
Тапалбая, а. в Акмолинской обл.		
Тарбагатайский хребет, в горной части Лепсинского у. Семиреченской обл.	262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270	223 414
Татарская АССР	28	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Ташкент, г.	4, 5, 6, 60, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 150, 222, 223, 224. 225, 227, 228, 229, 230, 240, 241, 242	96, 110, 111, 115, 122, 123, 126, 127, 128, 130, 132, 134, 144, 146, 147, 150, 151, 152, 154, 159, 160, 166, 169, 170, 174, 177, 178, 181, 182, 193, 211, 212, 213, 214, 227, 231, 241, 244, 249, 250, 280, 298, 321, 330, 331, 344, 351, 352, 373, 382, 383, 384, 385, 387, 408, 413, 415, 421
Ташкентский, тракт	241	
Ташкентская ж. д. (см. Оренбургско-Ташкентская ж. д.)		
Таш-Карасу, п. в Семиреченской обл.		196
Тахтоброд, п. в Тахтобродской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		333
Тау-Чиликские, горы		230
Темерликское, ущ. в Семиреченской обл.		194
Темир, г. в Темирском у. Актюбинской обл.	51, 127, 128	96, 130, 179, 181, 319, 320, 321, 324, 325, 326, 327
Темирский, у. в Актюбинской обл.	117	321, 325, 326, 375
Темирчинская, вол. в Каркаралинском у. Семипалатинской обл.		310
Тентек, р.	256, 258	225
Тобол, р.	31	220, 307, 338
Тобольская, губ.	218	
Токмак, г. в Токмакском у. Семиреченской обл.	226	228
Токмакский, у. в Семиреченской обл.	225	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Тонкорейская, вол. в Петропавловском у. Акмолинской обл.		338
Токсанбай, н. п. в Актюбинском у. Тургайской обл.	81	
Толстуха, гора в Семипалатинской обл.	294	
Томск, г.	30, 170, 199	
Тополевка, п. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	253	237
Торгунский, у. (часть) в Букеевской обл.	99, 101, 105, 110, 112	
Троицк, г. в Кустанайском у. Тургайской обл.		304, 316
Тула, г.	214	85
Тулентутовский, п. в Караобинской вол. Уральского у. Уральской обл.	133	
Тургай, г. в Тургайском у. Тургайской обл.	52, 53, 55, 56, 60, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 79, 80, 82, 179, 180	116, 125, 139, 140, 357, 358, 359, 368, 370, 417
Тургайская обл.	5, 19, 30, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 65, 70, 76, 109	115, 125, 361, 371, 414, 418
Тургайский, у. в Тургайской обл.	55, 70, 71, 72, 73, 78	358
Тургень, с. в Верненском у. Семиреченской обл.	223	229, 230
Тургусун, п. в Алтайской губ.	295	
Туркестан, (ст.) г. в Сыр-Дарьинской обл.	5, 58, 151	128, 143, 162, 170, 414, 415

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Туркестанский край (см. Туркестанская АССР)		
Туркестанская республика (см. Туркестанская АССР)		
Туркестанская АССР (Средняя Азия, Советский Восток, Туркестанский край, Туркестанская республика)	4, 5, 18, 19, 46, 47, 58, 61, 65, 76, 138, 139, 143, 144, 149, 150, 151, 223, 224, 237	7, 25, 87, 95, 96, 112, 116, 123, 127, 128, 130, 131, 132, 134, 144, 146, 147, 148, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 176, 178, 179, 211, 212, 214, 232, 240, 241, 244, 246, 250, 253, 254, 280, 329, 330, 331, 332, 346, 348, 349, 350, 351, 352, 367, 384, 386, 388, 389, 399, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421
Туркмения (см. Туркменская ССР)		
Туркменская ССР (Туркмения)	19	105
Тучное, с. в Акмолинском у. Акмолинской обл.	183	
Тюб-Караганская, бухта в Каспийском море		97, 102
Тюб-Караганский, мыс в Каспийском море		99
Тянь-Шань, горы		227
Уба, р.		265
Убагань, п. в Акмолинской обл.		308
Убинское, с. в Убинской вол. Семипалатинского у. Семипалатинской обл.		264, 265
Угольная, стан. в Оренбургской обл.		126
Узбекская ССР	19, 147	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Узун-Агач, п. в Бидалинской вол. Верненского у. Семиреченской обл.	216	
Уил, г. в Адаевском у.	127, 130	
Уильское, укрепление в Уральской обл.		29, 181
Уйгунтас-Джунгарские, горы (см. Джунгарский Ала-Тау)		
Уйрюткульская, вол. в Уральском у. Уральской обл.		66
Украина (см. Украинская ССР)		
Украинская ССР (Украина)	214	49, 50, 152, 185
Уланская, вол. в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл.	200	
Ульба, р.		288, 289
Умёт-Грязный, с. в Уральской обл.		26
Умёт-Каральцкий, п. в Уральской обл.		26
Урал, р.	14, 15, 113	26, 35, 38, 41, 42, 52, 67, 98, 179
Урал, кр.	14, 24, 92	11, 12, 84, 127
Уральск, г. в Уральском у. Уральской обл.	15, 17, 42, 59, 67, 68, 102, 103, 106, 107, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 128, 132, 133, 134	11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 68, 72, 79, 85, 86, 90, 159, 184, 185, 245, 405, 406, 417, 418, 419
Уральская, обл. (губ.) (Западный Казахстан)	8, 13, 19, 108, 109, 110, 112, 113, 117, 118, 127	16, 36, 37, 39, 49, 56, 64, 66, 70, 414, 420, 421

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Уральский, у. в Уральской обл.	110, 117, 121, 132	65, 417
Урда (Ханская Ставка), г. в Букеевской обл.	25, 26, 83, 84, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111	74, 76, 77, 371, 391, 392, 393, 394, 397, 398 413
Урдинский, у. в Букеевской обл.	110	
Урджарская (Урджар), стан. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	262, 263, 264, 265, 268, 269	209, 223, 416
Урджар, р.	262, 263	
Урсатьевская, ст. Оренбургско-Ташкентской ж. д.	139	148, 177, 235
Усов, хут. в Уральском у. Уральской обл.		34
Успенское, с. в Герасимовской вол. Лепсинском у. Семиреченской обл.	253	
Успенский, п. (руд.) в Акмолинской обл.	161, 162	
Усть-Бухтарминская, стан. в Семипалатинской обл.		267
Усть-Каменогорск, г. в Семипалатинской обл.	6, 10, 192, 195, 197, 198, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 284, 292, 298, 299	262, 264, 267, 270, 284, 285, 287, 289, 413, 419, 422
Усть-Нарын, п. в Змеиногорском у. Алтайской губ.	296, 299	
Усть-Таловка, д. в Семипалатинской обл.		261, 263, 264,
Усть-Урт, плато в Закаспийской обл.	68	105
Уч-Арал, п. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	250, 251, 253, 254, 255, 256, 263, 264, 265, 268, 269	224, 225

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Уш-Коль, оз. в Семиреченской обл.		217
Уш-Тобе, п. в Семиреченской обл.	272	
Уфа, г.	58, 61, 95, 98	22, 25, 58, 83, 245, 329, 414
Уялы, ур. в Семиреченской обл.	263	
Фалькенштейн, г. в Германии		154
Фергана, г.	146	148, 166, 178, 232, 249, 250, 253.
Ферганская, долина		231, 235
Ферганская, обл.		16, 350
Федоровский, п. в Федоровской вол. Иргизского у. Уральской обл.	121	49, 50
Федоровская, вол. в Иргизском у. Уральской обл.		51
Федоровка, п. в Федоровской вол. Кокчетавском у. Акмолинской обл.		316, 317, 333
Ханская Ставка (см. Урда, г.)		
Харьков, г.		186
Хасан-Худыхе, местн. в Уральской обл.		75
Хвалынск, г. в Саратовской губ.		19
Хива, г.		135, 171
Хмелевка, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	184	
Хоргосская (Хоргос), стан. в Джаркентском у. Семиреченской обл.	146, 271	206, 207
Царицын, г. (Сталинград, г.)	65, 66, 84, 91, 92, 106 120	93, 184
Чаган, р.		34, 41, 42, 48, 54, 55, 67, 406
Чаглы, оз.		337
Чалыкла, п. в Уральском у. Уральской обл.		23
Чапраштинская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215, 216	
Чапчачи (Азгир), а. в Калмыцком у. Букеевской обл.	96, 100	
Чарджоу, г. в Закаспийской обл.		156
Чашкан, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.		126
Чабачье, о.	172	

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Челкар, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	52, 69, 72, 80, 81, 138, 139	127, 128, 132, 141, 162, 163, 164, 168, 181, 386, 414, 415, 416, 419
Челкарская, вол. в Лбищенском у. Уральской обл.		417
Челябинск, г.	30	125, 311, 368
Чемолган, с. в Верненском у. Семиреченской обл.	229	
Чемолганская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	215	192
Черкасское, с. в Лепсинском у. Семиреченской обл.	230, 253, 255, 256, 259, 261 271, 272	281, 282
Черлак, пристань на р. Иртыш	194	
Черняковское, с. в Петропавловском у. Акмолинской обл.	165	
Черняев (Чимкент), г. в Черняевском у. Сыр-Дарьинской обл.	5, 10, 141, 144	134, 192, 214, 343, 344, 382
Черняевский, у. в Сыр-Дарьинской обл.		415
Черная, р.	282	
Черный Дол, п. в Славгородском у. Алтайской губ.		291
Черновая, д. в Семипалатинской обл.	291	
Чехословакия, гос.		7, 150
Чибунды, горный хребет	256	
Чижинское, оз. в Уральской обл.		25
Чижи, хут. в Уральском у. Уральской обл.		60
Чилик, п. в Верненском у. Семиреченской обл.		200, 227, 229, 230, 365
Чиликская, вол. в Верненском у. Семиреченской обл.	271	
Чиили, п., ст. в Чиилийской вол. Перовского у. Сыр-Дарьинской обл.	136	345
Чимбулак, ур. в Семиреченской обл.	258	217
Чимкент, г. (см. Черняев)		
Чимкентский, у. в Сыр-Дарьинской обл.	143	
Чингирлауская, вол. в Уральской обл.	133	64

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Чинжалы, с. в Семиреченской обл.	257, 258	
Чимпанзи, кр. в Китае		270
Чистый Яр, стан. в Семипалатинской обл.	291	
Чита, г.		155, 260, 310
Чошоной, п. в Семиреченской обл.		194
Чувашинский, п. в Уральском у. Уральской обл.		57
Чугучак, г. в Китае	268	
Чулак, а. в Уральской обл.		392
Чунджа, с. в Семиреченской обл.		194, 195, 196
Чулак-Анката, п. в Уральской обл.		52
Шучье, п. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.	174, 175	
Шандрова, д. в Алтайской губ.		272
Швейцария, гос.	57	110
Шевченко, форт (см. Александровский форт)		
Шемонаиха, д. в Змеиногорском у. Алтайской губ.		261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 416
Шепетовка, ст. на Винницкой ж. д.	214	191
Шеркешская, вол. в Торгунском у. Букеевской вол.	101	
Шипово, ст. на Рязано-Уральской ж. д.		16
Шильная Балка, пос. в Уральском у. Уральской обл.		60, 62
Шишка Мохнатая, ущ. в Алтайской обл.	295	
Шобильная, стан. в Актюбинском у. Тургайской обл.		179
Шомит-Куль, ур. в Уральской обл.	129	
Шор-Тюбе, п. в Семиреченской обл.		227, 228
Шульба, п. в Семипалатинской обл.	207	
Шунгай, п. в Калмыковском у. Букеевской обл.	91, 100, 109	
Шураб, ст. в Закаспийской обл.		150
Южный Казахстан (см. Сыр-Дарьинская обл.)		
Эстония (см. Эстонская ССР)		
Эстонская ССР		69
Экибастуз, п. (копи) в Павлодарском у. Семипалатинской обл.	194	290, 354, 355, 415
Эмба, р.		89, 160, 161

Географическое название	В сборнике «В огне революции»	В сборнике «Казахстан в огне гражданской войны»
1	2	3
Эмба, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	14, 16, 17, 81, 139	28, 90, 91, 127, 128, 130, 131, 132, 141, 161, 162, 168, 322, 326
Ягодное, с. в Атбасарском у. Акмолинской обл.	183	
Яйсан, ст. на Оренбургско-Ташкентской ж. д.	69	
Январцевский (Январцево), п. в Уральском у. Уральской обл.		31, 419
Янгистовская, стан. в Кокчетавском у. Акмолинской обл.		338, 341

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

В УРАЛЬСКИХ СТЕПЯХ

В. В. Куйбышев. Героизм штурма и героизм осады 11
И. Кутяков. Чапаевская дивизия в Казахстане 15
А. Айтиев. Суровые дни борьбы 30
П. Петровский. Трехмесячная осада Уральска 39
А. Самсонов. На приеме у В. И. Ленина 44
И. Белан. Зауральный подпольный райком 49
И. Бикбаев. О Казахской кавбригаде 56
С. Кузинин. Боевые будни второго кавалерийского полка Отдельной казахской бригады 58
Б. Альджанов. Борьба за аульный Совет 63
Г. Салимов. Боевой путь Таловского партизанского отряда . . 69
Г. Сарбаев. Джигиты в борьбе за социалистическую отчизну . . 74
И. Сикора. С Чапаевым по Уральским степям 78
Р. Борисова, П. Курусов. Венгры в рядах Чапаевской дивизии . 84
Г. Лысянский. Борьба за власть Советов на нефтепромыслах Эмбы 89
А. Шмелев. Борьба за Советскую власть на Мангышлаке . . . 94
М. Алибаев. Советизация Мангышлака 104

НА АКТЮБИНСКОМ ФРОНТЕ

П. Кобозев. Борьба с дутовщиной 109
А. Коростелев. Побег из дутовской тюрьмы 117
Ф. Кравченко. Железнодорожники — в авангарде сил революции 122
Б. Турдалиев. На станции Арысь 133
С. Уполховджаев. Мы сражались за нашу родную власть . . 136
Б. Алманов. Алаш-ордынцы у позорного столба 138
П. Ермолов. Большевики во главе масс 143
Антон Кламт. «Ваш враг — наш враг» 149
Фриц Гниффке. Мы остались верны делу Октября 151
Франц Винтер. В борьбе с колчаковцами 153
Карл Майвальд. Наша дружба с местными трудящимися . . 155
Густав Сенчек. На Актюбинском фронте 158
В. Кривошапов. Челкарский красногвардейский отряд . . . 163
В. Перепелкин. 4-й Туркестанский советский полк 165
Д. Саликов. Как боролась и побеждала Красная Армия . . . 167
Я. Чанышев. Татарская бригада в Казахстане 178
А. Фомин. Из Белоруссии на Восточный фронт 183
Н. Гришко. (Е. Давлетьяров). С буденновцами на братской Украине 185

В СЕМИРЕЧЬЕ

Ю. Бабаев. Казахская беднота в борьбе за победу Октября . . 189
А. Розыбакиев. Страницы прошлого 198
Н. Затыльников. К истории Семиреченского фронта 204
А. Иванов. Верненская боевая партийная дружина 212
Р. Казбеков. В борьбе с родовыми пережитками 216
А. Тюрин. Боевой путь 54-й (59) сртелковой дивизии . . . 219
М. Ма Сан-чи. Особый дунганский полк 226
М. Наурузов. За родную Советскую власть 236
К. Тохтимаматов. Суровая школа жизни 238
Л. Отмар-Штейн. Воспоминания о Дмитрии Фурманове . . . 240
Г. Шредер. Алма-Ата — моя вторая родина 253

В ТЫЛУ КОЛЧАКА

А. Асылбеков. В вагоне смерти 257
Г. Андронов. Шемонаихинское восстание 261
С. Багадаев. Сила союза рабочих и крестьян 268
А. Петраш. В тылу Колчака 270
К. Галето. Партизанское движение на правобережье Иртыша . . . 273
Б. Кундакбаев. В аулах Омского уезда 277
В. Довбня. Звериный лик анненковщины 280
К. Беспалова. Михаил Беспалов 284
Е. Кузенкова. Революционное мужество юноши 290

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

С. Сейфуллин. В Акмолинске 295
М. Татимов. Путь пролетария-казаха 300
А. Дощанова. Омар Сибирский 304
Б. Ещанов. Борец за счастье народа 306
М. Метелев. Трибун аульной бедноты 308
У. (М.) Джанибеков. Мой путь к Октябрю 310
Сабит Муканов. Поэт, воин, коммунист 313
М. Ряхов. Первые шаги сельских и аульных Советов 319
Ф. Бакиров. Это было в Казалинске 329
А. Абдрашитов. Борьба за хлеб 333
П. Жуков. Незабываемые годы 335
М. Курбанов. Комбед за работой 343
Г. Калашников. Участковый железнодорожный комиссариат . . . 345
В. Билик. На заре культурной революции 348
Н. Наумов. За счастье подрастающего поколения 354
С. Хусаинов. Славный чекист Канапия Койдосов 357
А. Байтищев. Большевик-агитатор Кияс Когалбаев 360
И. Тастанбеков. Незабываемые годы 363
А. Джангильдин. Рождение первых ленинских декретов о казахской советской государственности 366
С. Мендешев. Кирревком 371
М. Ряхов. Учредительный съезд Советов Казахстана 375

С. Есова. Поколение Октября 381
М. Бегалиева. Жизненный путь Алмы Уразбаевой 391
Е. Князева. На школьной скамье 395
М. Ниязова. Многогранная деятельность молодой большевички 397
Е. Малинская. Агитаторы за власть Советов 399
Д. Дубынина. Героини-коммунистки 402
П. Макарова. Слово разведчицы 405
Г. Мосина. Партизанская разведка 407
Д. Дорофеева. Юлия Яковлевна Журавлева 409
Хроника 413
Географический указатель 423

КАЗАХСТАН
В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ответственный редактор *Т. Е. Ляховецкая.*
Редакторы *А. З. Грабарник,*
Ю. М. Леванов, Т. Е. Ляховецкая.
Худож. редактор *П. Л. Дубров.*
Художник *А. Я. Михайлов.*
Техн. редактор *М. В Злобин.*
Корректор *Э. В. Тимошенко.*

*

Сдано в набор 21/VII 1959 г.
Подписано к печати 18/I 1960 г.
Формат 60×92¹/₁₆—29,5 (25,1 уч.-изд. л.).
Тираж 10000. УГ00850. Цена 8 руб.
Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Панфилова, 143.

Заказ № 1545. Полиграфкомбинат
Главиздата Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.